

Александр Владимирович Мазин

Разбуженный дракон

Дракон Конга – 2

Дракон просыпается. Враг не побежден, он затаился. И пока Сантан – сын Тилода Зодчего наслаждается любовью Женщины Урнгура, колеса Судьбы неумолимо продолжают вращаться и Прошлое снова входит в Настоящее. Спящий дракон просыпается...

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Глотни, солдат, и дай глотнуть
И мне, солдат, – за нас!
Сегодня топчем пыльный путь,
А завтра топчут нас!

Глотни, солдат, вкус у вина,
Всегда, солдат, хорош.
А кровь тем больше солона,
Чем больше ее льешь.

Чтоб ты, солдат, приятней пах,
Ты пей, солдат, и пой!
А девки в южных городах —
Толпой, солдат, + толпой!

У нас, солдат, Судьба одна.
Молись, солдат, Судьбе!
Чтоб фляга ввек была полна,
И руки – при тебе!

Придут другие времена,
А ты солдат – живой!
Глотни, солдат, глотни вина!
Домой, солдат, домой!

Вино, солдат, – жена и брат:
Глотни – и ты согрет.
А дом, солдат...
Придешь, солдат,
А дома-то и нет.

Солдат, солдат, глотни вина
Во славу всех богов!
Да будет кровь твоя красна,
Красней, чем у врагов!

Конгская песня

Книга четвертая ПОВЕЛИТЕЛЬ ДРАКОНА

ПРОЛОГ

«В году 1011 от воцарения Вэрда Смелого волей богов были посланы четверо героев, чтобы сокрушить демона, выпущенного из Пределов магом Ди Гоном, постигшим частицу магии Ушедших Тысячелетий.

Четверо же были:

Эрд, сын Дина, из славного рода Асенаров.

Биорк Эйриксон, вагар, из вождей вагаров, советник императора.

Нил, сын Биорка от женщины, коему дали боги Дар Неуязвимости, чтоб сокрушил он демона.

Этайа, светлорожденная.

Сошли герои на берег Конга в граде Фаранге и пробыли там долго, потому что отказывали конгаи им в проходе по собственной земле и помышляли убить их. Неудивительно это, ибо правили в благословенном Конге кровожадные соххоггои.

Но сила героев и мужество их превзошли козни врагов. Вырвались они и достигли владения соххоггойского, где томился в плену Сантан из Фаранга, прозванный позднее Освободителем.

Далее путь их лежал на запад, в обход Урнгура. Но демон пробудил древний вулкан и разрушил путь. Потому пришлось героям войти в пределы Урнгура, где правило Зло.

Никто не сумел остановить героев, но погиб в битве с моросами горец Ортран. Слава ему!

В Урнгуре сильные нашли друзей. И врагов нашли. Первым же из недругов стал сам Ди Гон, чародей могучий и верховный жрец кроволубового Хаора. Ополчился на них Ди Гон и пожелал принести героев в жертву алчному богу своему.

И была битва. И сразила мага стрела вагара Биорка.

Но жестокая цена была заплачена за победу: неуязвимость, Дар Богов, ушла от Нила Биоркита.

Тогда явился к ним сам Трой-Странник и вручил Нилу чародейский жезл. И еще дракона бронзовокрылого.

Полетели на нем Нил и Сантан на запад. А с Сантаном был еще Белый Меч, Клинок Асенаров, что отдал юному магу сам Эрд Наследник. Велика была сила Меча и подвластна Сантану, ибо, хоть и не ведал о том, был он по крови матери своей Асенаром, потомком великого Асхенны.

Нашли герои демона, сразились с ним и изгнали в тяжелой борьбе.

Тогда устерег их, изнемогих, свирепый бог Хаор. И собственноручно возжелал отомстить погубившим верховного жреца его и оскорбившим славу злого бога.

И взял Хаор жизнь Нила Биоркита.

И качнулись Весы, и поднялся из глубин сам Потрясатель Тверди. И не стало Хаора».

Сигвар Гурский. Описание земель, глава Благословенный Конг

I

«Дракон устремляется к Вратам Неба».

Надпись на гадальной кости

Нил не умер. Кровь перестала течь из ран. Ушла боль. Ушло сознание. Вместе с затихающими ударами сердца. Да, так: сердце больше не билось, но человек был жив. Потому что таково было желание Санти: Не умирай!

И Санти, склонясь над искалеченным телом друга, ощущал эту крохотную искорку Жизни.

«Этайа! – позвал он. – Этайа!»

И не услышал ответа.

Не мог услышать. Хрустальная нить оборвалась. Прежнего Санти больше не было. Сам еще не ведая, он стал иным.

Юноша положил руку на грудь друга, прислушался...

«Этайа поможет! – уверил он себя, и сердце вновь наполнилось надеждой. – Только – вернуться в Урнгур!»

Санти поднял голову, взглянул на задымленное небо и сразу ощутил, как содрогается земля, как с грохотом лопаются скалы. Ощутил запах дыма и свежесть молниевых разрядов. И жар, опаляющий затылок. Санти не обернулся. Что ему до битвы богов?

«Дракон!» – вспомнил он. И позвал. Не словом – мыслью, так, как зовут дракона. Частью своего существа. Могучей силой желания.

Ответ пришел. Слабый, но явственный. Дракон! Теперь оставалось только ждать.

Взгляд Санти остановился на окаменевшем лице Нила, и его собственное лицо тоже окаменело. Раскаленные куски взрывающихся скал, перелетая через ущелье, с грохотом разбивались на множество осколков. Но ни один не упал ближе двадцати шагов. Санти не думал об этом, не беспокоился о том, чтобы укрыть себя и Нила в каком-нибудь безопасном месте. Будто невидимый круг был очерчен вокруг них. Падающие камни, нечеловеческая битва были вне этого круга.

«Быстрей!» – метнулся вдаль новый зов Санти.

Слабый отклик...

И вдруг, как вспышка:

«Я здесь!»

И тут же, сверху, сквозь рев, треск и грохот – могучий низкий голос дракона.

Санти запрокинул голову, ожидая увидеть солнечный блеск бронзовых крыльев. Но не увидел. Он еще вглядывался в испятнанное ключьями дыма небо, когда тень легла на него сверху и жарким ветром обдало лицо. Дракон садился. И не бронзовым он был, а серо-свинцовым, почти черным, как море в хмурую погоду.

«Кто ты?» – мысленно воскликнул Санти.

Но еще раньше ощутил, как внутри шевельнулось что-то. Что-то непостижимое потянулось навстречу крылатому гиганту...

«Кто я?» – эхом отозвался дракон.

Крепкие когти заскребли по камням, оставляя на них глубокие борозды. Дракон сложил крылья, покосился на противоположную сторону ущелья, где еще кипела битва, и попятился, подбираясь поближе к человеку. Санти понял: огромный зверь ищет его защиты – и удивился этому.

«Кто ты?» – вновь спросил он.

«Ты звал». – Огромная треугольная голова нависла над Санти, круглый глаз мигнул.

Юноша посмотрел на спинной гребень в шести локтях над ним, затем на распростертое на камнях тело... и гладкое крыло легло на землю, коснувшись Нила. Санти даже не успел задуматься: дракон понял его мысль быстрее, чем он сам. Санти осторожно приподнял голову и плечо Нила. Крыло скользнуло под туловище великана. Санти осталось лишь немного подтолкнуть. Крыло приподнялось, натянулось, прогнулось под тяжестью человека. Совсем немного прогнулось. Дракон ждал. Санти, сообразив, тоже вскарабкался на крыло, ухватившись за отогнутый когтистый «палец» дракона. И сразу почувствовал, как плавно поднимается вверх.

«Какая сила!» – восхитился он, забыв, что во время полета крыло несет куда больший вес. И почувствовал отклик дракона. Зверю было приятно его восхищение. Кожа крыла оказалась настолько гладкой, что Санти и Нил беспрепятственно соскользнули к спинному хребту. Юноша перетащил через него тело воина и уселся сам, в ложбину у основания шеи. Только теперь юноша бросил взгляд на другую сторону ущелья. Но ничего не смог разглядеть, кроме вспышек багрового и синего пламени и черного дыма, закрывшего горный склон до самой оснеженной вершины.

Юноша уловил беспокойную мысль дракона.

«Летим!» – разрешил он, и серый зверь, мощно оттолкнувшись лапами от площадки, быстро заработал крыльями, удерживая себя в воздухе. Знай Санти драконов лучше, он оценил бы всю меру беспокойства крылатого гиганта: драконы крайне редко взлетают с ровного места, так как при этом можно повредить крылья. Знай он драконов лучше, он еще более удивился бы тому, как легко приняли они друг друга: Санти и дракон. Как две части одного целого. Но сын Тилода и Эйрис-Харрок не знал о том, как трудно привыкают драконы к человеку. Не знал – и не беспокоился.

Дракон завис в двадцати локтях над поверхностью, и, будто дожидавшаяся, когда он оторвется от нее, скала лопнула с оглушительным треском. Раскаленный воздух подбросил дракона сразу на полсотни локтей вверх и, уже более плавно, продолжал поднимать, все дальше от пульсирующего внизу красного, как живая плоть, разлома. Дракон описал в воздухе круг, другой... Санти взглянул вниз: теперь обе стороны ущелья залила багровая кровь земли. Ущелья больше не существовало. Вместо него – бурлящая лава, вскипающая пузырями газа, окутанная дымом. Взрыв, грохот – дракона подбросило вверх, еще взрыв – и вершина горы под ними начала клониться в сторону, сначала очень-очень медленно, потом быстрее, быстрее... И в этой рушащейся громаде, в массах распадающегося камня, в пламени и в дыму Санти на миг еще раз увидел извергающий молнии трезубец и увенчанную багровым земным огнем голову Потрясателя Тверди. Сверху голова эта не казалась такой уж большой, и сам могучий бог, ворочающийся среди кипящей магмы, тоже не выглядел

огромным. Со спины дракона! Трезубец взлетел вверх, и сноп синего огня ушел в закопченное небо: Потрясатель Тверди поверг горное божество.

Земля внизу вздыбливалась и опадала, как штормовое море. Густые клубы дыма и пепла, черные удушливые раскаленные облака висели над твердью, как грозовые тучи над бушующим океаном. И ветвистые молнии с треском вспарывали воздух. Только не сверху, а снизу взлетали они, и ничто живое не могло уцелеть там, в пламени, поглотившем гордые замки скалистых пиков с легкостью, с которой глотает лед кипящая вода.

«Жаль, что она погибла!» – подумал Санти о чудесной пещере. Только – о пещере. Он знал: вся подземная мощь не может повредить огненному демону. Демону, некогда бывшему маленьким мальчиком, игравшим с лохматым псом на ступенях дома перед зеленой лужайкой. Какой же путь должно пройти, чтобы из мальчишки стать демоном – и снова мальчишкой? На миг Санти стало страшно: ему показалось, что он уже знает этот путь...

Серый дракон, набрав высоту, стремительно летел на восток. Широкие паруса крыльев были почти неподвижны. Лишь концы их время от времени изгибались, и тогда мощное тело дракона взмывало, теряя скорость, или, наоборот, обгоняя ветер, несло вниз.

Набрав высоту в одном из горячих восходящих потоков, которых в вулканическом краю множество, дракон «срывался» и устремлялся к следующему. Полет дракона был так ровен, что Санти, вначале придерживавший беспомощное тело Нила, перестал беспокоиться о том, что его друг сорвется вниз. От места великой битвы их отделяло уже порядочное расстояние. И тут Санти услышал еще один зов. Откинувшись назад, он запрокинул голову и увидел парящего над ним бронзового.

«Можешь лететь с нами?» – спросил юноша.

Дракон, развернувшись, пристроился слева от своего серого собрата. Санти невольно залюбовался им. Сверкающий, устремленный вперед, гибкий, «плывущий» в воздухе, словно в водной толще. Челюсти дракона были сомкнуты, бронзовые крылья выгибались вверх, длинный хвост с ромбом плавника поднимался и опускался, направляя полет. Два дракона, летящие на восток. Один – серый, огромный, тускло блестящий, второй – поменьше, бронзовый, «горячий», как пламя солнца.

«Я лечу на драконе!» – думает Санти. Его левая рука сжимает правую, неповрежденную, руку Нила. Внизу – черные острые клыки Большого хребта. Вверху – синее, снова синее, а не запятнанное дымом небо. Впереди – серая, широкая у основания голова с костным гребнем, а сзади – плоская лопасть хвоста пляшет в воздухе, как отдельное живое существо. Юноша чувствует теплые мысли дракона. Такие же теплые, как мощное тело под тускло блестящей шкурой. Санти ощущает свое сродство с крылатым гигантом. Ему кажется, что они вместе уже давным-давно, что дракон – часть самого юноши. Это очень приятно... и немного беспокойно.

«Я – маг!» – думает Санти. И мысль эта скорее удивляет, чем радует. Он смотрит вниз, и взгляд его падает на эфес Белого Меча. Санти касается его, принимает скрытую в нем силу. «А им, – думает он, – рубили врагов, как обычной железкой!»

«Форма! – говорит ему Меч. – Форма, Большой Брат! Я могу быть Мечом, Посохом, Перстнем или Чашей из аметиста! Мной можно рубить, нащупывать путь, давить теплую смолу или пить из меня старое вино. Мной можно делать все это, но ни Меч, ни Посох, ни Чаша, ни Перстень не разорвут сетей Мироздания! Я – как ты, Большой Брат». Санти немного удивляется тому, что Меч говорит. Так же, как удивился появлению серого великана-дракона. А дракон, о котором вспомнили, тотчас отзывается, шлет ему свою верность. Санти отвечает ему тем же. «Мой Меч, мой Дракон... – думает он. – Не много ли для уличного певца? Или я больше не певец?»

«А ты хочешь?» – спрашивает Меч.

Санти задумывается...

«Да! Хочу! Все же – это Дар! Да! Я оставлю его при себе!»

«Прекрасно! – одобряет Меч. – Знаешь, ты единственный певец, который вправе

решать: оставить ли ему Дар или вернуть Дарящему!»

Впереди бушует пламя
И вершины топит мгла.
И крошится вечный камень,
Как древесная зола
Под чугунными перстами.
Но, Волшебная Стрела,
Мы летим! И мчит под нами
Тень драконова крыла!

«Крыльев! – приходит к Санти мысль бронзового. – Я не мог успеть раньше!»

«Не мог!» – соглашается юноша. Драконы не лгут.

Бронзовый опускается ниже, и Санти видит озабоченное лицо Гестиона.

– Нил? – кричит ему мальчик.

– Жив! – кричит в ответ юноша. – Этайа поможет ему!

«Тай!» – взывает он медленно.

И вновь не получает ответа.

Черные горы плывут внизу.

Когда Санти увидел впереди обведенное хребтами плоскогорье Урнгура, землю уже укрывали сумерки. Но здесь, наверху, небесный огонь еще полыхал красным заревом. Два дракона заскользили вниз, как две падающие стрелы. Мелькнула-проплыла внизу ленточка реки, игрушечный Шугр, опоясанный колечками стен, темно-зеленые сады по обе стороны Шуги. Санти разглядел даже черные семечки лодок, прилипшие к берегам пониже излучины. Драконы спускались все ниже, западный ветер нес их над Дорогой Богов, черной четкой линией пересекавшей более светлые луга. Санти видел медленно ползущие повозки, крошечные фигурки пешех людей и редких всадников, обгонявших запряженные волами повозки.

А сумерки все сгущались. До селения Гнон оставалось не больше четырех миль. Ландшафт внизу уже слился в единое черное покрывало, но внутренним зрением Санти видел ступени из плоских крыш, спускавшиеся к изумрудно мерцающей водной глади. Попутный ветер нес драконов почти до самого селения, и только когда на востоке поднялась черная стена гор, ветер начал стихать. Но внизу уже расстиралось озеро Гнон.

Обитатели селения спали: в Урнгуре рано ложатся те, кого утром ждет работа. Впрочем, не в одном Урнгуре.

Драконы темными теньями плыли в светлом еще небе с редкими звездами и серебристым серпом луны на востоке. Поверхность озера, лаково-черная, лежала внизу, как драгоценный камень, оправленный в зубчатые скальные берега. Воздух, напоенный влажными испарениями, еще не стал добычей тьмы, и клыки утесов отчетливо вырисовывались в сумеречной дымке.

Драконы пронесли над самой водой и разом взмыли вверх. Санти увидел под темным крылом Серого сияющий огнями Озерный Дом. Дракон упал вниз и, часто ударя крыльями, вцепился когтями в загнутый край крыши. Край, прочности которого хватало, чтобы нести тяжесть зимнего снега, выдержал вес дракона.

«Этайа! – позвал Санти, соскальзывая со спины дракона на выгнутый, как шея парда, угол крыши. – Этайа!»

И не услышал ничего.

Под ним, на террасе второго этажа, вспыхнули огни, раздался топот ног.

«Жди меня!» – передал Санти Серому и, ухватившись за деревянную кромку, повис на руках, раскачался и ловко спрыгнул на деревянный настил террасы. Слуги Ронзангтондамени тотчас окружили его. Они что-то тараторили, смеялись... Бездымное ровное пламя

вырывалось из медных чаш.

Санти стоял между ними, окаменев. Он осознал: Этайи в доме нет!

Слуги расступились, пропуская Ронзангтондамени. Женщина Гнона протянула к нему руки... и уронила их. Санти ослеп. И оцепенел.

Врожденным чутьем Женщины Урнгура она поняла, что происходит.

«Этайа вернулась домой!» – мысленно произнесла Ангнани, вложив в свое сообщение все тепло, которое хранилось в ее сердце.

И жизнь вновь вернулась в глаза Санти и наполнила их болью.

– Нил, – тихо проговорил он. – Там, наверху, на спине дракона. Вели своим людям снять его.

– Эрд... – Светлорожденный остановился за спиной Ронзангтондамени. – Я не смог уберечь его, Эрд...

Светлорожденный подошел к Санти и просто обнял его. Он ничего не сказал. Что можно сказать, если Нил мертв?

– Он жив, – прошептал юноша. – Но... Где Этайа? Почему она...

– Маг Трой прилетел за ней! – ответил светлорожденный. – Она ничего не стала объяснять. Сказала лишь, что улетает домой. Что с Нилом, Санти?

«Теперь я могу рассчитывать только на себя!» – с горечью подумал юноша. – Нил умрет».

Но он ошибся.

– Леог! Кнол! За лекарем! Быстро! – раздался повелительный голос Ронзангтондамени. – Хиниг! Возьми троих! С носилками на крышу!

– Если он жив, он не умрет, Санти! – Женщина Гнона ласково коснулась плеча фарангца. – Пойдем вниз. Я покажу тебе кое-что...

Она взяла Санти за руку и повела за собой. Следом бесшумно ступал Эрд. Втроем они сошли на первый этаж, в маленькую комнатку без окон. Ронзангтондамени сдвинула одну из выпцветших шпалер. За ней Санти увидел дверной проем, а дальше – ведущую вниз лестницу.

Он удивился. Озерный Дом стоял на сваях, и юноша никогда не думал, что под ним может что-то быть.

Лестница шла между стен наклонного колодца, достаточно широкого, чтобы пять человек могли спускаться рядом, не наклоняя головы. А сам колодец находился прямо под центром дома, и увидеть его можно было, лишь заглянув под платформу, на которой возвели здание. Колодец оказался неглубок – тридцать ступеней. Лестница привела в круглую комнату без украшений, вырезанную в камне. Три каменные же двери имелись в ней. Не считая той, что служила входом. Все три были закрыты, и на каждой Санти ощутил мощные магические печати.

Ронзангтондамени провела ладонью перед одной из них и, выждав пару мгновений, толкнула. Дверь без скрипа, легко отошла в сторону, и юноша увидел Саркофаг.

– Входите! – предложила Женщина Гнона.

Саркофаг стоял на постаменте посреди небольшой пещеры. От него исходило ровное сине-зеленое свечение, в котором померк факел в руке слуги. Сам Саркофаг больше всего напоминал огромный драгоценный камень, ограненный и подсвеченный изнутри. Камень более прекрасный, чем берилл. Санти коснулся Белого Меча, однако сияние не угасло, и Саркофаг не утратил формы. Но теперь Санти разглядел, что Саркофаг – полый внутри и содержит вязкую, медленно движущуюся субстанцию.

– Что это? – спросил он.

– Хранитель Жизни! – Ронзангтондамени дотронулась до прозрачной поверхности – и стенка Саркофага медленно поднялась. Толщиной она была около полулоктя. Субстанция, наполняющая Саркофаг, не вытекла, а образовала колеблющуюся поверхность, будто некая пленка удерживала ее.

– Если лекарь ничего не сможет сделать, мы поместим твоего друга сюда! – сказала

Женщина Гнона.— Здесь он не умрет! Может быть, когда-нибудь некто, обладающий Силой, вернет его миру!

Санти прикоснулся к невидимой пленке, удерживающей сияющую субстанцию, и рука его, не встретив сопротивления, погрузилась в сине-зеленое вещество. Санти ощутил тепло и холод одновременно. И — приятное покалывание. А потом — будто пушистым мехом провели по коже. Крохотные искорки закружились вокруг кисти. И вновь, как тогда, на спине серого дракона, юноше показалось, что ему уже знакомо происходящее. И чудесный Саркофаг тоже знаком. Санти невольно задержал руку внутри, а когда вынул, обнаружил, что ладонь стала чистой. Исчезла не только грязь, пропали все царапины. Обломанные ногти стали гладкими и розовыми, словно Санти холил их несколько месяцев.

— Как сильна твоя магия! — с удивлением произнесла Ронзангтондамени.— Даже меня Хранитель Жизни не признает так быстро!

Она вновь прикоснулась рукой к Саркофагу — и прозрачная стенка медленно опустилась. Возник и угас нежный хрустальный звон. Ни единого зазора или шва не было там, где стенка соприкоснулась с ложем Саркофага. Две поверхности будто срослись.

— Он много древней, чем перстень на твоём пальце! — сказала Ронзангтондамени.— Но пойдем! Может быть, искусства лекаря будет довольно?

Надежды не оправдались. Лекарь соединил кости и зашил раны.

— Он же мертв! — шепнул целитель Женщине Гнона.— Сердце не бьется!

— Это — выше твоего мастерства,— ответила Ронзангтондамени.— Делай что можешь и не трать времени!

Санти стоял рядом и ощущал, как трепещет огонек Жизни Нила. Он не знал, как раздуть его в пламя, не знал, как помешать ему угаснуть. Магия Санти была сильна, но сам он оказался слабее собственной магии.

«Ты слишком рано ушла от меня, Тай!» — мысленно произнес он, каким-то краешком надежды ожидая, что фьэль откликнется. Отклика не было.

Через час шестеро слуг подняли Саркофаг наверх.

Ронзангтондамени прикосновением заставила Саркофаг раскрыться. Санти и Эрд с помощью самой Женщины подняли грузное тело сына Биорка и уложили его в Саркофаг. Когда Нил оказался внутри, стенка Хранителя Жизни сама начала опускаться. Вновь возник хрустальный звон. Ронзангтондамени, Санти, Эрд, слуги — все отступили назад.

Безжизненное тело плавало в светящейся субстанции. Крохотные огоньки плясали вокруг него. Хранитель Жизни принял Нила. Теперь только богам было известно, когда Саркофаг раскроется вновь. Если раскроется...

II

«...Если Женщина Селения, достигнув зрелости, пожелает взять мужа, то пусть она берет его из числа своих, или пусть возьмет любого чистого урнгрия, что придется ей по нраву, если нет другой Женщины, которая избрала его прежде. В последнем случае обязана пожелавшая позже испросить соизволения Сестры. Взяв мужа, Женщина Селения, в отличие от Женщины не властвующей, обязана пожизненно содержать избранного, не отказывая ему в пище и крове и не препятствуя ему развлекаться с другими мужчинами. Но — только из числа ее собственных мужей, и только если игры эти не препятствуют удовлетворению желаний самой Женщины Селения. Что же до последнего, то сие — целиком на усмотрение самой Женщины. Но она, по воле Хаора Доброго и Справедливого, также должна быть добра и справедлива и не изнурять собой полюбившегося более других мужа, а помнить, что она — Женщина. Он же — всего лишь мужчина.

Посему же и взятый в мужья должен побуждать Женщину Селения ко взятию и других мужей, чем более числом, тем лучше. И

взятый прежде другого (других) пусть по мере сил старается доставить новому мужу (мужьям) высшее положение в сравнении с собой. Пусть обращается с ним (с ними) ласково, заботится об одежде их, теле, прочем убранстве и особо – о чистоте органов. Если новый муж (мужья) недостаточно внимателен (внимательны) к Женице Селения, старшему надлежит наставить его (их). А именно:

Муж должен знать, что нравится Женице Селения, а что неприятно ей. По возвращении ее домой муж всегда стоит наготове, ожидая. Муж не покидает дома без соизволения Женицы, но обязан сопровождать ее, буде таково ее желание, в любом странствии. Во всех развлечениях ведет себя так, чтобы угодить Женице Селения. Никогда не будит ее спящую. Сколько бы ни огорчился муж поступками Женицы, он не должен чрезмерно жаловаться, но может обратиться к ней со словами упрека, и Женице Селения подобает выслушать его без гнева один раз. Мужу не следует произносить дурных слов, глядеть со злобой, говорить отвернувшись. Пусть оказывает Женице почет, остерегается дурного запаха от пота, изо рта или от иных частей тела. Пусть следит за чистотой одежды своей, пользуется украшениями и притираниями, чтобы сохранить привлекательность свою, а также не избегает благовоний, чтобы доставить удовольствие Женице, взявшей его.

Вот малое из того, чему прежний муж обязан научить нового (новых), помня, что и сам он, до счастья стать мужем, вел иную, низкую жизнь. Он не должен выказывать гордости или насмехаться. В присутствии Женицы или без нее он обучает нового мужа (мужей) множеству различных искусств, а также тому, как доставить взявшей их под свой кров наибольшее удовольствие. Помня о том, что Женице Селения подобает разнообразие, муж пусть объединится с тем из мужей, кто ближе ему. Того же, к кому Женица привязана более других, пусть с помощью подстрекательств и нежности поссорят с ней. А затем проявят сочувствие к нему. Допустимо также, объединясь с другими мужьями, порочить того, к кому более привязана женица. Когда же она станет ссориться с ним, мужьям следует принять его сторону и, не оскорбляя Женицу, поддерживать его утешениями. Если, не удовлетвовавшись мужьями, пожелает Женица Селения соединиться с другим мужчиной, избранным ею, мужьям следует потакать такому желанию: может, понравится и этот Женице так, что захочет она присоединить нового к их числу.

Новому же мужу следует смотреть на старшего с вниманием и почтением, ибо в том, что жизнь его (нового) ныне протекает в достатке, праздности и радости, недоступной другим урнгрия, есть и его (старшего) заслуга. Так, во имя Хаора Доброго, Справедливого и Могущественного следует...»

Из «Наставлений» Тлат-Ха, Сирхара Урнгюра

– Ангнани! – громко произнес Санти, остановившись у запертой двери.
– Пожалуйста, подожди немного! – услышал он и понял, что Ронзангтондамени – не одна.

Юноша отошел к окну, на две трети затянутому прозрачной пленкой. Он увидел кусочек подкрашенной закатом воды и чудовищные клыки камней, прорвавших поверхность залива. Дальше темнела уступчатая, изрезанная трещинами, нависающая наподобие лба крепостная стена берега. Не слишком привлекательный вид!

Дверь отворилась. Ронзангтондамени стояла в проеме, улыбаясь ласково и несколько

смущенно.

– Прости, что заставила тебя ждать! – проговорила она и отодвинулась в сторону.

Трое из ее мужей, один за другим, проскользнули в коридор. Каждый, не поднимая глаз, вежливо произнес слова приветствия Санти. Ронзангтондамени шагнула назад:

– Входи же!

И Санти вошел.

«Как неудачно! – подумал он. – Все-таки они – ее мужья... в отличие от меня!» – И улыбнулся Ангнани, чтобы сгладить неловкость. Разбросанные подушки, чаши с вином, сладкий запах курений ясно говорили о происходившем в комнате несколько минут назад.

Ронзангтондамени истолковала его взгляд по-своему. Она звонко хлопнула в ладоши, одновременно ногой, обутой в позолоченную сандалию, подвинув к Санти подушку.

Появился слуга.

– Прибери здесь и принеси еще вина! – приказала Женщина Гнона.

Санти, уже немного понимавший по-урнгурски, улыбнулся второй части ее приказа.

Ронзангтондамени уселась на подушку напротив.

– Я рада, что ты вспомнил обо мне! – заявила она.

– Извини, я не вовремя! – улыбнулся юноша.

– О чем ты? А! Оставь! Они очень милы и доставляют мне немало радостей, но какое это имеет значение для нас?

И Санти наконец с удивлением осознал: смущение Ронзангтондамени проистекает вовсе не оттого, что он застал ее во время любовной игры с мужчинами. Она была смущена тем, что заставила его, Санти, ждать! Еще один урок Урнгура: разве конгайская женщина смутится, если ее застанут играющей с кошкой?

Вошел слуга. Он поставил перед Санти высокий бокал, выточенный из хрусталя. По знаку хозяйки наполнил конический сосуд золотисто-зеленым вином с запахом ветра и свежей травы. Санти пригубил свой бокал, а Ронзангтондамени отпила из своего. Ее вино было ярко-красным, даже – пурпурным и густым, как кровь.

– Хотел спросить тебя, Ангнани... Твоя дочь... (Вчера Женщина Гнона представила ему свою наследницу: спокойную, очень внимательную девочку, маленькую копию матери.) Кто ее отец?

– А какая разница? – Женщина засмеялась и сделала еще один глоток, вино окрасило ее губы в цвет настоящей крови. Не от этого ли Санти уловил в ее глазах хищный отсвет?

– Ты – не урнгрия! – Она облизнула губы проворным языком и сделала знак убиравшему в комнате слуге, чтобы тот налил ей вина. – Поэтому ты чересчур заботишься о моих мужьях! Больше чем я! – И рассмеялась.

Это была шутка, которую Санти не понял.

– Мои мужья! Двое из них предпочитают друг друга моему обществу. А третий, глупыш, мечтает о перстне, который я подарила тебе! Но этот камень не идет к его коротеньким мыслям! – Она снова засмеялась хриловатым смешком. – Зато он более неутомим, чем другие! – И уловив эмоции Санти (иногда она очень чутко воспринимала их): – Я говорю с тобой, как с Женщиной!

– Тебя это волнует? – спросил Санти, наполняя свой бокал.

Ее эмоции он воспринимал с не меньшей чуткостью. Если хотел.

– Возбуждает! – Глаза женщины вспыхнули. Она сделала большой глоток, и рот ее вновь окрасился в цвет свежей крови.

– О да! Собственные мысли волнуют меня больше, чем мужчины! Я говорю не о тебе, ты понимаешь?

Санти кивнул. Он не сводил глаз с ее смуглокожего увлажнившегося лица.

– Мои мужья... Они как... Как когда я пьяна! Вино должно пьянить, но вино, которое только опьяняет, – разве им можно наслаждаться? А наслаждаться ведь можно и без опьянения, мой Санти!

– Это так! – согласился юноша, вспомнив о Тай.

И с удивительной чуткостью Ронзангтондамени спросила:

– Твоя... моя сестра, Этайа, она лучше меня?

– Что? – Санти опешил. Но нашелся и, в свою очередь, спросил: – Вино, то, что пью я, – лучше твоего?

– Вино? Нет... Не знаю... Но то, которое пьешь ты, оно очень подходит тебе! И это очень хорошее вино! Разве я посмела бы предложить тебе иное? – И единым глотком осушив свой бокал: – Но мое – намного крепче!

– Это видно! – улыбнулся Санти.

Слуга, темноглазый юноша с испуганной улыбкой на узком лице, налил ей еще.

Женщина Гнона поймала его за край куртки и потянула к себе – слуга еле успел поставить кувшин на пол. Ронзангтондамени буквально уронила юношу на свои колени и, лаская одной рукой, другой поднесла к пухлым губам юного урнгрия свой собственный бокал:

– Пей, мой хороший!

Санти мог поклясться, что парнишка совсем не ощущает вкуса драгоценного вина. Он сидел, напряженно выпрямив спину. В левой руке его все еще был зажат букет свежих цветов. Когда он глотал, кадык ходил вверх-вниз по тонкой шее.

Ласки Генани становились все откровенней. Ее смуглая рука проникла под тонкую ткань белой одежды слуги. Юноша застыл. Вино в бокале иссякло, женщина поставила хрустальный сосуд на ковер и освободившейся рукой закрыла урнгрия глаза.

Санти, взяв из вазы маленький розовый банан, аккуратно очистил и стал есть. Лаская слугу, Ангнани смотрела только на Санти, и юноша улыбнулся ей, продолжая раз за разом откусывать приторно-сладкую мякоть.

Слуга часто задышал. Рот его открылся.

Санти положил в вазу розовую кожуру.

Слуга на коленях Ронзангтондамени судорожно вздохнул.

Санти наполнил свой бокал, полюбовался игрой света в искрящейся жидкости. Крохотные пузырьки воздуха прилипли к хрустальным стенкам бокала.

Ронзангтондамени спихнула с колен обмякшего слугу.

– Иди, милый! – сказала она. И обращаясь к Санти: – Видишь? А к тебе разве я осмелюсь прикоснуться без твоего желания?

– По-моему, он был не против, – Санти кивнул в сторону скрывшегося за дверью слуги.

– А ты? – Синие расширившиеся глаза Ангнани отражали пламя масляных ламп.

– Иди ко мне! – позвал юноша, протянув руку.

– Нет! – Женщина Гнона резко мотнула головой. Ее коса, как змея, прыгнула в сторону и сшибла вазу, в которую ушедший слуга не забыл-таки поставить цветы.

Высокая ваза, выточенная из голубого нефрита, опрокинувшись, покатилась по полу. Цветы рассыпались. Пролившаяся вода пропитала толстый ковер.

– Ангнани! – мягко попросил Санти.

Женщина метнулась к нему и упала рядом на подушки, положив подбородок на колено юноши. Так, лежа на животе, она согнула ноги, задргала ими в воздухе и захохотала.

– Ты ведешь себя, как дитя! – Санти осторожно вынул шпильки и снял обруч-диадему с ее головы.

– Угу! – Светло-коричневые крепкие икры женщины были оплетены вызолоченными узкими ремешками сандалий.

– Как дитя! – Санти запустил пальцы в ее темные волосы и коснулся губами гладкого лба.

Ронзангтондамени вдруг дернулась, стремительно вскочила на ноги – и Санти едва успел выхватить пальцы из-под ее туго натянутых на затылке волос.

А женщина уже прыгнула на середину комнаты и завертелась волчком, колоколом вздув темно-красную парчовую юбку.

Подошвы ее сандалий мягко ударяли в покрытый ковром пол. Руки метались, как ветви

деревя под порывами урагана, а широкие рукава, собранные у запястий, шелкали и хлопали, словно маленькие крылья. Это был самый безумный из всех виденных Санти танцев. И меньше всего он ждал подобного от Женщины Гнона.

А она все кружилась, выкрикивая непонятные, похожие на заклинания слова, и юноша чувствовал, как быстрее забилося его сердце. Запах разгоряченного женского тела стал сильнее аромата курений. Шелковый шнур, стягивающий лиф ее платья, развязался, платье разошлось на груди, открыв бронзовую влажную полоску кожи. Женщина танцевала уже не посередине комнаты, а рядом, вокруг Санти, задевая его тяжелым подолом юбки, обдавая ветром. Юноша любовался ею, завороченный стремительным танцем, обметающим его красным вихрем. Помимо своей воли он стал отбивать такт, ударяя ладонью по колену.

А Ангнани вновь вынеслась на середину комнаты и закружилась так, что юбка, руки, коса ее взвились и завертелись в воздухе размытыми кругами. Ноги, сильные, смуглые, казавшиеся еще длиннее от выгнутых луками стоп, быстро сплетались и расплетались, мелькая круглыми коленями, гладкой блестящей кожей бедер, золотыми ремешками сандалий...

Она вскрикнула так, что дрогнуло желтое пламя светильников. Узел голубого шелкового набедренника, светлый на фоне темной кожи, ослабел, начал распускаться, тонкая паутиная ткань, соскользнув, закружилась в воздухе...

Но, прежде чем она коснулась пола, женщина, вскрикнув еще раз, прыгнула на колени Санти! Прыгнула, углом расставив ноги, упала всей тяжестью, вышибла воздух из его легких, обвила талию Санти петлей своих ног, сбросила с подушки, опрокинув на спину, сжала коленями, как сжимает всадник бока парда, понуждая его к скачке. Штаны Санти из серой шелковой ткани затрещали, когда Женщина Гнона вцепилась в них. Миг – и крепкая ткань, которую и ножом нелегко разрезать, разорвалась, как бумага! Санти еще успел удивиться такой нечеловеческой силе, прежде чем влага ее оросила ему чресла и жар внутри ее тела ожег и сжал его плоть.

– Ангнани, не спеши... – прошептал он вдруг пересохшими губами; но тут огонь, бушевавший в той части его тела, что ниже сердца, полыхнул и залил его целиком.

А очнулся Санти стоящим на ногах, в комнате, где в воздухе еще плавало эхо его собственного крика, с Ангнани, обхватившей его плечи, обвившей ногами его бедра, рычащей, как огромная коричневая пантера, вцепившейся зубами ему в волосы, душащей его гигантской грудью, прижавшейся к лицу Санти.

Колени юноши подогнулись, и он рухнул, ударившись спиной о ковер. Ангнани успела соскочить с него, как спрыгивает кошка с подломившегося дерева. А он лежал, мокрый, с ударами сердца, отдающимися болью в каждой частице тела.

Ангнани пала на колени рядом, глаза ее безумно блуждали. Одежда, от которой остались одни клочья, пропиталась потом. Губы ее были окровавлены, а на правой щеке двумя алыми дугами – след зубов. Настоящая рана! Коса до половины расплелась, серебряные и золотые канительные нити торчали в разные стороны. Ниже линии ключиц вспух след удара, а груди, увеличившись почти вдвое, отяжелели настолько, что женщине приходилось откидываться назад. Живот же, наоборот, втянулся, руки и ноги истончились, как бывает после тяжелой болезни, а кожа из светло-коричневой стала бронзовой, почти медной. Одна из сандалий пропала. На коже икры, переплетаясь, алели четкие следы ремешков.

Ангнани еще больше откинулась назад, дотянулась до чаши для омовений, до краев наполнила ее светлым вином и, приподняв голову Санти, стала поить его, как поят больного. Он пил, не ощущая букета и аромата вина, – только кисловатый вкус. И каждый новый глоток возвращал ему силы. Казалось, вино попадает в кровь, не достигая желудка, – сразу после глотка. Он выпил чашу до дна, а Ангнани вновь до краев наполнила чашу и, запрокинув голову, пила, держа ее двумя руками над мокрым лицом. Две тоненькие струйки сбегали по ее подбородку, соединяясь вместе в ложбине между грудями, струились по животу и

исчезали в слипшемся руне лона.

Допив, женщина отшвырнула чашу. Глаза ее обрели блеск. Санти приподнялся на локте. Он был вновь силен, и он хотел ее! Немедленно! И она хотела его! Жажда нарастала в них синхронно. Тело женщины напряглось для прыжка, но на сей раз Санти опередил ее. Ронзангтондамени сидела на ковре, ягодицами – между пяток. Санти толкнул ее так, что лопатки Ангнани стукнулись об пол. Она откинулась... и разогнулась, как пружина, опрокинув юношу навзничь, прижав к полу!

Но Санти рывком сбросил ее с себя, перевернулся, упал между ее ногами, вонзил пальцы в ее ребра. Ангнани выгнулась луком, упершись пятками и плечами в ковер, и Санти пронзил ее снизу вверх быстрее, чем ударяет копьё в горло врага! И опять забушевало пламя, столь яростное, что, казалось, оно поднимает их в воздух. А может быть, и не казалось! И хотя все было еще безумней, чем в первый раз, Санти все же ухитрился сохранить частичку мысли и разглядеть в ревущем вихре, рожденном их безумием, нечто третье, не принадлежащее ни ему, ни Ангнани, царящее извне и внутри и раздувающее пожар, как раздувает его буря...

...Когда Санти и женщина разъединились, солнце давно взошло. Вина не осталось. Да и оба они внутренним чувством поняли: вина больше не нужно. Они выпили все, что нашлось в комнате. И выпили бы еще, выпили бы даже воду из-под цветов, но все вазы были опрокинуты, а одна разбита вдребезги. Можно было позвать слуг, но любовникам до отвращения не хотелось никого видеть. Даже их собственные обнаженные тела не вызывали никаких чувств, кроме странного ощущения от прилипшего к позвоночнику живота.

Но есть не хотелось. Хотелось только пить. Однако эту жажду можно было и перетерпеть.

Комната была разгромлена. Все, что можно было разбить, разбито. Непонятно, как уцелели те три кувшина с разбавленным соком, что, безусловно, спасли им жизнь. Измятые цветы были разбросаны по ковру, сплошь в мокрых пятнах от пролитого вина, воды, крови и иных человеческих жидкостей. Местами ковер был разодран так, будто его терзали ножом. Ткань, покрывавшая стены, висела клочьями, оголяя гладкие панели из желтого дерева. Мебель разбита в щепки, подушки выпотрошены. Густой дух из сотни смешавшихся запахов – от аромата благовоний до смрада паленой шерсти – висел в комнате, понемногу слабея.

Санти и Ронзангтондамени разлеглись под большими окнами, чтобы лучи солнца грели их исцарапанные спины. Боли они не чувствовали. Собственные тела казались им бесплотными, но, как губки, впитывающими тепло.

Спустя несколько часов в комнату осторожно заглянул слуга. Заглянул – и сразу исчез за дверью. Но Ронзангтондамени окликнула его и велела принести побольше питья и побольше еды, все равно какой!

Слуга вернулся очень быстро и поставил между ними тяжелый поднос. Молоденький урнгрия выглядел очень смущенным. Но, как догадался Санти, не из-за того, что они голышом разлеглись на полу, а из-за разгрома, учиненного в комнате. Три взбесившихся кугурра не могли бы изуродовать ее больше.

Они ели руками, вкладывая друг другу в рот лучшие куски. Дикарский обычай, но они и чувствовали себя дикарями. Ронзангтондамени была попросту счастлива, а Санти время от времени пытался собрать вялые мысли воедино: его беспокоил Третий – неизвестный участник их любовных игр.

Меньше двух суток прошло с тех пор, как дракон принес Санти и беспамятного Нила в Гнон. Но юноше казалось, будто прошла целая вечность. И полет над Черными горами – давнее прошлое. Такое уже не первый раз случалось с Санти с тех пор, когда его, связанного, вывезли из Фаранга в трюме речного судна.

Любовники пробездельничали весь день и только к вечеру оделись и перешли в другое помещение, чтобы слуги могли заняться комнатой.

Они, обнаженные, провели рядом несколько часов, но ни Санти, ни Ангнани не

чувствовали желания. И не удивлялись этому. Слишком сильным было пламя! Лес выгорел, и требовалось время, чтобы вырастить новый. Они ели, пили (только соки и настой трав), обменивались ничем не значащими фразами и прислушивались к тому, что было у них внутри. Так прошел вечер. Ночью Санти и Ангнани уснули. А утром, после того как вызванный лекарь основательно потрудился над их телами, оделись и вышли на террасу – посмотреть на взошедшее солнце.

Биорк, приехавший через три часа после того, как Санти сделал первый глоток вина в комнате Ронзангтондамени, вынужден был довольствоваться лицезрением тела сына в Хранителе Жизни и подробным пересказом Эрда. Рассказ о происшедшем в Закатных горах вагар воспринял сдержанно. Во-первых, потому, что был воином, во-вторых, потому, что заранее приготовился к гибели сына. Так что увидеть его, если не живым, то по крайней мере не мертвым было для вагара даже некоторым облегчением. Почти два часа простоял он подле Хранителя Жизни, но никаких идей не возникло в его мозгу. Ультрамариновое свечение Саркофага странным образом успокаивало сердце. Биорк не стал дожидаться, когда Санти «освободится». Забрав с собой Эрда, он уехал в Шугр, передав через слуг, что вернется спустя три дня.

В Шугре, во дворце Королевы, он во второй раз разделил ложе, вернее, пушистый ковер на пороге опочивальни с Первой из Женщин Урнгура. Ни сам Биорк, ни Королева не придали этому эпизоду особенного значения. Но маленький воин был вполне удовлетворен и собой, и женщиной, а в душе у Королевы остался легкий осадок разочарования. И почему-то – вины.

Прошел еще один день, и ночь укрыла горную долину. То была одна из последних ночей прежнего Урнгура. Люди его еще не знали об этом, но колесница Времени уже зацепила их крылом. Хаор ушел. Значит, нечто Новое должно прийти ему на смену. Никто из тех, кто плыл в тумане сновидений в эту ночь в затерянной меж горными хребтами стране, не знал, не догадывался, даже не предполагал, каким оно будет, Новое. Никто, включая и тех, чьими руками Ему предстояло воплотиться.

III

*«Он рос, как дерево растет,—
Ветвями от ствола.
Он не спешил: «Судьба придет,
Когда стекутся соки в плод.
Когда мой пард отыщет брод...»
И вот она пришла,
Склонилась, будто ночь к утру.
Нет, солнышко, точь-в-точь.
– Возьмешь? – спросил он.
– Мне? Беру!
И надкусила кожуру.
И удалилась прочь».*
Баянлу из Тайдуана

Эрд потерял ладонью рубцы на левой щеке. Зуд давно прошел, но жест остался. Скрестив ноги, светлорожденный сидел на ковре, покрывающем пол просторной комнаты на втором этаже Озерного Дома. Затянутая пленкой рама на окне была сдвинута, и Эрд дышал чистым и прохладным воздухом урнгурского вечера. Эта прохлада и еще свежий дух озерной воды напомнили ему вечера в одном из его (нет, теперь уже – не его) замков на берегу озера Лёйр.

«А месяц Цветов, – подумал он, – и здесь такой же, как в моем Элеке!» Запах воды, слабый запах дыма, рыжее вечернее солнце, дальние звуки голосов, гоёры... Только горы Хольда добрее здешних!

На коленях Эрда лежал вынутый из ножен меч. Биорк привез его этим утром – в

подарок светлорожденному. Меч был из оружейных кладовых Дома Сирхара, где теперь, по необходимости, обитал вагар. Впрочем, Биорк пользовался любым поводом, чтобы покинуть мрачную башню. И в Шугре вагар тоже не засиживался, хотя сирхару и не подобает без важной причины покидать столицу. Биорк пренебрегал обычаями, которые лишали его свободы. Для властителя – не самое удачное качество. Впрочем, в Гнон вагар приехал не только чтобы развеять одиночество Эрда, но и по делу – обследовать восточные рубежи страны. К положению сирхара он относился своеобразно – как туринг¹.

Меч был прямой, чуть расширяющийся к рукояти, обоюдоострый, с бритвенно отточенным жалом.

Сам клинок – почти черный, со светлым выпуклым узором по всей длине – под косым лучом света отливал красным золотом. На одной стороне его северными вагарскими рунами было выгравировано:

«ПЬЮЩИЙ КРОВЬ»

Эрду не составило труда разобрать надпись – язык вагаров он знал с детства. Светлорожденный провел пальцем по крупной сетке переплетающихся жил. Какими путями попал выкованный Малым Народом меч в Урнгур? Впрочем, судя по написанию рун, Пьющему Кровь не менее трех веков, а быть может, и все пять. Ножны из желтого лакированного дерева расписаны крохотными воинами, выполняющими боевые приемы или сражающимися между собой. Краски потускнели, а лак покрылся еле заметной сеточкой, но нигде не облупился. Снизу ножны были окованы черным серебром, на котором вычеканен узор, повторявший узор на круглой гарде меча.

Эрд щелкнул ногтем по основанию клинка, и тот отозвался долгим чистым звоном. Да, меч был таков, что Эрд почти перестал тужить об отданном Белом Мече. Пьющий Кровь. Истинный друг воина. Вот, стоило вынуть его из ножен – и сразу заныли мышцы рук. Вскочив на ноги, Эрд отбежал в угол комнаты и трижды пересек ее в стремительном броске «Падающего Дракона». Потом в прыжке выполнил «Стальной Плащ», отошел назад с двойным «Серебряным Конусом» и завершил мощным «Укусом Змеи». Меч был безукоризнен. Он, казалось, опережал желания Эрда. Более легкий, чем клинок из хармшаркова бивня, Пьющий Кровь и двигался чуть быстрее, радуя сердце воина. Когда Эрд сжимал его шершавую рукоять, то снова ощущал в себе огонь жизни.

Час спустя в комнату проскользнул слуга. Увидев блеск стали и услышав пение рассекающего воздух клинка, он из опасения отошел назад.

– Светлейшего приглашают к ужину!

Эрд кивнул, и слуга исчез за дверью.

«Ронзангтондамени благородна, как светлорожденная!» – подумал Эрд, сбрасывая урнгурскую одежду, чтобы облачиться в белые цвета Асенаров. Собственно, и это белое платье тоже сшито в Урнгуре. Его собственная парадная одежда после битвы в Доме Сирхара не годилась даже на собачью подстилку.

Одевшись, Эрд задумчиво посмотрел на кольчугу: надевать, не надевать? Решил не надевать. А меч к поясу все же прицепил. Даже по имперскому этикету довольно и кинжала, но светлорожденный настолько привык не расставаться с Белым Мечом, что чувствовал неудобство, если ножны не прикасались к бедру.

Упругой бесшумной походкой он стал спускаться по лестнице. Физические силы полностью вернулись к светлорожденному, но в сердце его зияла пустота.

Эрд вошел в пиршественную и поклонился присутствующим.

Санги улыбнулся и, привстав, поклонился в ответ. Биорк поднял над головой

¹ Туринг – верховный военный вождь вагаров, назначавшийся только во время серьезной опасности. День, когда вагары избирали туринга, считался днем Бедствия, а день, когда вождь слагал с себя полномочия, – всеобщим праздником. Биорк был турингом вагаров трижды.

соединенные руки. Двое мужей Ронзангтондамени, допущенные к трапезе, жеманно хихикнули. Эрд, впрочем, их не замечал.

Ронзангтондамени, величественная, невозмутимая, собственной рукой придвинула ему подушку. Светлорожденный поблагодарил и сел, хотя предпочел бы стул. Совместный обед за низким столом – знак особой любви Женщины Гнона.

Эрд посмотрел на нее сбоку. Ее властное, исполненное достоинства лицо нравилось светлорожденному. Черты лица Женщины за эти два дня вновь округлились, хотя две розовые дуги – след укуса – на смуглой щеке несколько умаляли ее величие.

Женщина Гнона шевельнула рукой – и слуги подали еду. Только после третьего блюда Ронзангтондамени позволила себе задать вопрос:

– Удалось ли сирхару увидеть то, что он желал?

– О да! – отозвался Биорк. – Но границы Урнгура – такие же границы, как солдаты его – войско!

– Разве мои всадники – плохие воины? – надменно произнесла Женщина Гнона.

– Твои всадники – еще куда ни шло. – Вагар отсек ножом ломтик баранины и, окунув в красный жгучий соус, отправил в рот. – Но и они – не так уж хороши. А уж хогры Королевы!.. Если не считать хогранов и их помощников – просто сброд, который машет мечами, как дубинами, и не может с десяти шагов попасть из арбалета в дохлую овцу!

– Их посылают Женщины Селений, – заметила Ронзангтондамени. – А кто же отдаст хорошего мужчину? Те, от кого я хочу избавиться, могут стать жрецами Хаора, а те, кто не годится даже в жрецы, – идут в солдаты. Но, по-моему, это дело хогранов – научить их пользоваться оружием!

– Не похоже, чтобы сами хограны считали так же! – отозвался Биорк, запивая вином еще один кусочек мяса. – Безногий и слепой ветеран из Хольда в минуту прикончит любого из ваших солдат!

– Урнгуру не нужна сильная армия! – возразила Женщина Гнона. – Сила Хаора оберегает нас! Странно, что я говорю подобное тебе, сирхар!

– Боюсь, что мне, как сирхару, больше придется уповать на силу войска, – Биорк протянул слуге опустевший кубок, чтобы тот наполнил его. – И клянусь Рогами Тура, покровителя моего сына... – и осекся.

– Полагаешь, достойный Биорк, что сможешь что-то сделать из здешнего люда? – спросил светлорожденный, тактично отвлекая вагара от мысли о сыне.

– Я полагаю, что прежде всего я отошлю половину вояк назад в селения, а нехватку восполню за счет наиболее толковых из жрецов! Можно сделать войско даже из крыс, если знать, как это делается.

– Женщинам Селений не понравится, – Ронзангтондамени вежливо улыбнулась, – если войско Королевы станет слишком сильным. И они могут не пожелать взять назад своих мужчин.

– Если войско Королевы будет достаточно сильным, ей не важно будет, что нравится, а что не нравится Женщинам Селений.

– Именно это я и имела в виду! – Ронзангтондамени взглянула на Санти. Юноша вяло жевал ножку ящерицы. За разговором он не следил, погруженный в собственные мысли.

– Твое желание, сирхар, – это желание Королевы? – поинтересовалась Женщина Гнона.

– Не могу поклясться, – сказал вагар. – Но не думаю, что она будет против!

– Боюсь, сирхар, ты не вполне понимаешь, что такое Женщины Урнгура, – заметила Ронзангтондамени.

– Зато я кое-что понимаю в воинском деле! – заявил вагар. – Пока ваша армия – сброд, но они послушны, хорошо чувствуют друг друга и, как показывает пример их хогранов, могут вполне прилично овладеть оружием. Правда, ноги у них слабоваты и самостоятельности – на лапку лягушки, но, если их посадить на пардов и вдолбить в головы пару простых правил – они будут не хуже прочих. Однако хороший совет и помощь опытного воина мне пришлось бы кстати. Что скажешь, светлейший?

– Жаль, что с нами нет твоего сына,– Эрд бросил взгляд в сторону стоявшего на возвышении Саркофага. Он забыл о собственном решении щадить чувства Биорка.

– Жаль.– Вагар тоже посмотрел на Хранителя Жизни, в котором, невесомое в светящейся субстанции, плавало тело Нила. Ум Биорка, ум полководца, умевшего предвидеть будущее на дюжину ходов противника, не принимал двойственности. Строй мыслей бывшего туринга был столь непохож на мышление большинства вагаров, что Биорку легче было находить общий язык с людьми. Что же касается сына: если Нил не умер – значит, он жив. И останется живым для своего отца!

– Светлейший,– вагар сделал еще одну попытку подступиться к Эрду.– А что сам ты собираешься делать?

Светлорожденный пожал плечами.

– Мне все равно,– произнес он, все еще глядя на тело Нила.– Но...– Эрд посмотрел на вагара,– ...меч теперь у него...– Кивок в сторону задумавшегося Санти.– И с ним – мой долг Асенара!

– Сантан, брат! – позвал вагар.

Юноша повернулся к нему, встряхнул волосами, будто отгоняя навязчивые мысли:

– Да, Биорк? – Лицо его все еще выглядело изможденным, зеленые блестящие глаза запали, даже шея казалась тоньше, чем несколько дней назад.

– Скажи мне, что ты намерен делать дальше?

– Я? – Юноша улыбнулся, и эта улыбка будто осветила изнутри исхудавшее лицо.– Мне нужно кое-что понять, Биорк. И кое-что увидеть. Я полагаю, что на сезон-другой останусь здесь, в этом доме,– Ронзангтондамени опустила лицо, чтобы скрыть свои чувства.– А потом, вероятно, вернусь в Фаранг. Мне ведь надо отыскать отца, Биорк! Впрочем, кажется мне, что моей судьбой распорядятся помимо моего желания.

– Да,– задумчиво сказал Биорк,– совета от вас не дожدهшься! Но мне ясно одно: с этой обезбожившейся страной надо что-то делать, пока ее окончательно не поглотила Тьма!

– Хурида? – спросил Эрд.

– Может, и Хурида! Но скорее всего – Алчущие Силы. Даже я чувствую, насколько эта земля пропитана магией!

– Еще бы,– кивнул светлорожденный.– Народ, питавший собственного бога! Алчущие Силы слетятся сюда, как медовницы – на кусок сахара!

– Вы напрасно тревожитесь, чужеземцы,– высокомерно произнесла Ронзангтондамени.– Мы сумеем уберечь Урнгур от чужой магии и без мощи Хаора! Я опасюсь не того, что извне, а того, что внутри! Знаешь ли ты, сирхар, что в нашей стране ежедневно приносили Хаору не меньше десяти сотен мужчин?

– Варвары...– пробормотал Эрд, но Женщина Гнона сделала вид, что не услышала его реплики.

– Теперь Хаора нет, и никому взять на себя этот груз. Без доброго и сильного бога, боюсь, нашей земле придется нелегко.

Санти вспомнил огромную тень, накрывшую его там, в Закатных горах, и вдруг увидел гигантскую фигуру бога, шагнувшего через бездонную пропасть. Увидел темно-красное кольцо Силы, о которую разбилась белая молния-трезубец... Хаор! Что-то неуловимо-знакомое было в этой чудовищной фигуре... «Махд-Шагош...» – всплыло в сознании. Словно кто-то чужой нашептал на ухо. «Урнгур-р... Хаор-р... Махт-Шагош... Повелитель...»

Санти вздрогнул.

– Почему бы вам не взять в покровители Потрясателя Тверди? – предложил он, отгоня чужой голос.– В конце концов, именно этот бог, насколько я разглядел, лишил вас покровителя! И,– окончательно изгоняя «чужака»,– я этому только рад! Дай им Потрясателя, Биорк! Если он хорош для всех народов империи, он будет неплох и для вас, Ронзангтондамени!

– А он будет принимать в себя лишних мужчин? – напрямик спросила Женщина Гнона.

– Нет! – в один голос воскликнули Эрд и Биорк.

– Если вы посмеете принести Потрясателю Тверди человеческие жертвы – гнев его падет на вас! И гнев Империи тоже! – предупредил светлорожденный.

– Я думаю, бог способен сам позаботиться о себе, – заметил Биорк. – А нужен ли вообще бог-покровитель? Мы, вагары, отлично обходились и обходимся без него, хвала Неизъяснимому!

– Ты – сирхар! – произнесла Ронзангтондамени. – Тебе решать! Тебе и Королеве!

– Мне! – согласился Биорк и поскреб ногтями отросшую бородку. – Но мне очень не хочется убивать людей просто так.

– В конце концов, они только мужчины, – безразлично промолвила Женщина Гнона. – Притом – бесполезные мужчины.

– Мы тоже мужчины, – заметил Биорк. – За этим столом только ты – женщина.

– Разумеется, я не имею в виду тех, кто в моем доме! – сердито сказала Ронзангтондамени. – Но запомни, сирхар: в Урнгуре только мы, Женщины, значимы! А мужчины – как земля, по которой мы ходим, или как колосья, растущие на поле! Я родила не меньше двух дюжин мальчиков. И любая из нас может, если захочет, нарожать четверть хогры мужчин! Ты – сирхар Урнгуга, а не империи! Впрочем, я мало знаю о вашей стране, – добавила она и знаком приказала слугам убирать со стола.

– Почему бы тебе, достойный, не сколотить приличную штурмовую армию, раз ты все равно собираешься делать из них солдат? – предложил Эрд. – Вооружи войско и поведи его на Хуриду, например. Грибоедам взбучка только на пользу!

– В этом что-то есть, – проговорил Биорк. – А часть можно продать в Гурам или Эдзам. Когда я был там последний раз, у эдзаков были серьезные разногласия с бур-чаданну.

– Фу! – сделал гримасу светлорожденный. – Продать! Биорк!

– Я не имел в виду – в рабство, – уточнил вагар. – Продать, но не как рабов – как воинов! Только вот воины из них пока... – Он скривил губы. – Здесь есть неплохие ребята, но как раз их-то я предпочел бы оставить! А остальным – разве что с крестьянами на палках драться! Три сотни конгских всадников разгонят все королевские хогры!

– Биорк! – вдруг оживился Эрд. – Давай нападём на Конг!

– На кого? – Биорк расхохотался. – Лучше попросту скинуть этих ребят с обрыва! Да во всем Урнгуре не найдется и трех тысяч, которые даже после двухсезонной муштры смогут скрестить меч с конгаями!

– Довольно и трех тысяч! – воскликнул Эрд. – Конг! Свора проклятых богами вырождков правит богатейшими землями Мира! Это же бочка с огненным зельем! Подожги ее, туринг!

– Демон тебя сожри, Эрд Асенар! – зарычал вагар. – Не называй меня турингом!

– Прости! Мы свалимся на них сверху, как гром! Как смерч!

– Мне не нравятся твои слова, Эрд! – сказал до сего времени молчавший Санти.

Эрд удивленно воззрился на него.

– Конг – моя родина! – произнес юноша очень серьезно. – Как бы тебе понравилось, предложи я напасть на Хольд?

– Брат! – сердечно сказал светлорожденный. – Я не хотел тебя оскорбить!

– Он имел в виду, – быстро произнес Биорк, – что неплохо было бы помочь Конгу избавиться от красноглазых пиявок! Допустим, их действительно дали вам боги. В наказание. Но ты видел богов, верно? И теперь знаешь, что и от людей кое-что зависит. Как сказано в вашей легенде? «Придет время, и проснется дракон». Да?

– Сказано: «Настанет день, когда чаша переполнится и страдания конгаев прольются на землю благословенного Конга. И смешаются с древней пролитой кровью, и вскипит эта кровь, и содрогнется твердь, и падут горы. И восстанет от сна повелитель-дракон».

– Именно! – воскликнул Эрд. – Твердь содрогнулась! Разве нет? Сколько еще пожирателям человечины править вами? Магхары не должны повелевать людьми! А соххоггои хуже магхаров.

Санти пристально посмотрел на него и медленно, чужим холодным голосом произнес:

– Да... Соххоггои не созданы – править. Они созданы – убивать.

Что-то произошло. Словно температура в комнате вдруг упала и повеяло стужей.

Ронзангтондомени до боли прикусила губу. Что-то внутри нее зашевелилось, откликнувшись на слова Санти. На слова и голос.

– Да, да... – чуть слышно проговорила она. – Убивать, но не править...

Биорк, чей слух был лучше, чем у остальных, бросил на Женщину Гнона удивленный взгляд.

– Прольется кровь, – сказал Санти. – Много крови. И то будет не одна лишь кровь соххоггоев.

– Разве мало ее проливается сейчас? – с жаром воскликнул Эрд. – За кровь соххоггоев мы заплатим кровью урнгрия. Если им, по закону этой страны, нужно умереть, пусть умрут за доброе дело! Клянусь Рогами Тура, брат! Мы освободим твою страну от паразитов – и все! Я уверен: нужно только начать. И народ Конга поймет: время пришло. Две-три тысячи урнгурцев могут подтолкнуть лавину, но не смогут захватить Конг с его пятидесятитысячной регулярной армией!

«Может, он прав?» – подумал Санти.

– Свобода, брат Санти, – вот то, что нужно твоей стране! Вспомни о своем отце! Подумай: если за тобой будет сила, насколько легче станет его искать. Подумай, Санти! – напирал светлорожденный. – Если мы сделаем это, в твоей стране больше не будут пропадать люди. И никого уже не будут ссылают на Юг за одно лишь упоминание о красноглазых. Разве за такое не стоит немного позвенеть мечами? – Он засмеялся.

Санти давно уже не видел Эрда в таком отличном настроении.

Вагар, все это время пристально наблюдавший за светлорожденным, казалось, о чем-то догадался, но предпочел оставить свою догадку при себе. И перевел разговор на другое.

– Эрд, – заметил он. – Мне надо избавиться от худших, а не найти применение лучшим. Как сирхар я должен сделать Урнгур сильной и воинственной державой. С чем я останусь, если все лучшие – уйдут?

– Оставь! – махнул рукой светлорожденный. – Худшие пусть работают. В конце концов, не мужчины рожают детей. Что здесь, что в империи! Они прокормят себя! Тебе надо избавиться от трех тысяч? Так пусть то будут самые воинственные! Какая разница? Тысячи лет Урнгур был никому не нужен! С какой стати кто-то позарится на него сейчас?

Биорк собрался возразить, но его неожиданно опередил Санти.

– Я согласен!

Одно мгновение понадобилось вагару, чтобы понять, почему вдруг юноша встал на сторону светлорожденного.

«Неплохо, мальчик! – подумал Биорк. – Ты быстро ухватил парда за челюсть! Если я уведу самых воинственных – вряд ли оставшиеся выберут войну своим ремеслом. А ведь это так и напрашивается, если на одну женщину приходится больше десятка мужчин. Спасибо Хаору, который держал их в собственных пределах! Иначе они и до Белой Тверди добрались бы, эти горцы! О демон!»

До вагара только сейчас начало доходить, какой клубок разрубили они ударом меча.

– Решено! – сказал Биорк. – Я отберу три тысячи воинов и поведу их в Конг. Но предупреждаю: только богам известно, что из этого выйдет!

– Да! – воскликнул Эрд.

– Да, – задумчиво проговорил Санти.

Ронзангтондамени не сказала ничего. Она смотрела на Санти и пыталась разглядеть, что же такое кроется под обликом столь дорогого ей зеленоглазого мальчика? Что-то такое, от чего ей, гордой Женщине Урнгурса, хочется пасть к его ногам... И совсем не от любви.

– Хватит ли у тебя оружия, чтобы вооружить их всех? – спросил Эрд.

– Не сомневайся! – уверил его сирхар Урнгурса. – Я мог бы вооружить и тридцать тысяч! За эти столетия Урнгур скопил чуток боевого железа! Как тебе твой меч, например?

– Клинок, который жаждет сражаться! – произнес светлорожденный с воодушевлением.

– Я не воин, – обеспокоенно проговорил Санти, – но мне кажется, что трех тысяч будет довольно...

– Не тревожься, брат! – уверил его Биорк. – Их будет не больше трех тысяч. Для Конга – пустяки! И для Урнгура – довольно! Если никто из них не вернется назад...

– Ты готов поручиться, что ни один из них не придет обратно? – спросила Королева.

– Уверен! – твердо ответил Биорк. – Те, кто останется в живых... Я найду им работу. Мир – он большой.

– А ты сам? – стараясь скрыть беспокойство, спросила Королева. – Сам ты вернешься?

– Разве я могу тебя забыть? – улыбнулся Биорк.

– Я говорю не о себе! Урнгуру нужен сирхар!

– Да, вернусь!

– Тогда и я готова поддержать тебя! – решительно сказала Королева. – Но многим из сестер это не понравится!

– Я справлюсь, – спокойно сказал Биорк. – Мне важно твое слово: ты – Королева!

IV

«Многие мудрые задавали себе вопрос: куда ушла магия Махд-Шагош? Что осталось от народов ее после Эпохи Перемен? Пожалуй, в точности это известно только богам да, может быть, фьёльнам, встречавшимся с Повелителями Махд-Шагош в Ушедшие Тысячелетия. Мы же – потомки тех, которые никогда не были рабами Великих и Сильных, Владычествующих над Миром, и я не устаю возносить благодарственные молитвы Неизъяснимому за эту милость.

Однако что же мы знаем о наследниках Махд-Шагош? Первыми я не колеблясь назвал бы соххоггоев Конга. И это – одна из причин, по которой я благодарю Небеса за то, что разрушена власть Махд-Шагош. Вторыми следовало бы назвать омбамту, ибо мудрым ведомо, что это отвратительное племя выведено Великими и Сильными для своих нужд, как нынче выводят новые породы домашних животных. Третьими многие склонны назвать урнгурцев, но я не могу ни согласиться с этим, ни отрицать. Что мы знаем об Урнгуре? Ничего. И, наконец, Южная часть Черной Тверди, наиболее приближенная к затонувшему материку, та, что в Конге именуется "Гибельный Лес". Многие говорят: магия Махд-Шагош обитает именно там. И вот уже сотни лет Алчущие Силы ищут в Гибельном Лесу то, что составляло мощь повелевавших Миром до Эпохи Перемен. Но пока если что и находят на Юге темные чародеи – так это собственную смерть. Легенда же говорит: последний Властитель Махд-Шагош вложил свою силу в некое яйцо и заключил его в сердце черного демона, придав тому облик мирного дракона. А демона сего сковал и оплел собственной силой посланник Неизъяснимого, величайший маг Эпохи Перемен, чье имя утеряно. Легенду эту рассказал мне Трой-Странник, чья мудрость известна. Еще говорят, что часть магии Ушедших Тысячелетий перешла к фьёльнам, но мне это представляется сомнительным, как и предположение, касающееся Гибельного Леса. Однако, как и в первом случае, эта идея не осталась без внимания Алчущих Силы, многие из которых, невзирая на страх пред могуществом фьёльнов, обосновались в Тайдуане, неподалеку от Каменного Кольца Фьёльнов, Заповедных гор, за которыми лежит их волишебная страна...»

Готар Глорианский.

Божественное и человеческое

Свет был желтым, как жидкое золото. Потому и края оправленной в серебро хрустальной чаши светились, словно горизонт за полчаса до восхода. Старушечья рука, темная, с узловатыми пальцами, метнула в разгорающуюся жидкость щепоть толченого угля. Черная пыль рассыпалась по поверхности, и содержимое чаши на миг обрело металлический блеск. Но не больше, чем на миг. Угольный порошок бесследно исчез, оставив жидкость в чаше незамутненной.

– Слаба твоя воля! – с укором произнесла старуха, не оборачиваясь.

Человек за ее спиной стоял, подняв руки и откинув назад узкую голову с седыми длинными волосами. Указательные и большие пальцы его рук были соединены кольцом, остальные – полусогнуты и сведены вместе. Костистое длинное лицо с раздувшимися ноздрями, темными щелочками глаз и губами, сжатыми в почти невидимую нить, выражало именно то, в отсутствие чего обвинила человека старуха.

– Ну, еще разок! – между тем пробормотала ворожея, низко наклонилась над чашей и снова метнула угольную пыль.

И опять поверхность жидкости лишь на долю мгновения сверкнула металлом.

– Не успеваю! – проворчала старуха, вытирая пальцы грязным платком. – Никому не успеть! – И оборотясь: – Возьми свои деньги, маг, и убирайся!

Голова седого резко дернулась. Щелочки меж подсиненными веками расширились. Глаза у него были черные и тусклые, как тот уголь, что еще оставался в ступке.

– Не говори со мной так! – процедил он, с хрустом разгибая пальцы.

– Прости, забылась, – равнодушно отозвалась старуха.

По ней было видно, как она устала.

– А мне сказали, ты лучшая из здешних ворожей! – Маг четко выговаривал слова. Как человек, недавно выучивший язык.

Старуха захихикала и опустила грузное тело на стопку грязных циновок слева от стола.

– Великая сила стоит за мной! – предупредил маг. – Бойся ослушаться меня!

– Уже дрожу! – фыркнула ворожея. – Коли так, зачем ко мне пришел?

– Довольно мне пожелать – и ты обратишься в прах, старуха! – гневно прошипел маг.

– Для этого хватит крепкой дубинки. – Ворожея не испугалась. Слишком часто ей угрожали. – Конечно... – добавила она, как бы между прочим. – Что могучему магу проклятие какой-то женщины?

– Ничто! – сказал, как сплюнул, седой и пинком распахнул дверь, впустив в хижину запах моря и теплую звездную ночь.

Соединив вместе полы длинного плаща, маг сбежал по деревянной шаткой лестнице и зашагал прочь. Поступь его была легка и упруга, как у юноши.

– Кабы ты сумел удержать зеркало... – запоздало крикнула его удаляющейся тени старуха.

Маг не обернулся. Он спускался по тропе, по обе стороны которой, выше человеческого роста, поднимались заросли кустарника калы, источавшие пряный сладкий аромат увядающих соцветий.

Маг шел очень быстро. Время от времени из-за отворота длинного плаща змеей выныривала длинная рука, отбрасывая мешающую ветку. Бледные лучи луны освещали острую верхушку капюшона.

Когда маг удалился от хижины шагов на триста, две кряжистые фигуры вдруг возникли из темноты и остановились, преграждая путь.

Безмолвные, они ждали, пока идущий приблизится, а потом разом вскинули толстые дубинки и шагнули вперед. Их широкие тела казались слишком велики для узкой тропки.

Рука седого выскользнула из-под плаща и стремительно начертала в воздухе знак. Синие искры вылетели из удлинившихся пальцев и осыпали двоих. И оба беззвучно повалились навзничь. Тяжелые тела со слившимся в один звук ударились о твердую землю.

Маг, не удосужившись перешагнуть, наступил на живот одного, на голову другого и двинулся дальше, не оглядываясь, пока не оказался на краю маленького обрывчика над песчаным берегом.

Здесь, застыв на неподвижной спокойной воде, ждала его узкобокая юкка ².

Маг спрыгнул вниз, и ноги его по щиколотку погрузились в рыхлый песок, сразу набившийся в туфли. Он выругался шепотом и, увязая в песке, пошел к воде.

– Господин! – Над темным бортом юкки возник силуэт человека.

Не отвечая, маг сильно оттолкнулся от мокрого песка, наступив на край едва шевелящегося прибоя, и длинным прыжком перемахнул на нос парусника. Доски жалобно скрипнули под его тяжестью.

Человек, что окликал его, уже взялся за линь. Заскрежетал металл: второй матрос поднял якорь. Светлый треугольник грота повис на мачте.

Человек, поднявший якорь, оттолкнулся длинным веслом от песчаного волнистого дна. И сразу подул ветер. Косой парус напрягся, юкка повернула и, набирая ход, устремилась в открытое море раньше, чем второй моряк закрепил опущенный шверт. За кормой тянулся мерцающий искрами след.

Зал Мудрости во дворце Королевы был раза в четыре меньше Пиршественного Зала. И здесь не было столов. Высокие кресла, обитые зеленой парчой, с резными, инкрустированными гранатами спинками. Алые гранаты пылали на черном лакированном дереве, как капли кровавой росы. Кресла располагались полукругом в два яруса, и всего их насчитывалось около пятидесяти в каждом ряду. Первый ряд был почти полон. Все Женщины Селений Урнгура приняли приглашение Королевы. Они прибыли бы, впрочем, и без приглашения: слишком важен сегодняшний Совет. Второй ряд кресел пустовал, лишь одно занято: в нем, за спиной Женщины Гнона, расположился Санти. Кроме Ронзангтондамени ни одна из Женщин Селений не привела с собой мужчину, и потому на Женщину Гнона поглядывали с удивлением. Впрочем, Санти не был единственным мужчиной в Зале Урнгура. Слева от Королевского Трона, что стоял на возвышении, напротив полукруга кресел, опустив ноги на специально для него принесенную подставку с атласной алой подушкой, расположился Биорк. Сидя на просторном Троне Сирхара, вагар чувствовал себя вполне непринужденно. Санти подмигнул ему из-за спины Ронзангтондамени. Биорк приосанился – распрямился, звякнув металлом. Он был в великолепных доспехах из Дома Сирхара, желтый бархатный плащ, отороченный белоснежным мехом белого кугурра, прибавлял ему стати. Сапоги на высоком каблуке украшены несколькими драгоценными пряжками и бисерной вышивкой – непременно украшением любой урнгульской обуви. С шеи сияющей каплей на золотой цепи опускался на грудь кулон – огромный ограненный алмаз. Широкий пояс, к которому был прикреплен меч, усыпали самоцветы. Фибулу, скреплявшую края плаща, также украшал алмаз, окруженный колечком из небольших рубинов. Маленький воин равнодушно относился к роскоши, но был очень внимателен к советам. Не зря! Его наряд произвел впечатление на Женщин Урнгура. Рядом с ним даже платье Королевы казалось скромным.

Королева обвела взглядом полукруг сосредоточенных лиц.

– Сестры! – произнесла она почти нараспев, и звук ее голоса наполнил зал. – Сестры! Многие произошло с тех пор, как я в последний раз видела всех вас вместе!

Биорк, сложив руки на груди, озирает лепной плафон Зала Урнгура. Когда Королева начала говорить, он опустил взгляд и принялся изучать мозаичный пол.

– Многие произошло на нашей земле! – продолжала Властительница Шугра. – И многое произойдет! Пришло время перемены, сестры!

Она сделала паузу, и в наступившей тишине вдруг раздался резкий голос одной из

² Юкка – небольшой парусник.

Женщин:

– Перемены, Гилли? Земля Урнгура не нуждается в переменах! И ты, сестра, должна позаботиться об этом!

– Кто это? – тихо спросил Санти.

– Хлонгатугеранрани! – шепотом ответила Женщина Гнона. – Селение Хуса. Она сильна!

– Я догадался.

– Гату, сестра, – спокойно сказала Королева. – Я лучше знаю, что надо Урнгуру!

Ропот пробежал по залу. Женщины зашевелились. Заявление Королевы им явно не понравилось.

– Она поспешила! – сказала Ронзангтондамени Санти. – Или уже поговорила кое с кем...

– Гилли права! – перекрывая шум, воскликнула одна из участниц совета.

– Иллангсотмараони! – Женщина Гнона усмехнулась. – Ее селение на юге. Совсем крохотное!

Восклицание Женщины южного селения прорвало плотину. Ропот мгновенно вырос до возмущенного гула.

Королева молчала, величественная и невозмутимая.

Биорк глядел в пол.

Спустя некоторое время шум начал стихать. Но Королева не успела воспользоваться тишиной. Женщина Хуса опередила ее.

– Никто в Урнгуре не указывает нам, Женщинам Селений! – резко сказала она. И одобрителный гул стал эхом ее слов. – Ты, Королева, должна волей Хаора блюсти наши желания! И ты не смеешь говорить, что правишь нами, Гилли! Повелевай своими мужчинами!

Биорк медленно поднял голову и уставился на Женщину Хуса тяжелым взглядом.

– Королева правит! – сказал он на конгайском, потому что еще недостаточно хорошо владел языком урнгрия. – Она правит и будет править, а кому это не по вкусу – может удалиться за предела Урнгура!

Смуглое красивое лицо Женщины Хуса обезобразила ярость. Она жадно глотнула воздух, как выброшенная на песок рыба. Биорк сидел с невозмутимым видом, поглаживая эфес меча.

Женщина Хуса пришла в себя. Ее взгляд уперся в непроницаемое лицо Биорка.

– Она раздавит его! – с беспокойством проговорила Ронзангтондамени.

– Кого? Биорка? – Санти похлопал ее по руке. – Он же вагар! Магия для него – как щекотка!

На лбу Хлонгатугеранрани выступили капельки влаги. Она поднялась с кресла, и еще шестеро Женщин Урнгура тоже встали и полукругом обступили Хозяйку Хуса. Биорк закинул ногу на ногу, насмешливо улыбнулся и пошевелил острым носком сапога. Теперь уже лица семерых женщин блестели от пота. Но все их усилия ни к чему не привели.

Королева позволила себе улыбнуться.

– Не обычаи ли Урнгура велят вам, сестры, бороться с сирхаром? – осведомилась она.

– Урнгуру не нужен такой сирхар! – хрипло проговорила Хлонгатугеранрани.

– Это уж мне судить, сестра, какой сирхар нужен Урнгуру! – отчеканила Королева. И повелительно: – Займи свое место!

Взгляды Королевы и Женщины Хуса встретились... и Хлонгатугеранрани осталась стоять. Королева ничего не могла поделать с ней!

– Ты говоришь, Гилли, но я не желаю слушать! – заявила Женщина Хуса. – Я уйду отсюда, и те, кто почитает древние законы, уйдут со мной! – Вновь гул одобрения поддержал сказанное. – Мы уйдем! И Хаор позаботится, Гилли, чтобы древний закон настиг тебя, когда ты останешься одна в своем Шугре! – Злорадные нотки появились в ее голосе. – Хаор позаботится и о том, чтобы у нас был новый сирхар! – Она победно посмотрела на Биорка. – И новая Королева, если понадобится!

Выложив все это, Женщина Хуса развернулась и направилась к выходу. И почти все Женщины Селений поднялись со своих мест, чтобы последовать за ней. Королева проиграла.

– Она проиграла! – сказала оставшаяся сидеть Ронзангтондамени.

– Посмотрим... – Санти не сводил глаз с вагара. Он догадывался, кто сочинял сегодняшнюю пьесу.

Маленький воин позволил Хлонгатугеранрани сделать ровно три шага. А потом, соскочив со своего трона, преградил ей дорогу.

Крылатый шлем сирхара был не выше плеча Женщины Хуса, но осанка Биорка выражала такую уверенность, что Хлонгатугеранрани остановилась, едва ли не вопреки собственной воле.

– Что нужно? – надменно бросила она.

– Останешься здесь! – так же грубо ответил вагар. – Твоя Королева не отпускала тебя!

– Прочь! – гневно воскликнула Женщина Хуса. – Ни один...

Но, шагнув вперед, замерла на месте: меч вагара с лязгом вырвался из ножен. Отполированный клинок отразил луч, падающий из овального окна.

Лицо Хлонгатугеранрани посерело, когда жало меча метнулось к ее глазам.

– Ни один мужчина не посмеет коснуться Женщины Урнгура! – прошептала она пересохшими губами.

Ее сторонницы обступили маленького воина плотной стеной.

– Я посмею! – пообещал вагар. – Конечно, я не убью тебя. Я не убиваю женщин. Но мое стальное перо напишет на этих коричневых щечках твое пространное имя. И титул, если останется место! – Он засмеялся, и смех его был так похож на смех Нила, что Санти вздрогнул.

Клинок вагара запел свою песню и окутал маленького воина сверкающим облаком. Меч никого не задел, но обступившие Биорка женщины отшатнулись назад: тысячу лет никто не угрожал им оружием. Тысячу лет их телохранителям не было нужды оберегать своих владычиц от стали.

Биорк повернулся на месте, и вокруг него сразу стало свободно. Только Хлонгатугеранрани не сдвинулась. Она бесстрашно смотрела на поющую сталь, хотя сердце ее упало. Женщины Урнгура любят свое тело! При мысли о том, что холодное железо может сделать с ним, Женщине Хуса стало очень нехорошо. Но Хлонгатугеранрани не отступит перед мужчиной!

– Я плохо говорю на урнгрия! – сказал сирхар. – Но каждая из вас, я уверен, поймет мою речь!

Он внезапно остановил клинок и коснулся острием ямки под горлом Женщины Хуса.

– Займи свое место! – приказал он и уколол ее жалом клинка.

Хлонгатугеранрани невольно отступила. Но меч по-прежнему больно упирался в кожу. Она сделала шаг, еще, еще... и плюхнулась в свое кресло.

– Благодарю, сирхар, – сухо произнесла Королева. – Сестры! Я прошу вас: сядьте!

Женщины колебались, но Биорк сделал шаг, и все они, чтобы избежать унижения, поспешили к своим местам.

Хлонгатугеранрани потеряла пальцем крохотную вмятинку. Как и рассчитывал Биорк, Женщины Урнгура не привыкли к откровенному физическому насилию.

Но они не сдались!

Едва Биорк занял свое место, Хлонгатугеранрани вскочила. На лице ее было написано: умру, но не отступлю! Но разве он, Биорк, хотел ее убить? Наоборот, он любил именно таких, как она!

А Женщина Хуса уже вскинула вверх сильные руки.

– Ош! Хаор! Мах даот шур, Хаор! – воскликнула она.

Санти содрогнулся. Ледяной холод пронзил его до костей, а тело вдруг стало легким, как крылышко медовницы. Ронзангтондамени в волнении крепко сжала его руку, но юноша даже не почувствовал.

– Ош! Хаор! Хур нахт отта махнх!

Сант перестал чувствовать свое тело. Он стал вихрем, ледяным вихрем, несущим смерть.

Он знал, чьим именем выкликали сейчас поверженного бога. ЕГО ИМЕНЕМ!

– Ош Хаор...

Лицо Королевы окаменело от звуков гортанной, жесткой, как песок в горле, речи. Хлонгатугеранрани взывала к Хаору Гневному и Разрушающему! То было великое Заклинание Силы Гнева, которым владели все Женщины Урнгура! Но уже много-много веков никто не осмеливался произнести его вслух.

Королева испуганно оглянулась на Биорка, забыв от волнения, что нынешний ее сирхар – не тень Хаора.

Вагар был спокоен. Он взирал на колдовство с невозмутимостью зрителя, следящего за театральным представлением.

Владычица Шугра немного успокоилась. Она – но не Женщины Селений.

С первых же слов Женщины Хуса они повскакали с мест. И застыли. Никто не смеет прервать Заклинание Силы Гнева, пока не свершится воля Хаора!

Звуки падали один за другим, и, казалось, свет мерк в зале и тьма застилала овальные окна.

Смерч рвался на свободу. Санти уже видел, как незримая сила срезает мраморные колонны, как трескается, рассыпаясь, тяжелый свод и обломки его летят вниз, на головы людей. Пронзительные, тут же оборвавшиеся вопли, белая мучная пыль, клубами поднимающаяся вверх...

Но тут иллюзия развеялась, и перед Санти снова был Зал Мудрости. Неповрежденные колонны, замершие женщины и спокойное лицо вагара. Санти снова стал собой. Он победил... Что?

Санти покосился на свою руку, легшую на навершие Белого Клинка. Потом, уже совсем спокойно, – на Женщину Хуса. Та продолжала выкликать древние слова, но теперь это были только слова, не более. Просто звук...

Хлонгатугеранрани завершила Заклинание и замерла с воздетыми к потолку руками. Ни кровинки не было в ее лице. И мертвая тишина висела вокруг. Никто из замерших Женщин не ведал, как и в каком обличье явится Великий Хаор. Знали только: бог явится, чтобы разить.

Тишина была плотной, как грозовые облака. Рука Женщины Гнона до боли сжимала пальцы Санти.

– Не бойся, – сказал ей юноша, которому вдруг стало легко и весело. – Он не придет. Хаора больше нет.

И в тишине замершего зала негромкие слова Санти прозвучали как раскат грома! Их услышали все. И лица Женщин Селений, на которых уже лежала печать грядущего Хаоса, немедленно обратились к нему. И сила их обрушилась на юношу, как огненный вихрь.

Ронзангтондамени попыталась заслонить его, но соединенная воля Женщин Селений, питаемая гневом неминуемой расплаты, смела ее силу, как грязевой поток – хижину рудокопа.

Санти вновь коснулся Белого Меча, и волна прошла над его головой, разбившись о стену зала.

Он поднялся.

– Его больше нет, – повторил Санти мягким, глубоким голосом певца. – Не нужно взывать к нему, женщина! Тебе придется искать нового бога, чтобы обращать к нему лицо! Всем вам придется искать нового бога, потому что ваша Королева сказала правду: прежнего больше нет, и пришло время перемены! Будьте же готовы с достоинством принять это!

И опустил на место.

– Свидетельствую слова этого мужчины! – медленно, веско произнесла Королева. – Хаора больше нет! – И обернувшись к Биорку: – Сирхар! Твой долг – не оставить нас без

покровителя! – И снова – Женщинам: – Сестры! Примем будущее, как подобает! Я клянусь вам памятью тех, кто возвел этот дворец: земля наша устоит и власть ваша останется с вами!

«Та, что останется!» – мысленно добавил Биорк.

Женщины молчали, потрясенные. Некоторые все еще стояли на ногах, другие опустились в кресла. Никто не имел ни сил, ни желания возражать. А потом Хлонгатугеранрани покачнулась и начала медленно падать лицом вниз, на мозаичный пол.

Биорк бросился к ней, подхватил, без труда удержав большое тело Женщины Хуса, и опустил ее в кресло.

– Во всякой тьме есть капля света, Гату! – прошептал он на ухо женщине. Но та не слышала.

V

«Моя дочь как-то спросила меня: почему Белая Твердь называется Белой, Красная – Красной, а Черная – Черной? Я же мог ей сказать только, что имена эти пришли к нам из глубокой древности. Что Белая Твердь называлась так потому, что до Эпохи Перемен половина материка была круглый год покрыта льдом, Красная Твердь получила имя из-за цвета своих гор и трав, а что касается Черной Земли, то мне это неизвестно».

Сигвар Гурский. Описание земель

– Вот он летит! – сказал Баразан. – Все, как ты говорил, хозяин! – Крепыш эдзак³ отступил назад и взял с ящика арбалет. – Хочешь, чтобы я его сшиб?

– Нет! – Мощный-как-Пламя глядел на небо. Там, в полутысяче локтей от замаскированной горловины пещеры, выискивая место, чтобы сесть, плыл в воздухе бронзовый дракон.

– Нет! Мы схватим сопляка, когда дракон улетит кормиться!

– А и верно, хозяин! – Баразан отложил арбалет и с уважением поглядел на длинную тощую спину мага. – Как все ловко у тебя выходит, хозяин! – сказал он, подержав себя за бороду. – Как ловко!

– Не забывай, кто я! – Мощный-как-Пламя следил за драконом: бронзовый плавно опустился на самый верх каменной кручи, нависшей над морским берегом.

– Собирайся! – приказал маг, оборачиваясь к Баразану.

Тот поспешно схватил кольчугу.

– Оставь! – Голос у мага низкий, как звук большой раковины. – Тебе нужно это железо, чтобы справиться с мальчишкой?

– Нет! Конечно нет, хозяин! – растерянно проговорил Баразан. – Но без доспехов я чувствую себя как-то...

– На острове нет никого, кроме нас! – раздраженно напомнил маг. – Если что-нибудь на тебе звякнет, мальчишка услышит, и придется гоняться за ним по этим проклятым кручам!

– А если... А если дракон нападет?

Маг расхохотался:

– Дурак! Драконы никогда не нападают на людей! Никогда, понял?

Но воин все еще мялся.

– А ты не мог бы приказать ему прийти сюда? – попросил он.

– Мог бы! Но пришлось бы вложить настоящую Силу, а мальчишка защищен! Его хозяин – сам Странник! Слышал о таком?

– Как не слышать! Это что ж, мы против Странника встаем, хозяин? – Опасение в голосе эдзака заставило мага брезгливо поморщиться.

³ Эдзак – уроженец Эдзама, государства на востоке Красной Земли.

– Хозяин ничего не узнает! – сказал он сердито. – Если, конечно, ты сможешь сцапать сопляка! А я только чуть-чуть помогу тебе! Все! Довольно болтать! Марш!

Дракон улетел обедать, и Гестион тоже решил перекусить. Его дорожная сумка была доверху набита снедью, завернутой в ароматные листья: забота Ронзангтондамени!

Жуя мягкий еще пирог с паштетом из печени и овощей, Гестион запивал его холодным кофе из кожаной фляги и лениво озираал спокойное вечернее море. Желудок его постепенно наполнялся, и мальчиком овладевала сонливость.

«Странно, – подумал он. – С чего это я так устал?»

Усилием воли он сбросил с себя оцепенение, глотнул еще кофе, заставил тело встряхнуться, а челюсти – жевать веселей. Сонливость ушла. Все-таки он был учеником мага и кое-что умел! Мысль эта еще больше взбодрила Гестиона. Он доел пирог и растянулся на мягкой желтой траве. Три дня назад Гестион покинул селение Гнон на спине бронзового дракона. А за ночь до этого во сне к нему явился Учитель и велел возвращаться в Руну, продолжать обучение. «Я найду тебя в свой срок!» – сказал ему Трой, и Гестион проснулся.

Но Учитель ничего не сказал Гестиону о том, как скоро мальчику следует вернуться в свою келью в Рунской школе магов. Потому, когда Биорк попросил его – раз уж он все равно летит в Руну – передать письмо другу вагара, светлорожденному Володу Русу, Гестион сразу же согласился. И тут же предложил доставить обратно ответ. В конце концов, учеба может немного подождать, а дело, безусловно, важное!

По тому, как обрадовался Биорк, Гестион понял, что оказывает немалую услугу. И возликовал.

Несмотря на попутные ветры, дракону понадобилось три дня, чтобы добраться до этого островка в шестидесяти милях от побережья Белого материка. Гестион, впрочем, не торопил дракона. Когда еще удастся полетать над Межземным морем? Или вершить дела, которые творят историю Мира. Конечно, Гестион вырастет, станет магом...

«Почему бы не позаниматься немного, пока есть время?» – пришла к нему полезная мысль. И в самом деле – почему? Он уже почти маг, а магу надо постоянно укреплять силу!

Гестион перевернулся на спину и погрузился сознанием в мир травы, на которой лежал. Волны радостного теплого воздуха шевелили его, прокатываясь от ног к голове... Медленные, тяжелые волны... «Тяжелые?» – шевельнулось в сознании мальчика. Шевельнулось и угасло: Гестион уснул.

– Вот он, хозяин, – прошептал Баразан, сдерживая дыхание, учатившееся от быстрого подъема. – Спит он, что ли?

– Спит, – тихо ответил маг. – Я помог ему уснуть. Теперь иди и возьми его.

Баразан бесшумно приблизился к Гестиону и бережно поднял его на руки. Тот не проснулся, только пробормотал что-то и улыбнулся во сне. Тщательно выбирая место, чтобы поставить ногу, Баразан начал нелегкий спуск.

Маг шел за ним, вполголоса бормоча заклинания: отводил след.

Когда они вернулись в пещеру, Баразан уложил Гестиона на одеяло и с облегчением выпрямился.

– Что теперь, хозяин? – спросил он. – Ты его убьешь?

– Нет. – Присев, маг тщательно обыскал одежду мальчика. Тубус с письмами и серебряная восьмиконечная звездочка с руной «Хранитель» легли на плоский камень.

– Мы отвезем его в Гурам и продадим в хорошие руки. Дорого продадим: мальчишка наверняка умеет читать и писать, да и Основы знает, раз учился в Руне.

– Разве тебе нужны деньги? – удивился Баразан.

– С чего ты решил?

– Ну, хозяин, ты сказал: дорого продадим!

– Ах это... – Мощный-как-Пламя усмехнулся. – Дорогую вещь лучше оберегают. Мальчишка должен жить в порядке и довольстве, тогда и сила его будет невелика, и

Страннику не так-то просто будет его отыскать. Ты хорошо укрыл лодку?

– А как же! – Воин удовлетворенно хмыкнул.

– Смотри! Если дракон обнаружит ее...

– Никогда! Слышь, хозяин, а что дракон будет делать, когда поймет, что мальчишки нет?

– Будет искать.

– А если... найдет? – Баразану стало не по себе. Людей он не боялся, но вот дракон...

– Если б не я, – не без самодовольства ответил маг, – наверняка нашел бы! Они держат связь с теми, кого избрали, на сотни миль. Но я здесь! И ни одна мысль не выйдет за пределы этой пещеры! Ни твоя, ни моя, ни... – он взглянул на спящего Гестиона, – ...его!

– Тогда-то что! – протянул Баразан. – А то, вишь, драться с драконом...

– Дурак! Драконы с людьми не сражаются! А сражались бы – тебе не жить. И сотни таких вояк, как ты, не хватит на одного дракона.

– Да? – усомнился воин. – А мне он показался довольно медлительным!

– Медлительным? Да он может отхватить тебе голову прежде, чем ты мигнешь! – Рука мага описывала медленные круги над серебряной звездочкой Гестиона. – А когти дракона таковы, что вспарывают борт юбки, как гурамская сабля – паутинную кисею!

– Никогда не видел такого! – заявил Баразан.

– Я видел. А теперь заткнись, пока я не заморозил твой язык!

Воин мгновенно умолк, а маг продолжал свои неторопливые пассы. Баразан, усевшись у стены, наблюдал за ним. Но он видел подобное уже много раз, и веки его быстро отяжелели. Воин уснул, привалившись широкой спиной к холодной стене пещеры. Снаружи стемнело. Баразан спал сидя, открыв рот, время от времени всхрапывал. Струйка слюны, вытекшая из угла рта, смочила рыжую клочковатую бороду. Отблески зеленого огня, созданного магом, придавали его коже мертвенный оттенок.

Рельеф западной части Черной Тверди был выполнен замечательно. И материал, из которого его сделали, несколько не пострадал от времени. Вот только черные значки надписей были совершенно непонятны Биорку, умевшему читать на восьми языках. Незнакомы и красные нити дорог, и обозначения городов, которых давно уже не существовало. Рельефу никак не меньше тысячи лет, а скорее всего – намного больше. Неведомые мастера искусно вмонтировали его в желтую стену дворца, в восьмиугольном зале, напротив обрамленного барельефами открытого очага. Многое изменилось с тех пор, как рука мастера сотворила это чудо. Но очертания гор и русла больших рек остались прежними. К удивлению вагара, там, где теперь располагались Фаранг и Сарбур, на рельефе тоже были обозначены города. Разумеется, в те времена они не были ни Сарбуром, ни Фарангом. Был на рельефе и Шугр.

Удивительное творение! Имперские картографы полжизни отдали бы за подобное чудо!

Дворец Королевы нравился Биорку намного больше, чем Дом Сирхара. Теперь он был убежден, что строили его не нынешние урнгрия, а совсем иной народ. И от Дома Сирхара он отличался, как Солнце от Луны. Что ж, когда-нибудь у Биорка будет довольно времени, чтобы как следует изучить его.

Негромкий стук в дверь отвлек вагара от созерцания цветного рельефа. По тому, как стучали, он определил: слуга, и не из дворца.

– Войди! – произнес он.

Но вошел не слуга, а один из вновь назначенных жрецов Потрясателя Тверди. Биорк еще не решил, кто из богов займет место Хаора, но пока победитель Хаора казался ему самым подходящим. Жрецов надо было чем-то занять. С теми, кто обитал в Шугре, он уже разобрался, оставив в прежнем качестве не более чем одного из десяти. Остальных либо определил в армию, либо отправил трудиться под присмотром надежных людей. Все полосатые порядком ленивы. Отчасти ему «помог» Нил, отправивший в Нижний Мир

больше тысячи жрецов: напоследок Хаор получил богатую жертву от своего прежнего слуги, Ди Гона. Достаточную, чтобы посметь явиться во плоти.

Слабо знакомый с культами империи, вагар попросил Эрда растолковать жрецам, как служить Потрясателю. И светлорожденный, который по традиции полагал грозного Владыку Тверди высшим из своих покровителей, рьяно взялся за дело. В письме, переданном Гестиону, Биорк просил прислать хотя бы пару настоящих жрецов, но от Гестиона пока вестей не было. Погрузившись в свои мысли, вагар забыл о жреце, и тот напомнил о себе, шмыгнув внушительным, как у большинства урнгрия, носом.

– Чего тебе? – спросил сирхар не слишком дружелюбно.

– Вот, принес! – пробормотал жрец, не поднимая глаз. В руках у него был сундучок из черного дерева.

– Поставь и открой! – приказал Биорк.

Жрец повиновался.

Биорк заглянул внутрь и увидел несколько предметов, из которых сразу узнал только один – корону сирхара. Остальные же были густо облеплены черной массой, смахивающей на запекающуюся кровь.

– В чем это они? – осведомился Биорк.

– Мы вынули их из желудков священных кугурров! – отвечал жрец. – Прости, сирхар, мы не осмелились привести их в подобающий вид! – поспешно добавил жрец. – А корону нашли в Храме, на полу!

– Хорошо. Закрой. Ключ – мне! – велел он, когда жрец запер сундучок. – Отнесешь в Дом Сирхара и передашь страже.

Жрец повернулся, собираясь уйти.

– Постой! Скажи еще, чтобы приготовили мыльный порошок и горячую воду, я скоро приду. Теперь – отправляйся.

Отмыть затейливо выкованную корону оказалось нелегко. Хотя она была намного чище остальных вещей: двух перстней и... Хлыста.

Биорк долго вертел в руках тонкий цилиндрический жезл (грязь сошла с него при первом же движении тряпки), не зная, что с ним делать, но стараясь не направлять ни одним из полусферических торцов в свою сторону. Ни выступов, ни впадин не было на янтарного цвета поверхности. Биорк сильно сжал цилиндр в руке, но не ощутил ничего, кроме гладкого, на ощупь казавшегося теплым материала. Никакого эффекта!

«Оружие мага! – подумал он с сожалением. – Может, показать Санти? Нет! Кто знает, на что способна эта штука? Тут нужен кто-то поопытней, Трой например!» Биорк вспомнил, что Ди Гон носил Огненный Хлыст в кожаном чехле. Это было немаловажно: магические предметы могли здорово нагадить, если их хранили не так, как должно.

«Велю сделать такой же! – решил вагар. – Жаль, что его нельзя использовать, но зато у меня на поясе он будет безопасен!»

После Хлыста настала очередь перстней. Один из камней немного потускнел. Камень был зеленый, похожий на эдзамский смарагд. Второй, коричневый, непрозрачный, с неизвестной руной-значком на круглой верхушке кабошона, похоже, не пострадал. Биорк сунул оба перстня в карман куртки. Как и все вагары, он редко носил украшения. Впрочем, теперь он сирхар, а в Урнгуре иные обычаи.

Корона мага оказалась ему велика, но Биорк решил, что ее можно будет надеть поверх шлема.

«Солидная вещь! – подумал он. – Произведет впечатление на здешнюю публику!»

Тут, в Урнгуре, где каждая хозяйка деревни носит диадему, без короны не обойтись.

Двумя днями позже у Биорка появилась возможность продемонстрировать украшение сирхара. Почти месяц занимался он отбором среди подначальных хогранов, самих начальников хогр и наиболее толковых десятников, пока не набралось двенадцать дюжин

воинов. Еще раньше, по его приказу, очистили от кактусов изрядный кусок плоскогорья. Там он и собрал тех, кого предполагал сделать командирами в своей будущей армии.

Выстроив их полукругом, так, чтобы одновременно видеть всю шеренгу всадников, Биорк выдержал подобающую паузу, а потом воскликнул:

– Ваша Королева поручила мне выбрать из своих воинов самых достойных! Таких, чтобы показали Миру доблесть Урнгуга! – И замолчал.

Молчали и воины, ожидая продолжения. Даже парды вели себя тихо.

– Самых достойных! – повторил Биорк.

А потом добавил совершенно другим тоном:

– На мой взгляд, среди вас таких нет!

Урнгуга недовольно зароптали.

– Ага! – удовлетворенно заявил Биорк. – Вы еще не услышали меня, а уже бормочете, как бабы... тьфу!.. как черноногий сброд полосатых у выгребной ямы!

Его звонкий голос с легкостью перекрыл ворчание пардов и ропот всадников.

– Кое-кто из вас умеет побренчать железом, но так скверно, что только хуридский золотарь не улыбнется, глядя, как вы размахиваете ручонками! – Он выждал, пока ропот достигнет нужной величины и рявкнул: – Молчать! Позже я докажу каждому, кто пожелает, как мало он стоит в бою! Или вы думаете, что, подравшись пару раз друг с другом, уже стали солдатами?... Молчать! Никто из вас не продержится и минуты против конгайского ветерана! Но это не все! Даже троих таких, как вы, довольно, чтобы разогнать сотню, три сотни, пять сотен ублюдков, которыми вы командуете! – Вагар сделал еще одну паузу. На этот раз шума не было.

– Командуете! – с сарказмом произнес бывший туринг. – Мне смешно слышать это слово, когда оно относится к таким, как вы! Я здесь уже два месяца, но ни разу... Ни разу! ...не видел, чтобы хоть кто-то из вас поучил этих уродцев держаться за меч!

И на сей раз вагар не услышал ни одного слова протеста.

– Я обещал вашей Королеве, – заявил он, – что через два сезона подготовлю три тысячи воинов, которых можно повести в бой без риска, что парды их врагов обделаются от смеха! Я – ваш сирхар! Позор, если в Конге или Гураме меня увидят с такими, как вы! Достойные больше не сядут со мной за один стол! Я сказал вашей Королеве: два сезона – и у тебя будет три тысячи всадников. Настоящих всадников! Мои доверенные уже посланы в Хуриду, чтобы обменять сок дурманного кактуса и смолу на боевых пардов! У Королевы будет три тысячи всадников! Кое-кто из вас станет десятником в этой армии! Это великая честь даже для хограна – стать настоящим десятником в моем войске! Остальные могут стать солдатами! А могут и не стать, если окажутся слишком ленивы!

– А теперь, – произнес вагар будничным тоном, – каждый, кто хочет, может скрестить со мной меч! Кто через три минуты не вывалится из седла, получит эту шапку! – Биорк коснулся прикрепленной к шлему диадемы сирхара. – Ну, есть такие, кому она нравится?

– Мне пойдет! – тут же откликнулся один из хогранов, опередив остальных.

Биорк удовлетворенно кивнул.

– Валий! – поощрил он, и хогран бросил парда вперед.

Биорк даже не стал выхватывать меч. Он просто пустил собственного зверя навстречу и, когда до противника остался один прыжок, нырнул, уклонившись от удара, схватил урнгуга за край длинного плаща и обернул плащ вокруг луки своего седла. Толчок сбросил хограна со спины парда, плащ с треском разорвался, и освободившийся пард поволок прочь повисшего на ремне седока.

– Кто еще? – закричал Биорк.

Четверо воинов одновременно рванулись вперед, сердито крича друг на друга.

– Не ссорьтесь! – гаркнул вагар. – Ну-ка, все разом!

Урнгуга замялись.

– Три минуты! – напомнил вагар. – Вперед! Песок уже сыплется!

Всадники переглянулись, а потом, понукая животных, бросились в атаку. Дух

соперничества – превыше всего! Они неслись, пригнувшись к гибким шеям летящих пардов. Двадцать пять локтей покрывает одним прыжком мчащийся изо всех сил пард, двадцать пять локтей, восемь двойных шагов. И три-четыре прыжка делает он на каждый удар пульса. Десять ударов сердца парда отделяло урнгрия от Биорка.

Вагар ждал, развернув своего зверя навстречу атакующим.

Первый налетел на Биорка, и пард сирхара отпрянул в сторону: столкновение двух пардов может покалечить животных. Первый пролетел мимо, а мигом позже Биорк ушел с пути второго. И выбросил тонкий хлыст, от которого не успел увернуться третий всадник. Хлыст с треском переломился, но сделал свое дело – оглушил беднягу. Четвертый попытался придержать своего зверя, но сделал это слишком поздно. Пард его взревел, взвился в воздух и попросту перемахнул через голову сирхара. Прекрасный прыжок! Но всадник едва не вылетел из седла – где уж тут думать о нападении.

А двое первых развернули зверей и вновь атаковали Биорка, уже не так стремительно. Вагар крепче сжал коленями бока парда, и тот прыгнул вперед. Урнгрия подняли мечи – прямые клинки в два локтя длиной. Левой же рукой каждый из воинов сжимал переднюю луку седла: они помнили, что сделал вагар с первым кандидатом на корону сирхара.

Биорк в правой руке держал короткий меч, а в левой раскачивал на цепочке в четыре локтя длиной стальной шар размером с кулак. В Хольде такой называют «железный орех».

К двум всадникам присоединился третий. По тому, как приближались урнгрия, Биорку стало ясно: сражаться каждый будет сам за себя. Но напали они одновременно. Три клинка взвились над головой Биорка. Парды заревели, приседая на задние лапы. Биорк откинулся назад, ударил вертящимся шаром в основание одного из клинков и вышиб его из руки хозяина. Пард вагара дернул головой, чтобы не угодить под удар меча. Оставшийся без оружия урнгурец осадил своего зверя, и пард Биорка тотчас оказался между двумя другими урнгрия. Кулак вагара врезался в незащищенный подбородок одного из воинов, и тот повалился на шею своего зверя. Короткий меч Биорка отшиб клинок второго всадника и прочертил алуу царапину в просвете между стрелкой шлема и наланитником урнгрия.

– Ты мертв! – крикнул вагар и развернул парда к третьему, последнему всаднику.

Тот уже подобрал свой меч, но напасть явно не торопился.

– Ты передумал, сынок? – поинтересовался Биорк.

– Я не спешу! – отвечал урнгрия, оставаясь на месте. – Начинай, сирхар!

– Нет уж, я закончу! – бросил вагар, и стальной шар со свистом рассек воздух. Воротник шлема защитил шею урнгульца от обвившейся стальной цепи, но не защитил самого воина от падения, когда пард Биорка рванулся вправо.

Спустя несколько минут четыре его соперника, без повреждений, если не считать синяков и царапин, вернулись в общий строй.

– Я мог бы приказать вам напасть всем сразу, – заявил вагар, – но вы наверняка покалечите друг друга. Потому оставим это до времени, когда вы научитесь сражаться в строю!

Воины Урнгура удрученно молчали.

– Те четверо, что вывалились в пыли, – сказал вагар, – в общем знают, с какой стороны у меча жало. Пожалуй, случись кому из них столкнуться с конгайским новобранцем, я задумался бы, на кого поставить свой золотой! Но случись им, четверым, схватиться с двумя мечниками Конга – я бы знал, чьи мозги испачкают траву!

Биорк тронул обломком хлыста голову парда, и тот потрусил вдоль строя всадников.

– Я, парни, видел многое! – продолжал вагар. – Выбросьте из головы, что вы – начальники и хограны, и я научу вас делу! Я сделаю из вас, парни, солдат! Солдат! Воинов, которые хотят победить и знают, как это делается. И умеют при этом оставаться в живых! Да! Каждый из вас должен стать стальным когтем зверя, того зверя, что зовется – «войско»! И гордиться этим! Любого из вас ничего не стоит прикончить! Я показал это всем, чтобы сбить спесь с дураков! И чтобы научить умных! Но настоящее войско убить нельзя! Оно – Зверь! Тысяча лап! Тысяча клыков. И ярость его растет быстрее, чем проливается его кровь!

Вы станете таким Зверем, когда каждый будет беречь того, кто бьется рядом, больше, чем себя! Я видел, как дерутся пираты Омбама! Любой из них вдвое тяжелее любого из вас! Топоры их пробивают кирасу! Перед боем они пьют зелье, зажигающее кровь, зелье, что удваивает силу и утраивает ярость! Потому многие из них сражаются в одних набедренниках, с непокрытыми головами! Редкий воин не вздрогнет, увидев над собой топор Омбама! Но я сам стоял на палубе корабля, который осадили шесть пиратских шекк! Шесть! Они напали так быстро, что наши баллисты ни разу не успели выстрелить. И через десяток минут пираты захватили всю палубу: от носа до кормы!

Никто из урнгрия не видел шекки, даже моря никогда не видел: они слушали с жадностью детей.

– Свирепые, голые, размалеванные, как демоны, – продолжал Биорк, – они запрудили палубу, и их было втрое больше, чем нас! Зато мы, воины-моряки, прошли вместе сквозь сотню боев и знали мощь руки друга лучше, чем собственную. У нас были длинные мечи и большие щиты, окованные сталью, обтянутые шкурой хармшарка. И мы сомкнули щиты и соединили наши плечи, чтобы удары топоров не сбивали нас с ног. И мы стали четырьмя шеренгами, а внутри поставили арбалетчиков – чтобы сшибать лезших на реи.

Мы перегородили палубу на корме, где стоял наш отряд, и двинулись к носу, тесня Омбам, рубивший наши щиты и пачкающий наши сандалии своей отравленной кровью, когда мы ступали по их телам! Мы вытеснили их на нос, и они посыпались вниз, как крысы, и морская вода покраснела от крови! А пока живые карабкались на борта своих шекк, мы открыли порты баллист и угостили их огненным зельем, от которого закипает кожа! – Вагар замолчал. Его пард достиг конца шеренги и самостоятельно повернул обратно.

– Вот вся история! – сказал Биорк. – А рассказал я ее, чтоб каждый уяснил, чего я хочу! Кому это не по нраву – отправятся пасти овец! Есть такие?

Никто не двинулся.

– Отлично! Теперь так: вас здесь полторы сотни, и я выжму из каждого столько пота, сколько вы не пролили за всю жизнь! Я совершенно точно узнаю все, что вы сможете, если взяться за вас всерьез! А вы можете многое, иначе я не выбрал бы вас среди остального сброда! И я сделаю вас достойными своей Королевы, хоть такого давненько не бывало в этой стране! А потом вы научите тому же своих солдат, а я уж постараюсь, чтобы солдаты ваши не были тем крысиным пометом, который сплавляют Королеве Женщины Урнгюра! Все услышали меня?

– Да, да! – раздались редкие возгласы.

– Не слышу! – гаркнул вагар.

– Да-а! – рявкнули полторы сотни глоток.

– Вот другое дело! А теперь дальше... До сих пор у вас было три развлечения: молотить друг друга, пьянствовать и трахаться – опять-таки друг с другом! Мне плевать на ваши обычаи и привычки! Вы можете делать что хотите, когда вы – одни! Но когда с вами – я, вы – войско! И будете делать то, что я прикажу! Или то, что прикажет тот, кого я поставлю приказывать! Кто забудет об этом – умрет! И я поведу вас в мир, который там, за горами! И в этом мире – другие законы и другие обычаи! Например, там столько женщин, что их всегда хватит храброму солдату! И там есть море, которое слаще любой женщины! Я, парни, поведу вас туда и подарю вам радость, которой вы еще не знаете: я сделаю вас Войском!

Он остановился, медленно оглядел строй: до каждого ли дошло сказанное? Потом добавил более спокойно:

– Завтра пусть каждый возьмет все, что ему необходимо на десять дней, кроме пищи, и, вооруженный, ждет меня здесь через полчаса после восхода. Свободны!

И, развернув парда, поскакал в сторону Шугра.

Быстрые лапы зверя взбивали фонтанчики желто-серой теплой пыли. Вокруг поднимались стройные свечи кактусов. Голубые и сине-зеленые стволы расцвечены красными, белыми, желтыми пятнами цветов, уже осыпающихся. Там, где плоскогорье обрывалось и вниз уходил длинный зеленый язык склона, отделенный слева и справа

темными рубцами ущелий, Биорк выехал на грунтовую дорогу. Растительность здесь сменялась так резко, что это вызывало удивление. Там, где зеленый «язык», заросший кустарником и низенькими кривыми деревьями, переходил в гряды сходящихся вниз холмов, вдоль дороги в два ряда росли могучие сине-хвойные кедры с такими прямыми, несбежистыми стволами, будто были специально созданы, чтобы стать мачтами кораблей. Только им, красавцам, не суждено возноситься над палубами. Слишком далеко до моря. Да и сами урнгрия почитали кедры почти как святыню и даже не использовали в строительстве – нигде, кроме севера страны. Там кедры сплошь покрывали горные склоны.

Слева и справа от дороги лежали поля. На них еще не начался сбор урожая, как на тех, что лежали тысячью локтями ниже. Колосья мелкой урнгурской ржи созреют только к концу лета.

«Добрая земля, – подумал вагар. – Куда щедрее нашего севера».

Редкие встречные, завидев корону сирхара, спешили, если были верхом, или сходили на землю с неторопливых повозок, чтобы согнуться в низком поклоне. Когда вагар выехал на Дорогу Богов, позади раздался топот, и его парда обогнали несколько десятков всадников, салютовавших сирхару поднятыми мечами. Его подопечные спешили в Шугр – насладиться оставшейся частью дня. Вагар взглянул на сверкающие клинки в их руках и подумал, что такое оружие совершенно не годится для избранной им стратегии.

«Пики и круглые щиты! – решил он. – Надо дать распоряжение оружейникам! Хорошо, что железа вдоволь – накопилось за тысячелетия!»

Внизу показался опоясанный кольцами стен холм Шугра.

Летнее небо распростерлось над ним, такое синее, что захватывало дух.

Биорк посмотрел на север, откуда плыли к Шугру прозрачные, как кисея, облачка.

«Что-то долго нет Гестиона!» – подумал он.

VI

«Некогда царил на земле Ками, где нынче север Гурама, Владыка Сехем. Правитель мудрый, гордый и мощный, как подобает. Был он умом и сердцем Ками ровно тридцать лет. И процветала земля. И, процветая, забыл народ о праве богов. И, забыв, умалил почитание храмов своих. Но мудр был правитель Сехем – и не умерилась щедрость земли Ками.

Возроптали от людского небрежения жрецы Повелителя Судеб, сильнейшего из богов, и обратились к нему. А спустя время послали Сехему гонца из своих, и принес гонец следующее:

"Во славу древних Времен! Тебе, Господин земли! Мы, ничтожные из ничтожных, доносим речение бога: Умри, Сехем!"

Сильно разгневался Господин земли Ками. Ибо тридцать лет правил он одной собственной волей. Разгневался, но пощадил гонца. Помнил: подобает убить лишь вестника, злое принесшего. Рассудил: убью – злое принес. Оставлю в живых – ублажу Судьбу! И могучего бога ее тоже поражаю. Мудр был Сехем!

Однако ж сказанное богом – услышано.

Призвал тогда Сехем трех ближних своих, советников, коих поднял из красной пыли к ногам своим за ум и неутомимость в служении. Сказал им.

Испугались советники, стали просить: не слушай, забудь!

Засмеялся Сехем: как забыть сказанное богом? Засмеялся, но успокоил: время раздумий пришло, не время действий!

"Поднимите свитки древние, от Начала Времен, узнайте, было ли сходное прежде? Не лгут ли жрецы?"

Пять дней искали советники. И пятью пятнадцать сотен писцов искали с ними. Нашли, к скорби своей, и предстали пред господином.

– Было! – сказали. – Вот доказательство!

Взял правитель земли Сехем три свитка Древних, развернул их ему прислужник. Долго читал. И еще дольше думал. А потом отослал всех и велел не тревожить себя до восхода.

И провел Сехем полночи размышляя. А затем призвал к себе наложницу свою, златокожую Месхт. Пришла к нему Месхт, рассветила улыбкой лицо, подобное нежной луне.

– Дитя! – сказал ей Владыка (так звал он Месхт, хотя сравнялось ей тридцать полных лет). – Ответь: вот я, господин Ками! Мой долг – пред землей моей! Сказано здесь! – Поднял старейший из свитков. – Да умрет повелитель, чтобы утучнилась земля его! Нет же – умножатся бедствия! Надо всем – воля богов! – И помрачнел Сехем, потому что не хотел умирать, много было в нем жизни.

– Тридцать лет правлю я страной! – сказал. – И еще тридцать лет могу править! И сила моя не иссякла? Так?

– Не иссякла, о Владыка! – сказала златокожая Месхт.

Кому как не ей знать о силе Сехема.

– Тогда скажи, не ведающая лукавства: умереть мне? Или – жить? Как скажешь – так и поступлю!

– Зачем тебе умирать? – удивилась Месхт, прекрасная, как полная луна. – Ты силен, тучна земля твоя, свободна от бед! И плодоносит щедро год за годом! Изобильна она, зачем унавоживать ее более прежнего?

Понимала толк в урожае златокожая Месхт, чьи волосы – как осенняя ночь. На меже зачали ее родители, в теплое сено положила ее мать, родив. По праву была она дочерью земли Ками, по праву говорила от сердца ее.

– О мудрость твоя, что яснее моей! – воскликнул Сехем. И прижал к себе ласковую Месхт, и был с нею многожды, ибо не иссякла сила его, и зачал в ту ночь сына.

И провели они вместе весь последующий день, а когда взошла луна, повелел Сехем воинам своим взять старших из жрецов Повелителя Судеб, величайшего из богов, и бросить под ноги свои. И не ослушались воины: почитали Владыку выше, чем бога. И велел Сехем позвать палачей, искусных в деле своем, и предал жрецов в руки их, и сам наставлял палачей, ибо изоцрен во всем был ум Сехема.

И признались жрецы, что не открывались им уста бога: солгали они, чтобы извести Сехема, чтобы умножились приношения храмам Повелителя Судеб в Ками. И долго еще тешился Сехем, пока солгавшие не испустили дух.

И сказал тогда:

– Тридцать лет правил я Ками! Тридцать лет буду еще править!

И ушел почивать.

Тогда же явился к нему во сне грозный из грозных, Повелитель Судеб, Незъяснимым поставленный для разделения Времен.

И изрек ему:

– Дерзкий!

Потому что осквернил Сехем тела слуг бога, богу лишь принадлежащие.

И проснувшись, рассказал сон свой Сехем возлюбленной Месхт. И сказала женищина:

– Слыхала я: живет в горах, что к юго-западу от Ками, маг Сетхусп, что отправляет души смертных в Нижний Мир, а после возвращает назад, будто родились они заново! Иди к нему, о владыка! Не откажет тебе Сетхусп – и умрешь ты! И позабудет о тебе Грозный бог. И возродишься ты, сильный и мудрый, чтобы еще

тридцать лет править Ками!

И сделал Сехем, как сказала женищина. И не отказал ему Сетхусп, уложил его в склеп сияющий на время в четверть года и еще четверть четверти. И пребывал Сехем в Нижнем Мире время сие, а земля Ками была под руками советников его верных. Когда же минуло положенное, вернул его в Мир Сетхусп, и раскрылся склеп сияющий, и вышел Сехем, возрожденный, мудрый и сильный, и гладким было лицо его, как у юноши.

Вернулся Владыка земли Ками и правил ею еще двадцать два года. И процветала земля. А потом вошел в силу сын Сехема Аху, один из троих, Месхт рожденных, зачатый в ночь ложного пророчества. И восстал Аху, подстрекаемый северными магами. Тайно восстал, отрекся от отца, отказался от матери – немедленно пожелал завладеть богатой и могучей землей Ками.

Коварный, пришел Аху к отцу своему, и без звука пропустила его верная стража: сын, что наследует!

А Аху коварный обнял отца своего Сехема и уколол иглой с ядом. И стеснилось дыхание Сехема, и умер он, лишь в посмертии узнав, кто убийца. Потому не успел Сехем обуздать сына проклятием!

Но успела прекрасная по-прежнему Месхт!

Призвав богов, заклинала их обрушить свой гнев на отцеубийцу! Чиста сердцем была Месхт – услышали боги!

А Аху-отцеубийца воссел над землей Ками и правил. Две луны правил Аху. На третью пришел брат его единокровный Суманха и предал проклятого смерти.

Месхт же ушла в обитель мудрых и поселилась там, хуля и славя богов, ибо знала, за что постигла смерть возлюбленного ее и владыку!

И все же славен правитель Сехем! Потому что пятьдесят два года правил он землей Ками и радовалась земля под рукой его! А разве не в этом высшее благо?»

Гурамская легенда

Серый летел навстречу восходящему солнцу над безжизненными вершинами южного отрога Большого хребта, называемого в Конге Межевými горами, поскольку они отделяли обжитые земли от страшного Юга. Дракон летел высоко и, все же Санти приходилось время от времени брать за рукоять Белого Меча, чтобы отразить тянущиеся к нему магические щупальца. И Большой хребет, и Межевые горы полны волшебства. Страшного, но притягательного. Иногда Санти казалось, что не озаренные солнцем горы плывут под ним, а темная жадная зовущая бездна. Санти даже позавидовал дракону, чей разум был на диво устойчив к магии.

Серый летел на юго-восток. Туда, где за цепью Межевых гор лежал Гибельный Лес. Санти летел туда впервые. До сих пор Серый носил его на восток, к берегам моря Зур, или на северо-восток, над Хуридой, к южному берегу Межземного моря.

Вот уже полное десятидневье что-то влекло Санти на Юг. Зов? Чутье провидца? Или простая мысль: именно на Юг увозят «исчезнувших» по воле Великого Ангана? Раз его отец Тилод пропал в тот же день, что и Санти, значит, вполне мог оказаться на Юге. Юноша время от времени пытался внемлительной силой прозреть отца. И определенно знал: Тилод жив. Однако уловить его своей мыслью не мог, хотя многие часы провел в бесплодных попытках.

Голые утрюмые горы медленно уходили назад. Глаз Санти уже различал впереди фиолетовые пятна растительности. Воздух потеплел – дракон снижался. Он скользил вниз вдоль черного разлома, по дну которого мчалась рожденная ледником река. Еще несколько миль – и вместо мертвых камней внизу закудрявилась фиолетовая, синяя, зеленая шерсть леса.

«Интересно, есть ли здесь люди?» – подумал Санти.

На северных землях, в предгорьях, даже на этой же высоте, уже попадались селения и возделанные поля.

«Людей нет!» – немедленно отозвался дракон. Это, впрочем, означало лишь одно: Серый их не чувствует.

«Не опускайся слишком низко!» – предупредил Санти.

Все-таки как быстро! С рассветом они вылетели из Урнгура, а не позже захода достигнут южной границы Черного материка. Полет дракона! Здесь, наверху, время движется не так, как на земле. И быстрее, и медленнее одновременно!

«Куда течет эта река?» – спросил Санти.

«К месту, где много людей! Очень много людей, а дома велики!»

«Так это Сарба?» – удивился Санти. – Я думал, она намного севернее!»

«Ты хочешь, чтобы мы полетели вдоль реки?»

«Нет! Лети к югу!»

Дракон послушно развернулся, и солнце теперь светило в левую щеку Санти. Вскоре под ними уже простерлась плотная пестрая крыша джунглей.

Даже отсюда, сверху, Санти ощущал кипение жизни под ярким растительным пологом.

«Серый, неужели и здесь нет людей?»

«Есть! – лаконично ответил дракон. – Не много».

«Такие, как я?»

«Некоторые – да. – И добавил: – Внизу – смерть!»

Санти мгновенно схватился за навершие меча и, наклонясь – встречный ветер хлестнул его по щеке, – впился взглядом в разноцветный ковер, но ничего не ощутил.

«Не опасно!» – добавил дракон, и Санти расслабился.

Извилистая трещина рассекла крышу Гибельного Леса. Река. Она текла на юг. Дракон, по собственному почину, полетел к ней, и спустя минуту они уже скользили над зеленой сверкающей лентой. Дракон снизился, и Санти ощутил всю стремительность их полета. А ведь казалось – Серый даже не шевелит крыльями.

Впереди, словно туча пыли, поднялась стая ургов. Дракон летел прямо на них. Урги были огромные, пятнистые, прежде Санти таких не видел. Когда Серый врезался в стаю, крылатые ящеры с воплями бросились в стороны, а потом устремились следом, крича и шумно хлопая кожистыми крыльями. Но Серый не обратил на них внимания. Его челюсти без труда перекусят пополам и более крупное существо, а тягаться в скорости с драконом ургу бессмысленно.

Кое-где река расширялась, образуя острова – отдельные лоскутки пестрого ковра джунглей. Но на всем ее протяжении не было ни судов, ни каких-либо других знаков человеческого присутствия.

«Поднимись выше! – попросил Санти. – Я хочу найти места поселений. Ты чувствуешь их?»

«Я чувствую людей!» – ответил дракон.

И попытался передать Санти, что именно он чувствует. Но для юноши образ был слишком сложен.

«Поднимись повыше!»

И Серый медленными кругами начал взбираться в жаркое небо. Шел последний месяц лета, и здесь, на Юге, солнце не знало жалости. Его лучи добирались до макушки юноши даже сквозь головную повязку из восьми слоев воздушного тайского шелка. Но наверху было прохладней, а когда дракон заскользил вперед, свежий ветер дунул в лицо Санти, охлаждая разгоряченную кожу.

Река внизу превратилась в зеленую нить. Краски листвы слились в единый светло-зеленый фон, оттенки которого создавали некий сложный узор. Санти чувствовал, что море листвы внизу хотя и напоминает настоящее море, несет в себе совершенно иную силу. Лес впитывал свет, как земля впитывает дождь. Сейчас, когда света было слишком много,

часть его отражалась от лиственного покрова, порождая «ручьи» и «озерца». А то, что «впитывалось», вызывало там, внизу, под пологом, мощное кипение жизни, так же, как прошедший дождь оживляет корни под землей.

В единый миг Санти осознал, что именно солнце дает жизнь Миру. Хотя здесь, на Юге, оно способно и отнять ее.

Санти понял живительную мощь светила и поднял лицо навстречу его лучам. И Небесный Огонь, прикоснувшись к Санти, наполнил его. Тело стало легким и сияющим, как в волшебном сне. Санти показалось: сейчас он оторвется от спины дракона и взлетит. Существо его притягивалось к Дарителю Света, как поднимающийся над водой пар.

«Вижу то, что ты ищешь!»

Санти очнулся, услышав мысль дракона. И взглянул вниз. Серый парил на огромной высоте. Санти, хотя и смутно, видел одновременно и темные зубцы горного хребта, и извилистый край берега моря. Сверкающие, как серебро, паутинки рек пронизывали ткань джунглей. Ближе к горам нитью жемчужных бусин легла цепочка озер. Рек было шесть. Пять из них прорезали джунгли, шестая, самая северная, Сарба, змеиной петлей изгибалась к северу.

Лес, реки и горы – вот все, что видят с такой высоты глаза человека.

Но в зрачке дракона есть особое место, позволяющее крылатому гиганту разглядеть крошку-медовницу с высоты тысячи локтей.

«Вижу три места, где живет много людей».

«Лети к самому большому», – попросил Санти.

Дракон наклонил голову и опустил концы крыльев. Поток воздуха ударил в лицо юноши, заставил пригнуться, спрятавшись за выступ позвонка. Серый наполовину сложил крылья и камнем упал вниз. Такой полет доставлял дракону огромное удовольствие. А Санти изо всех сил вцепился в шейный шип. Встречный ветер мог запросто сорвать его со спины.

Но драконы всегда помнят о своих всадниках. Шея Серого изогнулась, голова приподнялась над линией крыльев, и широкое основание рога защитило юношу от напора рассекаемого воздуха.

Они летели с безумной скоростью, но земля приближалась медленно. Дракон чувствует небо и за полмили «видит» теплый восходящий поток. Дракон падал – и поднимался одновременно. То была почти магия. Магия, с помощью которой огромные могучие существа часами парили над землей и перелетали с континента на континент на «спине» штормового ветра. Серый был способен на большее. На то, что не по силам ни одному дракону Мира. И любой маг, странствовавший на крылатых повелителях воздуха, по одному лишь полету серого гиганта обнаружил бы необычное. Но Санти не был странствующим магом. Он вообще не был магом, в обычном понимании. Волшебная сила его исходила изнутри, а не извне, как у подавляющего большинства чародеев Мира.

Припав к теплой упругой шее дракона, Санти с быстротой арбалетной стрелы пронзал жаркое небо Юга, а внизу, неразличимый для человеческого глаза, скользил по сверкающей поверхности Зеленой Реки маленький тростниковый плот...

Скрестись в этот день пути Воды и Воздуха – и история Мира, возможно, стала бы иной. Но Судьбе было угодно, чтобы Спящий Дракон Конга наконец проснулся. Поэтому Серый летел на север, а тростниковый плотик по-прежнему скользил на восток, по мутно-зеленым водам южной реки: каждый – к своей цели. И обоих странников вел зов: одного – зов сердца, другого – зов злой воли, из бездн времени повелевавшей настоящим: жизнями и судьбами людей... И не только людей.

Три минуты понадобилось дракону, чтобы от Зеленой долететь до Южанки, самой широкой из пяти рек Юга, бравшей начало не от Великой Топи, а от самых отрогов Межевого хребта.

Дракон, снизившись до двухсот локтей, ниже вершин большинства деревьев-великанов Гибельного Леса, кружил над городком. Санти отчетливо видел каждый из домов поселка, даже крохотные фигурки людей, высыпавших посмотреть на дракона, хотя в это жаркое время человеку приятней оставаться под крышей. Каждый догадывался, что на спине дракона – человек. Какой дракон станет кружить над поселением людей? Что ему люди? Значит, на спине крылатого исполина маг. Магов же в Конге почитали и побаивались. У Санти появилось желание немедленно спуститься и заняться розысками отца. Но юноша вовремя вспомнил: магический его талант явно недостаточен, чтобы повелевать людьми. Тем более – военными. На большинстве задранных вверх голов даже сейчас, в полуденное время, поблескивали стальные шлемы. А в военном поселении слово начальника – единственное. Для начальника же наверняка единственным было слово Великого Ангана. Раз уж его поставили стеречь тех, кого Великий Анган счел опасными для себя. Нет, будь даже Санти искусным магом, садиться не стоило. Юноша в последний раз окинул взглядом городок, с трех сторон огражденный стеной, а с четвертой – рукавом реки. В небольшом порту у длинных деревянных пирсов покачивались три небольших торговых судна со спущенными парусами, два военных трехмачтовика и несколько десятков разномастных лодок. Джунгли вокруг поселка зачищены на милю в глубину, освобожденное место окружено еще одной стеной и, в свою очередь, отделено от Леса полоской выжженной земли. А между двумя стенами земля поделена на аккуратные прямоугольники плантаций. Дорога шириной шагов в десять уходила от поселения прямо в Гибельный Лес, а еще дальше Санти увидел несколько просек.

Дракон напомнил о себе: он был голоден. Санти вздохнул и позволил ему лететь к морю.

Солнце перевалило через макушку неба и неторопливо спускалось вниз. Маленький плотик достиг излучины Зеленой, места, где река делала петлю, полукругом обводя источенную пещерами стену.

Три фигуры, одетые в темно-серые плащи, расположились в густой тени Гибельного Леса в полумиле от места, где обрывалась просека. Рядом, разбросав лапы, вывалив широкие розовые языки, изнывали от жары три парда хушенской ⁴ беговой породы. Пардам было очень жарко. А вот хозяева их даже не потрудились сбросить с голов капюшоны: плевать им было на жару. И они не озирались по сторонам, выискивая опасность. Вел себя так, словно не Гибельный Лес вокруг, а мирная северная роща.

Но никто их не беспокоил. Даже мелкая живность держалась поодаль.

Внезапно один из троих пошевелился. Голова его медленно откинулась назад, и глаза, блеснув из-под нависающего капюшона, обратились вверх, на пеструю крышу листьев. Двое других тоже взглянули вверх. Три головы медленно поворачивались, будто сопровождали взглядом нечто, движущееся там, наверху, в сплетении пышных ветвей.

Затем все трое одновременно встали и, не обменявшись ни словом, подняли разомлевших пардов. Мгновение – и ремни упряжи подтянуты, а трое в плащах сидят в высоких седлах. Ножны мечей оттопыривали плащи, но под остроконечными капюшонами из толстой паутинной ткани не было шлемов: всадники не принадлежали к сословию воинов.

Быстрые хушенские парды сорвались с места и помчались, пластаясь над густой щеткой трав, так что только мелькали по сторонам облепленные лианами стволы. Время от времени один или другой пард взмывал вверх, перемахивая через кустарник или замшелый ствол поваленного исполина.

Вихрем вырвались три парда на просеку, где работали десятка четыре ссыльных под охраной солдат. Солдаты едва успели проводить их взглядами. Несколько сторожевых псов с басистым рыком бросились в погоню, но тут же отстали от пардов.

⁴ Хушен – столица Гурама.

В минуту домчались всадники до охраняемых ворот. Заслышавшая рычание собак стража уже ждала, держа наготове оружие. Две баллисты, снаряженные огненными стрелами из поднятых над частоколом башен, «глядели» на дорогу.

Три всадника вырвались из тени Гибельного Леса. Стражники уперли в плечи приклады тяжелых арбалетов... Но медлили: все-таки – люди. До ворот оставалось шагов триста. Однако всадники, вместо того чтобы придержать пардов, погнали животных еще быстрее. Щелкнули, разряжаясь, арбалеты. Одна из баллист выбросила снаряд, ударившийся о дорогу и вспыхнувший огненным коптящим озерцом. Мимо. Стражники шарахнулись в стороны, трое в развевающихся серых плащах ворвались в открытые ворота и понеслись по дороге между двумя плодовыми рощами. Полдюжины стрел было выпущено им вслед – впустую. Пронзительный вопль боевой раковины предупредил охрану внутренних ворот о вторжении. Но те не успели их запереть. Пока четверо солдат бежали к тяжелым створам ворот, всадники уже примчались и, разбросав в стороны стражу, понеслись по придавленному жарой городку.

Солдаты бросились к стойлам пардов, но, прежде чем звери были оседланы, три всадника уже вынеслись на пристань.

Двухмачтовая улла ⁵ только что подошла к одному из причалов. Гребцы, подняв вверх длинные весла, убрали их внутрь. Солдаты, сверкая остроконечными шлемами, один за другим сходили по трапу.

Трое вскачь вылетели на причал и осадили хрипящих зверей. Один спрыгнул на раскаленные доски и, грубо растолкав солдат, взбежал по трапу на борт уллы. Так быстро, что опередил даже полетевшие ему вслед ругательства. Человек в плаще стремительно прошагал на корму, где на него с изумлением уставились молодой кормчий и десятник, командующий воинским отрядом уллы.

– Что надо? – резко спросил кормчий.

Человек молча распахнул плащ.

Под серой паутинной тканью конгаи увидели светло-зеленый мундир высшего чиновника и серебряный медальон с изображением Спящего Дракона.

– Вернуть всех! – холодно произнес человек в плаще. – Мы плывем к морю!

– С какой стати? – буркнул кормчий. – Люди устали и...

– Молчи, Ругон! – оборвал его десятник. – Не слушай его, мой господин! – обратился воин к человеку в плаще. – Он – верный человек! – И, выхватив свисток, четырежды дунул в него. А потом скомандовал зычным голосом, разнесшимся по всему причалу: – Всем – на борт! Живо! – И кормчему: – Пошевели своих, Ругон! Вниз по течению, да еще с попутным ветром – невелика работа!

Воины бегом устремились наверх.

Когда стражники с южных ворот примчались к пристани, последний из пардов был уже на палубе судна, а матросы втягивали трап.

– Стой! Стой! – закричали стражники, срывая со спин арбалеты.

Человек в плаще, стоявший у борта, вновь распахнул плащ.

Солнце вспыхнуло на серебре медальона.

Десятник стражников, подскакавший вплотную, всмотрелся, потом плюнул на горячие доски и развернул парда.

– Возвращаемся! Все в порядке! – крикнул он остальным, и вполголоса: – Не мог сразу сказать, собачий сын! Вскать по такой жаре!

– Отдать швартовы! – рявкнул кормчий.

Несильно ударяя веслами, гребцы вывели уллу на середину Южанки. Ветер вздул золотистые паруса, и судно скорым ходом двинулось вниз по течению.

⁵ Улла – среднее парусно-гребное судно, напоминающее древнеримскую либурну, но поменьше и с иным парусным вооружением.

«...Тогда мудрейшая из Королев во славу Хаора Доброго повелела заложить крепкий мост через...» – дальше бумага свитка была запятнана черным, более всего напоминающим след сапога. Санти отбросил свиток и растянулся на животе под сенью одичавших лимонных деревьев. Их было много здесь, на побережье, куда не доставало влажное дыхание Гибельного Леса. И не только лимонов. Крохотные зеленые персики, орехи, оливки. Когда-то тут жили люди, но Санти даже представить не мог, как давно это было. Юноша опустил ладонь в крохотный ключ, выбивающийся из трещины между камнями и тут же исчезающий в земле. Смочив лоб, он снова потянулся за свитком. Юноша уже неплохо говорил на языке урнгрия. А вот читал пока с трудом: урнгурская письменность не имела ничего общего с конгайской. Да и рукописи ему попадались не слишком интересные: жалобы, отчеты управителей, своды каких-то правил. Но юноша все надеялся отыскать что-нибудь достаточно древнее, чтобы добраться до истоков народа урнгрия. Ему это представлялось невероятно важным. Но поиски оставались безуспешными. Даже тысячелетней давности рукописи немногим отличались от современных. Казалось, до прихода Санти и его спутников время в Урнгуре текло по кругу. Санти не слишком рассчитывал на успех. Даже тысячелетие – небольшой срок для такого народа. То, что он искал, уходило в более глубокую древность. Махд-Шагош! Он чувствовал этот звук, чувствовал так, словно это ключ от неведомой двери.

Наступил вечер, но было достаточно светло, чтобы разбирать урнгурское угловатое письмо. Дракон давно улетел. Наверняка наелся рыбы и теперь спит на каком-нибудь скалистом острове.

Лежа на мягкой траве за двадцать шагов от берегового обрыва, юноша вновь ощутил себя таким, каким он покинул Фаранг. Воспоминания, друзья, магия – все это куда-то отодвинулось. Остались лишь запах земли и травы, свиток перед глазами, аромат лимонного дерева, шорох листвы над головой, отдаленный плеск волн у подножия обрыва. Глаза слипались. Мысли стали тягучими, медленными. Санти опустил отяжелевшую голову на руки: дремота овладела им...

Над моей постелью ветер
Насвистит напев негромкий,
Тонкотканый, колыбельный...
Над моей постелью, светел,
Звездный Кормчий правит, ровно
Гнутся весла...

Санти проснулся.

Слух еще хранил звук сорвавшегося камня, но не это разбудило юношу. Опасность!

Он вскочил на ноги, огляделся. Вокруг сгущались сумерки. Краски лиственного ковра померкли. Внизу у подножия обрыва ворчал море. Санти опустился на траву, надел сандалии, пристегнул к поясу меч. Все, он готов. Вот только к чему? Обратившись спиной к обрыву, Санти вглядывался в полумрак между низкорослыми деревьями. Дальше, вверх по пологому склону, где листва начинала отливать синевой, кроны казались черными. Санти попытался проникнуть в глубь рощи магическим чутьем, но не уловил чужого присутствия. Хотя твердо знал – опасность придет оттуда. Юноша на всякий случай отошел поближе к обрыву, на открытое место. И послал зов дракону. Серый не отозвался. Наверно, был слишком далеко.

Время шло. Сумерки сгущались. Но никто не пытался на него напасть. И ощущение опасности понемногу развеялось. Ну и хвала богам! Оказавшись один на один с темнотой и угрозой, без друзей-воинов, без могучего дракона, юноша очень хорошо ощутил: он вряд ли сможет толком защитить себя. Все, чему он успел научиться, сам или с помощью Этайи, не сделало из него бойца. Вряд ли он сможет справиться даже с обычными грабителями. Но –

миновало. И хорошо.

Санти опустился на траву, прижался щекой к земле... и услышал мягкий топот бегущих пардов.

Юноша вскочил, словно подброшенный пружиной. Бежать? Но куда? И... поздно!

С трех сторон – топот и шумное дыхание верховых кошек. Три всадника возникли между деревьями. С трех сторон, одновременно, отрезая все пути к отступлению, – только обрыв за спиной, где полусотней локтей ниже плещется о камни теплое море.

Всадники выехали на поляну и остановились. Черные фигуры в остроконечных капюшонах. Лиц не разглядеть. Усталые парды шумно дышали, вывалив языки. Толстые хвосты раскачивались вверх-вниз.

«Я – маг», – подбодрил себя Санти.

И попытался сделаться невидимым.

Три всадника разом соскочили на землю. Санти невольно сделал шаг назад, но второго шага сделать уже не смог. Ни отступить, ни пошевелиться!

Юноша подавил приступ паники. И попытался проникнуть в мысли противников... Ничего. Там, где у обычных людей он находил переплетения слов и образов, у этих – мутные темные сгустки. Совершенно непроницаемые.

Трое не приближались к юноше, но он ощущал: с ним что-то делают. Вкрадчивые прикосновения. Так гладят молодого парда, перед тем как надеть упряжь. Мысль Санти обратилась к единственному существу, которое могло ему помочь, к Серому. Но он тут же понял, что связь с драконом тоже разорвана. Санти словно заворачивали в некую волшебную ткань, отделяя от мира. Теперь юноша уже не ощущал ни гнева, ни страха. Все эмоции, желания, чувства уходили прежде, чем возникали. При этом Санти совершенно ясно воспринимал окружающее. Звуки, запахи. Зрение обострилось настолько, что Санти смог во всех подробностях разглядеть горбатые морды беговых пардов, складки капюшонов неизвестных магов, листву над их головами. Только лица по-прежнему погружены в сумрак. Сердце Санти билось ровно и редко. Ноздри медленно втягивали пахнущий морем воздух.

Все, они закончили. Все трое разом зашевелились, встряхнулись, как освободившиеся от тяжелого груза.

Один из неизвестных направился к юноше. Санти слышал, как похрустывают опавшие веточки под ногами идущего. Юноша глядел на него совершенно равнодушно. Невидимые путы, сковавшие его, ослабели. Ослабели настолько, что Санти, бездумно, подвинул руку, пальцы его коснулись оголовья эфеса... и Санти мгновенно освободился!

Почему он не вспомнил о Мече раньше?

Белый Клинок сам собой выскользнул из ножен. Маг отпрянул.

Тьма под капюшонами рассеялась, и юноша увидел лица своих врагов, разные, и – похожие. И осознал: трое боятся его! Санти понял, что этот страх заставит их убить его.

«Серый! – позвал он. – Серый!»

Юноша крепче сжал спасительную рукоять, понимая, впрочем, что бесценный клинок не сделает его воином. К несчастью, понимали это и три мага. Их собственные мечи тоже покинули ножны. Пусть нападавшие не были бойцами, но уже не одну сотню лет умели владеть оружием. Белый Меч защищал хозяина от магии, но от стали тот должен был защититься сам.

«Мы не причиним тебе вреда! – раздался в мозгу Санти вкрадчивый голос. – Мы не хотим убивать тебя!»

Голос не лгал. Но и не говорил правду. Трое были врагами. Они были сильны и опасны. Отчего же происходящее вдруг показалось Санти игрой?

– Уходите! – громко сказал он. – Уходите прочь! Мне ничего от вас не нужно, и я тоже не хочу убивать вас! Прочь!

Три мага двинулись к Санти одновременно. Он прикинул, сумеет ли убежать. Вряд ли! Единственный открытый путь – обрыв. Только – это не путь. Да, маги не хотят его смерти. Но если им не удастся завладеть его жизнью, смерть Санти – наибольшее их желание. Санти

отступил на два шага. Трое не спешили. Юноша знал: им очень не хочется убивать его. До края обрыва оставалось девять шагов.

Санти снова отступил, и шагов осталось восемь. Шестнадцать локтей. Один прыжок парда.

Скользящая тень накрыла рожицу: дракон!

Слаженная воля трех магов устремилась ввысь, навстречу крылатому гиганту. Тень исчезла... и возникла снова.

Парды заурчали и попятились туда, где листва погуще.

Серый кружил над поляной, обдавая людей волнами воздуха. Санти ощутил, как сосредоточенная сила магов пытается оттолкнуть дракона. Самого Серого маги не боялись (драконы не нападают на людей), но крылатый мог унести Санти.

«Серый!» – позвал юноша, и зов его легко перекрыл мысленные окрики врагов. Сознание юноши соприкоснулось с сознанием дракона. И Санти увидел. Но не то, что видел дракон.

Плещущееся далеко внизу море, обрыв, серебристая трава, озаренная лунным светом, и он сам, лежащий ничком, в одежде, покрытой темными пятнами крови, со скрюченными пальцами, зарывшимися в сухой дерн, и кровавой вмятиной вместо затылка...

Это его, Санти, будущее... НЕТ!

Три мага, поняв, что дракона им не отогнать, двинулись к юноше. Санти неумело взмахнул мечом. Он не даст зарезать себя, как овцу!

Сильный порыв ветра толкнул Санти, когда крылатый гигант, сложив крылья, упал вниз, взрыв когтями каменистую землю. Ромбовидный «плавник» хвоста просвистел над головой Санти. Юноша отпрыгнул в сторону и увидел, как узкая треугольная голова раскачивается над сбившимися вместе магами. Длинные челюсти разошлись, мощный крик вырвался из глотки дракона. Перепуганные парды в ужасе бросились прочь: Санти услышал гулкие удары лап и хруст ветвей, быстро затихшие вдалеке.

Серый неуклюже прыгнул вперед, на отступающих магов, выставивших мечи. Острия клинков подстерегали каждое движение дракона. Санти заметил, что бока Серого округлились от съеденной рыбы.

Маги разошлись. Санти ощущал их смятение. Если бы он умел читать не только чувства, но и мысли, то понял бы причину их смятения. Они не понимали происходящего. Они не понимали этого дракона. Но отступать не собирались. Теперь двое из них старались зайти с флангов. Голова дракона маятником ходила над головами магов. Сумеет ли дракон, отяжелевший от еды, защитить себя? Юноша вспомнил Ди Гона. И еще он вспомнил слова Биорка о том, что настоящий маг может двигаться куда проворней, чем обычный человек. Из горла дракона вновь вырвался ужасающий крик. Даже Санти содрогнулся. Но не маги! Темные фигуры в длинных плащах, с тускло поблескивающими клинками, от которых во все стороны расползались щупальца Ужаса, сковывающие все живое.

Санти был защищен от пут Темной Силы Белым Мечом. А дракон?

Санти чувствовал: чародеи совсем не боятся крылатого гиганта.

«Серый! Улетай! – воззвал к нему Санти. – Они убьют тебя!»

Дракон смахнул его мысль, как человек отталкивает шалящего щенка.

Три мага ринулись вперед, разом, с невероятной быстротой...

И вот тут Санти, наконец, увидел, на что способен дракон. Огромная голова метнулась вперед быстрее, чем мысль. Один из магов взлетел вверх – сомкнутые челюсти ударили его в грудь, проломив грудную клетку. Он еще не коснулся земли, а треугольная голова уже устремилась вправо и ударила второго врага, вбив ему в легкие осколки ребер и подбросив на десяток локтей вверх. Третий маг с невероятной быстротой метнулся вперед и ударил мечом по гибкой блестящей шее...

Клинок отскочил, не оставив и царапины, а живой таран, описав в воздухе полукруг, обрушился на чародея сверху, и мозг мага разбрызгался, как начинка спелого плода от удара палкой. И тут первый из магов, грохнувшийся на траву в двадцати шагах от дракона, встал. В

груди его зияла огромная рана, но чародей, подобрав меч, бросился в атаку. Не на дракона – на Санти! Враг двигался с нечеловеческой быстротой, и все же дракон опередил его. Широкое крыло вскинулось вверх. Когтистые пальцы, растущие из среднего сочленения, растопырились и схватили мага за правое плечо. Острые кривые когти пропороли человеческие мышцы. Маг дико закричал, уронил меч. Челюсти дракона лязгнули, но чародей как-то ухитрился увернуться. Дракон разжал когтистые пальцы, стряхнув укрытую плащом фигурку на траву. И на сей раз узкие челюсти дракона настигли врага, с хрустом сомкнулись...

Серый взмахнул головой, и то, что осталось от тела мага, исчезло за краем обрыва. Спустя несколько мгновений Санти услышал удар о прибрежные камни.

Несколько мгновений – и рухнул один из древнейших постулатов Мира, гласивший: драконы никогда не нападают на людей. Любой настоящий маг немедленно задался бы вопросом: что произошло? Драконы изменились? Впервые за тысячелетия? Или серый крылатый гигант Санти – не дракон?

Но Санти не был настоящим магом. И не знал почти ничего из того, что следует знать магу. Он даже не удивился. Даже пард защищает своего хозяина, почему же дракон должен вести себя иначе?

И край крыла коснулся ног юноши!

«Мы не будем ночевать здесь! – услышал он мысленную речь Серого. – Плохое место!»

Что ж, вероятно, так и есть. И Санти спокойно шагнул на эластичную перепонку дракона, который только что убил троих людей. Не просто людей – магов...

Так свершилось то, что должно было свершиться. То, чего надеялись избежать те, кто за два с половиной столетия до рождения Санти, пересекли путь основателя рода Асенаров с путем народа вагаров. И соединили эти пути навсегда, чтобы в нужное время чистая кровь Асенара и добрая сила Белого Клинки вагаровой работы остановили возрождающуюся древнюю мощь – чтобы никогда больше не легла на земли Мира страшная тень окрыленной колесницы...

VII

«Шел второй месяц зимы, месяц Снега. А здесь, в лесах северо-западного Хольда, снега всегда вдоволь. Тяжелыми толстыми подушками лежал он на ветвях пихт и могучих голубых кедров, поблескивающим выпуклым ковром укрывал землю, превращая лес в подобие уходящего в бесконечность тронного зала Северного Владыки. Чистого сверкающего зала с множеством взметнувшихся ввысь серебряных колонн.

Слой снега – по горло среднеростому человеку. И достиг бы середины нагрудника Асхенны, как раз до медальона с родовым гербом, дарованным его отцу Торду. К счастью, Асхенне не приходилось измерять глубину сугроба собственным телом. Будь это так, он навсегда бы остался в лесах Владыки. Бегство Асхенны было столь поспешным, что лыж у него не оказалось. Убить же какого-нибудь зверя, чтобы сделать из его шкуры снегоступы, Асхенна мог и не успеть.

По счастью, с Асхенной – пард. Могучий боевой пард хольдской породы, неутомимый, густошерстый, вскормленный самим Асхенной и вышколенный им для себя. Пард стального цвета, без единого пятнышка, словно поседел от старости. Но эта седина – лишь знак чистоты крови. Как светлые с золотом волосы самого Асхенны. Пард в лучшем возрасте, не будь снежный покров свежим, широченные лапы зверя спокойно несли бы тяжесть и его самого, и вооруженного воина, сидящего в высоком седле. Так было, когда летел пард по твердому насту, унося Асхенну от преследователей.

Но сейчас, после обильного ночного снегопада, корка стала слаба. Хотя бледно-золотые лучи, прорывавшиеся сквозь кроны, обещали, что к ночи, когда похолодает, наст станет твердым, как панцирь.

Буран (так звал своего парда Асхенна) передвигался короткими прыжками, каждый раз проламывая лапами наст и по брюху проваливаясь в снег. Не будь шерсть парда такой густой и жесткой, лапы его до крови изодрались бы об острую корку. Но все равно зверю приходилось тяжко. Асхенне намного легче. И он мучился, сознавая, что ничем не может помочь другу. Воин готов был сделать остановку, но в седельных сумках не так уж много еды, а кто поручится, что ночью опять не пойдет снег?

Месяц назад Асхенне исполнилось восемнадцать лет. Вместо густой бороды, приличествующей воину-норгу, его нарумяненные морозом щеки покрывала редкая светлая поросль, сгущавшаяся на верхней губе. Асхенна – сын воина и воспитан отцом как воин. Для войны. Для этой войны. Одиннадцать дней назад светлорожденный Галуд, властитель Элека, был предательски заколот собственным братом, и благородный Торд, отец Асхенны, был убит на том же кровавом пиру. Впрочем, за двенадцать лет Смуты подобное стало в империи обычным делом. За Асхенной смерть пришла на следующее утро: кто оставляет в живых возможного мстителя? Убийцы нашли Асхенну... и кованный вагарами черный спад юноши оказался быстрее трех клинков, ищущих крови сына Торда. А Буран – быстрее пардов погони. От берега озера Лейр, через земли русов преследовали Асхенну. И хотя мать его и бабка были русами, не осталось здесь родичей у Асхенны. Весь западный берег Руссы лежал в пепле и руинах. Только на землях веддов погоня отстала, может, потеряв след, а может, отчаявшись догнать неутомимого Бурана. Земли веддов тоже опустошила война. Асхенна видел флаги владельцев, развевающиеся над уцелевшими крепостями, но в брошенных деревьях не видел ни людей, ни скота, ни даже горсти ячменя. Не стал сын Торда искать у веддов убежища, подумал: тут и своих голодных ртов хватает. И направил парда на северо-запад, к Дикому лесу. Решил молодой воин ехать к вольному Гарду. Там, у подножия Ледяных гор, вблизи земель кузнецов-вагаров, которых не рисковали задевать ни светлейшие властители, ни наемные дружины, вряд ли достанет Асхенну рука врага! А в Гарде, городе рыбаков и морских охотников, владеющий мечом и парусом Асхенна найдет себе место. Год-другой на одном из кораблей, что бороздят Имирово море, а там, глядишь, настроение у богов переменится, и черный спад Асхенны попьет крови убийц.

Пард окончательно выбился из сил и остановился, тяжело дыша, жадно глотая снег.

– Ах ты бедняга! – ласково сказал ему всадник и соскочил в сугроб. Пард быстро лизнул его в нос розовым жестким языком и тут же лег. Асхенна утоптал снег, развязал седельную суму и вынул кусок жирного прессованного корма. Буран с хрустом принялся размалывать зубами коричневую лепешку, а его хозяин достал завернутую в мех флягу с теплым еще вином и узкую ленту вяленого мяса. Свернув пополам лепешку из ячменной муки, он засунул в нее мясо и принялся за еду. Как удачно, что в то роковое утро он собирался отправиться на охоту и приготовил припас на двенадцать дней. Сейчас от припаса остались крохи, но и до цели – не больше пятидесяти миль. Летом Буран донес бы его за один дневной переход, зимой же потребуется два-три дня. И то – если наст будет крепким.

"Ничего! – подумал Асхенна. – Дойдем! Буран найдет под снегом

слизней, или я подстрелю кого-нибудь! Дойдем! Даже если снова будет снегопад!"

Воин прислонился к теплому боку парда и проверил, хорошо ли затянут чехол, защищающий от сырости лук и саадак со стрелами. Пард уснул, положив широкую голову на передние лапы, свернув в клубок мускулистое гибкое тело. Асхенна втиснулся внутрь этого клубка, и ему стало совсем тепло. Впрочем, молодому воину и прежде не было холодно: одежда из двойного меха, наружу и внутрь, хороша в самые жестокие морозы. И не нужно возиться с костром. Хотя, если он убьет кого-нибудь, огонь все равно понадобится.

Асхенна заснул.

Когда он проснулся, вернее, когда проснулся пард, разбудив и хозяина, уже наступил вечер. Стемнело, но даже для человека было достаточно светло. Луна плыла по звездному небу, и ее свет просачивался между лапами кедров и рассыпался блестками по снежному насту.

Пард встал, стряхнув с себя хозяина, и лизнул наушник его шапки.

Асхенна вскочил на ноги и ткнул рукавицей в стенку снежной ямы. Крепко! Надышали! А наверху?

Буран потерялся головой о плечо хозяина. Человек, поняв, освободил зверя от груза: седельных сумок и оружия. Толкнувшись задними ногами, пард мягко вспрыгнул наверх, осторожно прошелся по снежной корке. Держит! Пард фыркнул, рыкнул и забегал кругами, прислушиваясь, принюхиваясь, перебираясь от одного ствола к другому, – искал слизней. Голубые слизи невелики, обычно – не больше локтя длиной. Поедая опашистую хвою, они возятся под снегом, затихая лишь в самые сильные морозы. Парду ничего не стоит услышать слизня даже под четырьмя локтями снега. Сам Асхенна притронулся бы к слизи, лишь умирая от голода. Впрочем, в Диком лесу и зимой достаточно более привлекательного мяса. Мясо это быстро бежит и неплохо защищается, но у Асхенны сильный лук, да и уйти от парда может разве что рогатый прыгун. А если наткнуться на стаю серебряных ящериц или желтых бахунов, из чьих шкур получается отличная, не хуже акульей, кожа для щитов – еды хватит на целую сотню всадников. Верно, однако, и то, что не один Асхенна охотится в лесу. Но хуруги сюда забредают редко, да и спят они зимой, а быстрые, как молния, короткохвостые белые рысы никогда по собственной воле не нападут на всадника.

По-настоящему опасны столько харсы – огромные голубые убийцы, свирепые кошки пятнадцати локтей в длину, в один прыжок покрывающие тридцать шагов. Да еще – Серые Убийцы, двуногие волосатые ящеры в двадцать локтей длиной. Эти не будут специально выслеживать парда и человека, как это делает харса, но не откажутся закусить при случае и тем, и другим.

Асхенна охотился и на харсу, и на Серого Убийцу. Но тогда он был не один, и охотников сопровождали псы, несколько больших свор. Без натасканных собак, если встретишься с гигантом-ящером один на один, – надежда только на ноги парда! А уж харса, Смерть Севера, достигнет даже парда, если окажется от него в нескольких прыжках. Впрочем, копье и меч Асхенны – с ним. Да и Бурана не стоит забывать. Хотя, по правде, против харсы пард – ничто.

Буран сильными ударами когтистых лап проломил корку и нырнул в сугроб. Асхенна слышал, как он рычит под снегом, забираясь глубже, отшвыривая задними лапами поблескивающую пыль. Воин выбрался из ямы, притопнул ногой – держит. Значит, будет держать и парда со всадником!

– Буран! – позвал он.

Пард выкарабкался из-под снега, поспешно проглотил остаток слизня и подбежал к хозяину. Асхенна спихнул его в яму, приладил к седлу груз и шлепнул парда по мохнатому крупу. Буран мощным прыжком выметнулся вверх, и Асхенна прыгнул в седло.

Теперь они двигались быстро. Пард бежал бесшумной рысью, Асхенна покачивался в седле, поглядывая по сторонам. Иногда ему чудились тени, скользящие по сверкающему в свете луны снегу. Но поскольку пард продолжал бежать в прежнем темпе, опасности не было. От быстрой езды Асхенна пришел в отличное настроение. Через день они достигнут реки Индир. А там и до Гарда рукой подать.

Буран бежал всю ночь. Хольдские парды воистину неутомимы! А утром Асхенна заметил несколько бахунов, длиннотелых желтоволосых ящеров, пожирателей слизней.

Увидев человека на парде, бахуны начали быстро зарываться в снег, но Асхенна успел сорвать чехол с наконечника копы и метнул оружие в последнего из желтых. К немалой силе броска прибавилась скорость мчащегося парда: тяжелое копы с широким, плоским, остро отточенным наконечником ударило в спину ускользающего бахуна, пробив прочную пластинчатую шкуру, обросшую сверху подобием волос. Редкой красоты получился бросок! Асхенна даже взвизгнул от удовольствия. Выхватив меч, он скатился в сугроб. Бахун корчился в агонии: железко копы перешибло ящеру хребет. Снег быстро пропитывался кровью. Асхенна схватил бахуна за хвост и рывком перевернул его на бок. Пасть ящера, полная мелких острых зубов, потянулась к человеку, но зверь уже издыхал. Ударом меча Асхенна перерезал светлое пульсирующее горло. Освободить охотничье копы оказалось потрудней.

Отрубив мясистые задние лапы и хвост, воин связал их вместе и отложил в сторону. Потом кивком головы разрешил томящемуся Бурану заняться остальным. Пард, рыча, набросился на окровавленную тушу и быстрыми ударами передних лап мгновенно выпотрошил бахуна. Набив брюхо внутренностями (больше пард ничего есть не стал), Буран уселся на хвост и принялся вылизываться. Асхенна дал ему время привести себя в порядок, а потом привязал к седлу отрезанные части и отправился дальше. Сырым бахуна не едят, и воин высматривал поваленное дерево, чтобы развести огонь. Подроста в Диком лесу нет, а рубить вековой ствол лиственницы или кедра – только зря тупить боевой меч!

Однако прежде, чем Асхенна нашел то, что искал, лес кончился. Прямо перед ним лежало ровное заснеженное пространство. Поверхность замерзшей реки.

Индир! Без всякого сомнения – Индир!

На западе поднимались ввысь отроги Вагаровых гор, белые, с коричневыми проплешинами отвесных круч.

Последние деревья стояли в нескольких шагах от берега. Пард рывкнул и осторожно спустился на лед. Сбоку ударил порыв ветра. И принес запах, от которого Буран с яростным рыком шарахнулся в сторону...

Вытянув мощную шею, опустив книзу круглую голову с крохотными круглыми ушами и задрав пушистую морду, сине-голубую, с темными полосками прищуренных глаз и розовым пятном носа, вокруг которого встопорились длинные, с черными кончиками усы, дергая толстым хвостом, к ним кралась харса.

И пард, и Асхенна слишком поздно увидели хищницу, укрывавшуюся за откосом речного берега.

Пард еще раз взревел. В нем боролись два инстинкта: сражаться или бежать?

Но Асхенна знал: сейчас бежать бессмысленно. Хищница, в четыре раза превосходящая размерами Бурана, догонит в один прыжок.

Белые края пасти харсы раздвинулись, выдохнув негромкий, очень низкий рык. Ноздри ее расширились, втягивая запах добычи.

– Стоять, – вполголоса скомандовал Асхенна парду.

Не сводя с хищницы глаз, он поспешно сбросил верхние рукавицы, развязал веревки, которыми куски бахуна были приторочены к седлу.

Харса сделала еще один маленький шажок. Маленький – для нее. Брюхо хищницы прижалось к земле, но все равно широкая спина со вздыбленным вдоль хребта синеватым мехом была выше стоящего на прямых ногах парда.

– Стоять! – еще раз повторил воин.

Если пард побежит – харса прыгнет.

Размахнувшись, воин швырнул хищнице хвост и лапы бахуна. Мясо упало как раз между нею и всадником.

Харса продолжала подбираться к добыче. Она, безусловно, заметила мясо и учуяла запах крови, но сузившиеся в щелки глаза были направлены на человека и парда. Когда до мяса оставалось каких-нибудь три шага, а расстояние между харсой и всадником сократилось до одного прыжка хищницы, воин медленно вытащил из ножен меч.

Харса приподнялась. И вдруг быстро схватила мясо. Всю связку сразу.

– Беги! – приказал Асхенна. И пард сорвался с места. Если харса прыгнет сейчас и не достанет их – у нее будет второй и третий прыжок. А потом ей уже не догнать парда!

Харса прыгнула. Тело ее взвилось в воздух на высоту тройного человеческого роста. Тень упала на Асхенну. Пард сделал два прыжка, два коротких прыжка, набирая скорость, но огромная хищница уже падала на них сверху. Асхенна метнул меч...

И все-таки хищница не достала их первым прыжком. Промахнулась на длину собственной лапы. Это, однако, не имело значения потому, что харса прыгнула снова.

– Стой! – рявкнул Асхенна в самое ухо парда. И зверь послушно уперся лапами и заскользил по льду. У боевого парда выучка сильнее страха. Асхенна уже сорвал чехол с лука и накладывал стрелу. Длинное тело пронеслось над ними и упало на лед в двадцати шагах впереди.

– Стой! – еще раз приказал он.

"В глаз! Надо попасть в глаз!"

Хотя попасть в эти темные щелки было почти невозможно.

Харса стремительно развернулась, царапая когтями лед.

Тетива звонко щелкнула о рукавицу.

Асхенна не попал в глаз. Стрела воткнулась в могучий, шире, чем у тура, загривок, причинив не больше вреда, чем булавочный укол.

Асхенна изготовил копье, понимая, что толку от него, скорее всего, будет не больше, чем от стрелы.

Харса подбиралась для прыжка. Грудь хищницы была широка, как стена. Теперь вся надежда на ловкость парда. Буран понял это и не двигался, выжидая. Он оскалил клыки, но клыки парда в четыре раза короче, чем клыки харсы. Они попросту утонут в густой щетке ее шерсти.

А хищница не торопилась. Раз добыча больше не убегает, можно не спешить. Этот прыжок будет последним. Ее лапы ударят по

голове парда и расплющат ее, как гриб. Зверь упадет, и человек, который сидит на его спине, упадет вместе с ним, не успев выпустить свои острые когти. Харса не в первый раз сталкивалась с людьми и знала, чего от них ждать. Она трижды выходила победительницей из таких схваток. Теперь же, когда человек и зверь – одни и с ними нет даже маленьких неповоротливых тварей, у которых такое вкусное мясо, ей, харсе, не придется платить царапинами, которые остаются от острых человеческих когтей. И теперь она не промахнется. Этот прыжок – наверняка. Дважды ее никто не обманет!

Рев, еще более страшный, чем ее собственный, подобный раскату грома, нет – громче грома, потому что раздался совсем рядом, заставил харсу подпрыгнуть, развернувшись в воздухе.

Серый Убийца! Свирепый ящер, который не раз вставал у нее на пути! И почти всегда уступал с тех пор, как харса вошла в полную свою силу. Волосатые ящеры не любят драться! Если враг равен – они пугают его. И бегут, если их не боятся! Харса знала это!

Но Серый Убийца, бросивший ей вызов сейчас, был готов к бою! Его длинная пасть, полная треугольных зубов, не уступающих ее клыкам, распахнулась, как пещера, и новый оглушительный рев вырвался из смрадной глотки ящера.

Харса ответила ему собственным мощным рыком, но как жалко он прозвучал после рева Серого! Ящер, и без того огромный, увеличился еще больше. Теперь он был вдвое выше харсы. Ни один хищник не вступит в бой, если не уверен в победе и может избежать драки. Харса пятилась. Серый Убийца надвигался...

...Огромная серая гора с пещерой пасти, с мощными когтистыми лапами. Асхенна смотрел на него, задрав голову. Ящер был огромен, как морское чудовище. Такое существо просто не может ходить по суше. Даже пард под воином окоченел от ужаса.

Это казалось невозможным, но, приближаясь, ящер вырастал еще больше. Мечущийся из стороны в сторону хвост харсы взвизгивал поземку на льду. Этот хвост почти касался лап Бурана. Асхенна видел спину хищницы – на уровне своего плеча. Пятясь, она поравнялась с пардом. Шерсть на хребте и загривке харсы стояла торчком, а распушившийся хвост стал вдвое толще. Ее спина была намного шире спины парда. Гигантский зверь! Но в сравнении с этим Серым Убийцей – не больше дворовой кошки!

Нервы харсы не выдержали. С басистым воплем она взметнулась вертикально вверх на добрых десять локтей, а потом, с оглушительным воем, гигантскими прыжками пустилась прочь.

Смрадная пасть Убийцы нависла над Асхенной, как перевернутая пропасть. Она могла накрыть его целиком, и воин уже не видел ничего, кроме этой пасти, багровой дыры с рядами желтых зубов, каждый – длиннее его руки. Горячий ветер заставил его прищуриться.

Да, Асхенна охотился на Серого Убийцу. Да, он дважды вонзал копье в грудь хищного ящера. Но те, которых он убил, были, вероятно, детенышами. Рука Асхенны, державшая копье, опустилась. Что может сделать клинок, более короткий, чем эти клыки?

Ящер огромен, как бог!

Асхенна судорожно втянул гнилой дух, зажмурился и перестал дышать.

"О боги! – взмолился он. – Пусть это произойдет быстро!"

Прошло мгновение. Еще одно. И еще...

Асхенна был жив. Мускулы парда, застывшие в каменной

твердости, шевельнулись. Асхенна вдохнул: воздух был чистым и холодным. Ни смрада, ни жара. Воин открыл глаза.

Серого ящера, Горы, Убийцы – не было!

Пард фыркнул.

Асхенна озибался по сторонам. Ящера не было! Никого не было... Почти никого!

После харсы и Серого Убийцы разве мог воин сразу заметить маленького человечка в шаге от груди парда?

Лишь когда Буран наклонился, чтобы обнюхать незнакомца, взгляд Асхенны опустился ниже собственной макушки, и юноша заметил стоящего.

Человечек был одет в длинную меховую куртку с капюшоном; на ногах – меховые сапоги до колен. Куртка распахнута, под ней серебрятся звенья кольчуги. Короткий меч у бедра и арбалет за спиной – под стать маленькому воину, наверху шлема которого – не выше локтя Асхенны, стань он рядом с малышом.

Тут только сын Торда вспомнил о вежливости и прыгнул на лед, припорошенный тонким слоем снега.

– Где он? – спросил воин хриплым голосом.

– Кто? – Голос незнакомца был тонок, даже визглив.

– Убийца!

– Разве ты его не видишь? – В уголках глаз маленького человека появились морщинки – он улыбался.

– Как так? – обескураженно пробормотал Асхенна. Тут он заметил, что все еще держит в руках копье, и воткнул его древко в снег.

– Не мог же я позволить харсе так запросто вас сожрать! – произнес маленький человек и вдруг звонко рассмеялся. – Прости! – извинился он. – У тебя очень забавный вид!

– Смейся, сколько пожелаешь! – сказал смущенный Асхенна. Он наконец начал соображать, что к чему. – Ты – вагар?

– Ты догадался? – с иронией сказал маленький воин.

– Значит, ты и есть тот ящер? – глуповато улыбаясь, спросил Асхенна.

– В некотором роде.

– О! То-то я помню: у него была красная, а не черная пасть!

– Честь твоей памяти! – Вагар слегка поклонился. – Харсе – все равно, но я учту на будущее!

– Благодарю тебя! – Асхенна склонился настолько низко, насколько позволяла ему одежда.

– Пустое! Кажется, ты отдал свой завтрак кошечке?

– Глупо! – Асхенна смутился. – Я не знал, что она так прожорлива!

– Почему – глупо? – возразил вагар. – Умно. Для того, кто не знает харсу. Но я имел в виду: ты, верно, не прочь поесть и передохнуть? Ты и твой пард? Мое жилище рядом!

Асхенна представил себе мрачное подземелье, освещенное коптящими факелами. Но он действительно устал и был голоден!

– Да! – сказал он. – Благодарю тебя! И за жизнь – тоже благодарю! Садись в седло! Бурану ничего не стоит нести двоих!

Вагар положил руку на бок парда. Асхенна взял Бурана за ухо – на случай, если зверь попытается цапнуть вагара. Но пард стоял смирно и только косился коричневым глазом.

Маленький воин вспрыгнул на спину Бурана. Высокое седло не слишком удобно для двоих, но вагар был так мал, что они отлично поместились в нем.

– Куда? – спросил Асхенна.

– Ты не хочешь забрать свой меч?
– Да! – Воин почувствовал, что краснеет. К счастью, вагар не видел его лица.
– Вниз по реке! – произнес маленький воин, когда Асхенна подобрал оружие. – Меня зовут Бьерени, сын Улфа!
– Асхенна, сын Торда, светлорожденный!
– Если сие – не тайна: что привело благородного Асхенну, сына Торда, на берег реки Индир?
– Я бегу! – честно признался воин. – Хочу добраться до Гарда. Поживу там, пока, с помощью богов, не смогу вернуться, чтобы оплатить долг крови!
– Богов? – Воин услышал смешок вагара. – Ты вернешься, светлорожденный Асхенна! – уверенно сказал маленький воин. – Хотя насчет Гарда – не знаю...
– А куда мне направиться? – спросил воин. О магических талантах Маленького Народа он слышал с детства, а теперь лично убедился в том, что это – правда. – Куда мне ехать, Бьерени, сын Улфа?
– Сначала – ко мне, – сказал вагар. – Кстати, вон там – мой дом! Асхенна очень удивился, увидев не вход в подземную пещеру, а обыкновенный бревенчатый сруб с маленькими окнами и острой двускатной крышей.
– Его строили люди, – рассеял вагар недоумение Асхенны. – Строили для меня. И для тебя, разумеется! – Бьерени снова засмеялся, звонко и заразительно. – Ты ведь согласился здесь позавтракать и отдохнуть! Как знать, может, тебе понравится, захочешь задержаться подольше! – Вагар прыгнул с парда, и наст хрустнул под его ногами.
Асхенна тоже спешился.
– Войди! – предложил ему Бьерени. – Дверь не заперта.
– Благодарю! – Асхенна с привычной ловкостью освободил парда от груза и упряжи и, взвалив этот немалый вес на спину, шагнул через порог...»

Готар Глорианский.

История рода Асенаров. Глава Основатель

– Попробуй вот этого, мой Санти! Ему почти сотня лет! – Ронзангтондамени наполнила бокал из розового хрусталя темно-красной густой влагой.

– Уже чувствую! – Юноша улыбнулся и добавил, чтобы сделать ей приятное: – Оно пахнет, как ночь любви!

«Он – со мной и не со мной!» – огорченно подумала Ронзангтондамени. Но истинные чувства не отразились на ее лице. Наоборот, она широко улыбнулась и пододвинула Санти фруктовый пирог, аккуратно нарезанный на тонкие ломтики.

– Ты вдоволь поразмышлял за эти три дня?

Санти угадал ее мысли, даже не прислушиваясь к ним. Впрочем, он никогда и не заглядывал в ее мысли – это недостойно!

– Да. А этой ночью, если позволишь, я хотел бы остаться с тобой, Ангнани! – ласково проговорил юноша, положив руку на ее кисть.

Щеки Ронзангтондамени вспыхнули, и она прижалась лицом к прохладной ладони Санти.

– Я счастлива! – прошептала она одними губами, глядя в зеленые глаза возлюбленного.

– Прости, мне часто приходится покидать тебя! – проговорил юноша.

– О! Не тревожь себя! – с жаром возразила женщина. – Я забываю обо всем, когда ты рядом!

«А когда – нет? – подумал Санти. – Будь ты не Женщиной Урнгура, а просто женщиной,

что ты сказала бы тогда?»

Если бы Санти посмел заглянуть в мысли Ронзангтондамени, он понял бы, насколько Женщина Урнгура отличается от его фарангских подруг. А поняв, захотел бы, смог бы остаться с ней? Ведь то, что испытывал к Ангнани юноша, вряд ли можно было назвать любовью! И что остается от нежности, когда перед ней стоит не слабость, а Сила?

Ангнани была так близка к Санти все это время, что юноша привык к ней, как привыкают к собственному лицу. И у него было довольно дел, чтобы не искать зеркала.

– Я счастлива, мой Санти! – вновь прошептала женщина.

Синие глаза ее сияли ярче сапфиров диадемы.

Вошел слуга.

Женщина Гнона обернулась на звук раздвинувшейся завесы, и огонь любви в ее глазах сменился пламенем гнева.

– Я приказала не беспокоить нас! – Она все еще сжимала руку Санти, но уже отняла ее от своей щеки.

Слуга задрожал. Он готов был выскочить обратно, однако от страха совсем лишился сил.

– П-п-п... – попытался он что-то сказать, но у него перехватило дыхание и сжалось сердце.

Ронзангтондамени готова была обрушить на беднягу всю силу своего гнева, но вмешался Санти.

Он отнял у нее руку и положил ладонь на шею женщины, под тяжелый узел волос.

– Говори, не бойся, – мягко сказал он.

Слуга, все еще дрожа, задышал часто и шумно. Наконец ему удалось взять себя в руки, и он, запинаясь, проговорил:

– Прибыл сирхар, госпожа! Он просил передать Господину Дракона, что случилась беда! Моя вина, госпожа!

– Вот видишь, Ангнани, – мягко сказал Санти. – Мальчик не виноват. – И слуге: – Попроси его войти!

Ронзангтондамени все еще сердилась, но гнев ее уже угасал.

– Биорк не станет беспокоить нас по пустякам, – заметил юноша. – Ты понимаешь?

– Я понимаю только, что тебя опять отнимут у меня! – И через силу улыбнулась. – Да, – сказала она слуге. – Позови его, милый!

Узкие черные сапоги с каблуками в ладонь высотой простучали по деревянной лестнице, и сирхар вошел. На плечах Биорка – тяжелый, черный, как ночь, бархатный плащ, пронизанный серебряной канителью, на голове – серебряный крылатый шлем с золотым тыльником, касавшимся воротника плаща, отороченного черным искристым мехом. Красные и желтые камни на диадеме, казалось, полыхали собственным светом.

– Приветствую тебя, Женщина Гнона! – произнес сирхар, знаком удалив слугу. А потом подошел к вставшему Санти и протянул ему обе руки: – Рад видеть тебя, брат!

– Я тоже! – горячо отозвался юноша, сжав в ладонях твердые маленькие руки.

Вагар улыбнулся, небрежно отбросил в кресло великолепный плащ. Под плащом были коричневые штаны и простая куртка паутинной ткани, поверх которой Биорк надел стальную кольчугу без украшений.

– Приветствую тебя, сирхар! – важно проговорила Ронзангтондамени. – Что привело тебя в мой гостеприимный дом?

Биорк снял с головы корону и шлем и окончательно превратился из Правителя в солдата.

– Я сяду? – спросил он.

– Да, конечно! Попробуй вина, оно стоит того! Может, ты голоден?

– Нет. Я ужинал во Дворце. Но от вина не откажусь! Помнишь ли ты мальчика, что прилетел на драконе, Ронзангтондамени?

– Гестиона? Да, конечно!

– Я послал его с письмами в Империю. Вернее, попросил доставить их в Руну, моему другу! И рассчитывал получить ответ! Ведь для дракона путь из Империи в Урнгур – всего несколько дней!

– Владыка Судеб! – воскликнул Санти. – Прошел целый месяц!

– Месяц и еще шесть дней, если быть точным. Сегодня утром я велел одному из моих жрецов, у которого имеется кое-какой дар ясновидения, попробовать связаться с мальчиком.

– Ну и?.. – спросил Санти, уже ощутив недоброе.

– Мой ясновидец ничего не разглядел. Но кое-что в его словах показалось мне странным. Он болтал что-то о Хаоровом Плаще, что застит ему глаза, и еще всякие глупости. Но я встревожен, Санти! Очень встревожен! Может, ты попробуешь посмотреть, а?

– Ясновидец из меня неважный, – проговорил юноша. – Конечно, я попробую, но... – Он попытался сосредоточиться и устремил взгляд в рыжее пламя светильника. Этайа говорила ему когда-то, что силы стихий – огня, воды, воздуха – усиливают Дар. Вероятно, так и было на самом деле, но Санти не увидел ровно ничего, кроме язычка пламени, и ничего не услышал, кроме невнятных бормочущих голосов.

– Нет! – сказал он. – Я – не тот, кто тебе нужен!

– Ты прав, сирхар! – неожиданно заявила Женщина Гнона. – Случилась беда!

– Ты видела, Ангнани? – повернулся к ней Санти.

– Я не видела! Но чувствую сильную магию рядом с этим мальчиком!

– Разве его не могли задержать там, на севере? – спросил Санти, которому очень не хотелось верить в плохое.

– Он не прилетел в империю! Я велел Енну, прорицателю, промыслить моего друга, светлорожденного Волода...

– И что же?

– Мой друг не получал вести от меня!

– А что было в письме? – спросила Ронзангтондамени.

– Описание событий! Все, что случилось с нами со времени Фаранга. И несколько просьб.

– Я свяжусь с бронзовым, что нес Гестиона! – сказал Санти. – Думаю, мне удастся. Если нет – Серый поможет мне. Я призову дракона сюда, и мы узнаем, когда и где он оставил мальчика, если оставил!

– Ты думаешь, с драконом все в порядке? – усомнился Биорк.

– Да! – уверенно произнес Санти, вспомнив о том, что произошло с ним на побережье. – Чтобы убить дракона, мало быть магом! Если честно, я даже не представляю, кем надо быть, чтобы справиться с драконом.

– Ну хорошо, – согласился Биорк. – Когда ты позовешь Серого?

– Завтра, – отвечал Санти.

– А почему не сейчас?

– Биорк! Взгляни за окно: сейчас ночь! Я обеспокоен не меньше тебя, но, если прошло уже больше месяца, разве решат что-либо несколько часов?

– Хорошо, – согласился Биорк. – Я переночую в твоём доме, Генани?

– Разумеется.

– Тогда вели приготовить мне комнату, и я оставлю вас!

Санти с интересом смотрел на кожаный кисет, пристегнутый к поясу воина. Прежде юноша его не видел. Внутри кисета было Нечто, обладающее Силой. Нечто знакомое. Юноша открыл рот, чтобы задать вопрос, но тут вошел слуга, и Женщина Гнона приказала ему проводить Биорка в покои на первом этаже.

– Твой друг проникателен! – заметила Ронзангтондамени, едва Биорк вышел.

– Ты поняла это, когда он оставил нас одних? – рассеянно отозвался молодой человек.

– Именно. Санти!

Юноша обернулся и постарался изобразить приятную улыбку.

– Еще вина, Ангнани? – предложил он.

Женщина Гнона молча наполнила его бокал, поглядела, как Санти поднес его к губам...
– О мальчике можешь не беспокоиться, – сказала она. – Он жив.
Санти едва не поперхнулся вином. Это была интонация Этайи!
Он поставил бокал. Темно-красные, почти черные капли скатились на скатерть.
– Ты уверена?
Нижняя губа Женщины Гнона выдвинулась вперед, как бывало всегда, когда ее слова брали под сомнение.
«Она права!» – осознал юноша.
– Ты – спрятанное в земле сокровище! – проговорил он, не подозревая, насколько прав.
Ронзангтондамени улыбнулась, блеснув ровными зубами:
– Ты не споешь мне?
– Да.
Ронзангтондамени позвала слугу и велела принести инструмент. Через минуту на колени Санти лег черный лакированный футляр. Юноша открыл замок и бережно взял ситру. Струны ответили на прикосновение нежным аккордом. Санти прижался виском к твердому грифу, закрыл глаза. Пальцы его пробежали по струнам, наполнив голову тревожным рокотом. То была ситра Этайи.

Мой голос мне не изменил,
Когда во тьму
Корабль мой без меня уплыл,
Когда в дыму
Мир пал, и лекарем от мук
Лишь смерть была.
И много ближе взмаха рук
Смыкалась мгла.

Мой голос мне не изменил,
Когда один
Я шел. И волей вражьих Сил
Мой Господин
Торил мне путь подземных рек
Средь черных скал.
И прищур демоновых век
Меня искал.
Мой голос мне не изменил:
Я шел и пел!
Я пел восставшим из могил:
Им свет не бел,
А сер. Я пел, и голос мой
Был надо всем!
И я живым пришел домой...
Теперь я нем!

VIII

«Когда Темные будут с Алчущими...»

Рунская поговорка ⁶

⁶ Аналог – «Когда рак на горе свистнет...» Изначальное высказывание звучит «Когда солнце станет луной, а темные маги Гурама соединятся с Алчущими Силы из Тайдуана...» – принадлежит Фахри Праведному

Бронзовый дракон прилетел через два дня. Опустился на береговые скалы неподалеку от дремавшего Серого, разбросал крылья: устал. Санти обменялся с ним мыслями и тотчас отправил гонца в Гнон, чтобы оттуда по зеркалам связались с Шугром.

Биорк примчался в Гнон через час после прилета дракона. Сразу же после того, как стал сирхаром, вагар организовал на важнейших дорогах Урнгура подставы из самых быстроногих пардов, по имперскому образцу. Сейчас он сам воспользовался новшеством.

Шестеро гребцов с такой силой работали веслами, что узкая лодка пенила озерную воду, как юбка под крепким ветром. Вагар выпрыгнул на причал, махнул рукой, отпуская лодку. Санти уже вышел ему навстречу.

– Ты был прав! – сказал он вагару. – Гестион не долетел до империи. Дракон потерял его по дороге, на одном острове.

– Потерял? – изумился Биорк.

– Дракон улетел кормиться, а когда вернулся – Гестиона не было! – пояснил Санти.

– Он не мог ошибиться?

– Нет, что ты! Островок совсем маленький: мили три в поперечнике. Да это и не важно! Дракон, даже без зова, уловил бы присутствие мальчика!

– Твои мысли? – спросил вагар.

– Когда дракон отдохнет, я отправлю его к Трою. Гестион – его ученик, и Трой, я полагаю, сумеет его найти.

– К Трою... – пробормотал вагар. – А дракон может отнести на тот остров меня?

– Думаю, да. Но зачем?

– Хочу поискать след парнишки.

– Биорк! Даже дракон не смог найти мальчика! Даже дракон!

– Э, брат! Ты забыл, что я вагар! Лучше вагаров нет в Море следопытов! А сам я – не из последних вагаров, верно?

– Не сомневаюсь. И что же?

– Я не буду искать мальчика. Я буду искать его похитителей.

– Думаешь, его украли?

– Наверняка! Подумай сам: он жив, но на острове его не оказалось. Значит, парнишку увезли. Дракон улетел на несколько часов. За несколько часов при хорошем ветре легкий парусник пройдет полсотни миль. Вот тебе и ответ!

– Но дракон сообщил: они прилетели, на острове не было людей. Да и можно ли схватить человека так, чтобы об этом не узнал связанный с ним дракон? Дракон чувствует его мысли!

– Много ли останется у тебя мыслей, если тебя треснут дубиной по голове? – осведомился Биорк. – Скажи ему: когда он отдохнет, пусть отнесет меня на остров. И обратно, разумеется. Я могу оставить своих парней на несколько дней, но не на целый месяц!

– Зачем ждать, пока отдохнет бронзовый? – улыбнулся Санти. – Серый готов поднять нас хоть сейчас!

– Великолепно! Только... Мы найдем тот островок?

– Найдем! Серый тоже общался с крылатым братом. Как скоро ты будешь готов?

– Как только напишу письмо Эрду. Генани! – обратился он к идущей к ним Женщине Гнона. – Ты не распорядишься дать мне бумагу и кисть?

– Да, конечно! Приветствие тебе, сирхар!

– А, прости! Приветствие и тебе, Женщина Гнона! Прости еще раз! Через пару минут мы улетаем!

– Владыка Хаор! – удивилась Женщина Гнона. – Что произошло?

Слуга тем временем уже бежал с бумагой и кистью для Биорка. Пока вагар писал, расположив лист на спине того же слуги, Санти посвятил Ронзангтондамени в

происходящее.

– Повремените немного! – предложила женщина. – Я распоряжусь, чтобы вам приготовили еду в дорогу. Дней на пять, так?

– Около того. Да, конечно, мы подождем.

Биорк завершил послание и запечатал свиток собственным перстнем.

– Вели кому-нибудь из слуг, госпожа, передать его моему гонцу в Гноне! Пусть доставит послание в Шугр, светлорожденному Эрду.

– Давно его не видел, – заметил Санти. – Как он?

– Несет добрую половину моего груза, – ответил вагар. – Эрд и прежде был отличным вождем. Разве что излишне вспыльчивым. Но теперь я не пожелал бы иного соратника! И здешние хограны его почитают. Среди них нет равного ему меча, а это – лучший способ завоевать их уважение.

– Ты хочешь сделать его своей правой рукой? – спросил Санти.

– Ну что ты! Все-таки он – светлейший империи! Да еще и Асенар! Я не могу ему приказывать – только просить. Нет! Моей правой рукой станет один из здешних хогранов. Рхонг, я думаю. Он неглуп, ладит со всеми, кроме твоего Хрора. – Биорк поклонился Ронзангтондамени. – Но и с ним у Рхонга не вражда, а что-то вроде соперничества. Кстати, Хрор из всех – самый способный!

– Тогда почему ты выбрал не его? – удивилась и слегка обиделась Женщина Гнона.

– Слишком самостоятелен! – пояснил Биорк. – Он будет там, где нужна быстрота и предприимчивость. А справа от себя я хочу иметь того, кто с точностью исполнит мой приказ. Вообще я доволен! – заявил он. – Мои урнгрия – куда лучше, чем я ожидал. Просто никто еще не брался за них всерьез.

– Женщины, я слыхала, недовольны тем, что ты вернул им людей, – сказала Ронзангтондамени.

– Ты – тоже?

– Я – нет! – Женщина Гнона сдержанно улыбнулась. – Я отправила их к перевалу. Там много работы: я хочу, чтобы через три месяца дорога оттуда годилась для повозок!

– Отлично! Хочешь, я пришлю тебе еще сотен пять? На полном обеспечении!

– Присылай. Но скажи, каков твой интерес?

– Весной, когда сойдет снег, эта дорога мне понадобится.

– Ты уже назначил время похода? – удивился Санти.

– До весны я успею подготовить войско. Лишь бы с пардами не было задержки!

«Когда сойдет снег, – подумала Генани. – А снег на перевале сойдет не раньше чем к исходу второго месяца весны. Еще два полных сезона! А там... Нет! – решила она. – Санти я не отпущу! Я уйду с ним. Кто посмеет мне помешать?»

Появились двое слуг с дорожными сумами, набитыми продовольствием и флягами с напитками.

– Ты преувеличиваешь наши возможности, Генани! – воскликнул Биорк.

– Пусть лучше у вас будет запас! – заявила Женщина Гнона. – Кто знает, что вы найдете на том острове? Может, вам придется еще куда-то лететь.

«Вот проникательность! – восхитился Биорк. – А она здорово изменилась, властительная подружка нашего Санти!»

– Брат, – сказал вагар, – надеюсь, ты не намерен лететь в этих тряпочках?

Юноша оглядел себя и тут только сообразил, что его шелковый наряд так же подходит для полета, как панталоны танцовщицы – охотнику на акул. Над перевалами можно отморозить пальцы, если не прижимать их к горячему телу дракона. Санти посмотрел на Биорка и убедился, что одежда вагара – именно то, что нужно для полета.

«Вот хитрец! Он все знал заранее!» – догадался юноша.

Серый на краю обрыва поднял длинную голову. Санти на долю мгновения увидел Биорка, Ангнани и себя глазами дракона: три маленькие, очень четкие фигурки на краю деревянного островка у берега мертвой воды. Еще он почувствовал нежность, с какой дракон

воспринимал его, Санти.

И послал в ответ собственную любовь.

Серый разом поднялся на сильных когтистых лапах и издал клич, от которого у людей зазвенело в ушах, а бронзовый собрат недовольно заворочался и засунул голову поглубже под кожистое крыло.

Островок и верно был невелик. Этакая круглая голова, вынырнувшая из вод Межземного моря. Южная сторона, более отвесная – почти голая, а вот северную, ту, где грунт не смыли зимние шторма, сплошь покрывала веселенькая кудрявая зелень. В ней алыми вспышками взрывались лохматые кроны сосен.

Серый опустился на площадку, которую месяц назад облюбовал его собрат. Санти и Биорк спрыгнули на траву. Вагар сразу же обнаружил высохший, когда-то голубой, а теперь пепельно-серый виноградный лист, сорванный с ургурской лозы. А потом и пустую сумку, кое-где объединенную крабами. Но это – всё. Дракон улетел кормиться, а вагар, буквально уткнувшись носом в землю, как пес-следопыт, круг за кругом обшаривал полянку у края обрыва. Но так ничего и не нашел. Подойдя к круче, он посмотрел вниз, на крохотный песчаный пляжик у подножия.

– Если его не сбросили сюда, – сказал вагар, – то остается всего один путь! Пошли!

Тут только Санти заметил, что из прорехи между кустарниками, окружившими полянку с востока, выползает еле заметная тропка. Они спустились локтей на двадцать, когда Биорк вдруг остановился и, присев на корточки, принялся изучать треугольной формы вмятину в земле рядом с торчащим краем большого камня.

Он разве что не облизал крохотное углубление. Заинтригованный Санти ждал результата.

– Эдзакский сапог! – наконец произнес вагар. – Занятно!

И двинулся дальше. Но спустя несколько шагов снова остановился и высвободил из колючего куста длинную нить желтого цвета.

– На Гестионе не было ничего желтого, верно?

– Да, – сказал Санти.

Биорк удовлетворенно кивнул и припустил по тропе с такой быстротой, что Санти еле поспевал за ним. Но спустя три сотни шагов тропинка растаяла в молодой роще, насквозь пронизанной солнечными лучами. Вагар покачал головой и спустился к берегу моря.

– Пойдем-ка здесь! – сказал он Санти. – Я уверен: если к острову причаливала лодка, мы что-нибудь да отыщем!

И бывший туринг опять оказался прав. Не прошли они и двух сотен шагов, как наткнулись на неглубокий овраг, по дну которого бежал ручеек пресной воды.

– Вот! – произнес Биорк. – Отличное место, чтобы спрятать юкку! Клянусь бивнем моего первого хармшарка, я бы так и сделал! Конечно, на песке след не сохранился, но... Иди сюда, Санти! Видишь? Это смола. Кто-то, и не слабый, втащил суденышко в ущелье. А! И прикрыл вот этими веточками. Они высохли и стали заметны, а пока были свежими... Вот и все! Мы выяснили, что хотели!

– Не все! – возразил Санти. – Раз они прятали лодку, значит, уже были здесь, когда прилетал дракон. И дракон их не обнаружил.

– Магия, – отозвался вагар. – Я дам знать в Сторожевую Службу. Если наши похитители появились в империи – их найдут! Человек, нет – два человека, один из которых в желтом плаще из паутиной ткани... И мальчик...

– А если они поплыли на юг? – спросил Санти. – Давай-ка, Биорк, поищи еще! Я чувствую, на этом островке есть что-то... странное!

– Может, тогда ты меня поведешь? – предложил вагар. – Я-то ничего не чувствую! – Он наклонился и зачерпнул ладонью воду из ручейка. – Теплая! – сообщил он. – Должно быть, хороший дождь прошел пару часов назад! То-то все такое свеженькое!

Санти прислушался к себе, а потом неуверенно двинулся вверх. Биорк шел следом, и

глаза его не упускали ничего вокруг.

Санти, цепляясь за торчащие корни, вскарабкался на очередной уступ и остановился в недоумении. Прямо перед ним была неровная каменная стена, оградившая с севера махонькую площадку. Рядом со стеной, закручиваясь спиралью и вцепившись в скалу растопыренными корнями, росло деревце с чахлой кроной. Больше ничего. Но у Санти было такое ощущение, что именно здесь скрывается то, что он ищет. Юноша потрогал скалу рукой: ничего особенного. Просто шершавый камень. Теплый.

Биорк встал рядом.

Санти поглядел на испачканную в пыли ладонь и, наклонясь, обтер ее пучком травы.

– Оп! – воскликнул Биорк, и глаза его загорелись.

Он быстро чиркнул пальцем по камню и уставился на пыльный налет на нем.

– А ведь совсем недавно прошел дождь! – сказал вагар. – И ветер, заметь, был южный. Ну-ка!

Биорк сорвал пук листьев с несчастного деревца и протер ими кусок стены. Листья запылились, но сама стена по-прежнему оставалась грязной!

– Ага! – пробормотал Санти, соображая.

– Вот именно! Давай, брат!

И Санти взялся за рукоять меча. Давно следовало это сделать.

– Пойдем! – сказал юноша, взяв вагара за руку и увлекая его в черную щель пещеры. – Если ты не против, я буду смотреть твоими глазами. Для моих здесь слишком темно.

– Мое письмо, клянусь мечом! – воскликнул Биорк, поднимая с пола свиток. В пещере было довольно светло. Вдобавок к естественному свету, проникавшему через вход, друзья зажгли найденный ими масляный светильник.

– Что ж, – сказал Санти. – Ты можешь проверить, много ли в нем ошибок. Нам нужен след, Биорк! Нить, которая приведет нас к Гестиону!

– Их было двое! – заявил вагар. – Один – большой, тяжелый. Наверняка – воин. Скорее всего – эдзак. У него рыжая борода, и он немного косолапит. Впрочем, он может быть и омбамту, судя по силе и телосложению. Второй – высокий, худой. У него длинный меч. У первого, кстати, тоже меч и тяжелый арбалет – такие используют на крупного зверя. О первом больше сказать нечего. Да и о втором – тоже. От него почти не осталось следов. По этому, и еще по тому, что здесь жгли курения, которых я не знаю, полагаю, что второй – маг.

– Велика твоя мудрость! – съязвил Санти. – Кто же, кроме мага, мог бы создать такую основательную иллюзию?

– Магхар! – спокойно ответил Биорк. – Дальше. Были мешки с едой. Немалый запас. Значит, готовы были ждать долго. Раз ждали, значит, знали заранее. Оставшуюся еду забрали с собой. Маг ест не много, а вот его помощнику, тяжелому телом, нужно изрядное количество пищи. Той, что они унесли, хватит на несколько дней. Лодка у них небольшая, но вряд ли они поплыли на север. Я бы ставил на Хуриду или Гурам. Скорее, на Гурам: в Хуриде магов не жалуют!

– Ты сказал: воин – эдзак или омбамту! – напомнил Санти.

– Не важно. Командует, безусловно, маг. Он же и выберет путь. Думаю: искать их следует в Гураме.

– Мы полетим туда? – предложил Санти.

– Нет! Если ты прав и мальчик жив, то вряд ли ему грозит непосредственная опасность! И потом – как ты представляешь наши поиски? Когда мы заявимся на твоём драконе в Хушен⁷ или любой из портов, каждый пес в Гураме узнает о нашем прибытии. А ты когда-нибудь выслеживал мага?

Санти покачал головой:

⁷ Хушен – столица Гурама.

– Нет!

– А я – да! И могу тебе сказать: работа не на один месяц. Когда тот, кого ты ищешь, меняет обличья, не оставляет следов, зато оставляет у людей ложную память, можно искать годами – и не найти! Пусть этим занимается Трой! А мы полетим в Руну, если ты не против.

– Я – нет!

– А дракон?

– И дракон. Кстати, он уже вернулся.

– Тогда – вперед! Остальное обсудим по дороге!

«А ведь всего несколько месяцев назад я бы умер от счастья», – подумал юноша, глядя со спины дракона на Турскую гавань. Пестрое столпотворение кораблей внутри защитной насыпи, белая колонна маяка. А выше – сам город, Тур Аркисский. Тяжелые, строгие, непривычной архитектуры здания, крохотные повозки, ползущие по широким дорогам, белые крыши.

– В последний раз я смотрел на Тур с неба лет двадцать назад, – сказал вагар, обращаясь к Санти.

– Да? – Санти как раз подумал о том, как спокойно относится вагар к полету на драконе. «Неужели и я лет через двадцать стану так же безразличен к миру?» – встревожился он.

А вот его спутника больше интересовали насущные проблемы.

– Хотел бы я знать, – сказал вагар, – для чего сильному магу мог понадобиться мальчишка-ученик? Не из-за моего же письма! Не понимаю. Когда мы шли, чтобы уничтожить демона, Алчущих как будто и не существовало. Из магов только Ди Гон встал на нашем пути. Но у Ди Гона имелись собственные интересы. Правда, с нами была Этайа! А с путей фьёльнов Алчущие уходят, как хуруги с пути харсы! – Воин издал короткий смешок. – И вдруг, без повода, и напали-то не на тебя, не на меня – на мальчишку! Вот, брат Санти!.. Как объяснить, что этому магу понадобился бедняга Гестион, а не ты? Ты же, по-моему, большую часть времени проводишь где ни попадя, и добраться до тебя не так уж трудно!

Дракон уже миновал город и летел над сельскими усадьбами, растянувшимися на добрых сто миль.

– Они пытались, – сказал Санти.

– Что?!

– Они пытались до меня добраться. – И поведал вагару о нападении на южном берегу.

– Тебе стоило рассказать об этом раньше! – Вагар покачал головой.

– Что бы изменилось?

– Не знаю. У меня не было времени подумать. Власть Неизъяснимого! В первый раз слышу, что дракон напал на человека! Но справился он отлично! – Воин похлопал ладонью по гладкой горячей шкуре. – И все-таки – поберегись!

– Пока со мной Меч Асенаров, – юноша коснулся белой рукояти, – никакому магу со мной не совладать, Биорк!

– Да, меч... – пробормотал вагар.

У него возникло ощущение: что-то очень важное есть в рассказе Санти. Что-то предельно важное... Но – не поймать.

Вагар решил поразмыслить об этом позже и перевел разговор на другое.

– Кстати, – произнес он, – если Белый Меч признал тебя, брат, – то ты сейчас над своей второй родиной! Почти седьмая часть имперской земли принадлежит твоему роду. Теперь в этой части есть и твоя доля, Сантан из рода Асхенны!

Санти засмеялся.

– Я – конгай, – сказал он. – Мой отец родился на земляном полу хижины.

Дракон летел над широкой рекой, по которой вверх и вниз ползли большие и маленькие корабли. Их было очень много.

«Словно толпа на улице», – подумал Санти.

По обе стороны реки – насыпи-дамбы, а за ними – клинышки и полосы полей.

Держась за позвоночный шип дракона, он наклонился вправо и глядел прямо вниз. Так ощущение высоты было острей.

– Что это за река, Биорк?

– Архон. Еще миль тридцать – и мы пролетим над Дио. Там твой предок Асхенна, – вагар хмыкнул, – венчал императора Ферроса. Слышал о таком?

– Конечно. Мои предки-конгаи разбили его флот в Фарангском заливе, – тут же ответил Санти.

Биорк усмехнулся, но промолчал.

Во втором часу пополудни впереди показались Антские горы, бледно-зеленые, подернутые туманом. Невысокие горы, сплошь усаженные виноградниками и оливковыми рощами. Река сузилась, судов стало заметно меньше, а мостов – больше. Дракон снизился, скользил вровень с вершинами деревьев, пугая бродивших по заливным лугам коров и овец. Земля стремительно проносилась вниз, а потом выгнулась грядами холмов, и за холмами встал красно-белый, аккуратный, словно игрушечный город. Руна.

Серый пронесся над острыми черепичными крышами, закричал пронзительно. И снизу тотчас откликнулись с полдюжины мощных драконьих глоток. Неудивительно. Город магов, сердце Братства Света, Руна. Промелькнули внизу круглые площадки на вершинах башен, зеленые дворики, голубые фонтаны. Запахло дымом. Серый выгнул крылья, набрал высоту, выискивая подходящее место, чтобы сесть.

– А что дальше, за горами? – спросил Санти.

– Хольд, – ответил вагар.

Спустя полчаса они уже входили в Руну. Никто не пытался их остановить, не спрашивал, кто они и что им нужно в городе. Руна не нуждалась в дозорах и крепостных стенах. Затаившему недоброе входить в город не стоило, если он хотел пожить подольше.

Тот, к кому направлялся вагар, жил в одном квартале от знаменитой рунской библиотеки, собравшей, как говорили, все книги Мира. Даже несколько уцелевших таблиц времен Махд-Шагош. Последнее, впрочем, в иных местах полагали сомнительным.

Дом светлорожденного Волода стоял несколько особняком от других. Его окружала светлая кованая решетка в человеческий рост. Но чугунные, украшенные гербом ворота были распахнуты, и желтая песчаная дорожка вела от них прямо к трехэтажному дому, возведенному, вероятно, полтора-два века назад. Фасад украшен четырьмя сужающимися кверху колоннами, фриз испещрен причудливой резьбой, а на передних углах крыши – статуи Потрясателя Тверди, две мощные фигуры, одинаково опирающиеся на неизменные трезубцы.

Пожилой слуга распахнул дверь прежде, чем Биорк коснулся дверного гонга. Он поклонился вагару, которого давно знал, и с любопытством взглянул на Санти.

– Светлейшему сейчас доложат! Входите, прошу!

Биорк уверенно пересек холл и направился к застланной зеленым ковром лестнице. Когда-то Биорк был частым гостем в доме Русов.

Но не успел он подняться и на пару ступеней, как сверху раздался мощный бас:

– Приветствую тебя, доблестный Биорк Эйриксон!

Хозяин дома, величественный старик с пышной гривой седых волос и такой же пышной волнистой бородой, спускался по широким ступеням.

– Приветствие и тебе, светлейший! – воскликнул вагар, протягивая обе руки навстречу светлорожденному.

Друзья соединили ладони, а потом обнялись по обычаю воинов.

– Сантан, сын Тилода из Фаранга! – представил Биорк Санти.

– Светлорожденный Волод Рус, сын Данила Руса!

Рука Санти утонула в широкой мягкой ладони светлорожденного.

Светлорожденный Волод лишь на пол-локтя превосходил ростом вагара Биорка, но плечи его были весьма широки, а тщательно расчесанная борода лежала на широченной груди воина и атлета. Меховая безрукавка, наброшенная поверх длинной, подпоясанной шелковым поясом рубахи, покроем своим подчеркивала мощное сложение хозяина дома. Рукоять кинжала, украшенная несколькими драгоценными камнями, торчала из кармана замшевого сапожка. Волосы светлорожденного были прихвачены обручем из черного серебра. На белокожем лице с широким ртом и крепким прямым носом, как два озера, блестели голубизной живые молодые глаза.

– Что же ты не известил меня, друг! – укоризненно проговорил хозяин. – Я встретил бы тебя как подобает!

– Прости, Волод! Мы прилетели в империю сегодня утром – и сразу к тебе!

– Прилетели? Кого же из магов мне благодарить за твой приход?

– Его, – Биорк указал на Санти. – Это его дракон принес нас. И он же унесет обратно, как только ты, друг мой, услышишь все, что необходимо.

– Жаль! – огорчился светлорожденный. – Я надеялся, ты погостишь! Но раз у тебя мало времени, идем наверх! Вы не голодны?

Биорк покачал головой.

– А ты, юный Повелитель дракона?

– Благодарю, светлейший! Я не голоден! – произнес Санти с наивозможной учтивостью.

Первым, что бросилось Санти в глаза в кабинете хозяина, были заполненные тубусами стеллажи вдоль стен – до самого потолка.

– Светлорожденный Волод – ученый! – сказал Биорк, заметив удивление на лице юноши.

Санти кивнул. Хотя, по правде сказать, он представлял ученого несколько иным. Да и длинный меч в черных ножнах, висящий слева от входа на клыке не ведомого Санти хищника, мало соответствовал облику собирателя знаний.

– Прошу садиться, друзья!

Санти опустился в широкое кресло с мягкой спинкой, вытянул ноги. Биорк сел рядом, а хозяин разместился за столом. Отодвинув в сторону большой письменный прибор, он вопросительно взглянул на вагара. И Биорк принялся рассказывать.

Даже в его лаконичном изложении перечисление событий заняло больше часа. Светлорожденный внимательно слушал, ни разу не перебив рассказчика.

– Теперь спрашивай, Волод, – сказал Биорк, закончив.

– Погоди! Дай мне отдышаться! Как я понимаю, я первый, кто услышал эту историю здесь, на земле Империи?

– Именно так, – подтвердил воин. – Но, надеюсь, ты передашь ее тем, кому это необходимо!

– Если ты желаешь – да! И передам слово в слово, ты ведь знаешь, какова моя память! – добавил он не без гордости.

– Знаю, – улыбнулся Биорк.

– Представляю, как будет огорчен Совет тем, что ты не предстанешь пред ними лично!

– Им придется это пережить, светлейший. У меня будет чем заняться в ближайшее время. И то, что я буду делать, – не только мой долг перед доверившимся мне народом, но и – к пользе Империи!

Волод Рус покивал, соглашаясь.

Биорк вынул из кармана маленький свиток:

– Будь добр, позаботься, чтобы это попало к Трою!

– Хорошо. – Хозяин кабинета опустил письмо Биорка в ящик стола, поднялся и, поискав глазами, вынул из стеллажа зеленого цвета тубус.

– Это – тебе! – Он протянул тубус вагару. – Полный свод правил Служения

Потрясателю Тверди! Писано на аркио ⁸, но, полагаю, найдется кому прочесть и перевести!

– Благодарю!

– А теперь – вопрос. Не к тебе, друг Биорк, – к моему гостю, Повелителю дракона Сантану. Как я понял со слов Биорка, – ты, сударь, конгай?

– В этом могут быть сомнения, светлейший? – улыбнулся Санти.

– Никаких. Если не считать твоей внешности. Но об этом – после. Вторым вопросом, опять-таки, как я понял из слов моего друга Биорка, через пару сезонов в Конге, очень возможно, многое переменится?

– Про то ведают боги! – сказал Санти.

– Оставим пока и богов! Мой третий вопрос, он же – первый, который наверняка зададут на Совете. Сударь, может ли Империя рассчитывать, что Конг вновь присоединится к доминиону?

– Государственный муж – это неизлечимо, – пробормотал Биорк.

– Исключено! – твердо сказал Санти. – Я не слишком силен в политике, но знаю свой народ. Мы вам не враги. Однако любой чужеземец, с захватнической целью обнаживший меч на нашей земле, узнает силу Конга! То же касается и урнгрия, которых Биорк собирается привести в Конг будущей весной.

– Мы уже обсудили это, брат, – заметил Биорк. – Не будем тратить ценное время. Но тебе, светлейший, скажу: наши интересы на Черном континенте могут пострадать, если Совет выберет... активные меры!

– Маловероятно, – ответил светлорожденный. – Нынешний Совет настолько осторожен, что, скорее всего, не примет никаких мер. – И добавил сердито: – Но всякое миролюбие должно иметь границы!

Биорк засмеялся:

– В тебе говорит кровь воина! Ты еще не забыл мои уроки?

– Ты шутишь, – проговорил Волод с ноткой печали. – Мы, люди, стареем, увы, быстрее вагаров!

– В любом случае мне нужно знать, что решит Совет! И я хотел бы просить тебя, не как государственного деятеля, а как человека ученого, указать мне: кто из ваших богов может занять место Хаора? Это важно!

– Не так просто, Биорк! Очевидно только, что не Потрясатель! Хотя я понимаю твой выбор!

– Я не жду ответа немедленно, – заметил вагар. – Но, надеюсь, ты пришлешь мне его вместе с пожеланиями Совета и своими собственными. А вот это, – Биорк положил на стол перстень с коричневым камнем, – для тех, кто понесет послание в Урнгуру!

Ученый взял перстень и с интересом осмотрел его.

– Камень – определенно нефрит! – произнес он задумчиво. – Хотя подобного оттенка я прежде не встречал. А вот руна... Вот уж не думал, что встречу под старость знак, о котором ровно ничего не могу сказать! Откуда он у тебя?

– Наследство от прежнего сирхара. А тот, по всей видимости, унаследовал его так же, как я.

– Оправа, да... – пробормотал Волод. – Послушай, а не ваша ли это работа, вагар?

– Нет. Хотя сделано мастером. Ты отдашь перстень посланцу, светлорожденный. Он покажет его урнгрия и скажет, что это – перстень сирхара. Пусть требует, чтобы его привели ко мне. Или к Королеве, если меня не будет. Уверен, что перстень ей известен! Пусть посланец и его спутники изложат ей свою цель в том, что касается Урнгура. Но – без лишней откровенности!

– Понимаю, – Хранитель опустил перстень в нагрудный карман. – А нет ли у тебя,

⁸ Аркион (аркинно) – язык коренного населения Аркиса. После завоевания Аркиса Вэрдом Смелым был постепенно вытеснен хольдским, своеобразным эсперанто народов, обитавших на северо-западе Белой Тверди. Впрочем, по крайней мере треть слов современного героя хольдского перешла в него из аркиона.

достойный, еще какой-нибудь вещи из наследства твоего предшественника?

Биорк заколебался... но потом все-таки развязал кожаный мешочек и положил на стол Хлыст.

– Будь осторожен! – предупредил он. – Это оружие. Магическое оружие!

Хранитель ощупал гладкую поверхность жезла длинными чуткими пальцами большой руки.

– Похоже на янтарь... – произнес он. – Но определенно не янтарь. Поверхность – как у хетской смолы, что используют маги для накопления Силы. Но это и не смола... Готов поставить золотой: мой нож не оставит на нем царапины!

– Ты выиграешь, – сказал Биорк.

– Это – Огненный Хлыст Ди Гона? – спросил Санти. – Что же ты молчал, Биорк? – Он укоризненно посмотрел на друга.

– А верно, Биорк! – удивился и светлорожденный. И тотчас протянул Хлыст юноше. – Ты не против, друг? Раз он маг – то не лучше ли нас разберется в этой вещи?

– Да, конечно! Прости, брат Санти! Я должен был показать его тебе сразу!

Санти взял жезл и сразу ощутил его силу. Гладкий стержень так же удобно устроился в его руке, как эфес Белого Меча. Хотя ощущение было другим. Санти посмотрел вниз, туда, где еще утром он увидел бы Клинок Асенаров. Сейчас Белого Меча не было на его поясе. Биорк посоветовал не брать его с собой в Руну: меч слишком хорошо известен в Империи. Вагар надежно упрятал меч в расщелине за маленьким родничком. Сила текущей воды укрывает Белый Меч от тех, кто может видеть исходящую Силу, а уж от обычных глаз вагарская схоронка запросто уберет что угодно.

Хлыст лежал на ладони, как живое существо. «Как живое существо», – подумал Санти и вдруг понял, что предмет сей и впрямь – живой! Что-то теплое шевелилось под гладкой поверхностью. Двигалось, определенно двигалось!

Юноша бросил взгляд на Волода и Биорка. Мужчины тихо беседовали, не обращая на него внимания.

Санти погладил хлыст указательным пальцем... и из гладкого выпуклого торца выглянул огненный язычок. Не больше ногтя мизинца. Выскользнул – и погас. Потому что Санти оборвал связь с магическим предметом. Он испугался. Не огонька. Просто он почувствовал: Хлыст его признал. Так же, как в свое время – Белый Меч Асенаров. Юноша снова вскинул глаза на Биорка: не заметил ли тот?

Нет, пламени Биорк не увидел, но зато почувствовал взгляд Санти и обернулся:

– Ты что-то обнаружил?

– Нет, – солгал юноша, сам не зная почему.

Биорк протянул руку, и Санти отдал ему Хлыст, твердо зная, что когда-нибудь тот снова окажется у него. Потому что это его вещь!

– Загадочная игрушка! – заметил Биорк, опуская Хлыст в кожаный мешочек и затягивая шнурок. – Загадочная и опасная!

– Если ты оставишь его у меня, – предложил хозяин, – то я берусь показать его тому, кто действительно разбирается в магии. Я-то, хоть и прочел многое, – бессилен! Без магического Дара любые знания мертвы! К счастью, впрочем!

– Нет! – отказал Биорк. – Я видел Хлыст в действии. Сила его ощутима для демонов и смертоносна для людей. Хоть я, как и ты, – не могу его пробудить, но мне спокойней, когда он – у меня.

– Твое дело, – не стал спорить светлорожденный. – Однако же – время обеда! – И позвонил в колокольчик. – Вы не голодны, а вот я привык есть в положенное время... последние десять лет, – добавил он, подмигнув Биорку.

Вошел слуга. Тот самый, что встретил их у дверей.

– Стол накрыт, светлейший! – сказал он, не дожидаясь вопроса. – На троих!

– Молодец! – похвалил его господин. – Пойдемте, друзья! Мой повар – урул⁹! А урульские яства хороши горячими!

– Ты сказал, светлейший, что я не похож на конгая, – сказал Санти, когда они после обеда перешли в небольшую комнату на последнем этаже дома. – А на кого я похож?

Хранитель будто ждал этого вопроса. Он тотчас снял с шеи овальный медальон и протянул Санти.

Санти бережно принял его. Внутри была эмалевая миниатюра. Женский портрет. Дама на миниатюре была немолода – лет сорока. У нее были светло-русые густые волосы, намного светлее, чем у Санти, а кожа – еще светлей. Но овал лица, очерк губ, разрез глаз...

Сердце Санти сжалось.

– Кто она? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Моя жена, – тихо ответил Волод. – Она умерла двадцать два года назад!

– Да, – сказал Санти. – Я похож на нее. Только я родился позже, чем ее не стало!

– Да, – подтвердил светлорожденный. – Похож! Ты, сударь, мог бы быть моим внуком, если бы мой старший сын дожил до своего двадцатилетия.

– Он тоже умер? – спросил Санти.

– Убит в бою! Он был еще больше похож на тебя, чем мать!

– Я знаю своего отца! – сказал Санти. – Хотя для меня было бы честью разделять твою кровь!

– Она была из древнего славного рода, – продолжил светлорожденный. – Рода, где известна каждая ветвь Древа. Конгаев не было среди ее предков.

– Сожалею! – проговорил Санти.

Биорк поднялся.

– Нам пора, друг мой, – вежливо произнес он. – Мы благодарим тебя за помощь, настоящую и будущую!

– Не надо благодарить! – ответил светлорожденный. – Мне жаль, что вы так поспешно покидаете мой дом! Надеюсь увидеть вас обоих до того, как сойду в Нижний Мир! – И засмеялся, дав понять, что пошутил.

– Биорк, из какого рода происходила жена светлорожденного Волода? – спросил Санти, когда они, покинув Руну, направились к восходящим грядам холмов, обступивших город с запада.

– Из рода Асенаров, брат! – И похлопал юношу по плечу. – Конгаев в нем действительно не было. Зато русов – хоть отбавляй! Впрочем, сам великий Асхенна, насколько я знаю, по матери – рус.

– А по отцу?

– Норг. И считался норгом. В Хольде право рода передается по мужской линии.

– А разве бывает иначе?

– Шутишь? – удивился вагар. – Забыл Урнгур?

– Ну так то Урнгур! – Санти пожал плечами.

– У туронну главное родство тоже передается по женской линии. Всегда можно абсолютно точно сказать, кто – мать. А вот насчет отца... – вагар усмехнулся. – А у эдзаков, например, брат матери считается более близким родственником, чем отец. Вероятно, по той же причине.

– Как странно... – проговорил Санти.

– В Мире много обычаев, – заметил Биорк. – И народов тоже.

– Биорк, – Санти решил сменить тему. – Если жена Волода – из рода Асенаров, выходит, он – родственник Эрда?

– Разумеется. Но не по крови. Кровь Асенаров – сильная кровь. Их ни с кем не

⁹ Урулы – одна из народностей Хольда.

спутаешь. Так что при всем моем уважении к Володу, я думаю – он ошибается. Твое лицо – лицо Асенара. И – прямое доказательство! – Белый Меч признал твою руку! Услышь об этом Волод, он наверняка изменил бы свое мнение и признал, что кто-то из потомков Асхенны все же вошел в число твоих предков. Ты похож на своего отца?

– Не очень.

– А на мать?

– Я ее никогда не видел.

– Прости! Она умерла?

– Отец говорил: она жива. Но я не помню ее лица. Я был младенцем, когда отец привез меня в Фаранг.

– Что ж, возможно, ты похож на нее, – сказал вагар. – Пожалуй, стоило бы поподробнее изучить родословную потомков Асхенны. Вдруг выяснится, что по Конгу разгуливает целая толпа незаконнорожденный родичей самого аристократического семейства Империи! – Вагар рассмеялся.

– Почему – незаконнорожденных? – Санти слегка обиделся.

– Потому что если бы кто-то из потомков Асхенны сочетался законным браком с кем-то из конгаев, уж кто-кто, а Волод об этом знал бы.

Санти промолчал. А про себя подумал, что, может, когда-нибудь займется этим вопросом сам.

Некоторое время друзья шли молча между посадками винограда. Урожай был большей частью собран, но кое-где еще голубели тяжелые гроздья покрытых пыльным налетом ягод. Жара спала, и тепло солнца, висящего высоко над горами, было приятно коже.

– А далеко ли отсюда до гор фьельнов? – вдруг спросил Санти.

– Столько же, сколько и до Урнгура! Ты хотел бы...

– Нет! – отрезал Санти и снова погрузился в молчание.

Но думал он не об Этاية, а о том, что в подходящее время, но он непременно выяснит, в каком месте между его предков-конгаев затесался родовитый северянин. Или северянка. Санти чувствовал: это важно. И имеет прямое отношение к тому, что происходит сейчас. И к нему самому. Да, именно так. Где-то там, в прошлом, скрывались истоки настоящего. Этая могла бы рассказать ему... Но не рассказала. Значит, он должен сам добраться до истины. И он это сделает.

Раньше, чем они достигли холма, на котором вагар спрятал Белый Меч, в небе появился Серый. Дракон немного покружил над ними, привлекая к себе взгляды работающих крестьян, а потом мягко спланировал вниз, разбросал крылья и, отдыхая, ждал, пока люди закончат свои дела и придут к нему, чтобы он вновь понес их над лазурными водами Межземного моря.

Санти с удовольствием ощутил у пояса Белый Меч. И сразу вспомнил о Хлысте Ди Гона. И тотчас ощутил некую связь. Не между Белым Мечом и Хлыстом, а, как ни странно, между Хлыстом и Серым. Занятно. Какое отношение может иметь его дракон к Ди Гону?

«Надо бы спросить!» – подумал Санти.

И спросил. Ответ был отрицательный. Серый никогда не встречался с прежним сирхаром Урнгура. А вот если бы Санти поинтересовался: что известно дракону о самом Хлысте, то, очень возможно, и в его собственной жизни, и в будущей истории Конга многое изменилось бы. Но Санти не спросил, и дракон не ответил. И правая рука осталась в неведении о том, что предопределено сделать левой. А мысли Санти вернулись к Белому Мечу и Асенарам. Он даже подумал: не стоит ли задержаться в Руне и почитать соответствующие хроники. Нет, Биорк вряд ли согласится. Их ждут в Урнгуре. И в Конге. А было бы очень любопытно выяснить: вдруг кто-то из потомков Асхенны, пропавших без вести, «всплыл» у берегов благословенного Конга?

Но даже сам Санти не мог предположить, насколько эта мысль близка к истине. В буквальном смысле...

IX

«Когда Неизъяснимый решил создать Человека, он к этому времени уже потрудился немало. Но поскольку Человек был последним, что он собирался сделать в этот день, а Неизъяснимый предпочитал все свои дела доводить до конца, то он отложил отдых и принялся за дело.

Для начала Творец собрал все лучшее из того, что уже создал, и сложил все это неподалеку. Потом сел и немного поразмыслил. А затем соединил собранное в единственно возможной гармонии, сотворив существо, совершенное внутри и снаружи, восхищающее всякий орган чувств Создателя. А органов чувств у Неизъяснимого было ровно восемьсот восемьдесят восемь.

Так, по обыкновению, завершив дело и радуясь не зря потраченному времени, Неизъяснимый засмеялся и отправился вздремнуть на сотворенных им облаках, что плывут над им же сотворенным Межземным морем.

Пока же он спал, пробудился Царь Демонов, известный во всех пределах подлостью, хитроумием и бесстыдством.

Подобрался Царь Демонов ко вновь созданному Человеку, в которого Неизъяснимый не вдохнул еще искру Жизни,— подобрался и вытряхнул на Человека все самое отвратительное, что было у него в мешке. Он вывозил и испакостил Совершенное Существо так, что самому стало противно. Нагадил и удрал.

А Неизъяснимый, отослав положенное, проснулся, слез с пушистого облака... и ахнул! Бросился он отмывать, оттирать Человека, но сами знаете: куда труднее отчистить штаны, чем замазать!

Бился-бился Создатель Всего, да так и не отмыл Человека. Хотя потратил на это еще один день. Да не наш с вами, а свой, что длится тысячу тысяч лет. Хотел он было уничтожить испорченное создание, да жалко стало! Ведь все лучшее вложил он в Человека! Подумал-подумал Творец, да и вывернул Человека наизнанку! Внутри-то у Совершенного Существа все было в порядке!

А поскольку умаялся Создатель Всего, как никогда прежде, то тут же завалился спать. Но не на облаках пушистых, а на твердой земле, поближе к Человеку. И чтобы опять не оказаться в дураках, разделил одного большого Человека на тысячу маленьких. Если Царь Демонов и исхитрится кого изгадить, большая часть все же останется как есть.

Но Царь Демонов был хитер, как... Царь Демонов! Собрал он в мешок остатки всяческой пакости и, взлетев повыше, вытряхнул все сверху на всю тысячу человеков. Даже и Создателю попало.

Ох и взъярился Неизъяснимый! Ох и налетел же он на удиравшего Царя Демонов! Да разве можно убежать от Создателя Всего? Тем более что и самого Царя Демонов создал Он же — в минуту дурного настроения.

Сцапал Неизъяснимый Царя Демонов да так придавил, что вся жизнь из него и выбрызнулась. Да выбрызнулась прямо на тысячу человеков, и без того обрызганных гадостью!

Вытекла на них жизнь Царя Демонов, и разбежались они — кто куда.

Целый год Неизъяснимый ловил их по всему Миру. Да не наш год, а свой, Создательев. Так что многие из человеков уже и потомство не по одному разу принести успели, а многие — и помереть. Хотя жили в те времена не в пример больше нашего.

Целый год ловил их Творец. Ловил да мыл, да от демоновой жизни их очищал — на свою заменял. Кого почище отмыл, кого — похуже. В общем, с тех самых пор живут-плодятся люди, разные да неодинаковые, друг на дружку не похожие. Да в каждом — искорка демоновой жизни. Нет-нет, да и вспыхнет. А у иных — так и запыляет!

Да, к слову сказать, не всех и переловил Создатель Всего. Которых не поймал, так оставил, из тех магхары изошли, Зла Отродие. Потому, если увидишь магхара, не мешкая бери, что есть из оружия,— и бей! То дело благое, божие!»

Норгская сказка

Санги и Биорк возвратились в Урнгур в двадцать второй день последнего месяца лета. Еще со спины Серого, когда они летели над северной частью Урнгура, Биорк заметил, что на полях нет ни одного человека. Урожай, конечно, был уже собран, но ведь на земле всегда довольно работы.

По просьбе вагара Серый, прилетев в Шугр, опустился прямо на крышу Дворца Королевы. Сирхар Урнгура прыгнул на гладкую желтую кровлю, помахал взмывшему Серому и спустился вниз.

Приветствуемый слугами Биорк направился прямо в покои Королевы. Шел третий час после восхода, и Женщина Шугра наверняка уже встала.

Когда дракон миновал селение Сунг в двадцати милях от столицы, Биорк предстал перед Королевой.

– Что происходит? – спросил он сразу же после приветствия.

Первая из Женщин Урнгура удивленно посмотрела на своего сирхара:

– О чем ты?

– Я хочу знать, Гилли, что произошло за то время, пока меня не было?

– А что произошло? – Королева забеспокоилась.

– Ты знаешь, что от Туга до Шугра на полях нет ни одного работника?

– Ах вот ты о чем! – Королева облегченно рассмеялась. – Конечно никого нет! Ведь через три дня – начало Летнего Праздника!

Теперь настал черед изумиться Биорку.

– Какого еще Летнего Праздника? – воскликнул он.

– О! Сирхар! – Королева опять рассмеялась. – Кому же может прийти в голову, что сирхар Урнгура не знает о Летнем Празднике? Мой недосмотр! Я должна была предупредить тебя! Впрочем, я могу сделать это немедленно!

И Биорк, который по закону Урнгура должен был стать главным распорядителем на торжестве, впервые узнал о том, что оно собой представляет...

Начало Летнего Праздника определялось прорицателями примерно за месяц, но обычно приходилось на последнее десятидневье лета. И примерно за пять-шесть дней до его начала полагалось завершить сбор урожая. То была воля Хаора, а воля Хаора в Урнгуре выполнялась неукоснительно. В этом году волеизъявление бога перестало иметь значение. В связи с отсутствием самого бога. Тем не менее Королева решила сохранить традицию. Согласно же традиции Летний Праздник, длившийся три ночи и два дня, был самым большим из посвященных Хаору. Все это время взгляд Хаора был обращен на своих любимцев урнгрия, и им полагалось услаждать сей взор видом собственной радости. Человеческих жертвоприношений во время Летнего Праздника не было, но Хаор Добрый, как обычно, не оставался внакладе.

За несколько дней неподалеку от Урнгура разбивался огромный лагерь на десятки, а то и сотни тысяч человек. Штабеля топлива для множества костров, которые зажигались с наступлением сумерек, тянулись на полмили вдоль обоих берегов Шуги. Двери складов в Среднем Шугре распахивались, в лагерь в невероятных количествах свозились пища и вино. Ни один из урнгрия в течение Летнего Праздника ни в чем не имел недостатка.

Лагерь в окрестностях Шугра был самым большим, но, разумеется, не мог вместить всех мужчин в стране. Женщины Селений, объединяясь по двое-трое, устраивали подобные лагеря рядом со своими городками, причем – в тех местах, где мужчины их селений уже не один век справляли Летний Праздник.

Но лагеря принимали только мужчин. Женщины Урнгура праздновали отдельно, и каждой Женщине Селения вменялось в обязанность подготовить собственный дом, чтобы любая из сестер могла прийти и достойно провести время – одна или со своими мужьями. То

же вменялось в обязанность Королеве. Но Приближенным Королевы не обязательно было проводить Летний Праздник во Дворце, а младшим Женщинам – в доме Женщины их Селения. Та же свобода была и у самих Женщин Селений, но, как правило, те из них, чьи угоды были велики, а подданные многочисленны, радовали Хаора в собственных домах.

Хаора больше нет. Но Летний Праздник, разумеется, остался. В данном случае урнгрия было безразлично, какому богу они «усладят» взор.

Материальная сторона дела Биорка не касалась. И менять старинный обычай он не стал, хотя ему и не понравилось, что солдаты прекратили тренировки. Сохранил он и порядок богослужений, обратив их к Потрясателю Тверди. Но одно из правил сирхар все-таки изменил. А именно: решил позаботиться о поддержании порядка.

Прежде Летний Праздник превращался в грандиозную попойку и совершеннейший разврат (по-урнгурски, разумеется). Нетрудно угадать, что и в этом году страну ожидает трое суток пьянства и безобразий. Прошлый Летний Праздник обошелся только Шугрскому лагерю в три воза трупов. Обычно урнгрия не агрессивны, тем более что каждый знает свое место в иерархии: жрец – в храме, солдат – в хогре, земледелец или охотник – в селении. В лагерях же собирались мужчины из разных мест, и Добрый бог, естественно, получал свою долю.

Потрясателю, по мнению вагара, подобное пришлось бы не по вкусу. Потому Биорк решил разоружить всех урнгрия, кроме части солдат, из которых сформировал караулы, действующие по принципу: пресек нарушение порядка – свободен. Иди и развлекайся в свое удовольствие, только оставь оружие. Оно будет передано в руки задире – после того как его весьма грубыми методами освободят от праздничного угара.

Вот и все новшества, внесенные Биорком в грядущую попойку.

Три дня пролетели быстро.

Утро в канун Летнего Праздника Санти встретил, как обычно, в Озерном Доме Ронзангтондамени, хотя ее самой там не было. С момента своего возвращения Санти видел Ангнани в общей сложности не больше часа. Женщина Гнона должна была подготовить к приему гостей свой зимний дом, внушительное трехэтажное строение с зимним садом во внутреннем дворе площадью в сотню тысяч квадратных локтей. Кроме того, ей вместе с Женщинами двух соседних селений приходилось заниматься обеспечением мужского лагеря, традиционно располагавшегося в ложбине между тремя холмами примерно в миле от селения Гнон.

К полудню из Шугра приехал Эрд.

Не будучи официальным мужем Ронзангтондамени, Санти был свободен в выборе места встречи Летнего Праздника. Но, разумеется, он выбрал Гнон. А Эрд выбрал общество Санти.

Вдвоем они пообедали в Озерном Доме, пустом и тихом. Прислуживал им единственный оставшийся незанятым слуга, старик, которого преклонный возраст лишал главных удовольствий Летнего Праздника.

Друзья пообедали и вышли на террасу. Перистые облака медленно скользили по высокому небу. Ветра не было. Озерная вода напоминала потемневшую слюду. Было очень тихо: ни криков ящеров-рыболовов, гнездившихся неподалеку, ни человеческих голосов, обычно далеко разносящихся над поверхностью озера. Глаз солнца то появлялся, то мерк, заслоненный белым облачным пухом.

Молчаливый обычно, Эрд вдруг разговорился и час за часом неторопливо рассказывал Санти историю Империи. И повесть эта, происходящая из семейных документов и преданий, сильно отличалась от читанного юношей. Но он был больше склонен верить Эрду, чей язык не знал лжи и чей род сам творил историю, чем летописцам, с чужих слов и по собственному разумению излагавшим события.

Когда алые краски заката легли на поверхность озера Гнон, из селения пришел прогулочный корабль Ронзангтондамени, медлительное озерное судно с высоко поднятой

прямоугольной палубой, плоским носом и единственным квадратным голубым парусом на короткой мачте. Эрд и Санти взойшли на него, и судно неторопливо двинулось в сторону селения. Шесть пар весел мерно опускались в спокойную воду под негромкий рокот барабана.

Спустя полчаса друзья сошли на берег и, взяв в общественных стойлах у пристани двух пардов, пересекли Гнон по главной его улице, уже погруженной в сумерки. Шаровые светильники должны были зажечься лишь с восходом Звезды Хаора, называемой в Конге Привратник, самой яркой в созвездии Арки...

Улица, широкая и совершенно пустая, плавно огибала зимний дом Женщины Гнона, огромный четырехугольник которого выделялся из ряда одноэтажных зданий с плоскими крышами, построенных вплотную одно к другому. Санти и Эрд въехали в узкую мрачноватую арку и сразу же окунулись в иной мир: яркий, веселый, буйный!

Деревья зимнего сада, цветущие круглый год, не утратили свежести красок. Несколько женщин в яркой праздничной одежде собственноручно украшали ветви вырезанными из бумаги огромными изображениями плодов. Очень похожие друг на друга, высокие, скуластые, темнокожие и темноволосые, женщины казались сестрами-близнецами. Эрда и Санти урнгрийки приветствовали как равных, а не так, как обычно здесь приветствуют мужчин.

Небо над паутиной тросов, на которых зимой натягивалась прозрачная пленка, защищающая сад от снега и холода, постепенно темнело, и слуги уже разносили по саду масляные лампы.

Санти распахнул двустворчатые двери и окунулся в полутьму коридора.

Внутри дом казался мрачным из-за плохо освещенных лестниц, темных глубоких ниш, длинных переходов, опускающихся и поднимающихся, опоясывающих четырехугольное огромное здание. Человеку, попавшему сюда впервые, эти узкие щели между стенами, потемневшие шпалеры, черные пятна запертых дверей казались лабиринтом из Нижнего Мира. Но Санти уверенно двигался по темным коридорам. Его магическое чутье уже развилось достаточно, чтобы напрямик вести к цели.

Еще издали Эрд заметил яркий квадрат света, вырывающийся из распахнутой двери. За ней, в просторном, роскошно убранном зале, он увидел Ронзангтондамени в компании двух Женщин Селений. Ее мужа и мужа ее гостей-правительниц толпились вокруг. Кроме того, в зале было еще десятка полтора мужчин и восемь урнгриек, среди которых – три Приближенные Королевы!

Ронзангтондамени заметила вошедших и подняла руку в приветствии. Женщины Селений немедленно обратили взгляды на Санти и Эрда, явно заинтересованные. Но хозяйка тотчас вернула беседу в прежнее русло. На Санти и Эрда она больше не обращала внимания. Это было не похоже на Ангнани. Но куда больше заинтересовало юношу то, что среди Приближенных Королевы оказалась Силгангмакузани, маленькая любовница прежнего сирхара.

– Уверен, эти приехали из-за нас! – шепнул он на ухо светлорожденному. – Если хочешь, можешь выбрать себе подругу. На время праздника. Вернее, позволить ей выбрать себя! – Санти засмеялся.

Светлорожденный удивленно взглянул на юношу.

– Сегодня особенная ночь! – пояснил тот. – Они, – он показал глазами на Женщин Селений, – могут даже обмениваться мужьями навсегда! Один из соложников моей Ангнани попал в ее дом именно так! А уж поразвлечься с кем-нибудь во время Летнего Праздника – непременное дело! Впрочем, если согласие от госпожи не требуется, то согласие самого мужчины – обязательно! Хотя, говорят, еще лет пятьсот назад мужчину никто не спрашивал! – Санти звонко рассмеялся.

– Не может быть! – проговорил Эрд. – Даже мужчине трудно овладеть женщиной, если она – против! А наоборот...

– Ты забыл, брат Эрд, что они не просто женщины, а Женщины Урнгура. Их магия

подчиняет волю любого из здешних мужчин. Но,— доверительно сказал юноша,— эта магия и украшает общение. Ныне закон требует: мужчина должен сказать «да» лишь по собственной воле! Правда, на нас законы не распространяются.

— Разве? — Эрд забеспокоился.

— В Урнгуре больше десяти веков не было чужеземцев. И законов для чужеземцев нет. Но и закона, запрещающего тебе повеселиться с голубоглазой урнгрийской красавицей-колдуньей, тоже нет.

Эрд покачал головой.

— Я и раньше не так уж много внимания уделял женщинам,— сказал он.— А теперь, полагаю, и женщины не станут искать моего внимания с прежней настойчивостью,— и погладил рубцы от ожогов на левой щеке.

— Не станут искать твоего внимания? — Санти рассмеялся вновь.— Забудь! Чем ты страшней, тем больше они к тебе тянутся! Я имею в виду тех, что по-настоящему интересны! Вспомни хотя бы Нила, светлорожденный!

— Наверно, ты прав! — согласился Эрд.— У меня не было подруги со времен... Нассини! И боюсь, она отравила мой вкус!

— Вот и проверь! — предложил Санти.— Женщины Урнгурса прямо созданы для такой цели! Их здесь немного, но тебе хватит наверняка!

Юноша искоса взглянул на Ронзангтондамени. Женщина Гнона вела себя так, словно Санти не существовало.

«Интересно,— подумал он.— Что бы ты сделала, уединись я с дигоновой малюткой?»

Заиграла тихая музыка. Эрд оглянулся в поисках музыкантов. Но оркестра не было.

Ронзангтондамени шепнула что-то на ухо одному из своих мужей, а потом величественно направилась к выходу. Женщины Селений двинулись за ней.

Муж Ронзангтондамени подошел к Санти.

— Госпожа приглашает к трапезе! — громко сказал он. И, понизив голос: — Будь осторожен, Повелитель дракона! Так говорит Ангнани! Прости ту, что не сможет быть с тобой в сию ночь! На то есть высшая причина!

— Ее право! — так же тихо ответил Санти.

Маленькая Силгангмакузани стояла в пяти шагах. Она, несомненно, прислушивалась. Санти встретился с ней взглядом, и несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза. Предложение было сделано, и Санти не отверг его. Но пока и не принял.

— Славная малышка! — заметил Эрд, когда друзья вышли в коридор.

— «Славная малышка» делила ложе с Ди Гоном! — напомнил Санти.

— Правда? Что ж, по росту она была ему под стать!

— Только ли по росту? — Санти говорил совсем тихо, потому что Приближенные шли прямо за ними.

Розовое сияние наполнило коридор.

— Что это? — спросил удивленный Эрд.

— Немного здешней магии! — ответил Санти.— Так же, как и музыка! И это хорошо, клянусь Вещей Ситрой! Урнгурским музыкантам и десяти тактов не сыграть без фальши!

— Здешняя магия... — задумчиво повторил Эрд, глядя на красиво уложенные волосы на затылке мужа Ронзангтондамени — того, что шел впереди.

Вскоре они спустились в Пиршественный Зал.

Слуг в доме не осталось: все ушли в мужской лагерь, и пирующим приходилось самим заботиться о наполнении бокалов и блюд. За столами собралось не меньше сотни человек. С каждой из Женщин Селений пришли ее урнгрийки. И привели с собой своих мужчин.

Санти и Эрд держались отдельно. Но, как только они выбрали себе места, рядом с ними тут же пристроились три Приближенные. Силгангмакузани ухитрилась, отеснив кого-то из простых урнгрийек, усесться по правую руку Санти. Другие женщины, хотя и поглядывали в сторону чужеземцев, не осмеливались соперничать с Приближенными Королевы Урнгурса.

— Похоже, наша участь решена! — шепнул Санти на ухо светлорожденному.

– Твоя Генани не будет ревновать? – осведомился тот.

– Ну, я же не требую, чтобы она отослала своих мужей! – резонно ответил Санти. – Тем более она предупредила, что не сможет уделить мне внимания! Я возьму себе малышку, если ты не возражаешь?

– Нисколько! Мне все равно! Но почему ты решил, что...

– Потому что я знаю! – уверенно произнес Санти, окуная в сладкий соус кусочек печеной рыбы. – Мне уже было сделано формальное предложение!

– Великий Тур! Да вы не обменялись ни словом!

– Нужны слова? – с иронией в голосе спросил Санти.

– Ну...

– Повелитель дракона говорит правду! – неожиданно сказала Приближенная, сидевшая слева от Эрда. Хольдским она владела на удивление прилично.

– Ты нам по душе, северный воин! – прибавила вторая. – Мы – я и моя сестра – хотим тебя!

Санти расхохотался, а Эрд, опешив, уставился на урнгрийку.

– Мы тебе не нравимся? – ласково произнесла женщина. – Поверь, мы сделаем все, чтобы тебе было хорошо с нами!

– Урнгур, брат! – сказал Санти на конгаэне. – Попроси ее налить тебе вина, если ты согласен.

– Ты хорошо осведомлен! – так же на конгаэне откликнулся Эрд. – И по-урнгурски: – Налей мне вина, моя красавица!

– Меня зовут – Аснгли! – сказала женщина, наполняя бокал Эрда.

– А меня – Арани! – подхватила вторая, вкладывая Эрду в рот ломтик телячьего языка. Синие глаза Арани были чуть потемнее, чем у Аснгли, а губы полнее и ярче.

– Уверяю тебя, – сказал Санти на конгаэне. – Здесь способ ухаживания прям, как прыжок парда!

– В таком случае, может, и мне налить тебе вина... Санти? – на конгаэне же произнесла Силгангмакузани. – Я рада, что в эту ночь могу не просить разрешения у твоей... госпожи!

– Вряд ли ты получила бы его! – ответил Санти.

– Я восхищаюсь тобой, с тех пор как впервые увидела! – Она нежно погладила руку Санти, державшую вилку.

– По-моему, ты лжешь! – заметил юноша. – Но ты, оказывается, не так уж плохо знаешь нас, не-урнгрия! Лучше, чем твои сестры, да?

Ее лицо сказала: да!

А губы:

– Ты догадлив!

– Это нетрудно! Но Ронзангтондамени кое-что не понравится, верно? Думаешь ли об этом ты?

– Я ее не боюсь! – В голосе женщины было вдоволь гнева и презрения, но звучала и нежность, предназначенная Санти. Смуглая прохладная ручка скользнула под кружевной обшлаг рукава его рубашки. Подаренной Ронзангтондамени, кстати.

– Оказывается, и ты, Повелитель дракона, знаешь о нас чуть больше, чем твои друзья! Не хочешь ли выйти в сад?

– Я еще голоден, – заметил Санти.

– Ночи Летнего Праздника – такие теплые! – проворковала женщина. – Последние теплые ночи перед долгой-долгой зимой! Так хочется насладиться ими сполна!

– Сад? – проговорил Санти с полным ртом. – А я думал, ты захочешь уединения. – Левой рукой он налил ей и себе вина: – Ничего, если это сделал я, а не ты? Твоя гордость Женщины Урнгура не пострадала?

– Зови меня – Лакли! Да, так даже лучше! Да! Да! Я хочу уединения! С тобой! – Она говорила жарким шепотом, приподнявшись, в самое его ухо, щекоча его теплым дыханием. – Уединения! С тобой! Но только не в этом доме!

И неожиданно отодвинувшись и убрав руки:

– Давай же поспешим, иначе уголок, который я присмотрела для нас в саду гостеприимной Генани, окажется занят!

– Ты думаешь? – Санти пододвинул к себе ящеричью грудинку и щедро полил ее вязким сырным соусом.

– Через час в саду не останется ни одного свободного ложа!

– Ложа? – пришел черед удивиться Санти.

– Я же сказала: Генани – заботливая хозяйка! – Силгангмакузани рассмеялась. – Знай она, что одно из них достанется нам с тобой, она спрятала бы под покрывалом ядовитую змею!

Санти молча приканчивал грудку.

– Мы идем? – Женщина положила руку Санти на свое колено.

– Хорошо! – сказал юноша, отодвигая блюдо и делая последний глоток из бокала. – Только я выйду один и подожду тебя снаружи.

– Ты все-таки боишься ее! – язвительно произнесла Силгангмакузани. – Зря! Во время Праздника у нее нет на тебя никаких прав!

– А я не хочу ее обижать! – отрезал Санти.

– Не важно! – улыбнулась урнгрийка. – Делай как хочешь! Можешь выйти вместе со своим другом. Мои сестры так накормили его, что он, пожалуй, сейчас уснет!

– У тебя острый язычок! – Санти опустил руку под стол, сжал упругое и теплое бедро под тонким шелком платья.

– Да! – Силгангмакузани прижала руку Санти своей ладошкой и, прищулив жадные густо-синие, как озерная глубь, блестящие глаза, облизнула губы: – Да! Острый!

– Эрд! Светлейший! – обернулся Санти к светлорожденному. – Не глотнуть ли нам воздуха с запахом осенних цветов?

– Мысль! – Эрд потрепал по щеке темноглазую Арани. – Вы с нами, девушки?

Обе урнгрийки расхохотались. Их очень позабавило обращение светлорожденного.

– Ну конечно, мой сладкий! – проворковала Арани и коснулась мокрыми от вина губами его изуродованной щеки. Эрд слегка отстранился.

Санти встал. В сторону Ронзангтондамени он даже не посмотрел. Поднялись и остальные – все, кроме Силгангмакузани.

Друзья вышли в сад. Арани и Ангсли – вместе с ними. На несколько минут они задержались у порога, вдыхая чистый воздух, в ожидании маленькой урнгрийки.

Ближние деревья сада были освещены лампами, укрепленными на стенах дома. Наверху серебрилась паутина тросов. Безлунное небо было черным. Свет звезд мерк в свечение ламп.

Силгангмакузани присоединилась к ним:

– Вы не в обиде, сестры, что я привела вас сюда?

– О! – воскликнула Ангсли. – Но если ты не уберешься отсюда до окончания праздника, Генани задашит тебя, малышка, собственными руками!

– Если сумеет дожидаться конца праздника! – со смехом добавила Арани.

– Она не посмеет нарушить закон! – пренебрежительно отозвалась Силгангмакузани. – А через два дня... Кто знает, что может случиться через два дня? Теперь, когда больше нет Доброго Хаора...

Санти быстро взглянул на нее. Он вспомнил предупреждение Ангнани.

– Ты опять испугался? – с иронией поинтересовалась Силгангмакузани. – Ты, Повелитель дракона?

– Ошибаешься, – сухо сказал Санти. – Я не испугался. С чего бы? – И пристально посмотрел на женщину. Но та, засмеявшись, отвела глаза.

Деревья были посажены так плотно, что пушистые их кроны смыкались. Между ними струились посыпанные песком узкие тропки. Ковер травы под деревьями был густ и мягок,

как шерсть тонкорунной овцы. По ветвящимся каменным желобам стекала вода, слабо пахнувшая нагретой медью. В центре сада бил горячий источник. Собственно, вокруг источника и был построен зимний дом Ронзангтондамени. Снизу стволы деревьев подсвечивались разноцветными фонариками, плавающими на поверхности миниатюрных прудов. Свет отражался от воды, но не проникал дальше нижних ветвей. Вверху сияли яркие урнгурские звезды. Изредка темное бархатное небо озарялось отсветами фейерверка: в мужском лагере праздник был в разгаре.

Силгангмакузани, сжав руку Санти, увлекала его в глубину сада. Все дальше и дальше. Юноша задевал плечами шуршащие бумажные плоды и внимательно смотрел под ноги, чтобы не наступить на плоды настоящие, горками уложенные на траве. В темноте сад казался огромным, хотя хватило бы двадцати минут, чтобы обойти по периметру весь внутренний двор зимнего дома.

Неподалеку раздавался звучный баритон Эрда, перемежаемый томными голосами женщин. Больше ничьих голосов не было слышно. Похоже, они первыми покинули Пиршественную Залу.

– Здесь! – Силгангмакузани остановилась и притянула Санти к себе. Юноша, наклонившись, поцеловал ее в теплые губы и слегка оттолкнул.

– Сними с себя это, – сказал он, коснувшись лифа изобилующего застегками платья Силгангмакузани. – Мне с ним не совладать.

– Зато я с твоим справлюсь! – Женщина один за другим расстегнула крючки его рубашки и прижалась лбом к груди Санти.

Они стояли на небольшой, в пять-шесть шагов, полянке, под темными кронами деревьев, в разрыв между которыми проглядывали три звезды созвездия Паука. На траве, сшитые вместе, лежали несколько пуховиков, поверх которых было наброшено черное шелковое покрывало. Справа снизу пробивался рассеянный желтый свет, идущий, казалось, прямо от земли, но Санти знал, что этот свет – не магический, а самый обыкновенный, от масляного светильника. Пахло землей, травой, водой источника и – сильнее всего – шелковистой кожей Лакли. То был не запах духов или притираний, а ее собственный. И он был лучше любых благовоний и ароматов.

Урнгрийка коснулась перевязи, на которой висел Белый Меч.

– Можно я сниму его? – спросила она.

– Я сам. – Санти расстегнул перевязь и положил меч на траву у самого ложа.

– Ты никогда с ним не расстаешься?

– Иногда.

Силгангмакузани выпростала его рубашку из-под ремня, сняла и аккуратно положила на землю. Потом, опустившись на колени, по очереди расстегнув серебряные пряжки, сняла с Санти туфли и взялась за шнур шаровар. Санти ласково коснулся ее макушки.

– Какие у тебя длинные ноги! – нежно произнесла урнгрийка. – Совсем как у женщины!

Санти засмеялся:

– Ты и впрямь быстро справилась! Чувствуется, что у тебя немалый опыт!

– О да! – подтвердила Силгангмакузани, неторопливо разматывая его набедренную повязку. – И не только в снятии одежды. – Запрокинув голову, она глянула на него снизу, и красное пламя заполнило ее зрачки.

– Закрой глаза! – велела она.

Санти повиновался, и руки женщины заскользили по внутренним сторонам его бедер. Прикосновения языка были быстрыми и острыми, как уколы. А рот оказался мягким и горячим, жаждущим, как пламя!

– Да, маленькая Лакли, – прошептал Санти через некоторое время. – Ты искусна!

– О! Ты еще не знаешь меня, Повелитель дракона! – поднимаясь, проговорила урнгрийка. – У тебя не будет ночей лучше, чем эта! Обещаю тебе!

Санти опустил на пуховики и глядел, как она медленно и грациозно снимает с себя одежду. Падающий снизу свет не поднимался выше ее плеч, и обычным зрением Санти не

мог различить ее лица – только ореол распущенных волос. Но ему не хотелось прибегать к магии. Закрыть эту часть восприятия – все равно что закрыть глаза. Для остроты остальных ощущений...

Ступни Силгангмакузани в длину были не больше его ладоней. Кожа идеально стройных ног блестела, точно полированный гематит, «живой камень», как называют его в Конге за красный кровавый отблеск.

Урнгрийка сделала пол-оборота и потянулась, закинув за голову тонкие руки. Правильное полушарие груди тоже тянулось вверх твердым черенком соска. Лукоподобный изгиб спины перетекал в тяжелую каплю ягодицы, а тонкая талия – в округлость напрягшегося бедра.

Быстро опустив руки, но все еще стоя на носках, с напряженными подтянувшимися икрами, Силгангмакузани засмеялась тихим хриплым возбуждающим смехом и короткими шажками пошла вдоль ложа, на котором, не отводя глаз, поворачивался вслед за ней Санти. Он мог бы дотянуться до ее бедер, не вставая, но понимал игру и удерживал свои руки от того, чтобы прижать к себе маленькую урнгрийку.

Невдалеке раздался вскрик женщины и вслед – раскатистый хохот Эрда. Санти не обращал внимания на внешние звуки. Силгангмакузани двигалась все медленнее, а напряжение в ее теле все росло и росло.

Санти поднял руку, и женщина метнулась к нему, обхватила его голову руками, перепрыгнула через него, сидящего на ложе, обхватила пальцами его лицо, веки, губы, нос, уши, прижалась ланом к шее Санти, позволила его рукам обхватить свои тонкие щиколотки и вдруг опустилась в шпагат, проскользив шерсткой лобка по впадине окаменевшей спины. Села, коснулась ягодицами шелка покрывала, опрокинула Санти на себя. Ее пятки, упершись изнутри в колени юноши, развели их в стороны, затем охватили, сжали его плоть нежнокожими арками ступней. Санти позволил ей немного поиграть собой, затем развернулся в кольцо ее ног, вонзил пальцы в ее бедра. Несколько быстрых, резких, почти болезненных движений (почему ему так хотелось причинить ей боль?) – и все кончилось.

– У тебя очень тонкая талия! – прошептала Лакли в ухо обмякшему Санти, лаская его спину. – И плечи широки, как у воина! А ведь ты не воин – хоть и носишь с собой меч, волшебный меч, верно? – Язык ее нырнул в его ухо. – В тебе еще довольно сил, Повелитель дракона! – Чуткие пальцы прошли по ягодицам Санти. – Во имя Хаора, которого, как ты сказал, больше нет, я еще многое успею показать тебе, прежде чем ты уснешь!

И, вывернувшись из-под него, Лакли принялась ласкать юношу руками, волосами, ртом, пока он не сжал ее в объятиях и не соединился с ней. И они покатались по траве, а Лакли прочно удерживала его внутри себя, пока ее зубы оставляли алые точки на коже Санти.

Она не солгала, маленькая Силгангмакузани: ей многое удалось показать Санти, прежде чем его тело отказалось повиноваться ей.

Санти проснулся неожиданно.

Прошло не больше четверти часа с тех пор, как он, столкнув с себя скользкое от пота тело Лакли, провалился в сон, в яму, наполненную густым, темным, всепоглощающим туманом...

...и вынырнул из нее с холодом в животе и тревогой, сжавшей сердце. И то, что он увидел, с трудом разлепив наполненные изнутри колючим песком веки, – вмиг избавило Санти от остатков сна.

Силгангмакузани стояла над ним на коленях, касаясь мокрым пахом его живота, и, бормоча непонятные слова, пыталась вытянуть из ножен Белый Меч.

Санти ни на миг не усомнился в том, зачем ей это понадобилось.

Силгангмакузани увидела открывшиеся глаза Повелителя дракона и в последний раз изо всех сил рванула упрямую рукоять. Хаор! Ее чары были слабее сил, удерживающих меч

в ножнах. Хаор!

Силгангмакузани помнила, что даже сирхару не удалось связать Санти заклинанием. Но его семя до сих пор истекало из нее, и урнгрийка рискнула выкрикнуть три связующих слова, подкрепив их росчерком спрятанного в ножнах клинка. А затем, схватившись двумя руками за эфес, с гневным возгласом обрушила тяжелый меч в ножнах на лицо Санти.

Юноша с невероятным трудом поднял руку... и, сомкнувшись на шероховатой от древней резьбы поверхности ножен, пальцы его сразу обрели крепость.

Урнгрийка тут же выпустила меч. Быстрым кошачьим движением она перекатилась с колен на пятки и отпрыгнула назад прежде, чем Санти успел схватить ее за распущенные волосы.

Санти сел. Рука его сжимала клинок Асенаров, и магия Женщины Урнгура не могла повредить ему. А физически маленькая подружка Ди Гона была намного слабее.

«Пусть бежит!» – подумал юноша.

Но Силгангмакузани бежать не собиралась. Она еще не исчерпала всех средств, чтобы отомстить одному из убийц ее сирхара!

Попытившись назад, Женщина Урнгура обратила к земле свои тонкие красивые руки с растопыренными, дрожащими от напряжения пальчиками и, вкладывая в голос всю свою силу, возгласила:

– Уах! Хатан ур отта! Аман!
Ацтех! Ка Ацтех! Ат ман уахн!
Итта, Ацтех!
Ка тхлан нахт, Ацтех!..

Санти, внимавший заклинанию со все возрастающей тревогой, услышал позади себя громкое шипение. Юноша мигом оказался на ногах и отпрыгнул с не меньшей, чем урнгрийка, быстротой.

Тьма в проеме крон над посыпанной желтым песком дорожкой заколебалась. Столб светло-коричневого флюоресцирующего дыма поднялся от земли, извиваясь, как готовящаяся к броску змея. Листья на ближних ветках затрещали и съежились от жара.

Столб расширился. Его очертания постепенно обрели форму высоченной, на голову выше Санти, человеческой фигуры. Шипение резко усилилось, а потом сразу стихло. Остался только сухой треск, что издает при прикосновении к телу сухая шерсть.

Перед Санти, почти касаясь головой верхних ветвей, стоял Воин. Громадное тело его было облачено в серые, тускло мерцающие доспехи. Руки в квадратных железных рукавицах соединились на эфесе в целый локоть длиной. А сам клинок, вспыхивающий багровыми отблесками, достигал трех четвертей человеческого роста и был не меньше ладони в ширину. Воин держал его перед собой на вытянутых руках, но не меч поверг Санти в ужас. Лицо Воина!

Страх стеснил грудь юноши, ноги стали ватными, рот открылся, а зрачки расплылись во всю ширину глаз...

На воине был открытый шлем с острым навершием, а из-под его лобного края смотрело лицо мертвеца. Кожа лохмотьями отставала от белеющих костей, губ почти не осталось, и очертания рта складывались в подобие безумной, чудовищной улыбки.

Рукоять Белого Меча запульсировала в ладони Санти, и он сбросил с себя ужас, как сбрасывают отяжелевший от дождя плащ. Санти сосредоточил свою магическую силу и выбросил ее в восставшего мороса ¹⁰, как баллиста выбрасывает снаряд:

– Замри!!!

Но Воин-Мертвец был неподвластен его слову. Горящее цветом давно пролитой крови

¹⁰ Морос – зомби.

лезвие описало широкую дугу, перерубив мимоходом ветвь дерева в запястье Санти толщиной.

Обрубок упал на траву. Срез был обуглен, тонкая струйка дыма поднималась от него вверх.

Санти слышал звук, с которым ветка ударилась оземь, но не слышал удара меча о дерево. Только жуткое шипение...

...в которое ворвался женский смех!

Хохотала Силгангмакузани. Она хохотала и приплясывала на мягкой траве, как бесноватая, хлопая себя по выпяченному паху:

– Здесь! Гляди, Повелитель дракона! Здесь твоя сила! Здесь! Здесь!

Санти выхватил из ножен Белый Меч. Узкое лезвие вспыхнуло светом взошедшей луны. Морос обволакивал юношу своим шипением, но не магия была страшна Санти, а широкий меч в руке Воина-Мертвеца. Меч, рассекающий воздух, словно коса в руках не знающего усталости косца.

– Замри! – еще раз выкрикнул юноша, но Мертвый Воин шагнул вперед, и трава задымилась, зашипела под огромной ступней. Пустые глазницы налились молочно-белым туманом, зубы заскрежетали...

Позади Санти послышался топот, но юноша не обернулся. И не попытался бежать. Он смотрел на мороса и чувствовал себя с мечом в руке так же беспомощно, как тогда, на берегу с магами. И сотни миль отделяли сейчас Санти от спасителя-дракона...

«Нет магии, что сможет опутать сыновей рода твоего, когда они сжимают сей меч! Сила богов, живущая в нем, охранит их волю и руку. А рука да совершит остальное!» – всплыли в мозгу Санти слышанные во сне слова вождя вагаров. «...Рука да совершит остальное!»

Крепкие пальцы сжали плечо Санти, а потом отняли у него меч. Широкая спина, казавшаяся черной во тьме, заслонила юношу. Эрд!

Светлорожденный примчался сюда, услышав крик Санти. Он был так же гол, как юноша, однако меч в его руке был не только магическим предметом – но оружием в руке воина. Морос? Он уже убивал их! Да, этот покрупнее! Отлично! Больше простора для удара! Эрд даже обрадовался, увидев перед собой мороса! У светлорожденного с ними свои счеты!

Хотя последние месяцы Эрд тренировался с Пьющим Кровь, тело его и рука мгновенно узнали тяжесть Белого Клинка Асенаров. Вспомнили и приспособились к нему, как узнают руки изгибы тела женщины, которую не обнимали с давних пор, но когда-то, прежде, ласкали эти изгибы тысячу великолепных ночей.

Санти смотрел из-за плеча Эрда, как приближается морос. А потом услышал, как громче прежнего вопит и смеется подруга Ди Гона.

– Давай, давай! Рубани его мечом! – выкрикивала она по-урнгурски. – Рубани мечом демона, и я посмотрю, как пламя сожрет до самых локтей твои сильные руки, воин! Радость! Радость!

Эрд не обращал внимания на вопли женщины. Да он и не слишком хорошо понимал по-урнгурски, чтобы разобрать ее визгливые вопли.

Но Санти понял. И со всей ясностью ощутил, что сейчас произойдет!

Воин-Мертвец сделал еще один шаг, и багрово светящийся меч промелькнул в пяти локтях от обнаженного живота светлорожденного. Следующий шаг – и клинки скрестятся!

Санти рванулся вперед... и из собственного тела переметнулся в тело Эрда. Он вошел в него плотно и удобно. Так входит рука в идеально подогнанную рукавицу.

Клиники скрестились!

Но за долю мига до этого воля Санти вошла в Белый Меч, и с оружием демона встретился не отшлифованный кусок хармшаркова бивня с древними вагарскими чарами, а изначальная сила прирожденного мага.

Ослепительная вспышка озарила листву. Кроны деревьев вздрогнули от громового

раската.

Настоящее тело Санти осталось стоять за спиной светлорожденного. Сознание Санти не объединилось с сознанием Эрда. Он только наполнил физическое тело друга собственной силой и придал ему быстроту, не уступающую скорости демона. Но тело воина – само по себе – грозное оружие. Воину нет нужды направлять меч в открывшегося врага. Довольно лишь краем глаза уловить брешь – и рука сама направит туда клинок.

Широкий багровый меч прошипел под ногами подпрыгнувшего Эрда. Он был почти в два раза длиннее клинка Асенаров, но светлорожденный метнулся вперед, и Белый Меч, упав на сгиб правой руки Мертвого Воина, отсек ее напроочь!

Вспышка зеленого огня – и рука мороса перестала существовать. А Белый Меч Асенаров под слившийся воедино клич Эрда и возглас Санти снизу вверх вошел в ужасное лицо Воина-Мертвеца чуть ниже белой обнажившейся кости скулы.

Воля Санти, как струя белого пламени, устремилась вдоль клинка и разорвала изнутри оболочку демона.

«Я сделал то, что должно», – подумал Санти.

Пальцы Эрда все еще с силой сжимали эфес меча, но Воина-Мертвеца уже не существовало. Он исчез, исчез бесследно. И поверхность Белого Меча тоже была девственно чиста. Черное пятно с ржавыми краями, след от взрыва огненного шара, – пропало!

В наступившей, до осязаемости плотной тишине Санти ушами Эрда услышал, как резким воплем оборвался смех Силгангмакузани.

Тело светлорожденного повернулось к урнгрийке с быстротой победителя демона. Мерцающий серебром клинок был направлен в ее обнаженную грудь. Силгангмакузани попятилась. Лицо ее выразило ужас не меньший, чем тот, что исказил лицо Санти, когда юноша увидел Мертвого Воина.

Беззвучно открывая и закрывая рот, урнгрийка пятилась назад, пока не уперлась спиной в ствол дерева. Она остановилась, но ноги ее по-прежнему продолжали переступать, беспомощно скользя по мягкой траве полянки. Урнгрийка не осознавала того, что остается на месте.

Санти никогда прежде не отнимал человеческой жизни. Больше того, он даже не представлял, что может это сделать. Но Эрд убивать умел. Умел так же хорошо, как делает это кугурр, убивающий, чтобы жить. И все же Эрд был лучшим убийцей, чем кугурр, потому что когда они с кугурром встречались один на один – убивал Эрд!

Санти не был воином, но рука, сжимавшая рукоять Белого Меча, сейчас была и его рукой. Белый Клинок был продолжением их слившихся рук, а сила Санти – продолжением клинка.

Меч не коснулся тела урнгрийки, но маленькие пальчики Лакли впились в гладкую кожу ее левой груди, и гримаса нестерпимой боли стерла ужас с ее лица. Глаза урнгрийки выкатились из орбит, беззвучный крик разорвал рот. Тело Силгангмакузани содрогнулось, скрюченные пальцы глубоко погрузились в плоть, словно пытаясь добраться до сердца, а потом ноги ее подкосились. Не проронив ни звука, женщина сползла вдоль древесного ствола и повалилась на пушистую траву. Тело ее дважды содрогнулось, сипящий звук вытек из широко открытого рта, и душа маленькой Лакли покинула мир людей.

И, будто дожидаясь этого, сквозь кроны деревьев проглянул призрачный глаз луны, заливая голубым мертвенным светом маленькое скорчившееся тело женщины на мягкой, как чистая шерсть, траве.

Санти вновь оказался в собственном теле. Он извне увидел лицо светлорожденного и поразился: Эрд был совершенно счастлив! То был восторг, ликование! И что-то еще... Санти вдруг понял: левая щека светлорожденного стала чистой и гладкой. Рубцы от ожогов бесследно исчезли!

За спиной Санти послышался шорох. Он быстро обернулся.

Освещенные луной, обнаженные, похожие, как отражения, схватившись за руки,

застыли Арани и Аснгли: они видели все!

Санتي ничего не сказал им. Он подошел к Эрду и вынул из его руки Белый Меч. Посмотрел: чистый клинок голубовато блестел в лучах Богини Печали. Санتي вложил его в ножны и тут только услышал звуки множества ступающих ног: со всех концов сада к поляне сходились люди. Санти удивился: так поздно? Он забыл, что со времени появления Мертвого Воина прошло меньше двух минут.

Санتي поднял шелковое покрывало. Совсем недавно на нем металась, неистовствуя, та, чье одинокое тело лежало теперь скорченное, маленькое, ненужное, как сломанная кукла...

Санتي отвернулся. Он набросил покрывало на пуховики, обнял Эрда и помог ему лечь. Бой с демоном выпил всю силу светлорожденного. Но Эрд был в сознании. Он даже попытался улыбнуться Санти, счастливо улыбнуться.

А поляну уже обступили люди. Арани и Аснгли вполголоса рассказывали им о случившемся. Никто не решался заговорить с Санти. И никто не трогал тела Силгангмакузани. Женщины Урнгура видели: она мертва. Позаботиться о ней – дело хозяйки дома.

Наконец появилась Ронзангтондамени. Женщина Гнона бросила беглый взгляд на Санти и, убедившись, что с ним все в порядке, попросила Приближенных Королевы повторить свой рассказ. Полностью одетая, Ронзангтондамени странно выглядела в окружении обнаженных мужчин и женщин.

Услышав голос Ангнани, Санти не оставил Эрда, только бросил в ее сторону короткий взгляд. Ронзангтондамени сама подошла к нему.

– Я должна быть вечно благодарна твоему другу! – сказала Женщина Гнона. – Это мне следовало встать рядом с тобой! – Она поколебалась немного, а потом продолжила: – Я была уверена, что с тобой ничего не случится! Мне явилось Откровение! Я виновата!

– Ангнани! – устало сказал Санти. – Что ты могла сделать? Это я не послушался твоего совета, не поберегся! Но отвага Эрда спасла меня, мы живы, а что случилось – то случилось, Ангнани!

– Не поберегся? – удивилась Женщина Гнона. – Разве...

– Ангнани! – Санти медленно поднялся на ноги. – Твой муж передал мне предупреждение, но я не внял ему! Разве в этом есть твоя вина?

– Хорошо. После. – Ронзангтондамени посмотрела на Эрда...

– Мы позаботимся о нем, сестра! – сказала Аснгли.

– Я благодарю вас! Рананга, Мана! – обратилась она к двум женщинам из своего селения. – Возьмите э т о и отнесите в дом. В подвал!

Названные подхватили легкое, теплое еще тело Силгангмакузани.

– Харс! Помогите Повелителю дракона одеться! Я буду ждать у себя, Санти! Оставь своего друга, не тревожься: о нем хорошо позаботятся!

– Да! – подтвердила Аснгли ласково. – Мы поможем ему.

– Сестры мои! – произнесла Ронзангтондамени, повысив голос. – Прошу вас веселиться! Летний Праздник!

Туманный глаз луны переместился, и поляну вновь окутала темнота. Полная темнота, потому что горевший неподалеку светильник погас.

– А теперь я хочу знать, что передал тебе мой муж! – заявила Женщина Гнона, когда Санти, подкрепив силы двумя бокалами вина, откинулся на грудь подушек.

– Он сказал мне: «Будь осторожен, Повелитель дракона! Так говорит Ангнани! Прости ее, что не может быть с тобой в эту ночь! На то есть высшая причина!» – С мастерством настоящего певца Санти передал интонацию урнгрия. Но сделал он это механически: собственные мысли угнетали его. Он, Санти, – убил! Убил! Может, теперь и его Дар пропадет, как пропал Дар Нила? Пока юноша не ощущал этого, но, может, такое происходит не сразу? И еще: ему было безумно жаль маленькую Лакли! Если бы он мог вернуть ее к жизни!

«Как Нила?» – спросил голос внутри Санти. И другой голос сказал: «Нить жизни? Может быть, она слишком тонка для двоих? Или ты думаешь, что у Ангнани есть еще один Саркофаг?»

Это были собственные мысли Санти. Он не знал, что и в это мгновение может вернуть душу маленькой Лакли из Нижнего Мира. Узнал он об этом много позднее.

– Повтори еще раз! – велела Женщина Гнона.

– Что?

– Повтори еще раз то, что сказал тебе мой муж!

– Как пожелаешь! – И Санти слово в слово повторил сказанное.

– Он упустил совсем не много! – сказала Ронзангтондамени. – И, хвала Хаору Доброму, ее смерть не ляжет на тебя!

– Что упустил? – спросил Санти.

– Я велела передать: «Будь осторожен с ней!» Я не знала, кто будет с тобой в эту ночь, но знала: ей грозит смерть! Так мне было поведено!

– Рука Судьбы, Ангнани! Ты должна была сама сказать мне все!

– Я не могла!

– Так! – Санти сел. – Ты что-то говорила об Откровении? Я хочу знать все!

– Успокойся! – Ронзангтондамени добавила вина в его бокал, но Санти оттолкнул ее руку так резко, что несколько капель пролилось на ковер.

– Успокойся! – терпеливо повторила женщина. – Мне было Откровение во сне: той, с кем ты проведешь ночь, угрожает смерть! Но, если я останусь в стороне, сеть Калы тебя минует! Не рука ли бога легла на уста моего мужа? Ведь я чуть было не нарушила условие! Но если б я знала, что ты предпочтешь эту маленькую мерзость, – добавила она ревниво, – я не стала бы предупреждать! Клянусь Добрым Хаором!

Санти в упор смотрел на нее.

– Ну да, я ее не любила! – нервно сказала Ронзангтондамени. – И я рада, что она мертва, раз ее смерть не легла на тебя, мой Санти!

– Ты уверена?

– А ты решил, что, однажды разделив с ней ложе, принял на себя ношу ее жизни?

– Так, – сказал юноша. – Хочу знать, что тебе рассказали о происшедшем!

– То, что было! Маленькая дрянь вызвала демона! Приближенные Королевы слышали заклинание и чувствовали, как надорвалась ткань Мира. Она вызвала демона, чтобы демон пожрал тебя, и ты не смог его остановить! Но остановил твой друг! Изгнал его тем волшебным мечом, что сейчас у тебя на поясе! А маленькая дрянь умерла от страха! – закончила женщина и удовлетворенно взглянула на Санти.

– Я скажу тебе правду! – холодно произнес Санти. – И услышанное должно остаться в тебе!

И рассказал все, что произошло с того момента, когда он увидел над собой Силгангмакузани, пытающуюся извлечь из ножен Белый Меч.

– В том, что тебе наговорили, правда лишь то, что она призвала демона, а Эрд спас мне жизнь! Это я убил девушку!

Санти был очень взволнован, но Ронзангтондамени осталась совершенно спокойной.

– Что сделано, то сделано! – заявила она. – Меня это не огорчает! Летний Праздник есть Летний Праздник! – И другим, не надменным, а заинтересованным голосом спросила: – Скажи, а эта маленькая мерзость действительно была так хороша в любви, как о ней говорили?

Конец четвертой книги

Книга пятая ОСВОБОДИТЕЛЬ

«...И овладел искусством езды на окрыленных колесницах. И не было оружия, тайного или явного, вещного или магического, с коим не управлялся бы Я лучше любого в пределах Моих до самых границ Красного и Черного. И изучил Я все ремесла людские и знания всех мастеров, сколько есть их под небом. И само небо познал Я, и власть его, и силу его превзошел, когда возвел Мой Прохладный Дворец, даже богами не постигаемый! И такова Власть Моя, что расступается предо мной Доброе море, а подданные Мои умирают, прикоснувшись к следам стоп Моих. И склонились предо Мною тысячи народов, как колосья пред ураганом. И роняли зерна свои в землю Мою, чтобы для Меня взошел урожай, вдесятеро умноженный. И вознес Я место Свое, Махд возлюбленный, выше неба и выше небес, ибо лишь Я, единственный, сравнялся с ним. И толкуют мудрецы будущее по цвету дыхания Моего, и предзнаменуют грядущее по эху гласа Моего. Мне же властно и ясно все, что лежит в Мире и вне его. И имя Мне – Вечный!»

Множится число рабов Моих, подбирающих пыль со стола Силы Моей, славящих Меня превыше светил небесных и превыше ничтожных предо Мною богов.

Властью Своей воздвиг Я твердыню сию на окраине Мира и наполнил ее Славой Моей, чтобы до окончания Времен стояла, как вестъ торжества Моего, что Я, Вечный, возвышаясь в Прохладном Дворце, от края до края постиг и Мир сей, и иные миры, и царю надо всем и пребываю. Вот, Силой Своей породил я несокрушимую твердыню сию, и равную ей породил Я на краю Красного, там, где...»

Надпись на обломке древней стены, использованном среди прочих камней при возведении нового бастиона в Воркарской крепости

– Полагаешь, тебе удастся поднять пардов и обоз на такую кручу, сирхар? – спросил хогран Рхонг, с недоверием разглядывая обрыв – пятьдесят локтей отвесной стены.

– Не мне, хогран, а тебе! – Взгляд Биорка прошелся по верхнему краю обрыва и остановился на широком выступе, нависшем над мокрыми камнями стены.

– Вон туда, – показал он рукой, – ты пошлешь ползунов, чтобы установили блоки подъемников! А сами подъемники сделаем из платформ баллист. Иначе и до завтра не управимся!

– До завтра? – У урнгурца отвисла челюсть.

– Светлейший! – Биорк повернулся к Эрду. – Не сочти за труд помочь со сборкой подъемника.

Эрд кивнул головой. Шлем его был приторочен к седлу, и холодный весенний ветер трепал длинные светлые волосы.

– Рхонг! – Сирхар вновь повернулся к урнгурцу, восседавшему на мощном пятнистом парде. – Я поставил тебя старшим потому, что ты – не дурак! – И, понизив голос: – Вернее, менее туп, чем твой пард! Подбери слюни и запомни: я пять десятков лет воюю в горах! И клянусь первым кугурром, которого я убил: уже через три дня ты не будешь называть кручей каждый встречный пригорок! Или я ошибся в тебе, хогран?

Не дожидаясь ответа, Биорк развернул парда и поехал вниз, туда, куда постепенно собиралась воедино растянущаяся по дороге армия.

– Взбодришь, воин! – Эрд засмеялся. – Вождь знает, что говорит!

– Не сомневаюсь, – вежливо ответил урнгурец, разглядывая каменный выступ.

Армия сирхара пересекала плато тремя колоннами, разделенными на четкие прямоугольники полусотен (пять всадников – в ряду). Тройки дозорных двигались в ста и в

пятистах шагах с флангов и позади колонн. Последним тянулся обоз, окруженный полухогрой охраны. В середине его голубой искрой сиял Саркофаг с телом Нила и белела карета Ронзангтондамени.

Хогран свистнул, подзывая спешившихся в ста шагах сотников.

– Когда освободите платформы, пошлите за мной, – сказал ему Эрд. – Я покажу, как крепить тросы, чтобы удержать пардов от прыжка вниз. Взбодрись, воин, – это еще не война!

И погнал своего зверя вниз, на плато.

– Северный... демон! – проворчал хогран.

Второе слово он произнес совсем тихо. Репутация Эрда в глазах урнгрия была высока. История его поединка с моросом в первую ночь Летнего Праздника подняла чужака почти до уровня сирхара.

– Поезжай к Хрору! – велел Рхонг одному из своих. – Пусть пошлет ползунов наверх!

– Уже! – сказал тот, показывая на скалу.

Несколько крохотных серых фигурок с ловкостью ящериц карабкались наверх.

– Хорошо, Хрор! – процедил старший хогран, не пытаясь скрыть недовольства. С хограном из Селения Гнон они были давними соперниками. Как всегда, Хрор соображал быстрее старшего хограна.

Гнонец должен был стать командиром первой тысячи. Когда стало ясно, что из-за нехватки пардов сирхару придется ограничиться лишь тремя хограми и вспомогательным отрядом, Хрору была отдана на откуп разведка и полухогра ползунов-добровольцев из восточных селений. Конечно, Биорк мог взять с собой и пеших воинов, но не стал этого делать.

– Пусть подтянут к подошве баллисты и катапульты! – скомандовал Рхонг. – И собери строителей: им будет работа! А в помощь – сотню парней из третьей хогры. И еще сотня пусть заберется наверх и займется лагерем. Об их пардах позаботятся.

Подскакал Биорк.

– Разведчиков я отправил наверх, – сказал он. – Вижу, ты распорядился насчет ползунов. Молодец!

– Не я, – буркнул урнгрия. – Хрор. Позволь спросить, сирхар?

– Да?

– А почему бы не использовать для разведки его? – Рхонг ткнул пальцем в небо, где в прозрачной сини, высоко над землей виднелся четкий серый силуэт дракона.

– Драконы не воюют, хогран, – ответил вагар. – Если тот, кого несет дракон, посчитает нужным нам помочь – он сделает это. Кстати, я и без него знаю, что наверху нет ни одного человека!

– Зачем же тогда посылать разведчиков? – удивился Рхонг.

– А для чего ты каждый день упражняешь свою руку? Запомни: сначала – разведка, потом – дозоры, потом – охранение и только после них – армия! Мы будем двигаться быстро, очень быстро, и, если каждый из вас, начальствующих, не освоит эту науку, как рукоять собственного меча, – я останусь без войска. А теперь поезжай и проследи, чтобы работа была сделана как надо!

* * *

– Мы не можем вмешаться явно! – Мощный-как-Пламя протянул к очагу длинные руки и с удовольствием прищурился, когда языки огня, вспыхнув, потянулись вверх, согрев ладони и озарив длинное лицо мага.

– Но мы уже вмешались! – прошипел Корабль Грома, высушенный двумя прожитыми веками темный маг из Гурама.

– Да! – Мощный-как-Пламя простер руку, и перед собравшимися возникло три изувеченных тела: два – на траве, одно – насаженное на острый каменный зуб над желтой пеной прибоя.

Шестеро магов разом выпустили из себя гнев, от которого видение окрасилось алым.

– Все что мы можем, это чуть-чуть подправлять мысли,— бесстрастно произнес Мощный-как-Пламя.— Даже я не в силах справиться с Троем. И ни один из вас не рискнет!

– Ну, Страннику мы задали работу! — заметил Корабль Грома, теперь, после гибели троих, второй по силе из собравшихся здесь, в маленьком домике невдалеке от Сарбурского порта.

– Наши на востоке позаботятся о том, чтобы ни одна весть из Конга не дошла до него! — сказал Мощный-как-Пламя.— А также чтобы ни одна лишняя мысль не достигла фьельнов! — И ощутил мгновенный импульс страха, исторгнутый темными магами.— Ни одна мысль! — очень медленно проговорил он еще раз, прежде чем продолжить.— Трое из вас займутся Югом: Сатас-Искатель, Повелитель Демонов и ты, Ург-Хиал, Чаша Тьмы! Вы будете осторожны, очень осторожны! Если Случай представит вам желанное, вы отвернетесь! Пусть каждый следит за другим, чтобы ваши желания не были уловлены, как уловлены нами желания недругов! Ваше дело — свить паутину; привлекут в нее добычу другие! Ург-Хиал! Ты — сильнейший из трех! Если враг ударит — он ударит тебя, Ург-Хиал! Страшись и ужасай!

Чаша Тьмы, маг из Тайдуана, медленно наклонил гладкую, без единого волоска, голову.

– А кто примет на себя Избранника? — спросил Корабль Грома.

– Я! — Мощный-как-Пламя испустил такой поток Силы, что остальные содрогнулись.— А чтобы мой плащ не пропускал света, со мной пойдешь ты, Корабль! — Он обратил пылающий взгляд на гурамского мага. Тот ответил ему таким же выплеском силы. Их пути встретились, но нынче не время для усобицы.

– Уанх, Дыхание Мощи, и Разящий Рог, вы — наша связь с Кругами Мощных! Любому из нас может понадобиться сила — и он возьмет ее у вас! — Мощный-как-Пламя дал ощутить каждому из магов, что он сильнее любого из них. Никто не выказал неповиновения. Даже Корабль Грома.

– Не могу понять,— сказал самый молодой из магов, эдзак Повелитель Демонов,— как мог дракон напасть на человека!

Маги молчали. Только Ург-Хиал пробормотал что-то на языке Алчущих Силы.

– Дракон Избранника,— по слогам выталкивая из себя слова, терзаемый болью, выдал Мощный-как-Пламя,— ...не дракон! — И ужаснулся собственному озарению.

Ледяной огонь охватил семерых магов, пожирая их живьем. Жгуты Ужаса оплели их древние тела и повлекли в Бездну.

И в этот миг Мощный-как-Пламя показал, что он действительно тот, чье имя носит!

– Ат-тон! — выкрикнул он голосом без звука, но от которого затряслись, как в лихорадке, стены дома, и тишина ночи на милню окрест наполнилась воем псов и пронзительными взвизгами пардов.

И он разорвал Кольцо Страху прежде, чем Оно высосало жизни магов.

Теперь и остальные шестеро смогли справиться с опасностью, изгнать из себя Мысль, словно ее и не было. Знание в кругах Силы — не просто знание, но опаснейший из врагов!

– Корабль! — прохрипел Мощный-как-Пламя, с трудом унимая дрожь.— Зови своего дракона! Мы улетаем немедленно! Ург-Хиал! Уводи своих! Сейчас же! Дыхание Мощи! Разящий Рог! Мой дракон отнесет вас на юг! Ни одному из нас три месяца нельзя показываться в Сарбуре! Особенно теперь. Турарбур, несомненно, узнал о нас!

– Турарбура я мог бы связать,— избегая взгляда предводителя, произнес Корабль Грома.— Я ощущаю в себе власть, достаточную для этого!

– Нет! — Мощный-как-Пламя почти восстановил силы и дал это почувствовать.— Да соединится Воля Сильных! — прохрипел он.

– Да соединится! — дружно отозвались шестеро.

И один за другим растворились в темноте разбуженного ими города.

Первыми перевалив через хребет, вниз покатались разведчики. Их легконогие парды, вырывая когтями клочья прошлогодней травы, почти не притормаживали, ловко огибая темно-зеленые свечи кактусов, уже выпустивших новые побеги. Наездники, в кожаных пятнистых куртках поверх кольчуг, с короткими пиками, гурамскими кривыми саблями и дальнобойными арбалетами, притороченными к седлам, подбадривали зверей пронзительными возгласами. Биорк велел Хрору разбить их на тройки, и сейчас, когда восемь дюжин всадников, обгоняя друг друга, скакали по пологому склону, члены троек все равно старались держаться потеснее. Разведчики были самыми зоркими, самыми ловкими и сообразительными из урнгрия. Биорк лично проверил каждого, прежде чем они стали воинами Хрора.

Внизу змеиными петлями улеглась вдоль пропасти грязно-серая широкая полоса древней дороги. Ее обочины обросли синелиственным цветущим кустарником. Парды разведчиков с ходу перепрыгивали через кусты и резко тормозили, выпрямив передние лапы и оседая на задние так низко, что оставляли широкие полосы в дорожной пыли. Наблюдавший за ними Эрд одобритительно щелкнул языком. Малейшая ошибка парда или всадника – и оба скатятся в пропасть. Но ошибок не было.

Разведчики разделились на два отряда, и каждый помчался в свою сторону. На месте остались только сам Хрор и два его брата, близнецы: Хир и Гир.

Закашлявшись от поднятой пардами пыли, Хрор поднес к губам свисток и подал сигнал. И увидел, как наверху появились передовые урнгурской армии, а за ними – личная охрана сирхара. В их окружении ехали сам Биорк, облаченный в белые доспехи Эрд и старший хогран Рхонг. А позади тремя колоннами двигалось войско. Когда передовые всадники спустились на дорогу, одна тройка разведчиков уже мчалась назад: на милю вперед путь свободен. Биорк кивнул Рхонгу, и старший хогран свистом отдал приказ начальнику первой хогры, а тот в свою очередь – начальнику дозора. Два десятка воинов поскакали вперед. Когда они отъехали шагов на двести, двинулась вся первая хогра, триста десять всадников в черных тяжелых доспехах, с черными султанами, мерно раскачивающимися на гребнях шлемов.

За первой хогрой – вторая, за второй – обоз. Мимо Биорка проехала белая походная карета Женщины Гнона. Ее телохранители скакали рядом, окружая карету и зеленый Саркофаг, установленный на открытой повозке и ничем не прикрытый: пыль не садилась на светящуюся поверхность Хранителя Жизни.

«Надо бы приспособить какой-нибудь полог, – подумал Биорк. – Нечего посторонним на него пялиться».

Обоз тянулся долго: повозки с продовольствием, легкие осадные орудия, около сотни запасных пардов, привязанных к платформам, воинское снаряжение. Наконец повозки прогрохотали мимо, и двинулись всадники третьей хогры, такие же черные и безликие, как и те, что прошли прежде. Шум сотен катящихся колес далеко разносился в горном воздухе, помутневшем от поднятой пыли.

– Эдак нас услышат в Далаанге ¹¹ раньше, чем мы увидим первые поля! – недовольно проворчал Биорк, обращаясь к Эрду.

– Хочешь ударить по дворцу? – спросил Эрд.

– С тысячей воинов? Нет! Возьмем пару Владений – и, думаю, нас станет вдвое больше! Хотя, скажу честно, светлейший, – идея провести Далаанг мне нравится!

* * *

А почти полутора тысячами локтей ниже перевала банда из пяти дюжин вооруженных

¹¹ Далаанг – резиденция Великого Ангана, соххогоя, Владыки Конга.

кто чем людей со всех сторон обложила постоянный двор. Каждый второй из них, встав на плечи товарища, обшаривал глазами опустевшее пространство перед домом. Острия арбалетных стрел осаждающих выглядывали из-за острых верхушек бревенчатого частокола. Хотя широкие ворота были распахнуты, никто не спешил ими воспользоваться. Может быть, потому, что к двум лежащим на голой земле телам уже давно серьезно присматривались кружащие над домом падальщики.

Дом безмолвствовал. Безмолвствовали и осаждающие. Наконец, успокоенные молчанием и неподвижностью людей два черных урга¹², звучно хлопая кожистыми крыльями, опустились рядом с мертвыми. Остальные, не такие смелые, спланировали пониже, подбадривая сородичей хриплыми воплями.

Один из ургов, вытянув длинную голую шею, издал что-то вроде жалобного стога и боком короткими прыжками двинулся к ближайшему трупу. Но прежде чем его мелкие зубы разорвали одежду мертвеца, на втором этаже, в одном из шести маленьких окон в тени террасы, наполовину затянутой выющим ползуном, раздался громкий щелчок, за которым последовал свист арбалетной стрелы. Стрела ударила в землю, расщепившись и не причинив падальщику вреда. Но оба урга, издав дружный вопль, взлетели, оглушительно хлопая крыльями. В поднятом ими шуме утонули щелчки арбалетов со стороны осаждающих. Эффект был невелик: десяток оторванных листьев ползуна.

В ответ из дома вылетела единственная стрела и со звоном чиркнула по стальному шлему одного из нападающих, скинув обладателя шлема с плеч товарища на утопанную землю у частокола. Упавший громко выругался, хотя, если не считать ушибленной спины, не пострадал. Из дома на ругань ответили издевательским хохотом.

Предводитель подскочил к поднимающемуся с земли воину и изо всех сил пнул его в бок, снова швырнув на пыльную землю.

– Заткнись, ублюдок! – прорычал он и обратился в сторону ворот жестокое лицо, перекошенное из-за скверно затянувшейся раны. Звали предводителя – Хуруг.

Оставив в покое затихшего солдата, он подошел к воротам сбоку и выглянул из-за столба, не забыв при этом опустить забрало шлема.

– Паук! Эй, Паук! – заорал он. – Ты вывел меня из терпения, Паук! И я тебя достану, клянусь елдой Равахша! Скоро мои парни принесут горючку и твоя халупа запылает, как солнце в полдень!

Пара стрел, одна из которых чиркнула по шлему Хуруга, предварила ответ того, к кому он воззвал.

– Ты, драная, обосранная, шелудивая крыса, Хуруг! Ты жрешь собственное дерьмо и трахаешься с ящерицами! Ты ослеп, Хуруг? Ты не видишь цвета бревен, да? Твоя задница загорится раньше, чем мой дом! Намного раньше, ты, плевок бледной вонючки! За все, что натворили твои дерьмоеды, будет вычтено из бабок за товар! Если только у тебя, трижды драного крысюка, есть что-то похожее на товар!

– Поговори, поговори, Паук! – крикнул в ответ Хуруг. – Поговори еще! Когда я отрежу твой член и вколочу им в твою болтливую пасть все твои зубы, тебе будет трудно ворочать языком!

– Ух-ух! Грозный, как старая крыса, подвешенная за хвост! – Хозяин постоянного двора издевательски захохотал. – Должно быть, тот, кто развалил твою рожу, Хуруг, так и трясся от страха! Так и трясся! А, Хуруг?

– Ну все, Паук! Конiec тебе! Скоро я дам тебе похлеbatь из выгребной ямы! – заревел Хуруг. И совершенно спокойным голосом обратился к своему помощнику: – Не видно?

– Нет! Проклятый ползун! Из-за него даже не понять, из какого окна вопит торгаш!

Хуруг отодвинулся от ворот, поднял забрало.

– Может, подпалить забор? – предложил он. – В нем нет пропитки!

¹² Ург – летающий ящер.

– Толку? Тем более это боук! Он скверно горит!
– Ну и хорошо! Больше дыма!
– У Паука Реха три десятка парней! Ясно, наши покрепче и вооружены получше, но пока добегут...

– Скажи, Бурун, ты просто их бережешь! – сердито оборвал его начальник. – Бережешь! – И ткнул кулаком в спину стоявшего рядом воина. Тот покачнулся, и арбалетчик на его плечах вынужден был ухватиться за забор, чтобы не свалиться.

– Ну ты, Хуруг, – пробормотал воин без всякого вызова.

– Жратвы у них навалом! – сказал Бурун. – Дом нам не поджечь, а забор – разве чтоб Реху новый ставить пришлось!

– Не будет он новый ставить! – рявкнул атаман. – Потому что сдохнет! Думай, Бурун!

– Может, набрать в поселке людей, да за их спинами...

– Нет! – отмахнулся Хуруг. – Их только тронь! Хватит мне Паука!

– Ну так за пардами...

– За боевыми пардами? – Атаман постучал пальцем по лбу. – Бурун!!!

– А может, ну его к демонам? – заявил помощник. – У нас и так мало людей, Хуруг! Да и навару почти нет. Как Перевал завалило, так купчишек и ищи-свищи!

– Если я шлепну этого слизня, – сказал предводитель банды, – то посажу тебя на его место! Уж ты-то будешь с нами пощедрее, так?

На обветренном лице помощника вспыхнул живой интерес.

– Раньше ты об этом ничего не говорил, начальник!

– А теперь сказал! Сдохнет Рех – хозяином станешь ты!

– Угу! Только Рех пока еще жив!

– Сдохнет! – уверенно заявил Хуруг.

– Слышь, Хуруг? А если нам отойти? До ночи? А ночью он вылезет и...

– Брось! – отмахнулся атаман. – Так он и поверил. Пару факелов во двор бросит – и всей темноты!

– Ну тогда свалить на месяц-другой...

Хуруг ухватил помощника за шею, притянул к себе и прошипел прямо в оттопыренное ухо:

– Ты – умник, Бурун! Только скажи, чем я заплачу парням? Навара нет! Они ж меня сырым сожрут! Золото, Бурун! Золото – там! – И ткнул пальцем в сторону дома. – Куча бабок, Бурун! Сколько лет их Паук копил? Всем хватит! А уж нам-то с тобой – верняк! Думай, Бурун, думай! Ты у нас – башка!

Теплело. Шел четвертый час после восхода, но селение будто вымерло. Ни звука. Только стонущие вопли ургов в прозрачном небе и мычание коров. На зеркальной поверхности озера чернело несколько лодок.

Жители селения, по большей части – беглые, не ужившиеся внизу с чиновным порядком Конга, люди сплошь бывалые, держали ладони на рукоятках мечей с тех пор, как банда Хуруга, примчавшись, осадила постоянный двор. Что не поделили Рех с атаманом, никого не интересовало. Их не трогают – они не трогают. Постоянный двор – не селение. Часть Дороги. И Хуруг – часть Дороги. Не он, так другой. И опять же доля разбойной добычи оседала в селении. Значит – не без пользы и Хуруг.

– Колдун! – вдруг сказал помощник атамана. – У них тут колдун есть!

– Ну и что?

– Ну, он многое может, колдун!

– Жаден? – быстро спросил атаман.

– Да нет! Напротив. Добрый слишком.

– То не беда! – Хуруг поглядел на воинов, осадивших постоянный двор. – Все мы добрые. По-своему. Колдун, говоришь? И каково же его колдовство?

– Да лечит он, леСкарствует в основном! Травы всякие, заговоры, от бессонницы, от страсти телесной...

– Не понял! Нам-то это зачем? Этим,– кивок в сторону трупов,– лекарь без надобности! А иным, сам знаешь, смолы положил – и добро! А если смола не поможет – никто не поможет! Что наш костоправ, что лекарь-колдун!

– Нет, ты погоди! Вот ежели он бессонницу изгоняет, так, может, и наоборот...

– Сон, что ли, навести хочешь?– Хуруг прищурился, посмотрел с сомнением на безмолвствующий дом. Но уже заинтересовался.– Сон...

Бурун ждал.

– Так,– сказал атаман.– Бери пару-тройку парней, да марш за колдуном! Сюда его волоки! Да повежливей с ним! Народ не растревожь!

Колдун оказался маленького роста человеком, и не таким уж старым, вопреки ожиданиям Хуруга. Лет сорока.

– Знаешь, кто я? – спросил атаман.

– Как не знать! – Лекарь-колдун прямо смотрел умными черными глазами. Не боялся. Рубаха его по вороту была надорвана. Хуруг глазами показал на нее помощнику. Недовольно оттопырил губу. Тот лишь пошевелил пальцами: так вышло.

– Поможешь мне? – спросил Хуруг, смягчая голос.

– А что нужно? Заболел?

– Он заболел! – Хуруг мотнул головой в сторону осажденного дома.

– Вижу. Но это – не моя болезнь.

– А ты попробуй! Я – хозяин не жадный!

– Да и я не жадный! – спокойно ответил лекарь.– Только если думаешь уши мне отрезать – зря! Хоть и не маг я, но кое-чему учен! Пусть уж уши мои при мне останутся!

– Мысли читаешь? – заинтересовался атаман.

– Глаза.– Маленький человек совершенно не боялся, что и нравилось Хуругу, и раздражало его. Он привык к трепету.

– А, к примеру, сон на человека можешь наслать? – спросил из-за спины атамана Бурун.

– Не всякий и не на всякого! – сказал лекарь.– Это ты про меня придумал?

– Я! – с удовольствием признал Бурун.

– Хочешь, судьбу тебе угадаю? – предложил лекарь Хуругу.

Атаман, скрипнув зубами, поглядел на покатую розовую крышу за зубцами частокола. Потом – на лекаря. Он до боли в сжатом кулаке представил, как, разбрасывая красные брызги, погружается в голову тяжелый клинок, разваливает ее пополам так быстро, что черные умные глаза лекаришки не успевают выкатиться из глазниц. Представил – и прочел в этих глазах, что им известны все его, Хуруговы, мысли, и все равно: страха – ни на шерстинку!

– Что ж, погадай! – согласился Хуруг.

Согласился больше от бессилия, чем от желания узнать судьбу. Какую там судьбу, к демонам? Придавит Паука – будет и судьба. Нет – и судьбы нет! Может, скользнула мыслишка: задобрить, если уж ни купить, ни испугать колдуна...

А тот уже вытянул из кармашка кожаный раскрашенный кисет, где хранились сто шестьдесят три гадальные косточки. Развязав, протянул Хуругу:

– Вынимай!

Атаман, невольно все же взволновавшись, впихнул в кисет здоровенную лапу, выбрал на ощупь три кости с неровными краями, вынул, как положено, одну за другой расположил на широкой мозолистой ладони правой руки и сунул под нос лекарю:

– Толкуй!

Колдун слегка отодвинулся. Вертикальная морщина на миг прорезала его лоб. Через миг он поднял на Хуруга черные блестящие глаза.

– Совсем просто! – сказал он.– Сам посмотри.

Первая: «Молния порождает гром!»

Вторая: «Потерявший всадника пард спасается бегством!»

Третья: «Старый Властитель мертв!»

– Ну? – Хуруг тупо уставился на желтоватые кости с прорезанными в полированных плоскостях черными штрихами символов. Атаман был неглуп, но всегда пасовал перед подобными задачами.

– Что ж они значат? – буркнул он, догадываясь уже, что ничего хорошего лично ему гадание не сулит.

– А то, – пояснил толкователь, – что некая сила породила иную силу, о коей будет услышано. И которая грядет, чтобы повергнуть старое, и будет победоносна! Но прольется кровь, и порядок будет нарушен!

– Угу, – пробормотал атаман. «Высокий язык» был не для него. – Смерть моя, что ли, идет?

– С чего ты взял? – удивился лекарь.

– Вот! – Хуруг ткнул пальцем в третью кость.

– А... Нет, это не твоя! Твоя – вот! – Он коснулся второй косточки, «убегающего парда». – Властелин, или, как распознают иные, Властитель, он, скорее, там! – Сухая рука лекаря указала на юго-восток, туда, где в сотне миль полета дракона располагался Дворец Великого Ангана.

Хуруг сдвинул шлем и почесал вспотевшую голову:

– Хочешь сказать, Великий Анган – того?

– Великий Анган не Великий Анган, а кто-то падет, – сказал гадатель.

– Валить надо! – резюмировал чей-то бас над ухом Хуруга.

Атаман мгновенно обернулся и обнаружил, что большая часть его людей столпилась позади, наострив уши.

– Болваны! – взревел рассерженный Хуруг. – Задницы порву! По местам, раздери вас Равахш!

Кое-кто поспешно отодвинулся подальше, но большинство осталось на месте:

– Валить надо, атаман! – повторил здоровенный мечник по прозвищу Бочка.

Остальные поддержали его низким гулом.

– А как же золотишко? – прищурился Хуруг. – Там, – атаман кивнул в сторону постоянного двора, – мы наберем больше, чем взяли бы на десяти караванах! Которых, кстати, я что-то давно не видел! Может, ты видел, Бочка? – свирепо рявкнул он. И мечник, хотя был на ладонь выше Хуруга, втянул голову в плечи и отодвинулся.

– Я, – сказал атаман, обведя своих парней налившимися кровью глазами, – люблю жареное мясо, доброе вино и жопастых кесанских девок! А если кто желает пить воду, жрать траву и драть сучек – вперед! Валите! А ты, Бочка...

Рука Буруна удержала Хуруга.

– Не надо! – попросил помощник атамана. – Пусть молодцы сами решают!

Хуруг оттолкнул его руку, но понял: помощник прав. Еще раз обвел взглядом толпу: что у каждого на уме?

– Собирай всех! – буркнул он под одобрительное ворчание своих вояк.

Бурун трижды свистнул. Стоявшие вдоль забора арбалетчики попрыгали вниз.

– Ругон! Дровосек! К воротам! – приказал помощник. – Надо будет – вас кликнут!

Двое названных не слишком охотно вернулись на свои места. Остальные вслед за атаманом отошли от постоянного двора подальше, за сараи. Хуругу подвели парда. Атаман взобрался на его спину, встал ногами на седло:

– Тут один колдунишка!.. – Он поискал глазами лекаря и не нашел. «Смылся, паршивец! – подумал атаман. – Ну да пес с ним!»

– Тут один колдунишка начудил кое-что! И кое-кто уже наложил в штаны! А я скажу так: не драпать надо, а поджарить жирного бычка в собственном сале! – Он разрубил ладонью воздух. – Вытащить овцу из загона и выпотрошить!

– Загон-то крепок! – сказал кто-то в толпе. – Как бы самим по стреле в брюхо не

схлопотать!

– А по мне лучше помереть от стрелы в брюхе, чем от пустого брюха! – заявил Хуруг.

– А по мне – нет! – Человек в островерхом вороненом шлеме, какой в Конге носили солдаты, протолкался вперед.

– Ну? – уставился на него сверху Хуруг.

Боец был новичок, однако лихой. Но раз новичок – атаман ему спустил. За новичком молодцы не потянутся.

Но украдкой сделал знак Буруну: если что – убей!

– Ты, атаман, мне со стрелой в брюхе ни к чему! – сказал обладатель вороненого шлема. – Но и удирать как-то не хочется! Верно? – Он обернулся к толпе, но там молчали: ждали продолжения.

– А кто мешает животы прикрыть? – спросил воин в шлеме, стукнув себя по кирасе.

– Умник! – бросил ему Бурун. – Давай, сколоти такой щит, чтоб его и стрелой не пробить, и горючкой не запалить, да еще – с места можно сдвинуть! Давай, умник!

В толпе засмеялись.

– Сколотить можно, – сказал воин. – Да долго! – И Хуругу: – А целы ли, атаман, те шесть повозок с паутинной тканью, что мы взяли в начале месяца тому?

– Целы! – ответил Хуруг, прожигая новичка взглядом. – Что дальше?

– А она хорошо горит, паутинная ткань! – хохотнул помощник.

В толпе опять засмеялись. Но – немногие.

– А ты ее намочи! – сказал воин в шлеме сотника.

«Как же его звать? – подумал Хуруг. – Талон? Нилон?»

– Ты, вроде, не совсем дурак? – сказал Бурун. – Или забыл, что паутинная ткань в воде не мокнет?

– Кто говорил о воде? – удивился воин. – Возьми глины желтой, смешай с кислым вином, взбей, как следует, да мешки поверху и обмажь! Они, ясно, потяжелее станут, но все равно пару тюков одной рукой поднять – нечего делать! А и одного хватит!

«А ведь верно!» – подумал Хуруг. Арбалетный болт, при хорошем выстреле прошибающий стальную кирасу, в полулокте паутинной ткани увязнет, хоть в упор бей. «Литон его зовут! – вспомнил атаман. – Точно, Литон! Прозвища еще не заработал! А башковитый парнишка!»

Бурун задумался, а потом неожиданно улыбнулся и подмигнул.

– Дело! – сказал он. – Сам надумал? Или – видел где?

– Видел! – признался Литон.

– Литон! – Хуруг соскочил со спины парда и подступил к новичку вплотную: – Слушай меня! Если то, что ты сказал, – пойдет, твоя доля – тройная! Кто-то против? – И на ладонь вытащил меч.

Нет, никто не возражал. Но Бурун перестал улыбаться.

– Ты! Ты! И ты! Найдите котел побольше, наскребите глины! И, – приказал Хуруг, – вино...

– В моей повозке – полбочонка скисшего эдзамского! – вставил помощник.

– Остальные – на места! Нечего попусту глазеть! – толкнул ближайшего воина так, что тот отлетел на пару шагов. – Давай, давай, парни! Скоро мы зажарим бычка!

Отправленные к возам за тканью вернулись. Без ткани. Зато притащили с собой человека с длинным костистым лицом и горбатым носом, одетого в пятнистый разорванный плащ. На поясе пленника болтались пустые ножны, лицо – в крови. Бандиты швырнули горбоносого к ногам Хуруга, пленник упал ничком да так и остался лежать.

Хуруг легонько пнул его в ухо сапогом из акульей кожи:

– Встань!

Упавший не шевельнулся.

– Живой, или трупика притащили? – спросил атаман.

– Живой! – сказал один из бандитов.– Зашибся немного. Их трое было! Двоих мы подстрелили, а этого – арканом!

– Добро! Ну-ка поднимите его!

Четыре сильные руки вздернули пленника вверх. Глаза его были закрыты, лицо выпачкано в пыли пополам с кровью.

– Взбодрите его, ребята! – приказал атаман.

Один из бандитов пнул пленника в голень носком сапога.

Горбоносый застонал, открыл глаза. Большие, карие, с тяжелыми подрагивающими веками.

– Кто таков? – жестко сказал Хуруг.

Пленник молчал. Зрачки его расширились. Атаман увидел в них отражение своего лица.

Не торопясь, он отвел назад руку и наотмашь хлестнул пленника по лицу. Голова горбоносого дернулась. Верхняя губа лопнула, и по подбородку потекла свежая кровь.

– Молчишь? – спросил Хуруг, раздув ноздри.– Зря!

И вогнал кулак пленнику в живот.

Тот не согнулся пополам только потому, что два человека держали его за руки, а третий – за волосы. Окровавленный рот широко открылся. Кожа на лице приобрела зеленоватый оттенок. Он судорожно дернулся, и его вырвало.

– Хлипкий, подлец! – брезгливо сказал Хуруг.

Пленник что-то пробормотал. Легкие его с хрипом, жадно втягивали воздух.

– Не слышу! – рявкнул атаман.

Пленник продолжал бормотать. Непонятное.

– Ну-ка, говори по-людски! – Хуруг снова замахнулся.

– Он не умеет, атаман! – сказал подошедший Бурун.– Сдается мне, он – урнгурец!

– Урнгурец? С чего ты взял? – язвительно спросил Хуруг, но занесенную руку опустил.– Любой сопляк в этих горах знает: их бог не велит им покидать своей страны!

– Мальчишкой отец брал меня в Чагун! – заявил Бурун.– Точно тебе говорю: урнгурец! И наверняка болтает только по-своему! Хрен ты у него что узнаешь! А жаль! Хотелось бы выяснить, откуда он взялся!

Пленник вдруг быстро, захлебываясь, заговорил. Хуруг и Бурун внимательно слушали. Им казалось, что они различают отдельные слова, но в целом речь горбоносого осталась для них лишённой смысла.

– Тарабарщина! – произнес Бурун, когда пленник замолк.– Может, он придуривается? Как это – не знать конгаэна?..

– Вот подпалю ему пятки! – пообещал Хуруг.– Ты, урод, слышал, что я сказал? Хочешь немного поджариться?

Пленник с ужасом глядел на атамана.

– Ладно, после! – махнул рукой Хуруг.– Успеем. Сначала – Паук. Свяжите его и бросьте под повозку. Да так, чтобы парды не зажрали! А потом марш за тканью! Бурун! Как в доме? Тихо?

– Как в гробу, атаман! Ждут небось, когда смоемся.

– Мы их удивим! – пообещал Хуруг.– Мы...– И оборвав себя на полуслове, прислушался.

– Сожри меня магхар! – сказал он.– Бурун! Послушай-ка!

– Что?

– Парды, Бурун! Много пардов!

Помощник упал наземь и прижал ухо к жесткой короткой траве. Потом встал и с уважением проговорил:

– Ну, атаман, у тебя уши!

– Потерявший всадника пард...– пробормотал Хуруг, вспомнив.– Ну, это мы поглядим! Бурун! Ну его к демонам – Паука! Свисти: по седлам! Ударим, пока не ждут!

– А Рех? – спросил помощник. – Сзади ударит?

– Обгадится! – отрезал атаман. – Живо, Бурун! Мы перехватим их у Змеиной Норы!

Но помощник не разделял желания атамана воевать неизвестно с кем.

– Их много, Хуруг! – напомнил он. – Не стоит!

Хуруг оскалился в точности как зверь, имя которого он носил. Кривой рубец на лице налился кровью.

– Делай как сказано, – произнес он совсем тихим голосом, от которого у его подручного по спине пробежал холодок. Продолжить спор Бурун не посмел.

Через пять минут шесть с лишним дюжин Хуруговых молодцов, весь его отряд, если не принимать в расчет пятерых, оставленных при повозках, уже мчался по дороге навстречу неизвестному врагу. Поступок, достойный настоящего хуруга, свирепой и отважной твари, без раздумий бросающейся на все живое. Впрочем, семьдесят пять всадников, каждый из которых – отличный боец (иные уже давно отправились бы в Нижний Мир), – большая сила для здешних мест.

Горная дорога извилиста. Если склоны заросли лесом, нет никакой возможности увидеть то, что скрывается впереди.

Хуруг скакал первым на своем мощном, красно-коричневом парде и уже слышал топот множества лап, короткие рыки пардов и звяканье железа. Не дальше чем за следующим поворотом. Точно такие же звуки раздавались за его спиной. Все же передовые урнгрия появились неожиданно. И с ходу ударили по банде.

Пард Хуруга взвился в воздух и, перелетев через две сплоченные шеренги, обрушился сверху на закованного в железо всадника. Пард под урнгрия упал с громким воплем, а зверь Хуруга завертелся волчком, пока его хозяин рубил направо и налево длинным мечом.

Урнгрия и бандиты сцепились в сече. Страшно рычали рассвирепевшие парды, звенела сталь, орали бойцы. Несколько зверей вместе с всадниками покатались вниз по склону, заросшему небольшими деревьями.

Поначалу урнгрия, вооруженные короткими пиками, с лучшей броней здорово потеснили молодцов Хуруга. Но когда шеренги их потеряли строй и перемешались с бандитами, то более опытные в схватках парни Хуруга стали брать верх. Тем более что лишь треть первой хогры могла вступить в бой. Многие урнгурцы неплохо владели оружием, но сеча – не поединок. Конгаи рубили их почем зря. Особенно неистовствовал Хуруг. Ухватив длинный меч двумя руками, он рвался вперед, круша доспехи урнгурцев, ломая их боевые порядки. Пробившиеся к вожаку Бурун и еще двое прикрывали его со спины и с боков. Атаман не мог определить численность врага, да это ему в горячке схватки было и не важно.

– Хап! Хап! – выкрикивал он собственный боевой клич, прорубаясь вперед.

– Гляди-ка! Старый приятель! – воскликнул зоркий вагар, узнав Хуруга по длинному мечу и характерным размашистым ударам...

– Хей! Светлейший! Взгляни на удальца! – крикнул он Эрду.

Тот посмотрел сверху на участок дороги, где кипел бой.

– Они дерутся, как омбамту! – произнес светлорожденный. – Может, тебе стоит вмешаться? Они перебьют половину хогры!

– Пусть моих парней немного погоняют! – невозмутимо произнес Биорк на аркинно. – Крепче будут те, кто останется!

И добавил на конгаэне, понятном окружавшим его урнгрия:

– Если целая хогра не может справиться с какой-то бандой, вчетверо меньшей по численности, мне такая хогра не нужна! Но если ты, светлорожденный Эрд, хочешь размять руку, не возражаю! Вот только как ты туда доберешься?

Дорожная петля на четверть мили была заполнена теснящимися урнгрия.

– Доберусь! – сказал светлорожденный. – Напрямик! – И соскочил с парда.

Пьющий Кровь уже был в его руке.

– Буду признателен тебе, светлорожденный, если ты достанешь меченого! – сказал

сирхар по-хольдски.— Он уже свалил шестерых!

— Не благодари! — Эрд улыбнулся.

«Жуткая улыбка,— подумал Биорк.— Неужели и у меня перед боем такая же?»

Светлорожденный прыгнул в заросли. Обрубая мечом ветки, он мигом пересек склон и оказался у нижнего изгиба дорожной петли, как раз там, где кипела сеча.

Оттолкнувшись от ствола дерева, он пролетел несколько шагов и упал на широкий круп парда позади одного из бандитов. Тот вылетел из седла, не успев сообразить, что произошло. Эрд махнул мечом, разрубив седельный ремень, а заодно и бедро наездника. Затем треснул кулаком по голове беснующегося парда и погнал его туда, где неистовствовал Хуруг. Десять шагов отделяли Эрда от атамана. Они обошлись светлорожденному в дюжину взмахов меча и пару вмятин на белых доспехах. Северянин испустил радостный клич; битва была его стихией, его наслаждением.

Хуруг прорубил наплечник очередного противника и нацелился добить урнгурца, когда ликующий крик Эрда перекрыл шум битвы. Атаман, забыв о прежнем противнике, вздел парда на дыбы и бросил его на звук, даже не разглядев толком нового врага. Он нутром чувствовал, что в игру вступил настоящий боец. Вожак.

Двое рванулись навстречу друг другу сквозь толчею боя. Прикрывавшие Хуруга разбойники ломались следом за атаманом, прикрывая от случайного удара. Эрда никто не прикрывал, но его натасканный для битвы пард грудью, лапами и клыками проложил себе дорогу среди разъяренных собратьев и, втиснувшись между двумя урнгрия, грудь в грудь столкнулся со зверем Хуруга.

Атаман узнал бы Эрда, будь у светлорожденного клинок Асенаров, но Пьющий Кровь был незнаком Хуругу. Впрочем, это не помешало ему напасть на северянина с той безумной яростью, какая и принесла ему прозвище: Хуруг.

Светлорожденный отшиб первый удар, отбросил гардой меч Буруна, нацелившийся сбоку в открытое лицо северянина и приемом «Голова хармшарка» послал меч вдоль клинка вновь атаковавшего Хуруга. И ранил атамана в правую руку. Повыше локтя. Впервые за много веков Пьющий Кровь поразил врага. Впрочем, рана была пустяковая.

Бурун снова напал на светлорожденного, и еще один из бандитов, оттеснив неумелого урнгурца, попытался прорубить шлем северянина. Эрд, услышав над головой свист клинка, откинулся назад и скользящим ударом рассек сухожилия на запястье нападавшего. А оттесненный урнгурец в этот же момент метнул свою пику в того же бандита. Урнгрия промахнулся. И попал. Пика вошла точнехонько в правый глаз Буруна.

Увидевший это Хуруг завыл и, позабыв об Эрде, набросился на урнгурца. Но Эрд не собирался менять противника. Походя добив искалеченного бандита, светлорожденный тем же движением отразил направленный на урнгрия клинок. И обрушил меч на шлем Хуруга.

К сожалению, Пьющий Кровь и остротой, и весом уступал Белому Клинку. Шлем остался цел. Удар даже не оглушил Хуруга. Но заставил его вспомнить об Эрде. Выхватив из седельного кармана метательный нож, атаман с трех шагов послал его в лицо светлорожденного. И глазам своим не поверил, когда Эрд отбил нож небрежным взмахом меча.

Убивший Буруна урнгурец поднял парда на дыбы. Он хотел, чтобы зверь лапами вышиб Хуруга из седла. Хуруг не успел бы поднять собственного и с сожалением (воину больно использовать оружие против парда) резнул клинком по нижней челюсти зверя. Пард урнгурца отшатнулся, Хуруг замахнулся... и выскочивший из-за головы парда Пьющий Кровь вошел в щель между кирасой и нижним краем шлема. Прямо под задранный подбородок атамана.

Эрд концом меча рассек подбородочный ремень и сдернул с убитого шлем. С торжествующим криком светлорожденный поднял его вверх...

— Убедись сам, солдат,— сказал Биорк хограну Рхонгу,— как много иногда зависит от вождя!

– Голова направляет руки! – важно ответил хогран, глядя на спасающихся бегством бандитов. Урнгурские всадники попытались преследовать их, но отстали: вооружение у людей Хуруга было легче, а парды – быстрее.

Биорк глянул на хограна, поманил пальцем. Урнгурец перегнулся через седельную луку, и вагар шепнул ему в ухо:

– Ты дурак, хогран!

Рхонг уставился на бородатое маленькое лицо сирхара. Он не обиделся. За месяцы, проведенные рядом с Биорком, хогран разучился обижаться на его слова. Во-первых, потому, что Биорк был всегда прав, во-вторых, потому, что вагар никогда не унижал хограна в присутствии других.

– Умные руки лучше головы! Особенно – глупой головы! – Пард вагара изогнул шею, и Биорк почесал ему челюсть. – Видел, как они отступили? Сначала собрались вместе, потом прорубились через толпу наших вояк – правда, это было совсем нетрудно, – затем опять собрались вместе, а оторвавшись на пять прыжков парда, – рассыпались. Почему?

– Спрашиваю всех! – добавил он, поглядев на окруживших их всадников.

– Чтоб легче было удирать? – предположил кто-то.

– Могли и не рассыпаться! – проворчал Рхонг. – Наши и не вспомнили об арбалетах!

– Верно, хогран! А теперь спустимся вниз: посчитаем, во что обошлась нам выучка!

II

«Воздержание среди пирующих сулит удачу!»

«У злобного пса поджат хвост».

«Жертва правителя неужодна богам!»

Гадание на трех костях, истолкованное
жрецом Повелителя Судеб Серквером Желтым
императору Вэрду Смелому так: «Ты умрешь!»

Урнгурские хогры вошли в селение за три часа до заката. Селение опустело: все жители ушли в горы и увели с собой скот. Впрочем, не все. Хозяин постоянного двора, Рех, – остался.

Когда Хуруг увел своих людей, Рех заподозрил ловушку и еще долго не решался снять оборону. Он сделал это только тогда, когда запыленный всадник подскочил к воротам и прокричал в сложенные рупором ладони:

– Хозяин! Урнгур идет!

Крикнул и умчался. Потому-то Рех, сын Гига, по прозвищу Паук, принял сказанное всерьез.

– Щепка! Хисс! – приказал он. – Возьмите пардов: Желтоголового и Блядуна, они самые быстрые, и давайте – в горы! По верхней дороге! Да, если наткнетесь на кого – живо назад! Без фокусов! Марш! Кто-нибудь – парда для меня! Гон! Лоб! Поедете со мной! Живо! Живо! За сегодняшний день – плата втройне!

– Ты уже обещал – втройне, хозяин! – заметил тощий конгай по прозвищу Хисс. – Когда пришел Хуруг!

– Ты еще здесь? – удивился Рех. – Может, ты думаешь, что попасть к урнгурцам хуже, чем – в лапы Хуруга? А, Хисс? Марш, я сказал!

Рех возвратился раньше, чем те, кого он послал на дорогу. Собственно, выяснять ему ничего не пришлось. Три часа назад в селение на почти загнанных пардах прискакали два пастуха: Урнгур идет! Живущие в горах думают медленно, но действуют быстро. Сели в лодки, перевезли семьи и имущество на другой берег озера. У кого лодок не было, те верхом и на повозках покидали дома, угоняли скот. Лишь одна семья, двое стариков, решили остаться. Когда Рех вернулся в свою гостиницу, последние поселяне уже покинули деревню.

Возвратились Щепка и Хисс. Да, все верно. На западе – армия урнгурцев. Тысячи три всадников. Все – черные. Страшные. Вокруг – патрули на пардах. Сейчас покамест стоят, никуда не движутся. Запрудили дорогу на добрую милю! Одна приятная новость: раздавили Хуруга. Слуги на обратном пути наткнулись на трех бандитов, те вели себя мирно, рассказали, как было дело, и советовали удирать.

«Тысяча всадников? – прикинул Рех, разделив названное число на большие глаза Страха. Странно! Для набега – много! Для войны – мало! Разве только – это первый отряд... Урнгурцы? Любопытно!»

И решился:

– Лоб, Хисс, Гон, вы трое – остаетесь! Здесь! – И перекрыл возникший ропот властным: – Я тоже остаюсь! Хочу знать, за каким демоном их сюда принесло. И подзаработать хочу! Урнгурцы, слышал, богаты!

– Подзаработаешь! – буркнул здоровяк Лоб. – Железо в брюхо!

– Кто трусит – пусть проваливает! Оставшимся – впятеро!

– Я останусь! – сказал Гон, рослый малый без передних зубов. Вслед за ним согласились и остальные.

Всё сколько-нибудь стоящее тут же погрузили на повозки и увезли в лесную схоронку Реха. Впрочем, эти вещи не составляли значительной доли имущества Реха, сына Гига. Он был достаточно умен, чтобы хранить золото не здесь, а там, где оно в безопасности, – в одном из своих домов в Фаранге.

Закон Конга, соблюдавшийся в пределах Фаранга неукоснительно, был столь суров к совершавшим хищения из жилищ, что горсть золотых монет, оставленная на подоконнике у открытого окна, могла лежать там год за годом, покрываясь пылью, никем не потревоженная.

Три хогры ехали сомкнутыми шеренгами. Арбалетчики зорко следили за окнами и крышами. Селение было пустынно. Наконец передовые поравнялись с воротами постоянного двора и поехали дальше. Но когда ворот достиг Биорк, ехавший вслед за дозором впереди первой хогры, он удовлетворенно хмыкнул и сказал старшему хограну:

– Останови колонну!

– Стой! – рявкнул Рхонг.

Трель свистков пробежала от начала хогры к ее хвосту. Урнгрия остановились.

Ворота постоянного двора были распахнуты. В них, улыбаясь, стоял хозяин. Один.

Биорк направил парда к нему. Шестеро телохранителей двинулись следом.

– Здорово, хозяин! – крикнул Биорк на конгаэне. – Ты меня не узнал?

Рех пригляделся, поднял брови... Но не узнал маленького вагара в восседающем на могучем парде бородаче, увенчанном короной и крылатым шлемом сирхара Урнгура.

– Нет, великий господин! – промолвил Рех и поклонился, не жалея спины. – Мой дом – твой! – И опасливо поглядел на мощных телохранителей. Все же его любовь к иронии дала о себе знать:

– Я стараюсь быть вежливым, великий господин! Конечно, ты можешь взять все, что тебе понравится, и без моего приглашения!

– Разумная речь! – проговорил Биорк. – Да, я сам поселюсь у тебя. Тем более что уже бывал в этом доме. Тогда он оказался не слишком гостеприимен!

– Этого не может быть! – твердо сказал Рех.

Но душа его упала ниже подметок.

– Пустое! – усмехнулся вагар. – Позови слуг: пусть помогут моим командирам устроить войско на ночлег! Хозяева, как я понимаю, в отъезде?

– Не суди строго моих земляков! – поспешил сказать Рех. – Они покинули свои дома, не зная...

– Сам я поступил бы так же! – перебил Биорк. – Живо зови слуг!

Хозяин поклонился и быстрым шагом направился к гостинице.

– А он не так труслив, как показалось в прошлый раз! – заметил подъехавший Эрд. – Если он починил проломленную стену, я готов поселиться в тех же апартаментах!

Вернулся Рех с тремя слугами.

– Хогран Рхонг! – сказал Биорк. – Эти люди покажут тебе, где удобнее разместить солдат! И расставь караулы, – и переходя на конгаэн: – Не бойтесь, парни! Мы не воюем с народом Конга!

– А с кем же? – дерзко спросил Хисс.

– Мы пришли за кровью соххоггоев! – сказал Эрд.

«Вот это весть! – восхитился Рех. – Всем вестям весть! Воз золота – цена ее! – Рех порадовался, что решил остаться, втройне порадовался: – Я буду – не я, если не заработаю на этом вчетверо! Нет, какое там вчетверо – вдесятеро!»

– О! – воскликнул он. – Вот тут мы – с вами! Тем более если с вами сам светлейший Эрд!

– Кое-что он помнит, – заметил вагар.

– Как я могу забыть? Господин был так щедр...

– Не напрашивайся! – оборвал вагар. – Хогран, действуй!

Урнгурское войско тронулось. Биорк направил парда к карете Женщины Гнона. Телохранители расступились, и сирхар, наклонясь, постучал в окошко кареты. Занавес отдернули. Биорк увидел, что Санти спит и голова его покоится на бархатных подушках у колен Ронзангтондамени.

– Я распорядился поселить вас в доме здешнего старосты.

– Хозяин готов нас принять? – спросила Женщина Гнона.

– Хозяин удрал. Не важно. В любом случае он – всего лишь слуга слуги! Мы приедем к тебе ужинать!

– Да, сирхар.

– Я пришлю охрану!

– Разве моих телохранителей недостаточно?

– Это Конг, а не Урнгур, госпожа моя!

Ронзангтондамени опустила веки в знак согласия, и Биорк оставил ее.

Рех стоял рядом с пардом светлорожденного и что-то объяснял Эрду. Эскорт Биорка и даже его личная охрана, коей следовало не отходить от вагара ни на шаг, рассыпались по двору, некоторые спешили.

– Всем – ко мне! – сердито крикнул Биорк. – Кто позволил вам бродить, как коровам на пастбище? – зарычал он на начальника охраны.

Тот пробормотал что-то в оправдание.

Сирхар упер тонкий конец хлыста в подбородок урнгурца:

– Три человека должны быть от меня в прыжке парда! И два – рядом со светлейшим! Забыл? Где наблюдатели? Все вы, – он оглядел столпившихся вокруг телохранителей, – немного умеете работать железом! Если сравнить с другими! Но десятка лучников мне хватило бы, чтоб нашпиговать каждого из вас стрелами, как жаркое – чесноком! Говорю последний раз! Потом буду наказывать!

– Великий господин! – позвал Рех. – Не желательно ли тебе взглянуть на отведенные комнаты?

Биорк спрыгнул с парда и подошел к крыльцу. Тут только Рех узнал Вагара. Он распахнул дверь перед ним, и на сей раз два урнгрия поторопились войти раньше Биорка. Урок был усвоен.

Вечером в трапезной постоялого двора состоялся совет. Присутствовали: Биорк, Эрд, Рхонг, Хрор, три начальника хогр, Ронзангтондамени, Санти и несколько телохранителей.

Прислуживал сам хозяин.

– Полагаю, – начал Биорк, – весть о нас уже одолела первый десяток миль. – Несколько сотен человек преспокойно ушли у нас из-под носа. Впредь мы должны опережать крестьян,

а не они – нас. Впрочем, пока можно не тревожиться. Прежде чем весть дойдет до обладающих властью, она изменится настолько, что в нее не поверит даже ребенок! Но наверняка очень скоро здесь появятся посланцы, чтобы выяснить, откуда слух. И тогда, самое большее через полмесяца, армия Конга отыщет нас и раздавит, как пард лягушку! Не исключено, впрочем, что это случится и раньше. Поэтому через десять дней нас должно быть втрое больше. Чтобы конгайским мечникам пришлось потрудиться!

– А как это сделать, сирхар? – спросил Рхонг. – С помощью магии?

– С помощью головы! Рех! – Биорк поманил пальцем хозяина постоянного двора. – Я знаю, что ты подслушиваешь! Оставь свои чашки и иди сюда: ты мне нужен!

Хозяин, угодливо улыбаясь, поспешил к вагару.

– Сколько отсюда до ближайшего Владения? – спросил сирхар Урнгура.

– Три дневных перехода, великий господин!

– Большое Владение?

– Нет, господин, разумеется, нет! Разве кто-нибудь из Старших соххоггоев станет жить у самых гор?

– А Великий Анган?

– Великий Анган – это Великий Анган, господин! Но Владение, о котором ты спрашиваешь, – маленькое. У хозяина не более полусотни мечей. Твои герои пройдут сквозь него – и не заметят!

– Заметят, – усмехнулся Биорк. – Ты нам покажешь.

– Но, великий господин...

– Молчать! Поедешь с нами. А теперь скажи: кто в вашем селении поддержит меня против красноглазых? Сколько человек? Учти: за честный ответ – золотой!

Рех задумался:

– Полагаю, человек пять, великий господин!

Ответ был явно правдив. Биорк бросил хозяину гостиницы монету.

– Отчего так мало? – поинтересовался Эрд.

– Мы – далеко от Великого Ангана, – пояснил Рех. – Но, не в обиду вам, великие господа, – близко от Урнгура! Может, на равнине красноглазых ненавидят больше, чем боятся вас?

– Если к воротам моего города подойдет вражеская армия, я буду сражаться, что бы ни сулили чужеземцы! – произнес Санти. – Мы, конгаи, любим свою землю!

Все посмотрели на него.

– Ты – конгай, господин? – с удивлением спросил Рех.

– Я из Фаранга.

– Неужели народ Конга не хочет избавиться от своего позора? – спросил Эрд.

– Народ Конга сам выбирает свою судьбу! Вот придет Освободитель, тогда... – Рех сделал неопределенное движение.

– Выходит, ты считаешь, что мы пришли зря? – спросил Эрд. – Ты мог бы сказать об этом и в Урнгуре!

– Он и сказал, – уточнил Биорк.

– Да, я сказал! Вы – мои друзья! Но это вы пришли воевать – не я! – Голос юноши обрел не знакомую друзьям силу. – Да, я ненавижу соххоггоев, но если мой народ примет вас как врагов – я буду с ним! Тогда моя жизнь – ваша, если пересекутся наши пути!

– Значит, я – твой враг, Санти? – спросила Ронзангтондамени в волнении.

– Никогда, Ангнани! Но, – Санти вздохнул, – боюсь, что судьба не будет благосклонна к нам!

Воцарилось молчание. И нарушил его, как ни странно, Рех-Паук.

– Я немного знаю красноглазых, – кашлянув, сказал он. – И, конечно, я – человек корысти. Но... – тут он обернулся и в первый раз прямо взглянул на Биорка. – Я не трус, господин! За тобой я не пошел бы... А вот за ним... – Он обернулся к Санти: – За ним я пойду хоть сейчас! Я не знаю, кто ты, фарангец, но – Воля богов! – может, ты и есть

Освободитель! По крайней мере ты молод и красив, как и сказано в пророчестве. Если это так и Дракон проснулся, тот, кто пойдет за тобой,— не пожалеет. А если нет, ну, значит, так тому и быть! Если ты захочешь посчитаться с красноглазыми — Рех будет с тобой!

— Властные боги! — воскликнул Санти.— Что ты говоришь? Я — Освободитель? Я даже не вождь!

— Ты — вождь! — убежденно воскликнул Рех.

— Брат Сантан! — сказал быстро соображавший вагар.— Разве ты забыл, что это мы пошли за тобой, а не ты — за нами!

— Разве? — удивился Санти.

— Эрд? — спросил Биорк.

— Да!

— Ронзангтондамени, госпожа?

— Мог бы и не спрашивать! Да!

— Ты, Хрор?

— Я рожден Женщиной Гнона!

— Рхонг? Вы, хограны?

— Мы идем за сирхаром! — ответил за всех Рхонг.

— А я, брат Сантан, иду, чтобы помочь тебе найти отца! И освободить твою страну от проказы, если ты пожелаешь! Но — и мы уже говорили об этом — одной тысячи урнгрия слишком мало. Если народ Конга поднимется — он освободится! А если ты освободишь народ Конга, значит, ты и есть Освободитель! Если же народ Конга примет нас как врагов и станет защищать соххоггоев — тогда и впрямь мы все ошиблись! Но я хочу, чтобы ты понял: мы здесь — с тобой!

— Да,— пробормотал смущенный Санти.— Я понял. Мне приятно, друзья, что вы пришли из-за меня! Я тронут!

— Есть еще один человек...— произнес Эрд.— Его мы не можем спросить, но он — тоже с тобой!

— Кто? — Санти вопросительно посмотрел на светлорожденного.

— Нил!

Вновь наступила тишина.

И опять ее нарушил Рех:

— Так что, Сантан из Фаранга? Если ты примешь мою клятву — я ее даю! И не думай, что я из тех, кто нарушает слово!

Санти внимательно посмотрел на хозяина гостиницы.

— Ты не будешь жалеть?

— Может быть! — честно ответил Рех.— Но единственный раз в жизни я могу сделать нечто действительно большое! Что-то значительное, раздери меня магхар! Я же делец! — Он улыбнулся.— Как я могу упустить такой случай?

— Тогда валяй! — улыбнулся в ответ Санти.— Только извини, не знаю, какую клятву взять с тебя? Говори, что хочешь!

— Дай мне нож! — обратился Рех к Хрору.

Урнгурец протянул ему свой остро отточенный длинный даг.

Рех опустился на колени, приложил острое к горлу:

— Сантан...

— Сын Тилода из Фаранга,— подсказал Санти.

— ...сын Тилода из Фаранга! Если я предаю тебя, или откажусь от тебя, мой господин, ради золота, власти, женщины, или отступлюсь из трусости или по иной причине, пока ты сам не освободишь меня — жизнь мою и кровь,— да поразит меня десница Судьбы! — И, проколов кожу на горле, коснулся смоченным в крови пальцем лба, век и губ.

— Теперь я — твой, Сантан из Фаранга! — И добавил, помедлив: — Сантан-Освободитель!

Рех поднялся и возвратил кинжал Хрору.

— Странная клятва! — вполголоса заметил Эрд, наклонясь к вагару.

– Мы не забудем, что ты был первым, Рех! – сказал Биорк. – И награда...

– Оставь, господин! – перебил хозяин гостиницы. – У меня достанет денег, чтобы самому вознаградить тебя! – Все поведение Конгая разительно переменялось: ни следа смирения или униженности. – Я – первый, но клянусь подбородком тура, я буду одним из многих! Позволь, я велю принести вина: теперь вы мои гости, а не постояльцы!

– Нет, с вином повремени! – возразил Биорк. – Слушайте! Завтра утром мы должны, – взглянув на Санти, – нам желательно выступить. Первой пойдет полухогра разведчиков. Потом – первая хогра. Мы пойдем быстро. Три дневных перехода – это семьдесят пять миль. Мы пройдем их за сутки. Возьмем запасных пардов. Две другие хогры и обоз могут двигаться медленнее. Рех! Ты теперь – наш. Ты должен оповестить жителей. Когда Владение падет – пусть люди придут и увидят это!

– А оно падет? – спросил Санти.

– Предоставь это мне! Ты поддерживаешь то, что я предложил?

– Ты – вождь, – сказал Санти.

– Ты вождь!

– Да, поддерживаю! Только хочу быть среди первых!

– Решать – тебе! Но не забудь: твое оружие – меч!

– И меч – тоже! – произнес Санти, коснувшись рукояти Клинка Асенаров. – Но я тебя понял. Я приду, когда дело будет завершено.

– Со второй и третьей хограми?

– Да.

Карты Биорка оказались не слишком точными. Не семьдесят пять миль, а только пятьдесят шесть отделяли селение от первого, самого западного Владения. И войско достигло его за четыре часа до заката.

Серая стена Владения выходила из обступившего дорогу леса и вытянулась вдоль тракта примерно на полмили. А потом стена снова уходила в лес. Вдоль самой стены деревья были вырублены, и периметр Владения опоясывала утоптанная тропа. Алые краски заката лежали на кронах голубых кедров и мощных боуков, чьи скрученные горизонтальные ветви нависали над трактом.

Разведчики скрытно, под сенью леса, достигли места, где стена Владения сворачивала в чащу, и, оставив наблюдателей, вернулись назад, чтобы оповестить сирхара. Вскоре они услышали топот пардов. Приближалась первая хогра.

Увидев разведчиков, скакавший впереди Биорк остановил своих воинов. К Владению поехали он сам, Эрд и командир хогры.

Стена была не слишком высока: два человеческих роста. Поверху, в обе стороны – стальные шипы в руку длиной. Как гребень ящерицы.

– Прикидываешь, светлейший? – спросил вагар.

– Детская игрушка! На парде перемахнуть можно!

– И распороть ему брюхо! Но ты прав: это не преграда! Ничего не стоит перебросить мост. Только мы пойдем через главный вход! Так веселее.

– Отлично! – одобрил Эрд. – Я пойду первым.

– А я хотел бы, – мягко заметил Биорк, – чтобы первыми шли арбалетчики! Твой меч лучше побережь. Наверняка внутри окажутся бойцы, с которыми нашим новобранцам не совладать.

– Ты командуешь, – согласился Эрд. – Едем к воротам?

– Едем. Втроем: ты, я и старина Хроп. Погоди, я отдам распоряжения.

Тракт был пустынен. Не многие из купцов поднимались теперь, после закрытия Легкого Перевала, к границам Урнгура. За два часа, понадобившиеся Биорку, чтобы изучить окрестности Владения, ни один всадник не проехал по дороге. Если не считать отряда из дюжины стражников, патрулирующих Владение.

Северяне наблюдали за ними из чащи.

– Сначала – этих, – сказал вагар Эрдю. – Потом – стражу у ворот!

Отобрав пять десятков арбалетчиков, он расставил их между деревьями и еще два десятка устроил на самих деревьях. Чем гуще полетят стрелы, тем меньше шансов, что кто-то из патруля сумеет вывернуться и оповестить своих. Но даже если кто-то и ускользнет – это ничего не даст страже. Хогра войдет в ворота через четверть минуты после того, как будут сделаны первые выстрелы. Разумеется, Биорк предпочел бы не расстреливать патруль, а захватить. Но воинам-урнгрия, даже при пятикратном превосходстве в численности, не управиться без шума с отборными стражами соххоггоев.

Стрелкам было приказано по сигналу разрядить арбалеты в ближайших к ним всадников. Урнгрия застыли в ожидании.

Двенадцать патрульных с десятником во главе возвращались, обогнув Владение. До ворот оставалось полсотни шагов, воины расслабились, и парды с галопа перешли на тряскую рысь. Цепочка всадников растянулась. У самых ворот они подтянутся и опять вспомнят о бдительности, но на предпоследнем участке внимание всегда ослабевает. Биорку это было отлично известно. Вагар пронзительно свистнул.

Несколько десятков арбалетов разрядились практически одновременно. Как удар грома. Половина стрел нашла цель. Из двенадцати стражей девять были убиты. Трое успели выпасть из седел и спрятаться за телами пардов. Двое помчались в сторону ворот, а третий замешкался и был тотчас настигнут стрелами. С пятнадцати шагов арбалетная стрела запросто прошибает и кирасу, и подкольчужник.

А в ворота Владения уже стремительно вливалась железная колонна урнгрия. По шесть всадников в ряду, прикрывшись черными круглыми щитами, ошетились короткими пиками, первая хогра вступила на землю первого из Владык Конга.

Один из стражников был убит. Мимоходом. Второй успел спрятаться, выжидая. Как всякий наемник, он не собирался в одиночку нападать на две сотни всадников. Мертвому деньги ни к чему.

Хогра прошла. Стражник высунул голову из-за угла сторожевой будки и увидел одинокого всадника, неторопливо въехавшего в ворота на великолепном парде. То, что нужно. Стражник подождал, пока воин проедет мимо, а потом в три прыжка настиг медленно ступающего парда, ухватил всадника за ногу, а когда тот повернулся, швырнул ему в лицо метательный нож.

Стражнику не повезло. Всадником был Эрд.

Рука в латной перчатке отбила нож в сторону. Стражник застыл, открыв от удивления рот. Рукоять Пьющего Кровь перекатилась в ладони светлорожденного, и черный клинок вертикально вошел в горло напавшего. Эрд выдернул меч и так же неторопливо поехал дальше. Стражник пошатнулся, выдохнул фонтан крови и упал ничком на мраморные плиты дорожки.

Уцелевший десятник выругался и заставил парда прыгнуть в тень деревьев. Скакавший за ним воин тоже нырнул в лес. Им повезло: здесь не было арбалетчиков Биорка.

Оба остановили пардов, выжидая.

– Тысяча демонов! – пробормотал десятник. – Целое войско! Кого, интересно, так допек наш хозяин?

– Что теперь, начальник? – нервно спросил второй. – Драться будем?

– А ты прикинь! Тех, что в засаде, сколько?

– Ну, десятка четыре?

– Побольше! Просто они хреново стреляют! А в ворота сколько вошло?

– Не разглядел! – смущенно ответил воин.

– А я разглядел! Две сотни тяжеловооруженных! А теперь глянь-ка туда! Что видишь?

– Да вроде есть кто-то.

– Кто-то! Еще отряд! И не маленький! Клянусь Рогами, уши нашего красноглазого

прибьют к столбу не позже, чем через час!

– Сматываемся? – догадался стражник.

– В самую точку! Да гляди в три глаза: кто знает, сколько в лесу этих парней.

И оба воина, пригибаясь к шеям пардов, поехали в чащу, прочь от Владения.

Сдавшиеся наемники, числом – двадцать четыре человека, сбились в кучу на площади перед дворцом. Верховые урнгрия окружали их двумя рядами, но больше глядели не на пленников, а на великолепный дворец.

Пять белых башен разной высоты с необычайной четкостью вырисовывались на фоне ярко-голубого неба. Множество мостков, переходов, галерей соединяли их воздушными нитями. Восходящая колоннада поднималась на высоту двенадцати локтей к центральным воротам дворца. На створах сверкали золотые выпуклые изображения вставших на дыбы пардов. Красные, желтые, зеленые, оранжевые полотнища огромных флагов заслоняли почти четверть поверхности белых стен замка.

– У нашей-то Нассини дворец побольше! – тихо сказал Эрду Биорк.

– Как ты собираешься с ним поступить? Сжечь? – спросил светлорожденный.

– Это было бы разумно. Но, боюсь, пока мы не можем делать огню подобные подарки!

– Ну, парни! – громко сказал он, обращаясь к пленникам. – Я обещал вам жизнь! – И замолчал.

Наемники забеспокоились, но вагар тут же продолжил:

– И жизнь у вас будет! Есть ли среди вас конгаи?

Сначала никто не отвечал, но потом вперед протолкался дюжий солдат в шишаке.

– Я – конгай! – бросил он с вызовом. Хорошего он не ждал: ясно, что победители – чужеземцы!

– Вернуть ему оружие! – распорядился Биорк.

Из кучки наемников раздались возгласы удивления. Сам воин в шишаке был просто ошеломлен.

– Мы не воюем против конгаев! – пояснил Биорк. – Если ты любишь свою страну – ты наш союзник.

– Ага, – пробормотал воин, пристегивая к поясу меч. – Зачем же вы здесь?

– А любишь ли ты красноглазых? – вкрадчиво спросил вагар.

– Они хорошо платят. Любить их не обязательно.

– Я не смогу платить столько же, – сказал Биорк. – Скорее всего, я вообще не смогу вам платить. Но зато... я не ем людей! И они не едят! – Он кивнул в сторону урнгрия. – Мы хотим избавить Конг от нечисти! И мы сделаем это!

– Понимаю, – кивнул воин. – Идея неплохая! Только армия Великого Ангана сметет вас, как соломенную труху! Она немного больше, чем четыре десятка стражи!

– Ну и нас немного больше! – заметил вагар.

Как раз в этот момент в ворота потекла остальная часть его армии. Впереди, на специально выбранном Биорком белоснежном парде, в окружении семи телохранителей, тоже выбранных вагаром, ехал Санти.

Вагар усмехнулся в бороду. Все складывалось наилучшим образом.

– Мы взяли Владение! – сказал сирхар, когда Санти подъехал к нему. Сказал и поклонился.

Тотчас внимание пленных сосредоточилось на молодом человеке. Санти тоже посмотрел на них:

– Не вижу хозяина! – сказал он. – Мертв?

– Соххоггой – там! – Биорк показал на белоснежные башни дворца.

– А где остальная челядь?

– Прикажешь привести их сюда?

– Да, пожалуйста! И пусть их успокоят: насилия не будет!

Биорк сделал знак Рхонгу, и тот отправил несколько десятков урнгрия к пристройкам

для слуг и рабов.

Когда всех привели, Санти просто сказал:

– Вы свободны! Каждому дадут денег, чтобы он мог уехать, куда пожелает, и начать там новую жизнь!

Сначала все молчали. Потом кто-то из рабов нерешительно спросил:

– Кто ты, господин?

– Сантан Фарангский, Освободитель! – воскликнул Биорк прежде, чем Санти успел ответить сам.

Толпа загудела. Санти молчал. Молчали и окружавшие его урнгурцы. Через некоторое время шум стих. Только слово «Освободитель», словно шелест, плыло над головами. Народ переваривал сказанное. Легенду о Спящем Драконе знали многие. И пророчество о том, что Дракон должен проснуться, – тоже.

– С вами поступят по справедливости! – нарушив общее молчание, объявил Санти. – Но сейчас надо закончить дело! – Юноша принял роль командующего с легкостью, удивившей даже его самого. – Биорк! Пошли воинов во дворец: пусть найдут соххогоя и приведут сюда.

– Легче сказать, чем сделать, – пробормотал себе под нос вагар.

И тут стражник-конгай, которому вернули меч, бросился к Санти. Телохранители тут же сомкнулись, отгородив своего вождя телами пардов.

– Пропустите! – приказал Санти. – Он не желает зла.

Конгай упал на колено, вынул из ножен меч и, держа за клинок, протянул Санти.

– Прими, Освободитель! – сказал он, не поднимая глаз.

Санти прыгнул на землю, взял меч за рукоять, перевернул и протянул обратно.

– В твоей руке он надежнее! – сказал юноша.

– Тогда возьми и руку! – Воин поднял лицо и встретился взглядом с зелеными глазами Санти. – Мой путь – твой путь! – торжественно произнес воин.

– Разве ты не клялся служить соххогоя? – спросил Санти. – Ты нарушишь клятву?

– Я не клялся, – спокойно ответил воин. – У нас с красноглазыми – разные боги. Я, как и все, только подписал договор. Мне платили – я служил. Сдается, больше мне не заплатят, так что моя служба закончена. Все в воле богов. Я готов принести тебе клятву.

Санти некоторое время глядел на него, потом кивнул:

– Как твое имя?

– Ратсай, сын Гата из Сарбура!

– Освободитель! – Из толпы слуг выбежал мужчина и упал на колени рядом с Ратсаем. – Возьми и меня! Я не воин, но силушка есть! Клянусь Туром! Смерть красноглазым! – добавил он с откровенной ненавистью.

Последняя фраза не слишком понравилась Санти, но все же он сказал:

– Хорошо!

И сразу же толпа разразилась шквалом криков:

– Я! И меня! И меня, Освободитель! Я буду сражаться!

– Тих-хо! – рявкнул сирхар Урнгура. – Все, кто желает присоединиться к нам, могут это сделать! Ратсай!

Бывший стражник поспешил к нему.

– Ты знаешь этих людей! – сказал ему Биорк. – Организуй их! Твое первое дело!

– Будет исполнено, достойный! – серьезно ответил конгай.

Он махнул рукой, и вся толпа слуг и рабов двинулась за ним. Всадники расступились. На площади, кроме урнгурцев, остались лишь бывшие стражники.

– Как ты собираешься извлечь змею из норы? – поинтересовался Эрд. – Вопрос! Что скажете, хограны? – обратился он к урнгурским начальникам.

– Разделить воинов на десятки – и пусть ищут! Пока не найдут! – тут же предложил Рхонг.

– Не пойдет! Месяц будут искать. Этот замок – настоящий лабиринт. В его тайниках можно упрятать сотню красноглазых. Кстати, кто из вас, хограны, знает, как выглядит

соххогой?

Урнгриа переглянулись.

– У него красные глаза! – сказал кто-то.

– Мудрая мысль! И насколько красные? – осведомился Биорк.

– Как рубины!

– Понятно! Глаза у него – такие, как у тебя после трехдневной пьянки! Не краснее.

Ладно! Увидите – узнаете. А что скажешь ты, светлорожденный Эрд?

– Скажу, что нам очень пригодился бы Ортран! Больше мне сказать нечего.

– Да, Ортран... – задумчиво проговорил вагар. – Но Ортран мертв... Ты что-то хочешь сказать? – Вагар быстро повернулся к одному из пленников.

Воин лет сорока сразу шагнул вперед. Он словно ждал, когда на него обратят внимание. Лицом он более всего походил на коренного аркина¹³, откуда-нибудь из Орэлей или Кирита. Воин был облачен в золоченый панцирь из мелких плоских колец, его черные усы были аккуратно подстрижены, а серые внимательные глаза без малейшего смущения глядели на Биорка.

– Ты упомянул имя Ортрана, командир? Ты сказал: он мертв?

– А что тебе за дело? – вмешался Эрд. – Да, он мертв!

– Это ты убил его?

– Не будь ты безоружен, – процедил Эрд, – я отучил бы тебя задавать такие вопросы!

– Так дай мне меч!

– Прости, светлейший! – в свою очередь вмешался Биорк. – Позволь мне прежде узнать, что ему надо!

Эрд кивнул:

– Ты знал Ортрана?

– Да! – лаконично ответил воин.

– Его убили не люди – моросы, если ты знаешь, что значит слово «морос».

– Знаю! – последовал такой же короткий ответ. – Жаль. Я – Иллан, благородный из Эма, командовал здешней стражей. Назови свое имя, достойный, чтобы и я знал, с кем говорю!

– Эрд, сын Дина, Асенар!

– Славен твой род, светлейший! – совершенно другим тоном произнес Иллан, снял с головы шлем и поклонился. – Не тебе, но крови Асхенны! – сказал он, надевая шлем. – Почту за великую честь скрестить с тобой оружие!

– Нет нужды! – На всякий случай Биорк развернул парда так, чтобы оказаться между Эрдом и воином. – Не будет ли бесчестным для тебя оказать нам помощь, благородный Иллан?

– Я не люблю тварь, которой служу, – ответил Иллан. – Но я его не выдам. Не проси.

Эрд и Биорк переглянулись. Светлорожденному ответ пришелся по вкусу. Биорку – нет.

Вагар поднял глаза и еще раз пристально оглядел белоснежный замок.

– Мы пого... – начал он. И вдруг: – Я его вижу!

– Где? – быстро спросил Эрд.

– Западная башня. Второе окно от перехода с синими колоннами. Не ищи. Он стоит в глубине комнаты. Тебе не разглядеть. Хрор!

– Да, сирхар?

– Твои ползуны смогут взобраться на западную башню?

– Со связанными руками, сирхар!

– Пошли десятерых! Видишь галерею с синими колоннами?

– Да!

¹³ Аркин – уроженец Аркиса, то есть представитель коренного народа южной и юго-западной части Белого материка.

– Он в комнате у ее западного конца. Скрытно подниметесь наверх и возьмете его!
– Не проще ли войти во дворец? – спросил Хрор.
– Войти – проще! – сказал вагар. – Найти труднее! Однако ж... Рхонг! Направь еще десяток через главный вход!

– Когда-то я и еще двое парней фехтовали с красноглазым... – ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил Иллан. – Боюсь, в настоящей схватке соххоггой прикончил бы нас всех, не получив и царапины! Кто бы мог подумать... Такой задохлик!

– Хрор! – крикнул Биорк. – Придержи ползунов!

Иллан улыбнулся.

– Я сам пойду с ними, – сказал Биорк. – Светлейший! Ты очень обяжешь меня, если возьмешь под щит Рхонга!

– С удовольствием! – согласился Эрд. – Мой новый меч еще не пробовал крови красноглазого!

– И все же постарайся взять его живым! – попросил вагар.

Иллан тихонько присвистнул.

– Думаешь, он не справится? – усмехнулся Биорк.

Тот пожал плечами.

– Такое может быть лишь в одном случае, – сказал вагар.

– В каком?

– Если я успею раньше. Кстати, благородный Иллан, твои люди тоже свободны. И вы можете уйти немедленно, если не захотите досмотреть представление до конца.

– Мы не торопимся, – ответил аркин. – Любопытно будет взглянуть на воина, что намерен пленить нашего Властителя. Скажу больше: под такой рукой и я не прочь повоевать!

– Ловлю тебя на слове! К делу, светлейший?

– К делу, достойный сирхар! – засмеялся Эрд и, кивнув Рхонгу, погнал парда к дворцовой лестнице.

Но подниматься к золотым воротам он не стал, а двинулся прямо к западной башне. Со спины парда он без труда взобрался на крышу первого этажа. Урнгрия – за ним. За деревянной кровлей начиналась белоснежная стена башни, сложенная из идеально пригнанных каменных блоков. Окно находилось на высоте семи локтей, но Эрда это не смутило. Он отстегнул меч, передал его одному из урнгурцев и отошел от стены на десяток шагов. Попробовал ногой нагретое солнцем черное дерево. Взглянул на коснувшийся гор медный диск дневного светила. Доски гладкие, но это не страшно. Подошвы из акульей кожи не скользят даже по льду.

В четыре прыжка Эрд достиг стены и взбежал по ней вверх под восхищенное цоканье урнгрия. Ухватившись руками за нижний край оконной рамы, он подтянулся и спрыгнул внутрь комнаты. Затем спустил вниз паутинный трос и с его помощью втащил наверх Рхонга. Вскоре все одиннадцать урнгрия были внутри и не переставая цокали языками, удивляясь дивному убранству зала. Эрд не дал им времени повосхищаться чужеземной роскошью.

Из зала вели четыре двери, потому Эрд разделил отряд на четыре группы, объяснил, что ищет, и приказал действовать, но не уходить дальше, чем на пять комнат. Он еще не забыл дворца Нассини.

Две группы из трех нашли лестницы. Четвертая обнаружила подъемник. Мало того, рядом с механизмом дремал престарелый слуга.

Увидев воинов, он собрался завопить, но удар кулаком по макушке на некоторое время лишил его дара речи.

Подъемник был наверху. Разбив стоявший поблизости светильник, Эрд щедро полил маслом механизм и принялся крутить рукоять. Спустя несколько минут они уже стояли на платформе. Эрд с сомнением поглядел на паутинные тросы. Потом – на уходящую вверх шахту. Если кому-нибудь придет в голову перерезать паутину, лететь им придется долго!

Правда, тросов – восемь. Все сразу перерубить невозможно.

– Рхонг,– сказал светлорожденный.– Возьми троих, самых ловких! Остальные пусть крутят рукоять как можно быстрее. В их быстроте – наша жизнь!

Трое урнгурцев, Рхонг и Эрд встали на платформу, и подъемник пополз вверх. Поднимавшимся казалось, что он еле движется. Эрд отсчитывал этажи. Оставалось еще два, когда один из тросов несколько раз дернулся и, ослабев, упал к их ногам. Через мгновение упал второй, платформу перекосило. Но она продолжала ползти вверх. Третий трос, четвертый. Никто из воинов не мог ничего предпринять. Они находились в шахте между этажами. Платформа уже накренилась настолько, что между нею и стеной образовалась щель в два локтя шириной. Как раз в этот момент подъемник наконец дополз до следующего этажа. Выход оказался с той стороны, где тросы уже были перерублены.

– Прыгайте! – крикнул Эрд по-урнгурски. И, оттолкнувшись, перелетел через щель. Четверо остальных прыгнули следом, но тут лопнул еще один трос, платформа дернулась, и двое из четырех с воплями полетели вниз. И прежде чем они ударились о дно шахты, следом полетел и подъемник.

Рхонг вытер мокрый лоб. Второй урнгрия дрожал.

– Поднимаемся наверх! – крикнул Эрд и побежал по мягкому ковру, устилающему коридор. Однако найти лестницу оказалось непросто. Они пробежали весь коридор из конца в конец, но обнаружили лишь две двери. Обе заперты. Эрд вытащил меч и одним ударом проткнул ближайшую насквозь. Заглянув внутрь, светлорожденный увидел обширный зал с рядами колонн и множеством окон. Зал занимал, наверное, две трети ширины башни. Эрд принялся ожесточенно рубить покрытую зеленым лаком резную дверь. Меч – не топор, но ярость утроила силы светлорожденного. Через минуту дверь развалилась.

Зал был огромен. Роспись на потолке имитировала кроны деревьев, заслоняющие голубое небо. Колонны изображали стволы, а может быть, и были цельными стволами деревьев. Там и сям застыли чучела животных, отлично сделанные. Настоящие цветы росли на треугольных клумбах. Живые медовницы, пересвистываясь, порхали в воздухе.

В другое время Эрд непременно полюбовался бы всласть чудесным творением, но сейчас единственное, чего он жаждал,– добраться до хозяина. Путь наверх был закрыт. Дверь, через которую они вошли, оказалась единственной. И окна, и открытые арки вели лишь в воздушное пространство. Эрд трижды обежал зал, прежде чем принять рискованное решение. Но иного выхода не было.

Напротив одного из окон висел нижний край огромного желтого флага, украшенный бахромой из золотых кистей. Прыгнуть на него и вскарабкаться вверх – окажешься как раз на уровне следующего этажа. Но это – если удастся ухватиться, если хватит сил взобраться по гладкой ткани, если напротив окажется окно... И если выдержит флагшток.

«Нет, флагшток не переломится! – подумал Эрд.– Кусок ткани подобных размеров и сам весит немало, а ветра здесь приличные!»

Взобравшись на широкий подоконник, Эрд оттолкнулся и нырнул вперед, вытянув руки. Пальцы его скользнули по толстой ткани. Эрд полетел вниз, но все же ухитрился ухватиться за одну из кистей. Кисть затрещала, однако Эрд уже вцепился левой рукой в другую. Тут натянувшаяся под его тяжестью ткань спружинила вверх, и светлорожденный едва не сорвался. Флаг еще сотрясался, когда Эрд прорезал кинжалом дыру в нем, просунул внутрь руку, сделал новый надрез... Теперь дело пошло на лад. Единственное, чего он опасался,– это привлечь внимание соххогоя. Распластанный на желтом полотнище, светлорожденный был практически беззащитен.

Эрду повезло: он остался незамеченным и прямо перед ним оказалось окно верхнего этажа. Достаточно широкое, чтобы не промахнуться.

Раскачав флаг, Эрд отпустил его и, перелетев через пять локтей бездны, схватился руками за подоконник. В следующее мгновение он проскользнул в окно и застыл, прислушиваясь... До ушей его донесся странный звук: похоже на плач ребенка.

«Что за зверюгу держит здесь красноглазый?» – подумал он.

Комната, в которой очутился светлорожденный, оказалась невелика: шагов десять в длину и вдвое больше – в ширину. Из мебели имелся лишь длинный узкий полированный стол. Дверь одна. И на запоре. Эрд не стал ее ломать. Он подумал: для чего искать соххогоя самому? Пусть тот его ищет!

Эрд отошел к окну и громко кашлянул. Потом звякнул ножами. Затем прислушался, приложив ухо к стене. И уловил звук скрипнувшей двери и шаги. Тихие шаги.

Стоя у самого окна, Эрд еще раз громко откашлялся, а потом вихрем метнулся к двери. Некто уже подобрался к ней с противоположной стороны и тоже прислушивался. Эрд уловил его дыхание. Очень осторожно светлорожденный вынул из плаща булавку и бросил ее на пол шагах в пяти от себя. Булавка негромко стукнулась о паркет и скользнула по нему с чуть слышным шорохом. Идеальная имитация шага.

В замке медленно повернулся ключ. Дверь открывалась влево вовнутрь. Эрд стал справа. Он был готов к тому, что враг распахнет ее и ворвется в комнату. Один точный удар по затылку... Светлорожденный помнил: соххогоя надо взять живым!

Но хозяин замка был не менее хитер. Дверь с треском распахнулась. Длинное лезвие дага ¹⁴ проткнуло ее насквозь. Если бы Эрд прятался за дверью или стоял слева от нее – он был бы мертв. Меч соххогоя светлорожденный увидел прежде, чем его самого. Пробив кинжалом дверь, тот одновременно махнул мечом вправо. Да, оба оказались хитры. Теперь все решало умение владеть оружием.

Соххоггой был маленький, худой, на полголовы ниже и в полтора раза легче Эрда. А меч в его руке был из того же темного сплава, что и Пьющий Кровь, только с другим узором. Владел же им хозяин замка превосходно.

Выпад соххоггой опередил выпад Эрда, но светлорожденный отвел клинок кинжалом. У красноглазого кинжала не было. Его даг торчал в двери. Не было у соххоггой и боевого браслета – подобного тому, что облегал предплечье светлорожденного. Эрд взмахнул мечом. Противник парировал с легкостью. Воины осторожно передвигались по комнате, выжидая. Эрд выдохнул воздух. Противник тут же сделал шаг в сторону: на выдохе не атакуют. Но Эрд атаковал! Это был риск, который оправдался. В прыжке ему удалось поймать гардой кинжала основание клинка соххоггой. Пьющий Кровь описал дугу, чтобы поразить колено красноглазого. С почти сверхъестественной ловкостью соххоггой присел и отвел выпад ножами меча. Но светлорожденный ожидал чего-то подобного. Из всех сил он пнул острым носком сапога под коленную чашечку противника. Соххоггой вскрикнул от нестерпимой боли, а Эрд выпустил рукоять кинжала и ударил хозяина замка в висок ребром боевого браслета. Соххоггой повалился на бок. Кровь из рассеченного виска брызнула на паркет. Но противник остался жив: Эрд точно рассчитал силу удара.

Светлорожденный подобрал кинжал и вложил в ножны. Снаружи, со стороны окна, раздался какой-то звук. Воин мгновенно обернулся и обнаружил раскачивающегося на полотнище флага Рхонга. Урнгурец пытался достать до окна. Но ловкостью Эрда он не обладал. Светлорожденный положил меч на стол и поспешил ему на помощь. Он перегнулся через подоконник и протянул хограну обе руки. Темное лицо Рхонга расплылось в улыбке... И вдруг исказилось. Возглас ужаса вырвался из его рта: Рхонг глядел внутрь комнаты.

Эрд, лежавший на животе, мгновенно перекатился на спину, и удар меча пришелся на полированную поверхность подоконника. Светлорожденный вскочил на ноги и увидел своего врага... Нассини!

«Нет! – сообразил он. – Похожа на Нассини! Но моложе и немного выше ростом».

Нужно было догадаться, что у соххоггой есть жена! И ребенок! Сто демонов Тьмы! Он же слышал плач!

Собственный меч Эрда лежал в десяти шагах, на столе. Соххоггой стояла между воином и его оружием. Двумя руками она сжимала меч своего мужа. И женщина умела им

¹⁴ Даг – кинжал для левой руки.

пользоваться! Эрд убедился в этом через мгновение. Темный клинок в ее руках летал! Эрд парировал кинжалом, безуспешно пытался поймать клинок шипами браслета, уворачивался, но дважды только крепость кольчуги спасла жизнь светлорожденному. А соххогоя, похоже, развлекалась! И вдруг она вскрикнула и быстро попятилась к окну. Эрд стрелой метнулся к мечу, схватил его, но соххогоя уже лежала спиной на подоконнике, и маленькая рука в кожаной рукавице сдавливала ей горло. Женщина дергалась, как безумная, и яростно крушила мечом оконную раму, но сила ее быстро иссякала. Из-за ее плеча Эрд увидел сосредоточенное лицо вагара.

Соххогоя потеряла сознание, и Биорк отпустил ее. Женщина съехала на пол. Правая рука хозяйки Владения по-прежнему сжимала меч.

– Харса! – сказал Биорк одобрительно и перелез через подоконник.

Затем отцепил от воротника соххогоя свой трезубец с тонкой цепочкой. Раскрутив, вагар метнул его во флаг и, упершись ногой в подоконник, подтянул желтое полотнище с висящим на нем Рхонгом.

Порядком измучившийся урнгурец с облегчением ощутил под собой твердый пол.

– Есть здесь еще соххогоя, как полагаешь, светлейший? – спросил Биорк.

– Да, – сказал Эрд. – Один. Но – не опасный.

– ?

– Младенец! Я слышал его плач!

К вечеру следующего дня армия сирхара увеличилась вдвое. А Владение наполнилось людьми из окрестных селений. Сюда прибыли даже с полсотни конгайских солдат. Их задачей было поддержание порядка, но, учитывая значительное численное превосходство урнгрия, они на соблюдении закона не настаивали.

Рех оказался незаменимым помощником. Только благодаря его энергии и умению каждый, будь то воин-урнгрия, бродяга или любопытствующий земледелец, имел крышу над головой и ужин в животе. Запасов пищи во Владении оказалось вдоволь. Лишь вино по распоряжению Биорка хранили под замком.

Особенно «нежные» отношения установились у Реха с бывшими стражами соххогоев, а теперь – солдатами-гвардейцами под рукой Эрда. Каждый из них накопил изрядную сумму денег и совсем не хотел ее потерять из-за превратностей войны. Рех сумел им помочь. Он же съездил в Банем, ближайший крупный город, и организовал прибытие большого каравана с оружием. После сокращения торговли с Урнгуром там накопился изрядный его запас. Теперь у сирхара появилась пехота – девять полных сотен, сотня верховых лучников и человек триста – для строительных и хозяйственных работ.

Замок соххогоя наскоро обыскали. Оружие, деньги и часть ценных предметов победители изъяли (надо же как-то оплачивать военную кампанию), половину земель распределили среди местных жителей. (Бумаги были скреплены личной печатью Сантана, на которой банемский гравёр вырезал слово «Освободитель».) Половину земель оставили при замке. Кому он будет принадлежать в будущем, было пока не ясно. Местным жителям поручили разобрать окружавшую Владение стену, за что те и взялись немедленно и с большим энтузиазмом. Работа, конечно, не простая. Зато хороший камень в хозяйстве всегда пригодится. Решена была и судьба бывших хозяев Владения.

Сад Увеселений здешнего Властителя оказался невелик – десятка два растений-пожирателей, привезенных из Гибельного Леса. Стена из сплошного камня в десять локтей высотой, покрытая сверху особым составом, окружала его. Надо всем пространством Сада тянулась паутиная сетка. Для тепла. Спор хищных растений опасаться не стоило – зимой здесь слишком холодно для южан. Кстати, и скудность Сада объяснялась не скарденностью владельца (на подобное ни один соххогой не станет жалеть денег!), а прохладным горным климатом.

С самого утра по приказу Биорка к стенам Сада подтянули баллисты с запасами

огненных снарядов. Сад решено было предать огню. Но перед этим растениям-хищникам, которых уже не первое столетие хозяева Владения подкармливали человечиною, следовало получить свою последнюю жертву. Собственных «кормильцев».

Руки соххоггоев были связаны за спиной. Нужно отдать им должное: и мужчина, и женщина держались достойно. Разговаривали только между собой. Оба были еще молоды: женщине не больше двадцати лет. Эрд даже предложил оставить ее в живых, но воспротивился Санти. Юноша заглянул в мысли хозяйки дворца, и увиденного ему хватило, чтобы никогда больше не касаться умов соххоггоев.

– Ее смерть, – сказал Санти, – бесценный подарок Жизни!

Казнь была закрытой. Оповестили лишь тех, без кого не обойтись. Только дикари превращают убийство в зрелище.

Стальные врата Сада раскрылись и пропустили своих хозяев. Через какое-то время за стеной послышался шум, и еще через минуту – короткий вскрик мужчины. И все.

– Они мертвы, – сказал Санти вагару.

– Жги, – скомандовал Биорк, и огненный поток обрушился на проклятое место.

Вмиг сгорела легкая паутинная сетка. Хруст, треск, скрежет за каменной стеной утонули в вое пламени.

Ни один снаряд, к удовольствию Биорка, не упал за пределами Сада Увеселений.

О казни было объявлено во всеуслышание, когда остыл пепел.

Что же до младенца, девочки четырех месяцев от роду, то ее вместе с кормилицей передали одному из купцов, привезших оружие. По распоряжению Биорка, ребенка следовало отправить на север, в Империю. Когда девочка вырастет, ни она сама, ни жители городка, где ей предстояло провести два десятка лет, ничего не будут знать о ее происхождении. Но Биорк обещал связаться со светлейшим Володом и ввести его в курс дела: на случай, если в ребенке со временем проявится кровожадная соххоггойская натура.

Первое Владение пало одиннадцатого дня третьего месяца весны, но в историю почему-то вошел не одиннадцатый, а четырнадцатый день, когда армия Санти, состоявшая теперь из тысячи с небольшим урнгрия Биорка, девяти сотен пехотинцев, полусотни гвардии, ста верховых лучников и трех сотен сопровождающих, двинулась на восток. Причем самого Санти с ними в тот день не было.

III

«В начале Ничто было. Затем – Великий Истинный. И сотворил соххоггоев. И Мир для них сотворил, чтобы жили. Но изшел из Ничто в Мир Осквернитель. И дал тогда Истинный Миру имя – Морок. А прежде другое имя было. А соххоггоев Истинный от Морока уберег – наизнанку вывернул, все лучшее, сокровенное внутрь упрятав, а снаружи лишь гладкое да безвкусное оставил. Для Осквернителя».

Надпись, сделанная на замкоёвом камне
входной арки дворцового сада великого Ангана

– Нахожу, что Владение твое мало похоже на то, каким было оно во времена верного моего Спардухха.

Золотая Маска с пятнами голубой краски на скулах носила выражение разгневанного лица, но по губам, видневшимся в прорези, нельзя было сказать, гневается ли Великий Анган или удивляется.

– Ты находишь сие отвратительным? – спросила Нассини и украдкой потрогала низ живота.

– Еще не знаю, – Повелитель Конга хлебнул привезенного с собой напитка. Нефритовый кубок, из которого он пил, тоже принадлежал ему. И это естественно: Владыка Конга не пользуется посудой Нассини, но лишь своим кубком из благородного белого

нефрита, камня, что лишает яд силы. Пусть в Великом Ангана, как в каждом из созданий Истинного, с детства воспитывали устойчивость к ядам, но искусство отравления – одна из излюбленных наук соххоггоев, и глубокая тайна окружает каждую из новинок. Отрави один Властитель другого, остальные лишь восхитятся искусством отравителя.

Взгляд жабьих глаз Великого Ангана в длинных горизонтальных прорезях Маски лишен выражения. С бледного лица Нассини он переключается на настороженные лица ее телохранителей.

– Странные у тебя воины! – произнес Правитель Конга скрипучим фальцетом.

– Не думаю, что они служат мне хуже, чем твои – тебе, возлюбленный мой повелитель! – Нассини уже много лет не разговаривала с другими соххоггоями, ни с кем, кроме Муггана. Ей было трудно улавливать суть слов, в которые облекались мысли Правителя Конга.

– Вот как? Но они не ненавидят тебя так, как должно.

– Должно? Разве Великий Истинный не дал нам свободу от всякого «должно»?

– Что есть «Великий»? – Глаза Великого Ангана помутнели.

Нассини пододвинулась к нему поближе – так, чтобы ощутить тухловатое теплое дыхание, исходящее из приоткрытого рта.

Закованные с ног до головы в железо охранники Великого Ангана тоже придвинулись.

И телохранители Нассини, заметив это, в свою очередь, сделали шаг вперед.

Взгляд Великого Ангана вновь обрел остроту.

– Ты вожделеешь ко мне! – произнес он обвиняющим тоном.

Нассини ответила ему откровенно похотливым взглядом.

– Отодвинься! – неприязненно сказал Великий Анган. – В тебе нет остроты.

– Ты убежден?

– Отправь прочь своих телохранителей, чтобы я мог убедиться!

– Нет! – Нассини знала, что произойдет, если она останется без охраны. Такой исход не отвечал ее понятиям о наслаждении и искусстве.

«Туповат, – подумала она. – Но хитер! Я добьюсь желаемого!»

«Недостаточно молода, чтобы радовать тело, и недостаточно зрела, чтобы потрясти чувства, – подумал Великий Анган. – Можно было бы исправить сие, сняв с нее кожу, но она вряд ли согласится».

Великий Анган знал, что никто из его родичей не торопится прежде срока покинуть мир Морока, как бы ни поощряла традиция тягу к скорейшей смерти. Многим собственная смерть, даже организованная по личному вкусу, казалась неописуемо скучной. Впрочем, отправить своего родича в лоно Истинного любому из соххоггоев казалось весьма привлекательным и изысканным. Взять жизнь человека своей крови – совсем не то, что позабавиться с ничтожными. Разумеется, и приобретаемое богатство не казалось лишним.

– Я готова показать моему повелителю неизведанное! – Глаза Нассини алчно вспыхнули.

– Все изведано мною в Мороке! – высокомерно отозвался Правитель Конга. – Нынче ж я проголодался!

Великий Анган встал. Он был очень высок и очень тучен. Такое среди соххоггоев, худощавых и малорослых, встречалось крайне редко. Живот его, затянутый в испещренную яркими цветными пятнами парчу, колыхался при ходьбе, как наполненный вином бурдюк. Но двигался Великий Анган легко.

– Пойдем, соххоггоя, выберем из твоих рабов одного – для трапезы!

Нассини сделала гримаску за его спиной, но противоречить не стала:

– Кого бы ты желал? Юношу? Девушку?

– Мальчика! Они пикантнее! – Великий Анган причмокнул губами, выкрашенными по обычаю в алый цвет крови.

– Мы идем в Зал Представлений! – обернулась соххоггоя к Сихону. – В Малый Зал, тот, что в правом крыле! Приведи туда дюжину юнцов! Светлейшая Власть выберет наилучшего!

Сихон поклонился и вышел. Лицо его осталось бесстрастным. Много лет прошло со смерти Спардухха, а Великий Анган Конга был таким же соххоггом, как и Спардухх. Разве что более осторожным, более хитрым, а вдобавок унаследовавшим не заурядное Владение, а дворец в Далаанге. И все же Великий Анган был обычным соххоггом, и привычки его были привычками обычного соххогго. Каков же обычный соххоггой, что он любит и как любит, Сихон не смог бы забыть, проживи он хоть тысячу лет.

Ложа Малого Зала Представлений, широкие, мягкие, очень удобные ложа давно уж не согревались теплом живых тел. Два десятка слуг с лихорадочной поспешностью приводили зал в порядок, когда Великий Анган, сопровождаемый Нассини, вошел.

Начальник Стражи Великого Ангана обшарил зал взглядом из-под откинутого забрала. Ничего подозрительного: низкий потолок, гладкие стены, десяток лож вокруг только что расстеленного ковра. На всякий случай он открыл вторую дверь и выглянул в пустой коридор.

Великий Анган тяжело опустился на застланное мехом ложе.

– Где? – спросил он, шумно вздыхая.

В зал вошел Сихон. Два стражника вели двенадцать юношей от четырнадцати до семнадцати лет. Начальник Стражи Великого Ангана напрягся и подозрительно уставился на Сихона. Тот понял его взгляд и тотчас отослал двух лишних воинов.

– Он трусит, этот хуруг! – приподнявшись на носки, шепнул в ухо Начальнику Внутренней Стражи Шуорд.

– Он выполняет долг! – почти не шевеля губами, ответил Сихон.

Великий Анган вскочил с ложа и рысцой подбежал к приведенным юношам.

– Раздеть их! – приказал он. И три его охранника бросились срывать с перепуганных отроков набедренные повязки.

Великий Анган, грузный, огромный, топтался вокруг них, щупал, обнюхивал, дергал за волосы...

– Великолепный может не ограничивать себя одним... – начала Нассини.

– Не порти мне удовольствие! – грубо оборвал ее Великий Анган. Почти полчаса он мял и теребил дрожащих от ужаса отроков, пока наконец не сделал выбор. Остальных тут же увели.

Выбранный – стройный юноша с тонкой кожей, рыжими волосами и влажными темными глазами, застыл бледный, дрожащий, готовый вот-вот потерять сознание от ужаса.

На белом лице Нассини выразилось сожаление: именно этого она предпочла бы оставить себе.

Великий Анган, вполне довольный, впервые обратился к ней на языке детей Истинного. До этого они говорили на конгаэне, подчеркивая незначительность затронутых тем.

– Как ты порекомендуешь с ним поступить? – И, не ожидая ответа, продолжал: – У меня есть один умелый повар! Он насаживает их на два вертела! Один втыкает в зад, а второй – в правое плечо! Да так ловко, что ни один важный орган не заденет! Вели развести огонь в очаге! Мы поджарим его и насладимся!

Но в голове Нассини уже возникла идея:

– О, позволь, великолепный, проделать это моему палачу!

Великий Анган нахмурился. И, заметив это, соххоггоя поспешила добавить:

– Его приготовят по твоему усмотрению! Но сначала я покажу тебе нечто изысканное!

– Делай! – согласился заинтригованный Великий Анган.

– Позови Хумхона! – велела соххоггоя Начальнику Внутренней Стражи.

– Он здесь, – ответил Сихон. – Эй, лекарь!

Евнух вошел. Большой, мягкий, вкрадчивый. Он приблизился к Нассини, и та шепнула ему на ухо несколько слов. Евнух кивнул, поклонился и подошел к рыжеволосому юноше.

У того при приближении евнуха от ужаса застучали зубы.

– Ты умрешь, – прошептал ему евнух. – Но тебе очень повезло, малыш, ты умрешь

быстро.

Облапив его длинными руками, Хумхон выхватил из-под одежды отточенное стальное шило и с отработанной быстротой вонзил его в крестец юноши. Тот пронзительно закричал, но второй удар шила, пробивший затылок, оборвал его крик.

Осторожно опустив на ковер мертвое тело, евнух сделал несколько шагов назад и остановился.

– Он убил его! – возмущенно вскрикнул Повелитель Конга.

– Умертвил, – уточнила соххогоя, поднимаясь. – Умертвил особенным способом!

– Особенным? – Великий Анган недовольно хрюкнул, а соххогоя удовлетворенно улыбнулась. Именно такой реакции она и добивалась.

– В чем же эта особенность?

– Ты слышал, как он закричал?

– Ничего особенного, – проворчал Великий Анган. – Мои ничтожные так кричат часами.

– Мне жаль, что ты не оценил его крика, – с легкой, почти неуловимой насмешкой проговорила Нассини. Ее высокий гость сердился, и это было хорошо. – Пусть твои люди приготовят мясо, как ты пожелаешь. А мои – помогут. – Нассини доверяла Великому Ангана не больше, чем он – ей. – Позволь мне удалиться? – попросила она.

– Удались! Я пришлю за тобой, когда трапеза будет готова!

Нассини, расслабившись, лежала в маленьком бассейне. Она обдумывала свой план. Совершенно ясно, что Великий Анган не останется в ее дворце больше чем на одну ночь! И не отпустит своих телохранителей, если она не отправит своих. А окажись они наедине, Владыка наверняка захочет отправить ее к Истинному. Разве это будет не славная шутка? Хотя с виду Великий Анган казался раскормленным неповоротливым бараном, Нассини не сомневалась, что у него, как у любого из детей Истинного, есть природное чутье на опасность. А силой и быстротой Великий Анган намного превосходит ее. Не будь этого, его род не занимал бы дворец Правителя Конга столько лет. И воины у него лучше. Хотя внутри Владения их меньше, чем стражников. Ничего, у Нассини есть кое-что в запасе!

Обедали они в Малом Пиршественном Зале правого крыла дворца. Овальный стол был накрыт. Причем одна его половина предназначалась Владыке Конга, а вторая – хозяйке. Все, кроме главного яства, было разделено. Великий Анган и крохотной виноградины не примет из рук соххогоя. А Нассини выбросит любимый кубок, если тот побывает в руках у ее повелителя.

Тем острее были ощущения от предписываемого ритуалом разделения главного блюда.

Великий Анган (два телохранителя не отходили от него дальше чем на шаг) подошел, переваливаясь, к этому блюду, установленному над маленькой жаровней. Наклонясь, потянул носом воздух, зажмурился.

– Совсем хорошо, – пробормотал он. – Можете подавать.

И уселся на приготовленное для него место.

Его человек, коему по праву надлежало отрезать первый кусок, протянул Сихону разделочный нож. Начальник Внутренней Стражи внимательно оглядел острое широкое лезвие, потер пальцем, подержал над самыми углями жаровни и лишь после этого вернул воину Великого Ангана. И не сводил с него глаз, пока тот по шву рассекал сшитую кожу и точными, отработанными долгой практикой движениями, отрубал лучшие куски и бросал их на золотое блюдо Великого Ангана. Сильный аромат пряностей коснулся ноздрей Нассини.

– О! – заметила она. – Отступление от традиции?

– Улучшение традиции! – поправил Великий Анган и причмокнул губами.

Перед ним поставили блюдо с горячим мясом. Схватив истекающий соком кусок, он руками запихнул его через нижнюю прорезь Маски в рот.

Нассини сделала глоток возбуждающего аппетит напитка и взяла кусок со своего блюда с помощью шелковой салфетки.

Владыка Конга, чавкая, жадно глотал мясо. Блюдо перед ним быстро пустело.

Когда он насытился и отяжелел, стоявший рядом стражник протянул ему мягкое полотенце. Великий Анган вытер губы и заляпанную жиром Маску.

– Дома то, что остается, я скармливаю хугг-нги!

– Хугг-нги? – переспросила Нассини.

– Такой зверек, похожий на червяка. Небольшой. Кладешь перед ним кусок, а он выпускает слюну. Мясо от нее начинает гнить. Очень быстро. У хугг-нги красный хоботок. Он погружает его в гниль и сосет, сосет! – Великий Анган пошевелил толстыми пальцами. – Это – зрелище, соххогоя! Жаль, что ты не увидишь!

– Увижу, если ты пришлешь мне одного! – сказала Нассини, желая подольститься.

Великий Анган захохотал:

– Нет! Это мое зрелище! Желаеть поглядеть? Приезжай в Далаанг!

– Нет, благодарю!

Они обменялись понимающими взглядами.

Великий Анган втянул носом воздух.

– Что за благовония? – насторожился он. – Я их не знаю!

– Шарики уки, сушеные и вымоченные в молоке! Покажи Владыке, Сихон!

– Не надо, – Великий Анган откинулся назад. – Я удаляюсь в свои покои. Пришли ко мне двух рабов, мальчика и девочку. Но не старше девяти лет!

– Я виновата, повелитель! – Нассини наклонила голову. – В моем Владении нет детей. Если ты пожелаешь, я пошлю...

– Нет! – отрезал Великий Анган. – Я желаю сейчас! Я недоволен! Ты удручаешь меня, соххогоя Нассини! Скука овладевает мной!

Нассини еще ниже наклонила голову:

– Если Сияющий соизволит пройти в мои покои, в сопровождении стражи, разумеется...

– Разумеется!

– ...Я покажу ему нечто занятное!

– Или – не очень! – Смешок Великого Ангана был похож на кашель. Но он догадывался, что желает показать ему Нассини. Слух о ее коллекции, достигший и его ушей, был не последней причиной, побудившей Великого Ангана прибыть во Владение.

– Если мне и тогда не удастся развлечь тебя, мой повелитель, то я предложу тебе остаться со мной наедине! – продолжала соххогоя. – Я отправлю своих телохранителей! – быстро добавила она. – Но ты волен поступить, как желаешь!

Великий Анган рыгнул. Маленькие глазки уставились на Нассини из горизонтальных прорезей Маски.

– Ты так уверена в том, что собираешься мне показать? – спросил он.

– Да! – В голосе Нассини звучало предвкушение успеха. И Великий Анган оставил свои подозрения.

– Хорошо, – сказал он. – Идем!

– Занятно! – проговорил Владыка Конга, вертя в руке фаллос. – Это Спардуххов?

– Да, мой повелитель!

– А который – твоего сына Муггана?

– Вот этот, Сияющий!

– Вдвойне занятно! О подобном я не слышал, соххогоя! – Великий Анган щелкнул ухоженным ногтем по лакированной поверхности головки фаллоса. – Занятно, но... – он устремил на Нассини взгляд из прорезей Гневающей Маски, – ...твое развлечение не согрело мне живот!

– Разве, мой повелитель? – Нассини не смотрела на него. Она и не рассчитывала на иное.

Великий Анган подошел к ней вплотную:

– Твои покои – рядом?
Глаза Нассини были на уровне его жирной груди.
– Да, мой повелитель! – отвечала она чуть слышно.
– Фун!
– Я, Великий Анган! – откликнулся Начальник Стражи Повелителя Конга.
– Ты сопроводишь меня в покои соххоггой! Остальным удалиться! Вместе с ее людьми!
– Властительница? – воскликнул Сихон, симулируя удивление.
– Да будет так, как сказано, – еще тише произнесла Нассини. – Ждите меня снаружи! Что бы вы ни услышали – не входить!
– Да, да! – поддержал Великий Анган. – Никому не сметь нас беспокоить! Фун, проверь!
– Это – там! – показала Нассини.
Телохранитель Великого Ангана скрылся за дверью. Его не было довольно долго. Потом воин вышел и кивнул головой.
– Идем! – сказал Великий Анган.
Комната, в красных тонах, без мебели, озаренная рассеянным светом, понравилась Великому Ангану. На густом толстом ковре не было ничего, кроме курительницы, сейчас погашенной. Под ковром, залитое в непроницаемые мешки, волновалось подогретое масло.
Нассини отошла на несколько шагов, повернулась.
– Я – в твоих желаниях, – произнесла женщина.
– Угу... Фун! Сними с нее одежду! Только оде-жду!
Великий Анган неторопливо улегся на пол, подпер голову рукой:
– Начинай, Фун!
Телохранитель Великого Ангана приблизился к Нассини. Ростом он немного уступал своему господину, но весил, пожалуй, столько же. Только там, где у Великого Ангана был жир, под черной кожей Фуна перекачивались каменной твердости мускулы. Но руки его оказались ловкими и умелыми.
Одну за другой, аккуратно, неторопливо снимал он части одежды: накидку, верхнее платье из шитой серебром парчи, нижнее платье из нежного голубого шелка, тонкий шарф из прозрачной ткани, поддерживающий груди, серебристую юбку из разрезных струящихся лент, набедренную повязку, намотанную так, чтобы лобок оставался открытым. Каждый предмет телохранитель Великого Ангана аккуратно сворачивал и клал на ковер. Педантично следуя указанию господина, он не тронул ни украшений, ни обуви – туфель из тонкой светло-розовой кожи, точно повторяющих не только форму, но и внешний вид ноги.
– Ты умел! – милостиво произнесла соххоггой. – Возьми в подарок! – Она протянула ему правую руку и указательным пальцем левой дотронулась до прекрасно ограненного голубого камня, украшавшего золотой перстень на ее мизинце.
Фун сделал вид, что не услышал ее речи.
– Возьми, – позволил Великий Анган.
Только тогда воин взял кисть Нассини затянутой в белую перчатку рукой, двумя пальцами бережно снял перстень и спрятал его в карман на рукаве куртки.
– Благодарю, Властительница! – И обернулся к хозяину, ожидая нового приказа.
– А теперь мы... – масляным голосом проворковал Владыка Конга. – Эй, что с тобой? Фун вдруг судорожно втянул воздух и повалился на ковер.
Едва воин пошатнулся, Великий Анган с удивительным для его туши проворством оказался на ногах, выхватил из ножен своего телохранителя меч и устремился к Нассини...
– Каково это, служить хозяину Конга? – спросил Сихон у воина бурчаданну из телохранителей Великого Ангана.
– Платят нормально! – отрезал гурамец.
Он не собирался вступать в беседу. Конечно, стражники соххоггоев не питают вражды

друг к другу, но без малейших сомнений прикончат коллегу, получив приказ хозяина. Бур-чаданну не боялся, но был настороже.

Сихон вежливо улыбнулся. Он ждал.

Бур-чаданну мигнул. Прошло несколько минут. Он снова мигнул.

Внезапно все три телохранителя Великого Ангана одинаково вздохнули и разом сползли на пол.

Сихон приложил палец к губам. Двое стражей Нассини, для которых произошедшее тоже было неожиданностью, ничем не выразили удивления.

Поманив их за собой, Сихон вошел в покои хозяйки. Перед дверью, за которой находились Великий Анган и соххогоя, Сихон остановился. Приложил ухо к стене. Еще раз знаком показал: тихо! И вы– тянул из кармана штанов длинный шелковый шнурок.

Нассини не сдвинулась с места.

– Ты хочешь взять меня просто так? – удивленно спросила она.

Великий Анган опомнился.

– Нет! – Он остановился в двух шагах от соххогоя и коснулся мечом ее рта.– Но я еще не решил, как ты уйдешь! Скажи, зачем ты убила моего слугу? Он был ползень!

– То, что между нами,– не для ничтожных! – надменно произнесла соххогоя.

– Это был яд?

– Да. Он растворен в воздухе и лишен чувственных качеств! – сказала она не без тщеславия.– Нам он не вредит. Только – ничтожным! Забудь о нем! Повелитель! Я предлагаю тебе себя!

Великий Анган мечом, по очереди, приподнял груди Нассини:

– Думаешь, я соглашусь?

– Ты – Великий Анган!

– Да!

Узкий длинный клинок сверкнул в воздухе и прочертил алую полосу на два пальца ниже пупка Нассини. Неглубокою.

Ни один мускул не дрогнул на лице соххогоя. Она стояла, не шевелясь, опустив руки вдоль бедер, откинув назад голову с белыми распущенными волосами. Ожерелье из больших крупно ограненных рубинов контрастировало с бледной до голубизны кожей.

– Ну, посмотрим,– задумчиво проговорил Великий Анган, вкладывая острый кончик меча в рану и медленно проводя им справа налево.

Кровь потекла обильней, запятнав лезвие, оросив лобок, густыми струйками сбегая вниз, по худым стройным бедрам.

Нассини смотрела прямо в красные глаза, темнеющие в вырезах Золотой Маски. Ее собственные зрачки расширились, поглотив бледную голубизну.

– Соххогоя...– сдавленно произнес Владыка Конга и слегка повернул меч, расширяя рану. Дыхание Великого Ангана стало тяжелым и шумным.

Дверь за его спиной беззвучно отворилась. Крадучись, мягко ставя ноги на волнующуюся поверхность ковра, в комнату вошел Сихон. Нассини он не видел: его хозяйку полностью заслоняла туша Великого Ангана. Ростом Повелитель Конга был на ладонь выше Сихона. И намного тяжелее. У Начальника Внутренней Стражи появилось желание выхватить кинжал и ударом в спину прикончить жирную тварь. Но – приказ госпожи!

Отработанным движением Сихон набросил шнурок. Он учел, что на лице Великого Ангана – Маска, и подвел шнур не сверху, а снизу. Быстро обернув петлю, он уперся ногой в широкую мягкую спину.

Великий Анган выпучил глаза, захрипел.

Нассини позволила себе улыбнуться. Но она ни на мгновение не забывала, кто перед ней. Потому, когда Владыка Конга с нечеловеческой быстротой извернулся и отбросил от себя Сихона, ее это не удивило. Меч Великого Ангана свистнул в воздухе. Сихон отпрыгнул и выхватил свой собственный.

«Надо было взять Шуорда!» – с тоской подумал он.

Сейчас Сихон жестоко раскаивался, что не захотел делить заслугу с коротышкой.

Концы шелкового шнура все еще висели на жирной шее Великого Ангана.

– Твой яд действует не на всех ничтожных! – пропыхтел Владыка Конга.

Он не спешил прикончить Сихона. Даже пара маячивших в дверях воинов не смущала его. Он – Великий Анган. И дюжина ничтожных – ничто против Владыки Конга. Поигрывая длинным мечом, он надвигался на Начальника Внутренней Стражи.

Сихон покрепче сжал свой собственный меч с надежным узким обоюдоострым клинком, крестообразной гардой и удобной рукоятью, обтянутой кожей. Превосходный меч фарангской работы. У Великого Ангана клинок чуть длиннее, и отделка его – дороже, тем не менее их мечи равны. Впрочем, равенство мечей не делало Начальника Внутренней Стражи фехтовальщиком, сравнимым с соххоггом.

Великий Анган стоял, широко расставив толстые ноги. Ни Сихон, ни стражники за его спиной, также выхватившие мечи, не решались подступиться к нему. Тяжелый меч, длиной в два локтя с четвертью, порхал в руке Великого Ангана, как крылышко медовницы. Соххоггой мог в три удара прикончить всех троих, но предпочел подразнить их, заставить пообливаться потом от страха...

Нассини изучала широкую спину Великого Ангана, покрытую короткой пурпурной мантией из толстой паутинной ткани, тяжелую от вплетенных в полотно золотых нитей. Сапоги из желтой кожи, высокие, до колен, обтягивали широко расставленные могучие икры Властителя. Нассини искала место, куда можно нанести удар. Мантия и сапоги. Открыта только белая полоска кожи между коротко стриженными волосами и отороченным мехом воротником мантии. Но шея Великого Ангана располагалась слишком высоко для Нассини. И все же она нашла!

Соххоггоя отогнула вверх большой палец левой ноги. Тонкая игла выскочила из подошвы туфли. Тонкая полая игла. Такой не пробьешь ни кожу сапог, ни толстую паутинную ткань мантии, но...

Миг – и маленькая ножка Нассини, подбросив голенью край тяжелой мантии Великого Ангана, нырнула между расставленных колонноподобных ног. Игла, легко проткнув несколько слоев легкого шелка, без сопротивления погрузилась в жирную мякоть между анусом и мошонкой.

Двенадцатичастный яд, составленный три года назад единственно для этого мига, подействовал мгновенно.

И этого мгновения хватило бы Великому Ангану, чтобы расправиться и с Сихоном, и со стражниками. Но Владыка Конга предпочел Нассини. Взревев, как разъяренный бык, он развернулся и ринулся на соххоггю. Но Нассини была той же породы. Она сумела увернуться от двух ударов. Третьего не последовало. Ноги Великого Ангана разъехались в стороны, будто он и впрямь был быком, оглушенным ударом забойщика. Огромная туша рухнула на ковер, по которому от места падения разбежались волны.

Нассини подошла к поверженному Владыке.

– Нож! – бросила она Сихону, с облегчением переводящему дух.

Начальник Внутренней Стражи протянул ей свой собственный кинжал для левой руки, острейший клинок в два пальца шириной и в локоть длиной. Нассини склонилась над Великим Анганом. Лезвие скользнуло вдоль толстой шеи, рассекло, чуть нажав, ремешки Маски.

У Владыки Конга было широкое, белое, одутловатое лицо. Глаза, розовые, глубоко посаженные, под белесыми бровями, не выражали страха. Действие яда Нассини было таково, что Великий Анган не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, но оставался в полном сознании и не утратил чувствительности тела. Говорить же – не мог.

Нассини с благоговением разглядывала Золотую Маску. Древний атрибут Владыки Конга, она была не отлита, а выкована из тонкого листа красного золота. Вправленные в налобную часть самоцветы полыхали внутренним огнем. Изнутри Маска была проложена

мягкими валиками. Нассини прижала ее к лицу и вдруг разразилась хохотом. Даже Сихон вздрогнул от неожиданности.

И, будто вызванный ее полубезумным смехом, в комнате появился Хумхон. Не обращая внимания на Великого Ангана, лекарь опустился на колени рядом с хозяйкой, прижимавшей к лицу Золотую Гневную Маску, и с озабоченным видом принялся разглядывать рану на животе Нассини. Потом вынул из сумки тампон и так же озабоченно принялся протирать разрез желтой пахучей жидкостью. Промыв, он наложил лекарство и заклеил рану листом икки. Евнух не старался быть осторожным: в теперешнем ее состоянии Нассини воспринимала боль как удовольствие.

Подняв с ковра свою набедренную повязку, Нассини обернула ею личину Владыки Конга и передала Сихону.

– Все – вон! – приказала она. – Хумхон! Будь рядом! Ты понадобишься!

Когда за мужчинами закрылась дверь, Нассини разожгла курильницу. Дым, розовый в красном свете, струйками просочился из ажурных прорезей.

Нассини наклонилась над Великим Анганом, погладила тонкими пальчиками с длинными острыми ногтями пористую кожу Владыки Конга.

– Я ждала тебя, Повелитель! – проговорила она нежно. – Я так тебя ждала! Ты не разочаруешь меня, правда?

Кинжалом Сихона она принялась срезать с лежащего драгоценные одежды. Великий Анган наблюдал за нею, вращая налитыми кровью глазами яблоками. Его толстые губы подрагивали: он силился что-то сказать.

Соххогоя вспарывала ткань длинным острым лезвием и улыбалась.

– Ты не разочаруешь меня, да? Не разочаруешь? – нашептывала она, расстегивая пряжку широкого ремня. В пряжке был укрыт миниатюрный кинжальчик размером с палец. Соххогоя вынула его, поднесла острие к самому зрачку Великого Ангана:

– Он отравлен, да? Конечно, он отравлен!

Зрачок сужался и расширялся, как у рассерженного кота.

– Но я не хочу, чтобы ты умер, – проговорила соххогоя. – И ножик твой... он такой хороший! Погоди!

Она грациозно поднялась, подошла к курильнице и сунула лезвие в кучку раскаленных углей. Дым тотчас потемнел.

– Конечно отравлен! – проворковала соххогоя. – Ты не разочаровал меня, мой великолепный повелитель! Но теперь он очищен! Очищен, но не освящен! – Выхватив маленький нож из углей, Нассини в тот же миг вонзила его в жирное плечо Великого Ангана.

Коротенький клинок зашипел, погружаясь в тело, и запах горелой плоти ненадолго перебил аромат курений.

Нассини выдернула кинжальчик и обтерла его собственными волосами.

– Какой красивый! – прошептала она. – Можно, я оставлю его себе, мой великолепный повелитель? Тебе ведь он больше ни к чему, правда?

И, вновь взяв кинжал Сихона, распорол шелковые шаровары Великого Ангана.

– Ты ведь не разочаруешь меня, верно? – проговорила она хрипловатым голосом.

Полая игла еще торчала там, куда воткнулась после удара ее ноги. Соххогоя выдернула иглу, поцеловала ее и отбросила в сторону.

– Ты не разочаруешь меня?

Поверженная туша Великого Ангана возвышалась на ковре, как могильный холм. Худенькая Нассини, прикидывая к нему, казалась ребенком, оплакивающим смерть близкого человека.

Красные огоньки играли на отполированной стали широкого лезвия.

– Ты не разочаруешь меня?

Хумхон, притаившийся за дверью, слышал каждый звук. Его тело, такое же огромное и жирное, как тело Великого Ангана, сотрясилось мелкой дрожью.

Крохотным кинжальчиком Нассини надрезала дряблую кожу на горле Владыки Конга и

по очереди окунула в кровь кончики сосков. Затем, усевшись на круглое брюхо Великого Ангана, прочертила тем же кинжальчиком алую дугу вокруг своего пупка и, наклонясь, смочила собственной кровью верхушку детородного органа.

Владыка Конга не мог видеть, что она делает, но догадывался. Он по-прежнему не мог шевельнуться, хотя его телесные ощущения невероятно обострились.

Он видел, как ягодицы Нассини, сидевшей верхом на его животе, словно на спине парда, приподнялись. И ее прикосновения Великий Анган чувствовал с необыкновенной остротой. То были более сильные ощущения, чем те, что испытывал он прежде, а Великий Анган любил сильные ощущения и стремился к ним со всей искушенностью, силой и возможностями Владыки Конга. Теперь он был не в состоянии волей удерживать страсть тела. Тело не подчинялось своему хозяину.

«Не будь она – женщина, – подумал он, когда его сперма смешалась с кровью Нассини, – она была бы достойна Маски!»

Узкое маленькое личико приблизилось к широкому, пухлому, как свежая мучная лепешка, лицу Великого Ангана.

– Ты не разочаруешь меня, мой повелитель? – шептала соххогоя, вгрызаясь острыми зубками в толстую щеку. – Ты не разочаруешь меня?

– Что надо? – грубо спросил Шуорд, загораживая вход во Владение. – Ваших уже довольно вну-три!

«Надеюсь, Сихон успел прикончить всех!» – Шуорд, уже не десятник, а Начальник Внешней Стражи, подбоченясь, уставился на широкоплечего воина в чешуйчатом панцире.

– Я желаю видеть Фуна, начальника! – властно произнес воин, кладя широкую ладонь на украшенный бериллом эфес меча. – И ты пропустишь меня, коротышка! Или я насажу тебя на навершие твоих ворот!

– Не груби! – бросил Шуорд. – Твой Фун – со своим повелителем! А повелитель – с владычицей Нассини! Если ты настаиваешь, я пропущу! Но не всю вашу свору, а только двоих: тебя и вашего палача! Когда ты прервешь уединение соххогоев, он им понадобится!

– Ты, коротышка, кое-чего не знаешь, но я тебе скажу! – Широкоплечий осклабился. – Наш Великий Анган повсюду возит с собой прорицателя! А тот, не уставая – не дай ему боги устать! – следит за нитью жизни Величайшего: не стережет ли Великого Ангана какая опасность?

«Однако!» – обеспокоился Шуорд. Но вслух сказал:

– Нет! Я не знал! Моей Властительнице довольно мечей стражи, чтобы ее жизнь была в безопасности! Но если ты думаешь, что бормотание колдуна что-то для меня значит, ты ошибаешься!

– Оно значит для меня, ублюдок! – рявкнул широкоплечий. – И если ты...

– Если я не уступлю, ты наделаешь в штаны, и мне придется отойти от твоей вони? – глумливо произнес Шуорд. – Нет, ты не учел: ветер в твою сторону!

Воин Великого Ангана выплюнул под ноги комок жвачки и с лязгом уронил забрало шлема. На такое оскорбление он обязан ответить сам!

– Я распорю тебя вдоль, тебя, недомерок! – выдохнул он.

– Или обосрешься! – Кривые мечи уже были в руках Шуорда.

«Прикончу коротышку, – подумал наемник Великого Ангана. – Тогда и с остальными хлопот не будет!» И выхватил меч. Он чувствовал абсолютную уверенность, неудивительную для десятника лучших в стране бойцов.

Воины Великого Ангана стояли полукругом в двадцати шагах от ворот Владения. Судно, на котором они прибыли, было пришвартовано у деревянного причала, слишком короткого для шестипалубного боевого корабля.

– Это верно, что Великий Анган в опасности? – спросил один из стражей Владыки Конга, молодой эдзак, нанятый лишь месяц назад.

– Возможно, – ответил его сосед.

– Тогда зачем Орт тратит время на этого парня? – удивился эдзак. – Я прикончу его! – И новичок потянул из чехла лук.

Сосед схватил новичка за руку:

– Дурень! А потом Орт прикончит тебя! Мы же воины! Хозяина защищаем вместе, но честь свою каждый защищает сам! Этот недомерок – такой же воин, как Орт! И он – в своем праве! Мог бы и сам потребовать поединка. Орт выражений не выбирал! Он такой, Орт Краснорожий! Да не бойся! Коротышку он зарежет быстрее, чем овцу! И полуминуты не пройдет!

Но у самого Орта уже не было такой уверенности. Собственно, у него не было ничего: ни уверенности, ни службы, ни имущества. Все это ушло от него вместе с жизнью, когда острие кривого клинка проникло в прямоугольную прорезь забрала, а оттуда, через глазницу, – в мозг Орта, прозванного Краснорожим.

Шуорду потребовалось меньше полуминуты.

– Закрывать ворота! – прогремел сверху голос Сихона. – Арбалетчики – огонь!

Шуорд отскочил назад, створки ворот пришли в движение, а в стражников Великого Ангана полетели стрелы.

Но те не зря слыли лучшими солдатами Конга. Они молниеносно рассыпались в стороны, и лишь двое из них получили легкие ранения.

– Они могут прорваться где угодно! – сказал Сихон Шуорду. – А могут пустить в дело корабельные орудия!

– Корабль нужно отогнать! – сказал маленький мечник. – Дай команду баллистерам!

– А стены? Нас слишком мало, чтобы обороняться по всему периметру!

– Чтобы защитить все эти мили забора, – рассудительно отвечал Шуорд, – надо тысяч пятьдесят. Но они не станут нападать сразу со всех сторон, а когда нападут – посмотрим!

– Их не меньше полутысячи, и они крепче наших!

– Только боги знают все наперед! – возразил Начальник Внешней Стражи. – Так что перестань скулить и придумай что-нибудь, ты, хитрюга! – Шуорд хлопнул конгая по закованному в железо плечу. – Как госпожа?

– Наедине с этим!

– Он не опасен?

– Он был опасен! Но сейчас – вроде мешка с дерьмом! Скажу тебе, Шуорд: он едва не прикончил меня! Хвала Госпоже!

– Я тебе предлагал помощь! – не без злорадства заметил Шуорд. – Ты отказался! Из жадности, я полагаю?

– Не будем считать! – уклонился Сихон. – Оставь у ворот десяток человек, а остальных отправь ко входу во дворец!

– К которому из входов? Сихон! Я сам разберусь со своими людьми! Отправляйся-ка ты к Нассини и, когда она закончит, доложи!

– Без тебя знаю! – буркнул Начальник Внутренней Стражи. – Только вот когда она закончит?

Сотники Великого Ангана, все – огромные, широкие, стеной обступили маленького прорицателя.

– Живей тряси косточками, дед! – гаркнул чернобородый бур-чаданну, некогда – капитан пиратской шекки, сменивший свое ремесло на более прибыльное и безопасное.

– Отстань от него, Турн! – сказал гладколицый сотник, конгай по происхождению. – Пусть делает свое дело!

Старик между тем восемь раз встряхнул мешочек с гадальными костями, перевернул и, приоткрыв, выдал на пол три косточки. Воины, сгрудившись вокруг, затаили дыхание. Все три легли знаками вниз, а это было недоброй приметой. Одну за другой колдун перевернул их.

– Ох-хо! – вздохнул он. – Дым не обманул меня!

– Что говорят эти значки? – понизив голос, спросил не знавший искусства вопрошения Судьбы бур-чаданну.

Сидевший на корточках колдун сказал, не поднимая головы:

– «Мертв прежний властелин».

«Убегающий пард, потерявший всадника».

«Молния порождает гром».

Пораженные, воины молчали.

– Надо истолковывать? – спросил прорицатель.

Никто не ответил. Потом один из воинов все же сказал: «Нет!»

– Что решим, достойные? – спросил конгай-сотник.

Ответом ему было угрюмое молчание.

Стражам, потерявшим жизнь Великого Ангана, – единственная судьба: «Неторопливая смерть». Если тот, кто придет на смену хозяину, не решит иначе. Но даже медленная смерть занимает меньше времени, чем выбор нового Владыки.

Сейчас каждый искал для себя выход; и единственное, что приходило в голову, – бежать! Или – отомстить и бежать.

– Почему я должен доверять этим костям? – хриплым басом осведомился бур-чаданну. – Пока я сам не увижу, что хозяин – мертв, для меня он – жив!

– Кости не лгут, Турн! – возразил конгай.

– Лгут не лгут, а проверить надо! – рассудительно сказал другой сотник. – Клянусь Рогами Тура, нам ничего не стоит взломать эту загородку!

– А если Великий Анган жив? – спросил конгай. – Кто ответит?

– Да вот он! – Бур-чаданну, не раздумывая, указал на прорицателя.

– Ну хорошо, – решил и конгай. – Сдвигаем щиты и вперед!

– Стражники Великого Ангана – у ворот! – сказал Сихон.

Нассини, еще более бледная, чем обычно (кожа ее приобрела чуть зеленоватый оттенок), не смотрела в его сторону. На губах соххоггой блуждала вялая улыбка. Две испуганные служанки торопливо одевали ее.

Сихон подошел к окну, не спрашивая разрешения, поднял жалюзи. Порыв ночного ветра принес запах дыма и ритмичные звуки ударов. С высоты сотни локтей крохотные светящиеся огоньки не внушали опасения, но Начальник Стражи знал: ворота не таковы, чтобы долго сопротивляться. Баллисты на сторожевых башенках несколькими выстрелами отогнали боевой корабль на середину Фуа, но против штурмующих были бессильны: слишком близко. Даже арбалетчики перестали обмениваться выстрелами: нападающих защищали деревянные щиты, а оборонявшихся – стены. Доспехи же на тех и других – первоклассные.

«Сколько столетий никто не покушался на эту землю! – подумал Сихон. – Наверно, со времен Империи?» И вдруг он с предельной ясностью ощутил: Владение обречено.

– Нам сделать вылазку, госпожа? – спросил он. – Или ждать, пока они сломают ворота?

– Почему ты спрашиваешь, ничтожный? – Нассини медленно повернула маленькую головку. – Разве не твой долг – знать, как уберечь мою землю?

Заглянув в блеклые глаза, Сихон увидел в них совершеннейшую пустоту.

– Их много, госпожа! – напомнил он. – Больше, чем нас! Они пришли за Великим Анганом!

– Они... получают то, что хотят!

Сихон промолчал. От лекаря он знал, что Великий Анган мертв уже целый час.

– Дай мне Маску! – приказала Нассини.

Вынув крохотный стилет, она проделала две новые дырочки в золоченых ремешках и все с тем же отсутствующим выражением надела священный атрибут. Такой шаг был святотатством, и соххоггой понимала это. Но, с другой стороны, тот, кто надевал Маску Великого Ангана, сам становился Великим Анганом. Это Право Маски, ибо она была – от

времен, когда Разрушитель еще не пришел в Мир и Истинный не обратился в Морок.

Сихон испытал одновременно боль и облегчение. Боль – оттого, что не скоро увидит теперь лицо Нассини. А облегчение – потому, что понял ее мысль. Ничтожный, не выполнивший долга перед Владыкой, – предмет, потерявший ценность. Его уничтожают. Но если предмет находит другого хозяина – ценность восстановлена, ничтожный останется в живых. Так было и с самим Сихоном, когда умер Спардухх. Теперь же стражей Великого Ангана может спасти только новый Великий Анган. И они вынуждены будут признать Нассини! А если остальные Истинные сочтут поступок соххоггои не достойным Маски, то снять Маску с Нассини или изгнать ее из Дворца Великого Ангана, когда она прибудет туда, – не такая уж легкая задача!

– Носилки! – распорядилась Нассини. – Я иду к ним!

IV

«Если желаешь атаковать врага с Полдня, ударь сначала с Полночи – и проложишь путь Победе!»

Правило двадцать седьмое Мангхэл-Сёрк,
тайного искусства маленького народа

В пятнадцатый день третьего месяца весны армия Освободителя разделилась. Половина ее – урнгрия во главе с сирхаром – двинулась на юго-восток. А вторая половина – на север, по основному тракту, в сторону города Банем – с гарнизоном в три сотни солдат. Разделились они по предложению Биорка. Вагар был уверен, что конгай Санти во главе конгаев-солдат, скорее всего, не встретит сопротивления. А вот урнгрия, без сомнения, будут восприняты как враги.

С Санти остались Эрд и Ронзангтондамени с шестью слугами. Даже своих телохранителей Женщина Урнгура, по просьбе Санти, отпустила с сирхаром. Эрд подыскал ей новых телохранителей из числа стражей разгромленного Владения. Так же, как и для Санти. Преданность урнгрия не вызывала сомнений. Но стражи куда лучше знали свое дело. Эрд отобрал тех, кто владел мечом намного лучше, чем соображал. Более толковых светлорожденный поставил начальниками сотен. Он сам, Иллан и Ратсай составили воинский совет конгайской армии.

Спустя два дня урнгрия Биорка достигли следующего Владения.

План нападения, составленный Биорком, мало отличался от предыдущего. Уничтожив сторожевой отряд, охранявший Владение, урнгрия, воодушевленные прошлой легкой победой, ворвались внутрь. Но тут удача Биорку изменила.

Дворец, такой же хаотично великолепный, как и те, что Биорк видел прежде, имел, однако, существенное отличие, кардинально изменившее положение.

Его опоясывала стена.

Не забор, которым ограждались Владения, а настоящая крепостная стена в три человеческих роста высотой, мощная, с выступающими башнями и рвом шириной в двадцать шагов, заполненным водой. Мост был опущен, но, когда урнгуры хлынули по нему к воротам (Биорк не успел их остановить), из башен огненными снарядами ударили пристрелянные катапульты, и воздух огласился воплями обожженных.

Урнгуры поспешно отступили. А на самой высокой башне дворца засверкало зеркало, посылая весть о нападении.

От Владения до Дворца Великого Ангана – чуть больше шестидесяти миль. Через двадцать минут после того, как первая урнгульская стрела ударила в панцирь стражника, в Далаанге знали о нападении. И трое Исполняющих Волю спешно собрались, чтобы обсудить положение.

«Армия чужеземцев в тысячу всадников» – передал гелиограф.

И это, в общем, соответствовало истине.

Исполняющие Волю, трое еще не старых, умных, искушенных в интригах конгаев, были истинными правителями на всей территории Конга, кроме Владений. Но даже соххоггои зависели от них: размер дани, дважды в год поставляемой в каждое Владение, не был твердо установлен и мог быть увеличен или уменьшен по неофициальному распоряжению триумvirата. Так, например, Нассини осталась хозяйкой на земле рода Спардухха не без помощи Исполняющих Волю.

Исполняющие Волю были соперниками. Соперниками, но не врагами. Все они в молодости служили моряками-воинами, потом – капитанами боевых кораблей, затем – чиновниками на важных постах. Каждого из них вывел наверх кто-то из прежних триумvиров, но «Золотого Дракона» ¹⁵ каждый добился сам.

– Я уже велел известить Великого Ангана, что урнгурцы напали на Владение, – сказал Луасай, старший по возрасту в тройке.

– Урнгурцы? – спросил второй Исполняющий Волю, Унар. – С чего вдруг им нападать на Владение? Вы полагаете – это действительно Урнгур?

– Да уж не Хурида! – желчно произнес третий, самый молодой из них и самый честолюбивый, Керанраон, высокий красавец с сединой на висках, поджарый, как бегун. – Я всегда ждал подвоха от этих тварей!

– Ты много общался с урнгурцами? – поинтересовался Унар.

Немалая часть доходов от контрабандной торговли с Урнгуром оседала именно в подвалах Унара. Кесан ¹⁶, Кунг, Банем, весь северо-запад Конга находились под его контролем.

– Я трижды был в Чагуне ¹⁷! – отрезал Керанраон.

– Лет двадцать назад, я полагаю? – осведомился Унар.

– Двадцать шесть! Но я ничего не забываю, Исполняющий Волю Унар!

– Урнгур? – задумчиво произнес Луасай. – Урнгур... Наши западные земли почти не защищены! Даже здесь, в Далаанге, не более тысячи человек!

– У нас! – уточнил Унар, качнув крупной головой. – И столько же – у Великого Ангана! А, вот и гонец! – воскликнул он, увидев возвратившегося посланца.

– Ты быстро вернулся, человек! – сказал Луасай. – В чем дело?

– Ваша весть не дошла до Великого Ангана, высокие повелители! – Гонец поклонился. – Его стражи сказали: Владыка Конга отбыл два дня назад.

– Куда?

Гонец пожал плечами: кто спрашивает у Великого Ангана?

– Ладно, иди! – Луасай повернулся к соправителям. – Что будем делать?

– Я возьму тысячу наших солдат! – воскликнул Керанраон. – И, клянусь Рогами, от поганных урнгурцев останется только пыль!

– Возражаю! – сказал Унар. – Первое: не пристало Исполняющему Волю размахивать мечом! Второе: кто поручится, что в горах не засело в десять раз больше урнгурцев? А вдруг это – приманка? Великий Анган уехал и наверняка забрал с собой большую часть стражи! Дворец никак не укреплен! Я считаю: ни один солдат не должен покидать Далаанг! Надо

¹⁵ «Золотой Дракон» – знак-медальон, означающий, что носитель его – Исполняющий Волю, высшее должностное лицо после Великого Ангана.

¹⁶ Кесан, Кунг, Банем – города на севере Конга.

¹⁷ Чагун – торговый город в горах на южной границе Урнгура, Хуриды и Конга. Город, официально открытый для торговли, в то время как остальная часть территории Урнгура, по древним законам, для иноземцев запретна.

вызвать подкрепление из Междуречья!

– Согласен! – поддержал Луасай.

Самый молодой из соправителей буркнул что-то о старческой трусости, но – достаточно тихо.

– Я разошлю гонцов: пусть опросят соглядатаев! – сказал Унар. – Нужно побыстрее найти Великого Ангана! Если он, да не допустят этого боги, столкнется с урнгурцами...

Триумвиры переглянулись. Великий Анган был символом Конга. Единственным, по воле богов, правителем страны. Он олицетворял безопасность даже для Исполняющих Волю. Ведь каждый понимал: не будь Великого Ангана – первым стал бы кто-то из них, а для остальных это было бы концом властвования. Победитель оставит у подножия трона лишь тех, кто ему предан. Луасай и Унар привыкли к настоящему положению вещей, и оно их устраивало. А Керанраон понимал: если Великого Ангана не станет, двое тут же объединятся против него. Ведь он молод, честолюбив и захочет стать первым! И они правы, тысяча проклятых демонов!

– Великий Анган умирает, чтобы пришел новый Великий Анган! – напомнил Луасай.

– У нынешнего нет наследника, – заметил Унар.

– Разве мало у нас кандидатов? – засмеялся Луасай.

Засмеялись и остальные. Напряжение ушло.

– Я разошлю гонцов! – сказал Унар.

– А я займусь обороной! – произнес Луасай. – И не мог бы наш уважаемый Керанраон вызвать войска из Междуречья? Я дал бы письмо к командующему Фарангским гарнизоном, а на юге Междуречья слово Исполняющего Волю Керанраона – первое. Не так ли?

– Да, это так, – подтвердил тот.

И триумвиры разошлись, не заботясь больше о судьбе осажденного соххоггойского замка.

Урнгрия отступили, но не в обычае Биорка было оставлять дело незавершенным. Он прикинул количество защитников: около сотни. Наемники соххоггоя на открытом месте стоили трех урнгрия каждый. А уж на стенах, где невозможно драться единой массой, стражи секли бы солдат сирхара, как колосья в пору жатвы. Да будь Биорк Начальником Стражи, он немедленно сделал бы вылазку и перебил треть нападающих. Вон они уже разбрелись кто куда, как стадо овец без пастыря.

– Рхонг! – рявкнул вагар. – Живо собери всех! И подтяни-ка баллисты: попробуем поджечь этот змеюшник!

Скоро все двенадцать баллист и восемь катапульт Биорка обрушили на укрепления огненные снаряды. Без особого, впрочем, успеха. Защитники были расторопны, материал, из которого построен замок, – не горюч, а стрелки неопытны. Из замка открыли ответный огонь – и подожгли две катапульты.

Биорк поразмыслил – и приказал отступить. Другие Владения могут оказаться более доступными, а соххоггоев на земле Конга довольно. Чего нельзя сказать о запасе его, Биорка, времени. Не хотелось, конечно, оставлять в тылу врага, но ничего не поделаешь...

Уходя, вагар увел всех оставшихся вне замка людей и разрушил все, что можно было разрушить. Еще пару часов отступившие урнгрия, оглянувшись, могли видеть черные столбы дыма, поднимающиеся к небу.

Второй отряд, возглавляемый Санти, ничего не знал о неудаче сирхара. Вечером следующего дня отряд вступил в город Банем.

Начальник гарнизона, «строенный меч», сотник, выехавший навстречу, приветствовал Санти с не понятной тому радостью. Однако через минуту все разъяснилось. Весть о вторжении уже разнеслась по западной части Конга, и жители Банема, ближайшего к Урнгуру города, весьма опасались нападения. Явно неконгайская внешность Эрда не смутила сотника, поскольку рядом с ним ехал Иллан, на нагруднике которого сиял знак

стража соххоггоев. А уж доспехи обоих внушали понимающему огромное уважение. Один лишь длинный меч Иллана, в черных, инкрустированных гранатами ножнах, с рукоятью, оправленной в черное серебро, стоил больше, чем все снаряжение сотника, включая и породистого рыжего парда.

– Достойный Эрд! – представил Иллан светлорожденного. – А я – начальствующий Иллан!

Санги держался чуть в стороне. Он прилетел лишь сегодня утром и уже отпустил Серого. Надолго. В своих богатых одеждах он походил на молодого чиновника или сына высокопоставленного лица. Группа телохранителей из стражей соххоггоев, окружавшая юношу, заставила сотника теряться в догадках.

– Достойный Виг, начальник сотни, командир гарнизона! – представился «строенный меч». – Хорошо, что вы пришли! Тысяча воинов обеспечит нашему городу спокойную ночь! У нас довольно места, чтобы разместить всех. А вы, господа, не окажете ли мне честь войти в мой дом?

– Да! – сказал Эрд. – Мы окажем тебе такую честь.

– Каковы свежие новости? – спросил Иллан.

– Никаких, достойный Иллан! Утром передали, что урнгурцы, не сумев взять замок, ушли. Но это тебе, наверное, известно?

Иллан кивнул, ничем не выказав своих чувств. Хотя для него, так же как и для Эрда, неудача Биорка была неприятной новостью.

– С тех пор их нигде не видели! – продолжал сотник. – Если они направляются сюда, ваш приход – наше спасение! Я всегда верил, что Исполняющий Волю Унар о нас не забудет!

– Исполняющий Волю – ни при чем, – сказал Иллан.

Сотник посмотрел на него, ожидая продолжения, но аркин больше ничего не добавил.

Колонна пехотинцев, перестроившись по двое, поднималась по узкой, довольно крутой улочке. Крепкие деревянные дома в два-три этажа отличались тем же изяществом затянутых зеленью террас и плавными изгибами желтых, синих, оранжевых крыш, что и в долине. Некоторые из овальных окон были затянуты прозрачными пленками, расписанными изнутри. Некоторые окна выглядели настоящими картинами.

Пехота шла, разделившись на сотни. Впереди на желтом парде – Ратсай из Сарбура. Шлем его был привязан к седлу, ветер трепал черные длинные волосы конгая. Бывшие стражи ехали на приплясывающих пардах впереди пеших сотен. Их экипировка заметно отличалась от снаряжения солдат, вооруженных кто чем. Только сотня лучников была в одинаковых пятнистых маскировочных плащах, купленных Биорком на деньги, взятые во Владении.

– Ополченцы? – спросил сотник Эрда.

– Да, – коротко ответил тот.

– Я заметил ребят со значками деревенской стражи, – продолжил Виг. – Неужели дела так серьезны? – Он попытался заглянуть в лицо Эрда.

– Да, – так же лаконично ответил светлорожденный.

Лицо его было столь же непроницаемо, сколь красиво.

Улочка вывела на квадратную площадь, мощенную обожженными глиняными плитами.

– Казармы моих солдат! – Виг показал на три длинных строения. – Их строили три века назад. Если твоей тысяче покажется здесь тесновато, то можно часть...

– Нет! – отрезал Эрд. – Все разместятся здесь! Но нужен еще один дом: для господина Сантана из Фаранга, его челяди и телохранителей!

– Подыщем! – заверил сотник. – Не забудь, что ты сам, достойный, обещал остановиться у меня!

– Я помню, – кивнул Эрд и отъехал, чтобы дать указания Ратсаю.

– Достойный! – обратился сотник к Иллану. – Не скажешь ли, кто этот господин Сантан? Я вижу: его телохранители из стражей соххоггоев...

– Тем, кто страдает любопытством,– назидательно проговорил Иллан,– лекари Великого Ангана прописывают лечение на болотах Юга!

– Виноват! – смешался сотник.

– Не бойся! – Иллан придвинул своего парда вплотную к парду Вига.– Я не выдам человека только за то, что он упомянул красноглазых! Знаешь, скажу тебе, как солдат солдату: недолго осталось им кормиться вашим мясом!

Глаза у сотника полезли на лоб.

– Это говоришь ты, их страж? – произнес он свистящим шепотом.

– Сегодня – страж, а завтра? – И неожиданно отъехал, оставив сотника переварить сказанное.

Пока тысяча Санти размещалась в Банеме, тысяча Биорка заканчивала разгром еще одного Владения. По воле случая хозяином его был младший брат Спардухха, покойного мужа Нассини.

Владение было невелико и сопротивлялось недолго, хотя самого Властителя предупредили о возможности нападения. Два десятка телохранителей сдались, едва всадники урнгрия ворвались в ворота. Сам же соххоггой вкушал волшебные сны и очнулся лишь в тот миг, когда колючие побеги любимейшего растения хозяина нежно обвили его стан и впрыснули под бледную кожу жгучий сок, быстро превращающий живую плоть в разлагающуюся падаль.

Без Санти Биорк не стал тратить время на привлечение сторонников. Дворец был очищен от всего, что представляло ценность и могло быть вывезено, затем войско ушло, предоставив наемникам и челяди самим решать свою судьбу.

Оставив обоз под охраной двух сотен всадников, Биорк одним стремительным броском преодолел двадцать миль, отделяющих его от соседнего Владения, такого же небольшого. При свете восшедшей луны, во время смены караула, сирхар ударил в запертые ворота.

Здесь Властитель был не только предупрежден об опасности, но и знал о разгроме своего соседа. Однако как он мог предположить, что враг оставит недоеденную кость?

Бой был стремителен и беспощаден. Стражи дрались плечом к плечу со своими хозяевами. Лишь трое из них остались в живых, и еще младший из соххоггоев, подросток, израненный, но не выпускавший меча до тех пор, пока удар пардовой лапы не оглушил его.

Биорк, уважавший мужество, пожалел парнишку: велел заколоть, а не бросить хищным растениям. Трое стражников были отпущены. Утром. Ночь войны Биорка провели в захваченном Владении. Вагар был уверен: здесь конгайские войска искать их не станут.

– А теперь думай сам! – сказал Санти сотнику Вигу.– Я хочу,– он пронзил сотника взглядом вспыхнувших глаз,– чтобы в Конге не осталось ни одного соххоггоя! Но ты вовсе не обязан хотеть того же!

– А Великий Анган? – с ноткой благоговения спросил сотник.– Что ты думаешь о Великом Ангане?

– Он – соххоггой! – кратко ответил юноша.

– Разве тебе не надоело дрожать от страха при слове «Юг»? – спросил Иллан.

Сотник потер подбородок снизу, там, где была мозоль от ремня шлема.

– А если я скажу «нет», вы...

– Завтра утром мы уедем! – перебил Санти.– Конечно, никто не тронет ни тебя, ни твой город. Мы – конгаи! Но когда страна будет очищена от бледнокожих, не обидно ли тебе будет, что победители обошлись без твоего меча?

Сотник снова задумался.

– Где сейчас урнгрия, о которых ты говорил? – спросил он.

– Сражаются! – отвечал Санти.– Сражаются с твоими врагами! Чужаки-урнгурцы! Кто твой высший покровитель?

– Тур! – немедленно ответил Виг.

– Спроси у своего бога, как тебе поступить!
– Можно и не спрашивать! – заметил Эрд. – Мы все знаем, что ответит Тур! И ты знаешь, сотник Виг, не так ли?

Конгай кивнул.

– Ты сам веришь, что ты тот, о ком сказано в пророчестве? Скажу по правде, не слишком ты похож на Дракона-Повелителя.

– Я не думаю о том, кто я есть, – ответил Санти. – Я думаю: пришло время покончить с соххогоями! Решайся! – воскликнул он, и глаза его снова вспыхнули. – Это твоя страна, брат Виг! Если мы победим, значит, я и есть Освободитель! А мы победим, я уверен!

– Да он уже решил! – засмеялся Эрд и хлопнул сотника по плечу. Санти улыбнулся, вспомнив, каким гордым и неприступным казался светлейший, когда юноша впервые увидел его на площади перед дворцом Нассини.

Сотник Виг поглядел на лицо светлорожденного, прекрасное и пугающее, как обличье демона.

– Ну если уж сами стражи... красноглазых уговаривают меня ополчиться на их хозяев... разве я могу устоять! – Он с облегчением засмеялся. – Глотнем, что ли, тайского?

Слуги тотчас наполнили бокалы.

– Правильно я решил? – вдруг спросил хозяин у одного из слуг, длиннорукого большеглазого парня лет двадцати.

– А? – Слуга глаз не мог отвести от Санти.

Виг фыркнул.

– Ты зачаровал его, господин Санти Фаранг-ский!

Слуга покраснел. Воины расхохотались.

– А ты что скажешь? – спросил Виг слугу постарше.

– Я пошел бы с тобой, пожалуй! – рассудительно отвечал слуга. – Вернее, с ним. Потому что если кто и похож на Освободителя, то это он. Конечно, для меча я не гожусь, но надо же кому-то наполнять ваши чаши!

– Добро! – сказал сотник. – Завтра я поговорю со своими! Думаю, многие разделят мой выбор. Одно меня тревожит: мы ведь принесли клятву Великому Ангану! Как же наша честь?

– Боги позаботятся, чтобы честь твоя не пострадала! – заявил сын Тилода.

– Пусть сам Освободитель, – Иллан кивнул на Санти, – говорит с твоими людьми, Виг! Клянусь Трезубцем, все они пойдут за ним! Я уже видел, как это бывает! – Он засмеялся. – И собери народ! Я знаю жителей Банема: многие здесь приучены к оружию. Когда мы покинем город, нас станет немного больше!

Виг взглянул на аркина:

– Тут ты прав, воин! Народ у нас боевой! А рядом – два Владения! Половина Банема душу демонам отдаст, лишь бы посчитаться с красноглазыми!

– Большие долги? – спросил Эрд.

– Изрядные!

– Вот и взыщем! Что скажешь, вождь?

– Хорошо. Только не хотелось бы лишней крови.

– Я понял, брат! Достойный сотник! И ты Иллан! Знакомы ли вы со стражами здешних соххогоев?

– Да! – ответил Виг.

– Познакомимся! – кивнул Иллан. – И договоримся!

– Еще вина? – предложил хозяин.

– У меня в повозке есть два кувшина настоящей «Хушенской лозы»! – сказал Иллан. – Из погреба моего бывшего хозяина, да утешится его душа в коготках демонов! – Воин поднялся. – Думаю, самое время распечатать эти кувшины!

– А я думаю, друзья, – сказал Санти, – что время – спать! Четвертый час пополуночи, а я половину прошедшей ночи провел на спине дракона!

Виг выпучил глаза. Дракон?

– Если ты устал, брат мой, – езжай! – сказал Эрд. – Мои воины, что у ворот, проводят тебя.

Тут Виг вспомнил о долге хозяина:

– Прислать тебе девушку? – спросил он.

– Нет, благодарю.

Сантис поклонился всем и вышел.

– Что он сказал о драконе? – тут же спросил Виг.

– Сантан – Повелитель дракона, – пояснил Эрд. – На мой взгляд, это немногим хуже Дракона-Повелителя из вашей легенды.

Виг уставился на светлорожденного: не шутит ли тот?

Молчание прервал Иллан, который поинтересовался:

– Ты что-то говорил о девушках?

Сон, который пришел к Сантис, не был похож на волшебные сны фьельнов. Не был он похож и на сон о Белом Мече Асенаров, что привиделся ему в Шугре.

...Серый нес его над бурным морем. Черные тяжкие облака клубились над ними. Странная буря. Ни воя ветра, ни рева сшибающихся внизу валов. Ветвистые стволы молний беззвучно расцветали вокруг...

Неровен был полет дракона. Вверх и вниз швыряло его, и, опрокидываясь на крыло, Серый пронзительно вскрикивал, разрывая криком ватную тишину.

Молнии били так часто, что белый дрожащий свет ни разу не сменился полным мраком. Гладкое тело дракона было горячо, как никогда прежде. Он не парил, а быстро взмахивал крыльями, и шея его вытянулась вперед, как у атакующей змеи: Серый спасался бегством.

Сантис не знал, кто преследует их, но знал, что преследователь – рядом.

Пошел дождь. Крупные капли падали сверху и разбивались о гладкую, блестящую, как серебро, спину дракона. Дождь прибавал Серого к морю, и дракон отчаянно работал крыльями, пронзая треугольной головой густую завесу воды. Больше он не кричал. Полет происходил в абсолютной, невозможной тишине.

Сантис оглянулся и во вспышках молний увидел наконец того, кто гнался за ними. Нет, не за ними – только за драконом. Вытянутый сгусток светящегося дыма, совсем не страшный, мерцающий белыми блестками-звездами, даже приятный для глаза в этой черной клубящейся мгле, иссеченной изломанными слепящими ветвями разрядов.

Сантис сидел на спине Серого, но не чувствовал мыслей дракона. Он был просто всадником, не более. Струи дождя обрушивались на него, текли по лицу, груди, спине, потоки воды падали на крылья дракона, разбрызгиваясь фиолетовым огнем. Серый знал, куда летит. А Сантис знал, что до спасительного укрытия недалеко. Дождь все усиливался. Дракон летел, опустив хвост, устремив голову к дымящимся тучам. Он летел вверх, но сталкивающиеся внизу валы приближались с каждым мгновением. Приближался и преследователь. Он висел уже в каких-то ста локтях от драконова хвоста. Посверкивающее полупрозрачное облачко, небольшое, вдвое меньше Серого. Живое.

Ближе, ближе. Из светящегося, мерцающего сгустка выплыли подобия протуберанцев. Вытягиваясь, как щупальца, они устремились к дракону. Серый изогнул шею и вскрикнул.

Сантис посмотрел на голову дракона и увидел, как очертание треугольного черепа с загнутым вперед рогом-гребнем, с длинным изгибом челюстей, начинает дрожать, расплываясь.

Шея, черные машущие крылья «потекли», как течет поставленная у огня восковая фигурка. Твердая горячая спина под Сантис перестала быть твердой, и юноша ощутил, как... проваливается сквозь дракона. Проваливается и летит в бурлящий котел моря...

Санти проснулся. Но не в постели. Между мокрых камней чужого берега. Тело его головой вниз застряло в расщелине, и вода под ним то поднималась к самому лицу, то опускалась на глубину нескольких локтей. Вода была черная, как смола. И казалась тяжелой, как остывшая лава. Тела Санти не ощущал. Он был в таком же оцепенении, как тогда, на берегу, когда три мага выследили его. Но видеть и слышать юноша мог: шум дождя, удары прибоя, плеск и какую-то возню наверху. Голова Санти вздрагивала. Кто-то пытался вытащить его из расщелины.

Наконец неизвестному это удалось. Санти стукнулся щекой о выступ камня, но не почувствовал боли. Его вытащили и положили лицом вниз на ребристую макушку камня. Дождь понемногу стихал. Санти снова подняли, взяв за одежду. Поверхность камня ушла вниз. Юноша повис на высоте пяти локтей. Камни внизу медленно поворачивались. Сначала – в одну сторону, потом – в другую. Это поворачивался тот, кто держал Санти. Одежда юноши затрещала, и камни нырнули вниз. Потом понеслись назад и снова вверх, снова ушли вниз и опять придвинулись. Тот, кто нес Санти, мчался со скоростью парда по усеянному камнями берегу. Санти увидел лапы, широкие, рыже-красные, с желтыми пятнами, похожие на лапы парда или, скорее, кугурра, только намного больше. Зверь. Он нес его куда-то. Чтобы сожрать? Юноше было все равно. Валуны сменились поросшим травой откосом. Зверь мчался без устали. Санти, как кукла, болтался в пасти. Вдруг куртка его с треском разорвалась. Но Санти не упал – зверь ухитрился поймать его зубами. Теперь юноша видел край рыжей морды и длинные клыки, обхватившие его живот. Зверь оказался даже огромнее, чем полагал Санти. И он продолжал мчаться вперед с быстротой парда и с неутомимостью степного пса. Теперь он бежал по тропе. Мимо Санти стремительно проносились ветви деревьев. Зверь с легкостью перемахивал через кусты в рост человека. И что удивительно, зажатый в пасти, Санти совсем не слышал дыхания гигантского хищника.

Вдруг бег прекратился и юношу мягко опустили на траву, мокрую от дождя. Он увидел над собой широкую, заросшую рыжим в подпалинах мехом выпуклую грудь. А потом и морду, здоровенную кошачью морду, похожую одновременно и на морду парда, и на морду кугурра. Оскаленную, но почему-то совсем не страшную. Голова зверя нависла над Санти, круглые уши стояли торчком, и одно было вдвое меньше другого. И еще морду зверя пересекал длинный рубец, на котором сквозь редкую шерсть просвечивала розовая кожа. Зверь высунул длиннющий, в два локтя, язык и аккуратно слизнул кровь со щеки Санти.

И тут юноша вспомнил!..

– Господин! Господин! – слуга склонился над изголовьем Санти. – Достойный Эрд велел разбудить тебя! Солнце уже час как взошло!

Санти приподнялся на постели, не понимая, где он.

Сон понемногу отступал. Юноша узнал светлую комнату с резными желтыми стенами и арочное окно, до половины закрытое расписанной пленкой. Из окна тянуло свежестью.

Слуга протянул Санти небольшой серебряный таз с пузырчатой, хрустально прозрачной водой. Юноша ополоснул лицо и снял с плеча слуги мягкое полотенце.

– Можешь идти! Спасибо! Я оденусь сам! Вели, чтобы оседлали мне парда!

Слуга вышел. Санти оделся, пристегнул Белый Меч и вышел в коридор. Два телохранителя, приставленные к нему Эрдом, салютовали мечами.

– Доброе утро! – сказал Санти и по винтовой лестнице спустился вниз.

В доме Вига, в пиршественном зале, юношу ждал Эрд. Завтрак был накрыт на двоих. Светлорожденный еще не притрагивался к еде.

– Приветствие, брат! – сказал он, встав.

– Здравствуй, брат! – Наедине Санти не стеснялся называть Эрда братом. Оба понимали: Белый Меч знает, в ком кровь рода Асенаров. Потому Санти, сын Тилода, был братом Эрда не по обычаю, а по плоти.

– А где Иллан, Виг? – поинтересовался юноша, усаживаясь.

– Уехали! Ты ешь! Скоро они вернутся!

Слуга снял колпак с горячего мясного пирога и ловко рассек пирог на шесть частей. Положив по одной в тарелки, он полил их дымящимся розовым соусом из горных трав.

– Интересно, как дела у Биорка? – спросил Санти, запивая пирог кисло-сладким холодным кофе.

– Выпотрошил парочку Владений и отсиживается в укромном месте, дожидаясь вечера! – сказал светлорожденный. – Впрочем, это я поступил бы так. А Биорк... кто знает, как он поступит? Слышишь? Парды рычат! Должно быть, Иллан с Вигом!

Нет, Биорк не отсиживался в укрытии. Утром он покинул захваченное Владение, не забыв разбить зеркала гелиографа, чтобы никому не пришло в голову сообщить о том, что еще одно Владение пало. Взятую добычу он на сорока повозках отправил на север, а три слегка поредевшие хогры скорой рысью двинулись к Фуа, перешли ее по подвесному мосту и пустились напрямик через лес. Биорк рассчитывал выйти на так называемый Путь Великого Ангана, заброшенный тракт, что вел от руин Ангтьяна, прежней, доимперских времен, столицы Конга, к нынешней – Далаангу. И целью сирхара Урнгура был ни много ни мало – Дворец Великого Ангана.

Биорк рассуждал так: в Далаанге уже знают, что некий отряд урнгурцев громит Владения. И раз о других отрядах сведений нет – значит, врагов только тысяча; по меркам Конга – не такая уж большая армия. Наверняка уже вызваны войска из городов Междуречья, но, чтобы уничтожить тысячу урнгурцев, хватит и тех солдат, что расположены в самом Далаанге. Значит, сегодня, узнав о разгроме очередного Владения, часть войск из резиденции Великого Ангана по главной дороге вдоль берега Фуа двинется на северо-восток. А вечером он сам, скрытно подойдя к Далаангу по старой дороге, ныне почти не используемому Пути Великого Ангана, атакует Дворец Владыки Конга. Шансы на успех невелики, но в любом случае шуму он наделает и заставит Великого Ангана использовать прибывшие с востока войска для защиты Дворца, а не для охоты за войском Санти. И время будет выиграно.

Усердно работая топорами, урнгрия за несколько часов пересекли молодой лес и вышли на Путь Великого Ангана.

Тракт был изрядно запущен, но для пардов вполне проходим. Животные легко перемахивали через ямы и проламывались сквозь молодую поросль. А то и милню подряд шли по вполне приличному каменному покрытию. Десять миль всадники одолели за час. До моста через Фуа, с которого открывался вид на Дворец Великого Ангана, оставалось вдвое больше. Солнце едва перевалило через вершину неба.

Примерно в это же время тысяцкий Кадриан остановил свои восемь верховых сотен на развилке дорог сразу же за мостом через Фуа. Прямо перед ними уходил в лес Путь Великого Ангана. Тысяцкий и сам не знал, почему приказал остановиться. Ему следовало вести своих воинов на северо-восток (Биорк был прав!), чтобы помешать урнгурцам грабить Владения. А конкретнее: выйти к Банему и оттуда двигаться в сторону предполагаемого расположения врага. Кратчайшая дорога в Банем вела вдоль берега Фуа. Это была хорошая дорога. Верховые сотни могли за каких-нибудь семь-восемь часов достичь цели. Конечно, можно было пойти и по Пути Великого Ангана, чтобы через сорок миль выйти на Западный Тракт, соединяющий Банем с Мионом. Западный Тракт тоже хорош, а вот Путь Великого Ангана – весьма скверная дорога.

Тем не менее тысяцкий поднял руку и остановил войско. Помощник Кадриана, сам по чину – начальник тысячи, удивился, но ничего не сказал. Он привык доверять побуждениям Кадриана – плохого воина не поставили бы хранителем Далаанга.

Тысяцкий колебался недолго. Желание свернуть на Путь Великого Ангана неуклонно росло в нем. Умом он сопротивлялся: желание было нелепым. Но ведь он привык доверять и интуиции... Если бы тысяцкий посмотрел вверх, в сторону солнца, то, возможно, разглядел бы в слепящем сиянии крохотный силуэт парящего дракона. Но...

Тысяцкий глубоко вздохнул... и направил парда на старую дорогу.

Его помощник мысленно подпрыгнул в седле на целый локоть, но внешне никак не выказал своего удивления. Он поднял хлыст, окрашенный в ярко-алый цвет, и махнул им над головой. Верховые сотни, одна за другой, пришли в движение. Сворачивая на старую дорогу, они перестраивались по трое. Путь Великого Ангана был шире, чем дорога вдоль Фуа, но его состояние не позволяло пардам ехать бок о бок.

Приняв решение, Кадан не желал медлить. Он мчался вперед, перемахивая через зеленую поросль, огибая вывороченные плиты. Быстрее, быстрее, будто кто-то подстегивал его. Кадан скакал по заросшим лесом холмам западного Конга, и восемь сотен всадников спешили за ним. Сверху они казались змеей, сверкающей змеей, что ползла, извиваясь, растянувшись на целую милю, между зелеными курчавыми холмами. И еще одна змея, такая же сверкающая от множества шлемов, отражавших свет солнца, ползла ей навстречу. Она двигалась не так быстро, как первая, но не уступала ей длиной.

Темный крест парящего в небе дракона, маленький, четкий среди густой голубизны, плыл в восходящих потоках воздуха, идущих от нагретых светилом бурых скал седлообразной горы, вокруг которой изгибалась синяя Фуа. А с другой стороны реки, в долине, окруженной с трех сторон горами, солнечным золотом сияли башни Дворца Великого Ангана. И ярким многоцветным пятном выделялись в нежной весенней зелени склонов окружившие дворец чудесные сады.

Разведчики Биорка выехали на макушку холма, через который проходил Путь Великого Ангана. Почва здесь была сухая, твердая, как базальт. Вершина сплошь заросла кустарником, усыпанным красными и желтыми, еще не созревшими, ягодами. Разведчики посмотрели вниз и увидели вдалеке растянувшуюся колонну всадников, выезжающую из леса. Шлейф пыли накрывал хвост колонны и висел над дорогой, не позволяя даже примерно определить численность врага.

Разведчикам-урнгрия восемь конгайских сотен показались огромным войском. Немедленно развернувшись, они, не щадя пардов, помчались назад.

Биорк выслушал их сбивчивый рассказ, взглянул вверх, представил, как мчатся с горы сотни конгаев, с ходу врезаясь в его войско, – и тут же принял решение.

Для тяжеловооруженных всадников преимущество высоты – половина победы.

– Хогры! – вскричал он пронзительным, слышимым за полмили голосом. – Хогры! Марш!

И сжал коленями бока рыжего злобного парда.

Вся стальная колонна урнгрия единым движением рванулась вперед. Конечно, не так стремительно, как помчались бы вверх хогры легких лучников, но тем быстрее ринутся они вниз, увлекаемые собственным весом и тяжестью закованных в сталь всадников.

Биорк, Хрор, Рхонг и окружавшая их стража оказались на вершине, на треть часа опередив достигшую противоположного склона холма и уже несколько замедлившую движение колонну конгаев.

Биорк осадил парда и остановил войско у самой вершины. Взгляд его обежал окрестности, уходящий вниз склон: кустарник, редкие проплешины травы, внизу – крепенькие мелколиственные деревца.

Вагар шлепнул зверя по крупу и послал его с дороги в заросли кустарника. Пард прыгнул раз и еще раз, ломая широкими лапами молодые побеги. Алые капли ягод брызнули во все стороны.

Колонна конгаев, еще более замедлив ход, поднималась вверх. Биорк безошибочно определил и численность их, и вооружение. Расстояние не было помехой для глаз вагара. И еще он понял, что в запасе у его хогр лишь несколько минут.

Сирхар вернулся на дорогу.

– Хогранов и подначальников – ко мне! – приказал вагар.

Блестящая лента латных всадников доползла до середины холма. Впереди на белом высоком парде ехал тысяцкий Кадан, рядом с ним – тысяцкий Онк. За ними – знаменосцы,

над головами которых на длинных древках развевались шелковые флажки, а за знаменосцами – Первая Сотня. Первая Сотня Первой Тысячи Конга. На подбор – рослые, широкоплечие воины, в начищенных до зеркального блеска кирасах, с бронзовыми полыхающими щитами и пышными алыми плюмажами над навершиями острых шлемов. Белые, подобранные по масти парды шумно дышали и роняли наземь слюну. За Первой Сотней шла Вторая – такие же молодцы, за ней Третья. Перед каждой сотней, помахивая хлыстом, ехал ее командир. За командиром – сигнальщик из первого десятка. Это очень красивое зрелище, когда восемь сотен, одна за другой, ровными рядами поднимаются по дороге на вершину холма. Как на параде. И – как на параде – сторожевых дозоров не было ни с флангов, ни впереди войска. Кадан за пять лет службы на посту хранителя Далаанга отвык быть осторожным. Он даже не потрудился выслать дозоры, полагая, что урнгурцы намного севернее, ведь как раз перед его отбытием пришла весть о разгроме еще одного Владения.

Хогры Урнгура, развернутые в цепи на вершине холма, ждали лишь сигнала сирхара. Биорк поглядел вниз, оценил расстояние, пронзительно свистнул – и черная лава, набирая скорость, покатила вниз. Парды мчались высокими прыжками, взлетая и падая, все быстрее и быстрее... Биорк верно оценил их возможности: привыкшие мчаться по головоломным склонам, звери стрелами летели вниз. Небесный огонь сверкал на вороненых шипах наголовников. Шеренги мчались одна за другой, изгибаясь дугами. Фланги, по распоряжению Биорка, должны были намного опередить центр. Но сам он, вместе с личным эскортом, вырвался вперед, чтобы первым ударить в голову вражеской колонны.

Атака сверху была для тысяцкого Кадана как гром с ясного неба. Мчащиеся по склону всадники в черных сверкающих доспехах, с пушистыми плюмажами над круглыми шлемами, черными плюмажами, прижатыми напором встречного ветра. Вопящие всадники на воющих пардах, охватывающие полукольцом войско конгаев.

Тысяцкому снизу было трудно оценить, какой силы противник напал на них. Но он был опытным воином и принял единственно верное решение: вперед!

Его пард рванулся вверх. Кадан выхватил из ножен длинный меч. Тысяцкий Онк трижды взмахнул алым хлыстом и тоже устремился вперед. И вся колонна конгаев, набирая скорость, понеслась за ними. На равнине они неминуемо прорвали бы слабый центр урнгрия. Но их усталые парды не могли по-настоящему разогнаться, скача вверх по склону с тяжеловооруженными всадниками в седлах.

Передовой отряд Биорка ударил в лоб. Наконечник пики Хора врезался в подбородочную часть шлема тысяцкого Кадана, прежде чем конгай дотянулся до урнгурца мечом. Белый пард присел на задние лапы, проехал, скребя когтями, по дороге. Пика переломилась, но Кадан вылетел из седла, ударился оземь и остался лежать с переломанной шеей. Пал тысяцкий Онк, пораженный мечом Биорка. И командир Первой Сотни с разрубленным шлемом повис на ремне. А маленький воин уже рубил во все стороны, врезавшись на разъяренном парде в ряды Первой Сотни. Эскорт сирхара, лучшие воины Урнгура, сплоченные Биорком, как сжатый кулак, разметали несколько десятков врагов – так леопард разгоняет стадо овец. А крылья урнгурских линий уже начали смыкаться вокруг колонны. Залп из арбалетов накрыл конгаев, не причинив, впрочем, особенного вреда, но посеяв панику. Воинам казалось, что их окружает враг, намного превосходящий силами. Сотники пытались перестроить колонны, но урнгрия уже налетели на врага, разя жалами пик смешавшиеся ряды.

Семь из восьми сотников погибли в первую минуту боя. Но конгаи, даже оставшись без командиров, продолжали сражаться. Отважные воины, умелые бойцы, стойкие и дисциплинированные, они дали урнгурцам яростный отпор. Однако каждый из конгаев сражался сам по себе, потому что не только десятки, но и сотни успели перемешаться в хаосе боя. А вышколенные Биорком урнгрия держались плотными группами по десять человек. Даже в свалке рукопашной они в первую очередь старались быть вместе. Именно это вдалбливал в них Биорк на протяжении двух сезонов, и нескольких схваток оказалось

достаточно, чтобы воины сирхара научились использовать эту тактику в бою. Теперь каждый конгай видел перед собой сплошную стену из черных щитов и закованных в сталь пардов. Веера шипов, расходящихся от наголовников, стояли клыков, которые урнгурские парды не могли теперь пустить в ход.

Первая Тысяча не была вооружена копьями. Они пытались разбить черную стену ударами длинных мечей, которыми владели в совершенстве, но из просветов между щитами выскакивали молнии пик, достаточно легких, чтобы свободно находить цель, и достаточно длинных, чтобы бить на дистанции, в полтора раза превосходящей дистанцию удара мечом. И все-таки урнгурцев было слишком мало, чтобы кольцо окружения стало непроницаемым. То тут, то там несколько конгаев объединялись вокруг кого-то из уцелевших десятников и, вздыбив пардов, разом налетали на урнгурцев. Таким удавалось прорваться. Если бы бегство не было единственным желанием конгаев, урнгурцы, возможно, потерпели бы поражение: ведь они сражались с отборными воинами Конга. Но полутысяче конгаев, которым удалось вырваться, было не до реванша. Они, не щадя пардов, ринулись по дороге назад, в Далаанг.

Биорк, оставив полухогру охранять пленных, немедленно устремился в погоню.

Беглецы сумели на целую милю оторваться от преследователей. Жажда жизни – отличный погонщик. Отчасти и сам Биорк позволил конгаям оторваться. Беглецы, ворвавшись в Далаанг, принесут с собой смятение и сумятицу.

Разрозненные группы конгайских всадников промчались по широкому мосту через Фуа. Никто из них не подумал о том, чтобы выставить заслон. А ведь здесь даже полсотни воинов могли бы удержать целое войско.

Сады вокруг дворца не могли служить крепостью. Стена, что окружала их, не прочнее оград Владений. Только горы и мечи стражи оберегали резиденцию Великого Ангана. Но сейчас большинство этих мечей были упрятаны в ножны.

Спасавшиеся бегством буквально смели заставу у врат Далаанга. Лишь немногие, оказавшись внутри, придержали животных; остальные, уверенные в том, что несколько тысяч черных демонов уже хватают за хвосты их пардов, понеслись к Дворцу, будто там их ждало спасение. Они забыли, что и Дворец Великого Ангана – не крепость, а пять десятков наемников и три сотни солдат куда меньше, чем восемь сотен Кадиана.

Керанраон, увидев из окна Дворца, как спасается бегством разбитое войско, сея панику среди слуг, ломая цветочные кусты, сотрясая воздух воплями и визгом пардов, рассвирепел. Он был взбешен еще и потому, что послать Кадиана с сотнями на северо-восток – была его идея. Поспешно опоясавшись и натянув на голову шлем, Исполняющий Волю бросился к лестнице.

Сады Далаанга – красивейшее место на всем континенте. Но воинам Биорка было некогда любоваться им. Сирхар первым ворвался в ворота. Справа от него скакал Рхонг, слева – Рха, огромного роста урнгурец, сжимающий рукоять пики с наконечником в локоть длиной.

Редкий дождик арбалетных стрел встретил их. Одна ударила в налобник рыжего парда. Зверь рывкнул и мотнул тяжелой головой.

– С-с-шу-у! – зашипел ему в ухо вагар.

Попавшийся по дороге конгайский солдат метнулся прочь. Шипастый намордник парда ударил его в голову, отшвырнул. Рха из лихости ударил пикой золотой символ солнца, венчающий арку ворот.

Урнгриа мчались вперед. Биорк не знал плана Далаанга, но был уверен: беглецы приведут их как раз туда, куда надо. Черные воины на распаленных пардах вихрем пронеслись по просторной аллее и вынеслись на отполированные плиты огромной площади.

Дворец Великого Ангана парил над ними, как Град богов. Решетка из чистого золота, в двенадцать локтей высотой, сияя в лучах солнца изящным литьем, полукругом пересекала площадь и терялась среди экзотических деревьев.

– К воротам, все – к воротам! – закричал Керанраон стражам Великого Ангана, столпившимся у входа во Дворец.

Формально те не подчинялись ему, но тут уж было не до формальностей.

Солдаты Кадиана рассеялись по площади, не зная, что им делать. Из казарм прибежал Унар, а с ним дюжины три воинов, вооруженных тяжелыми арбалетами.

Наемники Великого Ангана устремились к воротам и достигли их на полминуты раньше, чем там появились урнгурцы.

Вагар оценил положение. Золотая ограда – не только дивное произведение искусства. Как ни тонки узорчатые фигуры, а золотые столбы в пол-локтя толщиной с наскока не сломать. Оставались ворота. Они были открыты: последние всадники еще проносились через них, но, едва урнгрия оказались на площади, четыре десятка воинов тремя шеренгами перегородили их. Арбалетчики осыпали урнгурцев стрелами.

Наемники великого Ангана, отборные, каждый – не меньше четырех локтей ростом, в превосходных доспехах, стояли плечом к плечу, в восемь рядов, уперев в землю пики: первые ряды – вперед, остальные – вверх. Стальной панцирь щитов сверху и снизу. И длинная щетина пик в три человеческих роста длиной.

Биорк с первого взгляда понял: эти устоят при любой атаке. Только тяжелые снаряды баллист опрокинут их. Тяжелые снаряды и огонь. Но баллисты остались далеко. Вместе с обозом.

Арбалетчики продолжали стрелять из-за решетки. Урнгрия отвечали тем же, но Биорк уже понял: захватить Дворец не удастся. И пожалел, что привел из Урнгурса только тысячу всадников. Будь у него сейчас десяток хогр – он рискнул бы.

– Уходим! – бросил он Рхонгу.

От удивления урнгурец шелкнул языком. Он был уверен, что сирхар прикажет ударить по копейщикам, выстроившимся между золотыми столбами ворот. Рхонг пока еще не видел разницы между шеренгой латных всадников и железным крабом тяжелой пехоты.

Повинуясь сирхару, урнгрия двинулись назад по широкой, усыпанной мелким розовым гравием аллее. Под шелестящими голубыми кронами вековых деревьев, привезенных из далекого Тайдуана, – к воротам, увенчанным помятым золотым восьмиугольником.

Не спеша и не медля, воины Биорка покинули Далаанг, перешли по мосту через глубокое ущелье, на дне которого пенилась между камнями Фуа, и по удобной дороге восточным берегом двинулись в сторону Банема. Нежно-зеленые кроны деревьев на окружающих склонах кое-где были усыпаны белыми, желтыми, голубыми цветами. На западе утопали в дымке темные вершины гор. Небо, прозрачное, ясное, с пушинками облаков и золотым шаром солнца, укрывало всех; только черные стаи голодных ургов кружились вверх, ожидая своей доли и оскверняя небесную чистоту. А еще выше четким черным крестом парил меж легких облаков дракон.

* * *

Соххогоя Нассини, в Золотой Маске Великого Ангана, в золоченой карете, запряженной четырнадцатью лимонно-желтыми упряжными псами, в окружении собственной стражи и стражей прежнего Владыки Конга ехала по горной дороге вдоль берега Фуа.

К своему новому Владению ехала соххогоя Нассини. А на коленях ее лежала выточенная из яшмы тонкостенная шкатулка в локоть длиной. На крышке золотыми насечками была искусно выгравирована Маска Великого Ангана, точное подобие той, что скрывала сейчас лицо соххогой. Даже крохотные драгоценные камни были подобиями самоцветов, украшавших личину Владыки Конга.

Начальник Внутренней Стражи Сихон скакал перед каретой. А за экипажем Нассини катилась закрытая повозка, в которой между двумя сундуками с «коллекцией» соххогой восседал кастрат Хумхон. Таков был своеобразный юмор Нассини.

Ничего, кроме этой коллекции и воинов, не пожелала взять соххогоя из своего прежнего Владения. Все необходимое и сверх необходимого – найдет она во Дворце

Великого Ангана.

Так сказала Нассини, вручая первое жалование своим новым стражам. Старые тоже не были обойдены. Хотя для большинства из них не деньги были главной причиной верности госпоже. Из новых же только один, выбранный ею старшим, сподобился «милости» Властительницы. Теперь он ехал впереди, «переваривая» ночные впечатления, бок о бок с неутомимым Шуордом. «Избранным» был бур-чаданну Турн, желтокожий, стремительный, с раскосыми хитрыми глазками. Недоверчивый, как дикий пес, и упрямый, как степной бык-чадан.

«Я прикончу его! – думал Шуорд, дружелюбно улыбаясь желтолицему бур-чаданну. – Зачем понадобился этот урод, если есть я?» – И улыбался еще дружелюбнее.

«А он ловкач, этот крошка с крысиной мордочкой! – думал между тем Турн, так же ласково улыбаясь Шуорду. – Наверняка мечтает меня прикончить! Не понимает, змееныш, что на новом месте не обойтись без меня нашей госпоже!» При воспоминании о Нассини «жилистое» сердце бур-чаданну затрепетало.

«Хитер, как леопард, – покачиваясь в высоком седле, размышлял Шуорд. – Ну ничего! Я выжду и сумею оскорбить его так, что желтомордому будет не отвертеться от поединка. А уж тогда мой меч почешет ему позвонки изнутри!»

«Меёлок, паршивец, но саблями машет, как демон! – думал бур-чаданну. – Напрямую с ним никак нельзя! Прикончит, как Краснорожего Орка! Ведь и минуты не провозился, крысеныш! И какой точности удар! – Турн еще шире осклабился Шуорду. – Небось едет и думает, как вызовет меня и нанижет на кривые гурамские железки! Только не добрать тебе до меня, коротышка! Там, во Дворце, есть столько укромных местечек! А иголочка от духовой тайской трубки оставляет такую кро-ошечную дырочку!»

– Далеко ли до места, достойный? – вежливым тоном поинтересовался Шуорд.

– Совсем близко, достойный, – промурлыкал Турн. – Совсем близко!

– А не обманывают ли меня мои уши? – вежливо поинтересовался Шуорд.

– Что-что? – встревожился бур-чаданну.

– Я слышу топот пардов, достойный. Несколько сотен всадников. Что скажешь?

– Стой! Стой! – закричал бур-чаданну, вскидывая вверх копьё с привязанным к наконечнику за остаток репицы бычьим хвостом, выкрашенным в алый цвет.

Он ни на миг не усомнился в словах Шуорда, потому что сам после давнего удара по голове слух имел неважный.

Шествие остановилось.

– Что? – спросила Нассини, выглянув из окошка кареты.

– Сейчас узнаю, госпожа! – сказал Сихон и поскакал вперед вдоль колонны.

– В чем дело, Турн? – не слишком дружелюбно спросил он у бур-чаданну.

Желтокожий воин кивнул на Шуорда.

– Несколько сотен всадников милях в полтора отсюда, – сказал тот.

– Ну и что? Зачем остановились? – удивился Сихон.

– Я приказал, – проворчал Турн. – Никто из солдат или наемников не смеет покинуть Сады без воли Великого Ангана. Что-то произошло.

– Думаешь, они узнали? – обеспокоился Сихон.

– Может быть. Зеркальная связь.

– Несколько сотен... – Сихон подумал немного. – Сколько солдат в Садах? – спросил он наконец.

– Около тысячи, – ответил бур-чаданну. – И еще с полсотни наших. Но те Дворец не покинут. Это – точно!

– Значит, около тысячи... – повторил Сихон. – Хорошие воины?

– Похуже нас, но неплохие!

– А нас... примерно столько же, так?

– Моих – пять с половиной сотен.

– И наших около трехсот, – прикинул Сихон.

– О чем вы, достойные? – удивился Шуорд. – Да трех моих десятков хватит, чтобы разогнать две сотни солдат!

– Он прав! – сказал бур-чаданну. – Я поосторожничал!

И, подняв копье, махнул им, указывая путь.

Колонна тронулась.

– Впереди – всадники, – сказал Биорк ехавшему справа от него Хрору.

– Много? – не моргнув глазом спросил хогран.

– Сотен семь-восемь.

– Сомнем! – уверенно сказал Хрор.

– Парды устали, – напомнил Рхонг, ехавший слева. – И люди тоже. С восхода – в седлах! С полудня – с оружием в руках!

– Сомнем, – повторил Хрор, но уже не так уверенно.

– Моему парду полегче, чем вашим, – сказал Биорк. – Поеду-ка я погляжу.

– Я с тобой! – сразу же заявил Хрор.

– Нет! – И, видя недовольство воина, напомнил: – Я сирхар!

– Вот именно! – воскликнул Хрор. – Тебя могут убить!

– Конечно, мне от тебя большая помощь? – с едкой иронией отозвался Биорк. Но сжалился. – Ладно. Поедем вдвоем. Рхонг! Если что, сворачивай в лес!

– Крутоват склон, – заметил старший хогран.

– Ничего. Парды – они цепкие.

– Парды устали!

– Можешь свернуть влево, – усмехнулся вагар.

Рхонг покосился налево, где на дне ущелья металась и шипела «молодая» Фуа.

– Нет уж, лучше направо, – буркнул он и засвистел, останавливая войско.

А Биорк и Хрор вскачь умчались вперед.

– Поеду-ка я взгляну, что там, – произнес Шуорд лениво. – Не хочешь со мной, Турн?

«Ищи дурака!» – подумал бур-чаданну, а вслух заметил:

– Мое место здесь. Но ты поезжай: вреда в этом не будет.

– Тогда дай мне кого из своих, чтобы знал дворцовую стражу, – скрыв огорчение, попросил Шуорд. – Не хочу лишних... вопросов!

Бур-чаданну повернулся в седле.

– Адун! – крикнул он одному из воинов первой шеренги. – Проводи достойного Шуорда!

Воин тряхнул султаном из крашенных трав, щелкнул хлыстом парда, и через минуту оба всадника скрылись за поворотом.

Так вышло, что Шуорд увидел Биорка раньше, чем Биорк увидел Шуорда. Но, на свою беду, мечник не признал вагара в закованном в черные доспехи воине.

– Ваши? – спросил он Адуна, глядя на уходившую вниз дорогу, по которой пылили два всадника.

Адун долго всматривался: у него были не такие зоркие глаза, как у Шуорда.

Потом покачал головой:

– Нет. И латы какие-то диковинные.

– Ну, от вашего Великого Ангана и не таких можно ожидать! – усмехнулся мечник. – Вперед! – И, уверенный в себе, пустил парда вскачь.

Адун опустил забрало и поскакал за ним.

А вот Биорк признал Шуорда сразу.

– Твой – тот, что с цветным султаном! – бросил он урнгурцу. – Если почувствуешь, что – не по зубам, – беги. Я управлюсь с обоими.

Хрор хмыкнул и проверил, легко ли выходит из ножен длинный меч.

– Кто такие? – властно закричал Шуорд, когда между парами оставалось шагов сто.

Вместо ответа Биорк обнажил клинок.

И Шуорд не стал дожидаться другого ответа. Покрепче сжав коленями бока парда, он выхватил сабли и ловко завертел ими.

– Беру того, что с крылышками! – крикнул он. По крылатому шлему и диадеме Шуорд признал в вагаре старшего.

«Жаден, как старая сука!» – сердито подумал Адун.

Драгоценные камни на короне сирхара сверкали, как звезды.

Но Шуорд – старший, пришлось подчиниться. Адун вытащил меч и позволил спутнику обогнать себя.

Хрор, за последние дни уверившийся в преимуществе пики, нацелил ее в прорезь забрала противника и, обогнав вагара, устремился на стража.

Адун спокойно следил за направленным на него жалом. Хрор налетел, как вихрь, но воин, подав парда в сторону и вниз, косым восходящим ударом отсек наконечник пики. Хрор пролетел мимо, счастливо избегнув вторично занесенного меча. Он выхватил свой меч и развернул парда навстречу врагу.

Тот не спешил. По тому, как урнгурец управлялся с пикой, воин решил, что противник перед ним – не стоящий. Это едва не стоило ему жизни. Широко размахнувшись, Адун решил покончить с урнгурцем одним ударом. Самоцветы на короне сирхара все еще стояли у него в глазах и звали присоединиться к Шуорду.

Пику хогран взял в руки шесть месяцев назад. Мечом он владел не в пример лучше!

Проигнорировав занесенный над ним меч, урнгурец заставил парда сделать короткий прыжок и ловко ткнул клинком в плечевой стык над правой рукой Адуна.

Доспехи обошлись стражу в двадцать полновесных золотых монет. Окупилось: клинок застрял между кирасой и оплечьем, не пробив даже подкольчужной куртки. Но укол был так неожидан и так силен, что Адун выронил меч. Пард его отскочил назад, и меч урнгурца тоже оказался на земле. Далее страж Великого Ангана действовал намного стремительнее противника. Схватив притороченный к седлу боевой топор, он бурей налетел на Хрора, не дав тому возможности зарядить арбалет. У Хрора оставался лишь щит и длинный кинжал – оружие, практически бесполезное против закованного в отличную броню всадника. С оглушительным звоном боевой топор ударил в круглый черный щит. Но тут зверь стража, великолепно обученный боевой пард, решил помочь хозяину: попытался вцепиться в горло собрата. И напоролся на острые шипы намордника. С визгом он отпрянул назад, и Адун пошатнулся в седле. Пард Хрора, свирепо рыча, порывался подняться на дыбы. Морда и пластины его доспеха окрасились кровью.

Адун не без труда усмирил своего зверя и вновь взмахнул топором.

Хрор метнул кинжал, стараясь попасть в щель забрала. Адун с легкостью отбил его латной рукавицей. Топор опустился на щит урнгурца. Да с такой силой, что у Хрора сразу онемела рука! Страж поднял парда на дыбы и замахнулся с тем расчетом, чтобы к его силе прибавился еще и вес падающего парда. Хрор схватил щит двумя руками, и...

Тонкая стальная цепь серебристой змейкой оплела руку Адуна. Рывок – и, выронив топор, страж Великого Ангана вывалился из седла. Второй рывок прыгнувшего парда – и поясной ремень лопнул, а воин, с лязгом ударившись оземь, грохоча, заскользил по дороге.

Уверенный в победе Шуорд кугурром налетел на Биорка. Он не узнавал вагара и на расстоянии прыжка парда. Но едва короткий меч со звоном разбросал в стороны кривые клинки, Шуорд признал в противнике мастера Мангхэл-Сёрк так же безошибочно, как один музыкант по игре узнает другого. И понял, что проиграл, за мгновение до того, как темное лезвие вагарова меча рассекло его шлем и прорубило крепкий череп. Биорк так и не узнал, кто обучил Шуорда Тайному Искусству.

Некоторое время маленький воин наблюдал за поединком Хрора и стражника. Оберегая честь урнгурца, он не вмешивался, пока хограну не пришлось действительно туго.

Соскочив с парда, Биорк подбежал к оглушенному стражу, перевернул его на спину и рассек мечом завязки шлема. Сдернув его с головы Адуна, он поднес острие к носу стража Великого Ангана.

– Кому ты служишь? – грозно спросил он.

– Владыке Конга! – прохрипел плохо соображавший страж.

– Великому Ангану?

– Да, Великому Ангану!

Биорк не спросил, как зовут Великого Ангана. Он поспешно вскочил на парда и поскакал к своему войску. Хрор подобрал меч, с завистью посмотрел на великолепные доспехи Шуорда и Адуна (снять бы – да нельзя: победил-то врагов не Хрор, а сирхар) и поехал следом за сирхаром.

Спустя короткое время урнгрия, рассеявшись, поднялись вверх по склону и оттуда, прикрытые листвой, наблюдали, как проходит по дороге войско нассини. Когда последние из стражей скрылись из виду, урнгрия спустились обратно и продолжили путь. На месте недавнего поединка, конечно, уже не было ни Шуорда, ни Адуна. А кровь, пролитая рукой Вагара, была стерта множеством лап.

Спустя девять миль, у распутия, хогры остановились и дождались тех, кто оставался стеречь пленников. Вместе они двинулись на север. Биорк полагал: не больше двух часов понадобится, чтобы организовать за ними погоню. Знай вагар, на ком теперь Маска Великого Ангана, может быть, не на север, а на юг рискнул бы он повести хогры.

В загустевшей сини вечернего неба бесшумно парил дракон.

V

«Нас снова пятеро:
Ты, Вечер, я, Огонь
И Тень на Потолке.
Мы все – отдельно.
Но твоя рука – в моей
Руке...
Или моя – в твоей?

Мы смотрим Пламя.
Вечер смотрит нас.
А Пламя – Вечер.
Только Тень
Ни на кого не смотрит:
Ей – безразлично,
Или просто нечем
Смотреть...

Нас снова пятеро. Случайность?
Может быть.
Мы кое-как пытаемся любить.
И получается.
Мы все – в одной связи.
Но в разных снах.
– Ты веришь мне?
...Скользит

Моя ладонь по теплому плечу,
А Вечер улыбается, он чуть
Похож на мой портрет,
Что в замке далеко отсюда...
– Нет?
Не веришь?
Но зато Огонь
Похож на волосы твои!
Не цветом, нет!
Дыханьем!

Снег идет.
Нам, каждому, чуть-чуть недостает...
И потому нам хочется смотреть
И удивляться схожести!
Лишь Тень
Похожа на себя.
Все правильно!
На то она и – Тень!
Когда наш круг
Рассыплется, она
Исчезнет первой. Да.
Потом – Огонь... Ты... Я...
Но даже если все мы
Растаем и уйдем в Иное,
Вечер останется.
Он – самый независимый из нас.
Единственный, кому дано: „Сейчас
Твое преображение!“
Впрочем,
Если кто-то
Из нас, Двоих, продолжится —
Продолжится и Вечер,
И Пламя.
Даже Тень на Потолке
И та продолжится,
Но только до тех пор,
Покуда друг для друга
Мы значимы».

Лурд Серебряное Сердце, оруженосец императора Сергиона

Ронзангтондамени, Женщина Урнгура, сидела на подушках подле окна и пила слабое местное вино, поданное слугой. Она была одна. Санти, а вместе с ним и почти все его войско отправились громить Владения. Еще утром Иллан вместе с Вигом посетили Начальников Страж двух ближних Владений. Будучи чужеземцами, те не слыхали ни Легенды о Спящем Драконе, ни пророчества об Освободителе. Однако ж пообещали, что, если армия Освободителя и впрямь окажется так велика, как говорят оба военачальника, они попробуют сложить оружие. К чему зря проливать кровь?

Так исполнялось желание Санти.

Ронзангтондамени было лестно, что ее возлюбленный правит войском, как Сирхар. Мужчины невысоко ценятся в Урнгуре. Только Сирхара почитают равным. С детства

женщинам Урнгура прививают уважение к магам-военачальникам, коим покровительствует Бог. Ронзангтондамени было лестно, но тоскливо. Хотя Санти больше не улета́л на драконе, они редко оставались наедине. А сейчас она и вовсе покинута. С ней – лишь несколько слуг да шестеро воинов из бывших стражей соххоггоев. Да еще Нил, заключенный в хранителе жизни.

Ронзангтондамени сделала глоток, вытянула длинные ноги. Ей нравился этот дом с просторными террасами и голубой крышей, и эта комната с расписными пленками на окнах, с резными панелями из теплого желтого дерева. Ей нравилось следить за своим чувством к Санти и за самим Санти, за тем, как он из нежного юноши постепенно превращался в истинного чародея. Ее малого дара предвидения было недостаточно, чтоб узреть его будущее. Но Ронзангтондамени отчетливо осязала в Санти огромную, совершенно незатронутую область Силы. Осязала тем легче, что подобное же чувствовала и в себе. Ронзангтондамени это не страшило. От матери к матери уходили ее корни в Древность. И корни эти были глубже, чем сам Урнгур, глубже даже, чем сила Доброго Бога Хаора. Вот почему весть об уходе Покровителя была так спокойно принята Женщинами Урнгура. Не от Хаора их Сила. Полагаясь на мудрость и власть Могучего и Величайшего, Женщины позволяли своей собственной власти спать. И так проходил за веком век, тысячелетие за тысячелетием. Но каждая Женщина Урнгура знала: сила спит в ней, как спит огонь внутри горы. И сила эта, породившая гору, могла поднять эту гору еще выше, но могла и обратить в тучу пепла, в груды опаленных камней. Потому, не ужасаясь, не страшась собственной врожденной власти, не спешили Женщины пробуждать ее, оставляли в тишине и покое от рождения до смерти. Так было...

Ронзангтондамени допила вино и подумала: чем больше у человека силы, тем меньше у него счастья. Это потому, что ревнива Судьба...

Обода колес повозки были по гурамскому обычаю покрыты старыми шкурами, из-за жесткости не годившимися для обуви и одежды, но недостаточно крепкими, чтобы стать кровлей щита. А между ободом и шкурой были проложены скрученные жгуты соломы. Поэтому повозка не стучала и не гремела, а катилась хоть и с шумом, но не с таким, что слышен за полмили. Однако ж эти предосторожности были излишни. Город Банем в этот день обезлюдел. Все отправились грабить захваченное Владение.

Шестерка упряжных псов тянула повозку, крытую серой паутинной тканью, а правил ею человек в обычной одежде, типичный конгай из простонародья, и потому в опустевшем городе серый фургон, хоть и с не по-конгайски покрытыми колесами, внимания не привлек.

Повозка остановилась. Возница отложил длинную палку, которой правил упряжными, и тут же задремал. А из повозки один за другим выбрались девять человек в длинных плащах с капюшонами. В восьми угадывались воины, девятый же, длинный, тощий, наводил на мысль о старом сухом дереве. Он шел впереди, остальные – следом.

Оказавшись у дверей нужного дома, все девять остановились. Вперед выступил один из воинов. На голову его тоже был накинута капюшон, который оттягивало навершие шлема, а лицо обросло рыжей клочковатой бородой: воин не был конгаем.

Рыжебородый дернул шнур гонга, и дверь почти тотчас отворилась. В проеме стоял слуга, из местных, но за спиной его маячил широкоплечий латник с желтой кожей и редкой бородкой, выдававшими в нем тайца.

Бородач, ни слова не говоря, толкнул слугу в грудь, и тот, отлетев к стене, ударился затылком и сполз на пол.

Страж-воин пронзительно свистнул и мгновенно выхватил меч.

Из-за головы бородача высунулась длинная трубка, фыркнула – и ядовитая стрелка воткнулась в лоб стража. Он умер мгновенно.

Девятеро ворвались в дом.

– Всё обыскать! – по-гурамски пронзительным голосом выкрикнул высокий. – Убивать всех, кроме большой женщины!

И двинулся к лестнице, уводившей на второй этаж.

А по ней сверху уже сбегал воин в расстегнутой куртке, с мечом в руке.

Высокий дернул головой, и капюшон упал.

Худое лицо – кости обтянутые кожей – подобное лику мумии. Только глубоко посаженные глаза горят, как угли. Воин невольно остановился.

– Умри! – сказал ему человек с лицом мумии и, вытянув левую руку, сделал кистью ввинчивающее движение.

Воин коротко вскрикнул, и сердце его остановилось.

Маг перешагнул через сползшее по ступенькам тело и стал подниматься вверх. А внизу за его спиной уже звенело железо.

Телохранитель вбежал в комнату Ронзангтондамени. Меч его был окровавлен, глаза – безумны.

– На нас напали! – выговорил он, тяжело дыша.

Женщина Урнгура мгновенно оказалась на ногах:

– Кто?

– Не знаю! Сражаются, как демоны! Беги, госпожа! – воскликнул он, схватив Ронзангтондамени за рукав платья.

На миг Ронзангтондамени поддалась его порыву, но, сделав пару шагов, опомнилась.

– Нет! – отрезала она.

Бежать? Ей?

– Нет! – И оттолкнув стража, вышла из комнаты на террасу.

Там было пусто. Крики и лязг оружия слышались из Зала Церемоний. Женщина Гнона бесстрашно двинулась туда. Воин с мечом шел за ней по пятам.

Ронзангтондамени коснулась рукой дверной завесы, но не откинула ее, услышав за спиной глухой удар и стон.

Она быстро обернулась. Ее страж оседал на пол. Из горла его торчала узкая головка арбалетного болта.

Убийца соскочил с перил на террасу и, отшвырнув арбалет, кинулся к Ронзангтондамени.

Женщина Урнгура выбросила вперед руку – нападавший замер, словно наткнулся на стену.

– Мхад ше атма! – произнесла она на священном языке урнгрия. – Ты – дерево!

Лицо человека окаменело. Он застыл, не в состоянии шевельнуться.

В Зал Церемоний Ронзангтондамени вошла слишком поздно: трое ее телохранителей были уже мертвы. Погибли и двое нападавших. Трое остальных бросились к Ронзангтондамени.

Женщина Урнгура вскинула вверх руки, пропела короткую фразу, и воины застыли, будто скованные холодом.

Перешагнув через труп убитого магом стража, Ронзангтондамени начала подниматься по лестнице...

Прозрачный Саркофаг с телом Нила стоял посреди комнаты, источая нежное сияние. Мощный-как-Пламя, сосредоточив на нем огненный взгляд, пробормотал заклинание. Исходящий от Хранителя Жизни свет стал чуть более голубым. Складка, пересекающая бугор над переносицей мага, углубилась. Он пробормотал еще три заклинания, одно за другим. Ничего.

Мощный-как-Пламя ощутил поднимающийся внутри гнев, и сила его возросла. Длинные узловатые пальцы вспыхнули огнем того же цвета, что и сияние Хранителя Жизни. Десятки крохотных молний метнулись от рук мага к прозрачной стенке Саркофага.

Стенка замерцала. Перезвон хрустальных колоколец наполнил комнату.

Но Саркофаг не открылся. Мощный-как-Пламя с шипением выпустил воздух. Трель оборвалась, мерцание прекратилось. Большое тело Нила по-прежнему плавало внутри, в зеленой сердцевине Хранителя Жизни.

Маг уловил чужое присутствие и обернулся.

В двух шагах от него, скрестив на груди руки, сузив глаза, стояла Женщина Гнона.

С минуту маг и Ронзангтондамени молча смотрели друг на друга. Длинное высохшее лицо мага не выражало ничего. Мощный-как-Пламя осторожно прощупывал Женщину Гнона, а Ронзангтондамени прощупывала его. Им не нужны были слова. Им не нужно было даже глядеть друг на друга...

Они ударили одновременно, разом, как прыгают, схватываясь в воздухе, разъяренные парды.

И маг оказался сильнее. Власть его сдавила Ронзангтондамени, как клешня сдавливают раковину. Скорлупа, хрустнув, рассыпалась, и воля мага вонзилась в нежную мякоть. Сердце Женщины Гнона затрепетало, и разум оставил ее. А ловец сжимал все сильнее, пока не нащупал в глубине жемчужину.

Пальцы с жадностью схватили ее, чтобы выдернуть, вырвать наружу, разрывая плоть...

И будто расплавленный свинец наполнил кости рук мага! Со звериным воплем он отпрыгнул назад, ударившись спиной о прозрачную глыбу Саркофага. Черная дрожь била его. Его Сила и Сила Женщины Гнона питались от общего корня! И мгновение назад он чуть не осквернил этот корень!

Маг послал зов и, когда на него откликнулись, стал жадно впитывать энергию содрогающимся телом.

Ронзангтондамени стояла неподвижно, смежив веки, сомкнув губы большого рта. Ни следа страдания, подобного испытанному магом, не отразилось на ее смуглом лице. Женщина словно спала.

Рыжебородый здоровяк вбежал в комнату, за ним появились остальные.

Увидев, что с Мощным-как-Пламя ничего не случилось, он облегченно вздохнул.

– Пеха остался внизу! – доложил он. – Стережет дверь! Остальные убиты. Эти парни бились, как кугурры! Без тебя запросто порешили бы нас! – Рыжебородый поглядел на Саркофаг, а потом на застывшую фигуру женщины.

– Вот ведь колдунья! – пробормотал он, сотворив охранительный знак. – Зачаровала вмиг, несмотря на твое слово! Войди она на полминуты раньше, ее парни нашинковали бы нас, как мясо для пирога!

– Все в воле Судьбы, – сказал маг. – Сейчас она не опасна. Не трогать!!! – закричал он, когда один из воинов протянул к Ронзангтондамени руку.

От мощного рыка воин так и подскочил.

– Баразан! – обычным голосом произнес маг. – Все мертвы?

– Кроме нее! – Бородач кивнул на Женщину Гнона.

– К ней – не прикасаться! – строго сказал маг.

«Хорошо бы и эту взять с собой! – подумал он. – Но никакой силы не хватит, чтобы укрыть ее от видящих!»

– Подгони повозку к задней двери и погрузи в нее это, – Мощный-как-Пламя указал на саркофаг.

– А управимся? – с сомнением произнес Баразан. – Эта штука быка на три потянет, не менее! Может, ты, хозяин...

– Справитесь! – отрезал маг. – Он намного легче, чем кажется. Живо, пока я не запустил вам в кишки червей!

Шестеро воинов поспешно взялись за Саркофаг и действительно без труда оторвали его от пола.

Маг снова обратил взгляд к Женщине Гнона.

«Как она прекрасна!» – подумал он, глядя сквозь окутывающий Ронзангтондамени пылающий Кокон Силы.

И вздрогнул, вспомнив о боли, которую только что испытал.

– Велика мощь Ушедших! – пробормотал он и покинул комнату.

Первое Владение не доставило никаких хлопот. Объяснялось это тем, что Властитель его, соххоггой, был стар и вдобавок ослабел умом. Так что войско Санти вошло во Владение, не обнажив мечей. Не то чтобы слуги и стража их приветствовали, нет! Иметь хозяином выжившего из ума старика было для них истинным подарком. Никто из челяди ни в чем себе не отказывал. Среди соххоггоев не принято вмешиваться в чужие дела. На Владение никто не покушался. Скорее всего, сородичи старика и не знали об истинном положении дел.

По распоряжению Санти дряхлому Властителю сохранили жизнь и позволили мирно завершить ее, поселив в одной из комнат дворца. Остальными же комнатами немедленно занялся предприимчивый Рех.

А вот со вторым Владением дело обстояло иначе. Хотя стражи его и обещали не вмешиваться, но прямо предать своих хозяев они не смогли. Четверо Властителей – отец, мать и двое взрослых сыновей – принадлежали к сильной Ветви, а само Владение велико, богато и охранялось тремя сотнями стражей. Оповещенные о возможном нападении Властители приняли все необходимые меры. Конечно, они не могли превратить ограду Владения в крепостную стену, но выставили дозорных и заперли ворота. Как-то прознав о приходе Иллана и Вига, они пообещали стражникам тройной куш, если нападение будет отбито.

Войско Санти составляли две с половиной тысячи воинов. Причем лишь тысяча с небольшим – обученные солдаты. Шансы на успех и на поражение были примерно равны. Санти колебался. Эрд, Иллан, Виг уговаривали рискнуть. К воинам присоединился и Рех, чувший, что богатства этого Владения огромны.

Зато против был Ратсай, командующий пешими воинами. «Многие погибнут!» – утверждал он. И погибнут зря, потому что совсем скоро, как он полагал, под рукой Санти будет втрое больше воинов.

Санти принял сторону Ратсая.

И выбор был счастливым.

Не прошло и часа, как разведчики донесли: по дороге движется большое войско – три тысячи всадников.

То была подмога, вызванная Исполняющими Волю.

Начни Санти осаждать Владение, эти три тысячи ратников наверняка обрушились бы на него.

Взяв с собой Эрда, Иллана, Вига и десяток телохранителей, Санти отправился на восток по дороге, что вела к большому городу Кесану.

Через полчаса они увидели передовой отряд низинного войска, направлявшийся прямо к ним.

Командовавший отрядом сотник обменялся приветствиями с Вигом и с любопытством посмотрел на остальных.

Армейский сотник, страж соххоггоев, воин-северянин в богатых доспехах и роскошно одетый юноша с пронзительными глазами – довольно странная компания. Но странная или нет, а задерживать ее командир дозора не стал. К тому же Эрд сразу заявил, что желает видеть командующего.

Санти опять повезло: начальствующим над войском оказался фарангский тысяцкий Ганг.

В сопровождении встретившего их сотника воины и Санти подъехали к колеснице Ганга, катившейся за десятью первыми сотнями.

Тысяцкий тотчас признал Эрда, хотя видел его лишь однажды в доме Шинона. А вот Санти он не узнал, и юноше пришлось назвать себя.

Если тысяцкий и был удивлен своими гостями, то не подал виду. Эрд был объявлен преступником, но Ганг не стал торопиться с арестом светлорожденного.

Крытая колесница тысяцкого была достаточно просторна, чтобы вместить дюжину. Однако сели в нее только Эрд и Санти. Остальные остались снаружи.

Сын зодчего Тилода не стал тратить время попусту, сразу начав с главного. Три минуты понадобилось ему, чтобы объяснить Гангу свою цель. Речь его была лаконична, но горяча. Ганг выслушал его, не перебивая. Тысяцкому Санти понравился. И то, что он сказал, тоже.

Тысяцкий пригладил широкой ладонью коротко стриженные волосы, посмотрел в глаза Эрду и принял решение, не задав ни единого вопроса. Но оглашать его не спешил.

– Не знаю, Освободитель ты или нет,– заявил он.– Я не маг и не жрец, чтобы видеть такие вещи. Время покажет, тот ли ты, о ком было сказано. Может быть, может быть... Ты молод и красив, а твоего отца Тилода воистину можно назвать Повелителем Камня. Честно говоря, я не слишком верю в легенды. Я – воин. Мое дело – не толковать пророчества, а охранять Благословенный Конг. Однако ж должен тебе сообщить: уже много лет соххоггой не правят Конгом. Хотя и обходятся нам недешево!

– Кто же правит? – спокойно спросил Санти.

– Исполняющие Волю!

– Волю Великого Ангана?

Военачальник жестко улыбнулся:

– Отнюдь! Свою собственную! Но не будь Великого Ангана, им нелегко было бы поладить. И править было бы нелегко!

– Тем позорнее,– так же спокойно произнес юноша.

– Не спеши! – поднял руку Ганг.– Конечно, вред от них есть, хотя мне, например, да и большинству из конгаев они ничего плохого не сделали. Да, они пощипывают купцов, хватают путников, проходящих мимо замков. Зато купцы у нас в Конге не вмешиваются в дела воинов, как это принято нынче в Империи! – Ганг одарил Эрда ироническим взглядом.– А чернь больше работает и меньше шатается по дорогам! Соххоггой – пугало. Кроме того, люди верят, что красноглазым суждено править Конгом. И не оспаривают этого права.

– А те, кто оспаривает,– исчезают? – язвительно поинтересовался Эрд.

– Смутьяны будут всегда, и карать их – необходимо,– отрезал Ганг.– На этом держится власть. А суеверный страх перед соххоггоями – отличная узда для простонародья. Это как зверюга-магхар, которого держит наместник Алан. Ты вряд ли его видел...

– Я его видел! – вставил Эрд.– Отвратительная тварь!

– Вот именно. Никто же не станет утверждать, что этот урод правит Фарангом. Зато угроза отдать преступника этому чудовищу весьма действенна. Не будь соххоггоев, нам пришлось бы намного увеличить число стражников и тех, кто заботится о сохранении уважения к Власти. Возможно, это обошлось бы дешевле, чем красноглазые. А может и нет. Мы узнаем об этом, если ты добьешься своего. Но запомни: любая Власть должна карать тех, кто на нее покушается. Потому что если Власть падет, то это будет большой бедой не только для Власти, но и для всего народа.

– Значит все, кто исчезает, чтобы умереть или оказаться на Юге,– угроза Власти? – резко спросил Санти.

– Почти все,– кивнул Ганг.– Хотя иногда страдают и те, кто неповинен! Но разве в других землях такого нет? Зато у нас есть красноглазые, и люди ненавидят их, а не Исполняющих Волю или, скажем, меня, воина Конга, как бы круто я ни обходился с простонародьем! Это разумно и справедливо. Смутьяны должны быть наказаны.

– Я был смутьяном? – напрямик спросил Санти.

Ганг промолчал. Но не похоже было, что он смущен.

– Может, смутьян – мой отец, зодчий Тилод?

– Вот поэтому,– сказал Ганг, вздохнув,– я не выступлю против вас. И не стану защищать Владения от ваших воинов! И даже не поведу своих людей в Далаанг!

– Но и к нам ты не присоединишься? – уже понял юноша.

– Да. Я буду ждать, пока не пойму, что действительно лучше для Конга!

– Иначе говоря, выждешь, пока не станет ясно, кто победит, и тогда нападешь на слабейшего? – с вызовом спросил Эрд.

Ганг не оскорбился.

– Разве в вашей истории такое встречалось редко? – спросил он. – Я мог бы назвать немало правителей Белой Тверди, поступавших так и воспетых в ваших балладах. Назвать?

– Не надо, – сказал Санти. – Но я хотел бы лучше понять твои мотивы.

– Они просты, – ответил Ганг. – Даже если ты и есть Освободитель, все равно я не могу пойти за тобой. Я – воин, и я принес присягу Великому Ангону. И не отступлю от нее, чтобы не потерять честь. Я буду по-прежнему выполнять приказы Великого Ангана.

– Но разве ты не нарушаешь присягу, отказавшись защищать от нас Владение?

– О нет! – Тысяцкий засмеялся. – Поддерживать порядок в стране – дело стражи, а не солдат. У меня нет приказа защищать Владения. Мне приказано пресечь враждебные действия проникших в страну урнгурцев. Разве вы – урнгурцы?

– А если бы тебе вдруг попались урнгурцы? – осторожно спросил Эрд.

– Я атакую, – лаконично ответил Ганг.

Санти и светлорожденный переглянулись.

«Да они похожи, как братья!» – с изумлением обнаружил тысяцкий.

– Когда станешь лагерем, – сказал Санти, – дай знать. Я пришлю человека, который поможет тебе с продовольствием. Здесь не слишком богатый край!

– Благодарю. – Симпатия, которую Ганг испытывал к юноше, превратилась в уважение.

Оставив осажденное Владение на попечение войска и Ратсая, Санти, Эрд, Виг и Иллан, прихватив с собой сотню всадников Вига, вернулись в Банем. По дороге они встретили множество повозок, тянувшихся в сторону взятого утром Владения. Целые караваны повозок.

– Что творится с нашими добрыми конгаями! – воскликнул Виг. – Весь мой Банем отправился грабить!

– Тогда они просчитались! – сухо сказал Эрд. – Там – Рех!

– Думаешь, он управится с этим нашествием?

– Он управлялся и с настоящими разбойниками! Если кто-то из горожан и наполнит свою повозку, то – не бесплатно!

Они въехали в город. У дома Вига воины спешили, лишь Санти остался в седле.

– Я съезжу к Ронзангтондамени, – сказал он Эрду и отбыл в сопровождении телохранителей.

– Для начала вино и орехи, достойные, годится? – предложил Виг. – Угощение будет подано через несколько минут.

– Кстати, достойные, – произнес Иллан. – Я давно уже не прочь поговорить об имуществе соххоггоев.

Эрд скривил губы.

– Светлейший! – с вызовом произнес Иллан. – У тебя дюжина замков и обширные родовые земли. И треть высших военачальников империи – твои родственники. Так?

– Так! – согласился Эрд, уже догадываясь, куда клонит воин.

– А у меня, Иллана из рода Харингеров, – ничего, кроме обветшавшего дома и крохотного поместья. Я столько лет служил тем, кого предпочел бы отправить в Нижний Мир, чтобы всего лишь выкупить у купчихи собственные земли!

– Я понял, благородный Иллан! – сказал пристыженный Эрд. – Клянусь именем Тура, мы позаботимся о твоей доле! Это справедливо!

– Благодарю, светлейший, я тронут! – Иллан поклонился. – Но речь идет даже не обо мне. В конце концов я сумею не упустить своего. Но наш вождь, Сантан Фарангский... насколько я понял, у него вообще ничего нет? Даже его одежда принадлежит урнгурской женщине. Мне такое кажется несправедливым!

– Присоединяюсь! – поддержал Виг.
– У него есть Меч, – заметил Эрд.
– Меч есть и у меня! – возразил Иллан. – Разве мы говорим о мечях?
– Его Меч стоит дорого.
– Я заметил! Но и мой – не из дешевых! Я...
– Белый Меч Асенаров, – сказал Эрд.
– Что? – У Иллана отвисла челюсть. – Но как...
– Я потерял его, – произнес светлорожденный. – А он – нашел! И отдал его мне. – Эрд посмотрел на ошеломленное лицо Иллана и тихо засмеялся. – А я отдал Меч ему!
– Но Меч Асенаров служит только Асенару! – воскликнул Иллан. – Разве легенда обманывает?
– Нет. Легенда истинна. Но Меч признал Сантана Асенаром!
– Как так? Он же конгай!
Эрд покачал головой.
– Что мы о нем знаем? Даже я... Меч признал его и теперь принадлежит Сантану Фарангскому!
– Да, – сказал Иллан. – Зря я тревожился об имуществе нашего вождя!
Они замолчали, погружившись каждый в свои мысли. Но молчание их нарушил Виг:
– Достойные! Я всего лишь неблагородный начальник сотни. И мне понятен вопрос Иллана об имуществе. У нас в Конге тоже много красивых легенд. Но я не считаю, что меч, пусть даже о нем слагают легенды, может заменить хороший надел земли. Негоже, чтобы достойный наш вождь оставался нищим и жил на подаяние чужеземки! Даже у меня есть своя земля. Пусть Сантан возьмет себе любое из Владений или что-то еще, достойное его деяний!
– Я не против того, чтобы Санти взял себе одно из Владений, – согласился Эрд. – Но боюсь, что против будет он сам. А что касается земли... Скажу тебе и о землях! Белый Меч – знак Наследника Асенаров! А Наследнику Асенаров принадлежат в Империи Владения, достойные его. Пока Меч был моим – и майорат Белого Меча был моим. Теперь он принадлежит Сантану!
– Выходит, теперь нищий – ты? – спросил Виг.
Эрд улыбнулся:
– У меня еще осталась дюжина замков. И треть родственников – высших военачальников. И звание Военного Вождя! Все же я – не просто Асенар, но светлейший из Дома Мориты! И еще у меня есть брат Сантан Фарангский, носитель Белого Меча!
– А он сам знает об этом? – спросил Иллан.
– Я ему не говорил. Но, думаю, его все это не волнует. Вряд ли любимца фьель интересуют имперские замки!
– Любимца фьель? – в один голос воскликнули оба воина.
– Ты говорил об обеде, сотник Виг?.. – напомнил Эрд, давая понять: он сказал все, что хотел.
– Да... Да, достойные господа! Прошу вас!

Едва взглянув на здание, Санти ощутил укол предчувствия и погнал парда вскачь.
Парадная дверь была распахнута настежь. Санти спрыгнул наземь, и никто не вышел принять его парда. Не заботясь о нем, юноша вбежал в дом, и первое, что он увидел, – окровавленные тела. У него перехватило дыхание.
За его спиной раздался шелест стали: его телохранители обнажили мечи. Это вывело Санти из ступора.
– Ангнани! – закричал он и ринулся в комнаты Женщины Гнона.
Телохранители не отставали от Санти ни на шаг. Один из них поддержал юношу, когда тот споткнулся о труп убитого стража, а второй, обойдя, первым вошел в комнаты Женщины Гнона.

Санти посмотрел на носок своего сапога, испачканный кровью, потом на хвостовик арбалетного болта, торчащий из шеи убитого стража... и опомнился.

Он же маг, в конце концов!

Охватив мысленно весь дом, Санти сосредоточился и с облегчением ощутил, что Ронзангтондамени жива.

– Иди за мной, – приказал он телохранителю. – И убери меч – чужих в доме уже нет.

Через полминуты они были в зале, где прежде находился Саркофаг.

Но Санти не сразу заметил пропажу Хранителя Жизни. Он увидел свою возлюбленную и понял, что с ней случилось недоброе. Женщина застыла в напряженной позе с неестественно спокойным лицом. Глаза ее были закрыты.

– Ангнани! – позвал юноша, коснувшись поднятого, словно сведенного судорогой плеча.

Санти едва дотронулся, но урнгрийка тут же начала падать, как потерявшая равновесие статуя. И упала бы, если б один из воинов не успел ее подхватить. Санти с трудом подавил беспокойство, сосредоточился... и с ужасом ощутил, что душа Женщины Гнона от него ускользает.

Он схватился за эфес меча – инстинктивное движение! – и веки Ронзангтондамени дрогнули.

Санти заглянул в синеву ее глаз и увидел там злые глаза мага.

Воин поддерживал Ронзангтондамени. Санти, не отрывая правой руки от меча, левой провел от виска к виску Ангнани, а потом – от середины лба вниз, к переносице. Костлявое длинное лицо медленно растворилось в глубокой синеве. Так исчезает отражение, когда отодвигается тот, кому оно принадлежало.

– Ангнани! – позвал юноша, и теперь женщина услышала его.

Губы Ронзангтондамени шевельнулись. Она пыталась что-то сказать, и Санти скорее угадал, чем услышал: Хранитель Жизни.

Только сейчас Санти заметил, что Саркофаг исчез.

– Найди Эрда! – приказал он одному из воинов. – Скажи ему, пусть снарядит погоню: украли тело Нила Биоркита! Торопись! – И стражу, который держал женщину: – Положи ее сюда. Ангнани, не говори ничего! Спи! – И накрыл ладонью ее веки.

Погоня, высланная Эрдом во всех возможных направлениях, ничего не дала. Светлорожденного это удивило: ведь Саркофаг – предмет, который практически невозможно утаить! Но Санти, уже отводившему чужие глаза, это не показалось странным. Собственно, он и не ожидал, что Нила найдут: сильному магу нетрудно замести следы.

Был отправлен гонец в условленное место – связаться с Биорком. Если кто-то и мог выследить похитителей – то это вагар. Санти предлагал бывшему турингу, оставив урнгрия в надежном укрытии, с малым отрядом присоединиться к их армии.

И следовало что-то решать с Владением. Если и второй оплот соххоггоев устоит – это может принести дурные плоды.

В Конге не один десяток Владений. Через некоторое время они наверняка забудут о взаимном недоверии и сплотятся вокруг Великого Ангана, чтобы выжить. То будет немалая сила! Чтобы сломить ее, потребуется поднять весь народ Конга, а народ пойдет только за победителем. Слишком долго соххоггои властвуют здесь! Слишком велик страх перед ними. И все решится в ближайшее десятидневье!

Когда стемнело, по приказу Эрда к стенам Владения подтянули боевые машины. Вся армия Санти, разделенная на три части, ждала в готовности. С восходом первой звезды в стену в трех местах ударили тараны и с легкостью проломили ее. Тотчас вступили в действие катапульты и баллисты, метавшие снаряды с огненным зельем. Конгаи ринулись вперед. Когда они с трех сторон подступили к замку, тот уже был объят черным коптящим пламенем. Стены дворца были построены из негорючего материала, но огонь охватил

деревянные украшения, полотнища флагов, надстройки. Все вокруг было ярко освещено, и воины Санти осыпали дворец градом стрел. Оттуда отвечали тем же, но в тени парковых аллей разглядеть нападающих трудно. Баллисты били не переставая.

Наконец произошло то, чего ожидал и чего опасался Эрд. Защитники сделали вылазку. Засвистели десятники, созывая рассыпавшихся стрелков, затрубили рожки начальников сотен.

Стражи соххоггоев набросились на штурмующих. В ночном бою каждый из них стоил едва ли не десятка конгайских солдат. Но те не отступили. Их было намного больше, и стражи, сражавшиеся десятками и тройками, сразу оказались в гуще врагов. Большинство конгаев бились пешими и старались подстрелить если не всадника, то парда, но звери прыгали на людей сверху и подминали их прежде, чем те успевали прицелиться. Впрочем, десяток всадников и несколько десятков наспигованных стрелами пардов уже валялись на земле.

Эрд, Иллан и еще двенадцать бывших наемников вместе с сотней лучших бойцов прорубились к ступеням парадного входа во дворец. Здесь, между горящими лужами огненного зелья, озаренные пламенем пожара, бились сами Властители. Две дюжины стражей сражались рядом с ними, и мраморные плиты стали скользкими от крови конгаев, а парды плясали на их мертвых телах. Соххоггоям ничего не стоило прорваться сквозь ряды нападающих и спастись бегством, но им казалось нелепым бежать от собственного гнезда. Да, они останутся здесь и будут сражаться, пока не умрет последний из взбесившихся червей.

Пьющий Кровь яростно крушил шлемы и доспехи стражей. Владеющий Мангхэл-сёрк Эрд превосходил наемников так же, как сами они превосходили конгайских солдат. Иллан, вооружившийся для битвы тяжелым широким мечом, охранял светлорожденного слева. Сзади и справа его берегли другие.

Удар обрушился на налобник парда. Зверь заревел. Эрд сдвинул его коленями и, наклонясь, избежал следующего удара, направленного уже во всадника. Противник его, сплошь закованный в сталь, вновь взмахнул клинком. Эрд парировал, а меч Иллана разрубил шлем нападавшего. Эрд успел опознать соххоггоя раньше, чем кровь из расколотой головы полностью залила лицо убитого.

– Один – наш! – закричал он.

Кто-то отбил клинок, метивший в забрало светлорожденного. Кто-то слева принял на щит Пьющего Кровь и спас стража, подставившего Эрду затылок. Пард светлорожденного взмахнул лапой, пытаясь достать помешавшего его хозяину, но не дотянулся и в ярости вонзил клыки в шею ближайшего парда. Его всадник, подброшенный вверх, вылетел из седла и свалился под ноги одного из зверей. Упавший был конгаем, но парды не разбираются, кто из них – чей: они знают только хозяина. Оглушенный падением, воин, мало что соображая, с воплем ударил мечом вверх и пропорол брюхо приплясывавшего над ним зверя. То был пард соххоггой, бившейся вместе с мужчинами. Пард вздыбился, короткое копьё женщины переломилось, застряв в щите противника, и тот обрушил на соххоггою боевой топор. В то же мгновение один из сыновей соххоггой метнул в секирщика кинжал. Бросок был таким мощным, что кинжал пробил тыльник конгая. Топор перевернулся в его руке и плашмя упал на гребень шлема Властительницы. Женщина качнулась в седле и стала медленно валиться на бок – вместе с умирающим пардом. Ее сын, криком призывая на помощь, попытался пробиться к ней, но был убит посланной с трех шагов арбалетной стрелой.

Последний соххоггой рубился сразу с тремя противниками. Никто из стражей не мог прийти ему на помощь. Но он и не нуждался в помощи. Одного за другим он поверг всех троих, и тут его затопила нахлынувшая волна всадников Вига. По приказу Эрда сотник бросил их в бой в самый решительный момент. Триста воинов, обогнув дворец, захлестнули сражавшихся у ворот. Меч соххоггоя взлетел еще дважды, а потом удар гурамской сабли лишил его и врагов, и соратников, и всего Мира Иллюзий.

С гибелью последнего Властителя стражи Владения тут же прекратили сопротивление. Владение пало. Но заплатить за него пришлось полной мерой. Впрочем, и Эрд, и Иллан, и Виг торжествовали. Владение было сильным и богатым, а для многих важнее всего был сам факт схватки с красноглазыми на их же земле. Теперь вместо каждого погибшего в армию Санти придут десять новых солдат. Эрд же, вновь вкусив радость и ярость битвы, был бы совершенно счастлив. Если бы не похищение Нила.

VI

«Какими бы загадочными ни казались нам действия тех, кого в последние века называют темными магами, цель у них только одна – обретение магической мощи. И мощь, та, какую они ищут, – древняя магия Махд-Шагош, да не позволит им Неизъяснимый отыскать ее!..»

Фахри Праведный Эдзамский.
Происхождение магов
и божественная сила волшебства

– Мы знаем лицо того, кто его украл, но это все, что знаем о похитителе! – сказал Эрд. – Может, вы, владеющие магией, попробуете его выследить?

Вчетвером – Эрд, Санти, Иллан и Ронзангтондамени, они сидели в той самой комнате, где не так давно стоял Саркофаг.

– Попробовать-то я попробую, – задумчиво произнес Санти. – Но сомневаюсь в результате. Это ему, или ему подобным выследить меня было нетрудно.

– Сильный чародей? – спросил Иллан. – Алчущий Силы?

– А кто еще в Море способен на такое? – произнес Эрд. – Мне хотелось бы знать, достойные, зачем темному магу понадобился Нил?

– Может, не Нил, а этот ваш Хранитель Жизни? – предположил Иллан.

– Санти, – упрекнула Ронзангтондамени. – Кто тебя выследил? Ты о чем-то умолчал?

– Да, – согласился юноша. – Умолчал. Может быть, дело не в Ниле и не в Саркофаге...

Он рассказал о напавших на него у побережья и о похищении Гестиона.

– Зачем ты скрыл это от меня? – с упреком проговорила Женщина Гнона. – Если бы я знала, то была бы готова!

– Моя ошибка, Ангнани! Я не хотел тебя огорчать! – с раскаянием произнес Санти.

– А я не прочь взглянуть на твоего дракона! – сказал Иллан.

– Зачем?

– Если ты заглянешь в мои мысли...

– Я не заглядываю в мысли, тем более – в мысли друзей! Говори словами!

– Светлейший Эрд! – Иллан повернулся к светлорожденному. – Ты видел немало драконов, верно?

– Достаточно!

– Что ты можешь сказать о драконе Сантана?

– Какое это имеет отношение к похищению Нила?

– Пожалуйста, ответь ему, брат! – неожиданно поддержал Иллана Санти. – Я чувствую связь.

Светлорожденный пожал плечами:

– Обычный дракон. Серый. В Черногорье таких хватает. Довольно крупный... К чему ты клонишь?

– Когда я был мальчишкой, – сказал Иллан, – драконы были моим главным увлечением! Я перечитал о них все, что нашел в библиотеке отца. Даже в Руну ездил! Так вот: я никогда и нигде не слышал, чтобы дракон напал на человека! Никогда!

Он оглядел присутствующих:

– Люди – да! Они пытались нападать на драконов, хотя это и бессмысленно! Кожа дракона прочнее шкуры харахша. А в шкуре харахша только тяжелая баллиста может проделать дыру. Мой красноглазый как-то рассказывал об охоте на этих бестий: вот действительно страшные твари!

– Ближе к делу, благородный Иллан! – напомнил Эрд.

– Да, верно. Твой Серый, Сантан, убил троих людей!

– Магов, – поправил юноша. – Но я согласен, это странно.

Санти вспомнил недавний сон, и дрожь прошла по его телу.

Разгадка была где-то рядом, но ухватить ее юноша не мог.

– Как же мы поступим? – спросила Ронзангтондамени.

– Я послал за Биорком! – сказал Эрд. – Здесь нужен его ум!

Он посмотрел на Женщину Гнона. Та сидела на подушках, большие руки ее покоились на сдвинутых коленях, спина выпрямлена, голова – слегка откинута назад.

Надменное темное лицо с высокими скулами, сильным подбородком, изящно вырезанными ноздрями. Линия переносицы начинается прямо от густых, крыльями расходящихся бровей... Не человек, а изваяние. И еще эта диадема надо лбом, тяжелые веки, прикрывающие чудесную синеву глаз, как ставень прикрывает вырезанный окном кусок густого северного неба...

«Какая древняя кровь...» – подумал Эрд.

А Ронзангтондамени, поймав его взгляд и почти угадав мысли, ответила взором столь глубоким, что трепет охватил бесстрашного потомка Асхенны. Всей силой своего собственного древнего рода ощутил Эрд еще большую силу, спящую силу, уходящую в бессмертную древность Мира. И удивился тому, что, видя Ронзангтондамени едва ли не ежедневно в течение почти полного года, только сейчас рассмотрел ее по-настоящему.

– Брат! – раздался рядом звонкий голос Санти.

С трудом отведя взгляд, светлорожденный повернулся к юноше.

– Я предлагаю оставить все до приезда Биорка! Скажи мне, хорошо ли устроены раненые? – спросил Санти.

– С ними – Ратсай! Рех собрал всех лекарей, что нашлись поблизости. Те, кто еще не умер, будут жить! У нас, милостью богов и госпожи Гнона, довольно чудесной смолы! Помощь оказана всем, не только нашим солдатам!

– Разумеется, – сказал юноша. – Жаль, что пролилось столько крови!

– Война! – пожал плечами светлорожденный. – Будь с нами Биорк, погибших было бы меньше. Но не будь у нас столько волшебной смолы, и толпа ушедших в Нижний Мир утратилась бы – в здешних краях совсем нет хороших лекарей. В Империи большинству из тех, кто здесь считается лекарем, не доверили бы и больную овцу! – И заметив тень, легшую на лицо Санти: – Не тревожься, брат! С урнурской смолой любой станет отличным лекарем!

– Я устала, – проговорили Женщина Гнона и провела рукой по лицу.

Иллан с Эрдом тут же поднялись.

– Пойду взгляну, как дела у лекарей! – сказал Иллан.

– Увидимся вечером! – Эрд поклонился, и оба вышли из комнаты.

– Жаль, что мы теряем время! – сказал Санти. – Нил...

– Милый! – Ронзангтондамени устало улыбнулась. – Хранителя Жизни потому называют так, что отнять у него доверенную ему жизнь невозможно!

– Но ведь ты можешь его открыть?

– Не всегда, хотя меня-то он знает!

– Да? А скажи: как он узнал тебя?

– Я побывала внутри.

– И?

– Я... Не хочу об этом говорить, не обижайся, мой Санти!

– Твое право, – пожал плечами юноша.

– Может, в другой раз! Я и вправду очень устала!

– Прости, Ангнани! Отдыхай!
Санти поцеловал ее в щеку и вышел.

* * *

Иллан двигался вдоль длинного ряда лежанок. Это была третья комната, которую он посетил. Здесь, в отличие от остальных помещений, в спертom воздухе плавали розовые волшебные светлячки. Кто-то из раненых, наделенный мелким чародейским даром, развлекался.

«Лучше бы вонь убрал»,– подумал Иллан.

Толстый важный лекарь расхаживал между лежанками.

Иллан обменялся парой слов со стражем соххоггоев, которому из-за раны в живот не дали сонного отвара. Днем раньше северянин собственноручно проткнул этот живот. Стражник не держал зла: война есть война! Раненый знал, что не умрет, и боль его пока не мучила. Когда применяют урнгурскую смолу, первые несколько дней рана не болит. Иллан похлопал его по руке, двинулся дальше... И вдруг остановился как вкопанный! Бодрая улыбка слетела с его лица: на лежанке, с туго забинтованной головой, сомкнув бледные с синими прожилками веки, плотно сжав тонкие губы, лежала соххоггоя!

Не будь она женщиной, Иллан, может, и не признал бы в ней соххоггою. Среди раненых были и побледнее, чем она. Но тонкая шея, грудь, приподнимающая простыню, маленькое личико... Между двумя своими соседями, рослыми широкими конгаями, она была как тростник – между стволами кедров.

Воин поманил к себе лекаря.

– Что с ней? – спросил бывший страж, указав на спящую.

– Небольшая рана на голове! – вполголоса сообщил лекарь. – Не опасная. Но – шок. И потеря крови. Через сутки она проснется, голодная и здоровая!

– Ее можно перевозить?

– Да. Ей не повредит.

– Я пришлю за ней. Надо сменить повязку?

– Дня через три можно будет просто снять. Рана затянется.

Иллан откинул простыню, нахмурился:

– Где ее одежда?

– Не ведаю, достойный! Мне ее передали голой!

– Не дай тебе боги солгать! – покачал головой Иллан. – Когда я видел ее в бою, на ней была не только одежда, но и отличные доспехи! Тот, кто снял их, пожалеет о сделанном!

– Не я, мой господин! – с достоинством произнес лекарь.

– Ладно. Одежду я пришлю! – сказал Иллан и отправился в следующее помещение.

* * *

– Исполняющие Волю совещаются! Никого не велено пускать! – Воин-десятник преградил дорогу Турну.

– Воля Великого Ангана! – рявкнул бур-чаданну.

Видя, что десятник не собирается уступать, Турн бесцеремонно оттолкнул его, мощным толчком распахнул двери и остановился на пороге, широколицый, приземистый, твердо стоящий на коротких кривоватых ногах.

Трое Исполняющих Волю обернулись и уставились на стража Великого Ангана: Керанраон – гневно; Унар – презрительно. Лишь лицо Луасая выразило внимание.

– Воля Великого Ангана! – прорычал бур-чаданну и подбоченился.

Свой круглый шлем с лохматым султаном он держал в левой руке, а правую положил на рукоять дага.

– Говори,– сказал Луасай, выдержав подобающую паузу.

– Великий Анган желает вас видеть! – надменно произнес Турн. – Не медлите!

И вышел вон.

Трое правителей переглянулись. Никогда прежде воля Великого Ангана не высказывалась так категорично. Он мог презирать Исполняющих Волю, но все же понимал их место в управлении страной. Он был Великим Анганом и не желал править «ничтожными». Он желал лишь, чтоб они удовлетворяли его прихоти.

– Пожалуй, у него есть основания для недовольства! – проворчал Унар. – Мы потеряли треть наших солдат и пустили чужеземцев в Сады.

– Но мы отстояли Дворец! – воскликнул Керанраон.

– Вряд ли красноглазый посмеет нас наказать! – вполголоса произнес Луасай. – Но если посмеет – защитить нас некому! Оставшимся солдатам и часа не продержаться против стражей! Кстати, вы заметили: он нанял новых?

– Заметили! – угрюмо отвечал Керанраон. – Вы, если желаете, – идите! А я подожду вас здесь! – заявил он. И добавил со значением: – Если дождусь.

Луасай и Унар, сопровождаемые шестью воинами, покинули отведенную Исполняющим Волю часть Дворца. Через внутренний двор, бывший одновременно купальней и тренировочной площадкой стражей Великого Ангана, они прошли к одному из входов в главную часть Дворца. Здесь Исполняющих Волю встретил оставленный Турном проводник. Мера эта была необходимой: Великий Анган часто менял собственные покои. Такова традиция.

Миновав несколько галерей, Исполняющие Волю остановились: скрещенные топоры стражей преградили им путь. Но с другой стороны галереи к ним уже шел Сихон.

– Пропустить! – приказал он воинам, и те отодвинулись в стороны.

– Кто ты? – спросил его Луасай, когда они вместе вошли в просторный подъемник и опустились на обшитый красным атласом диван.

Сихон ничего не ответил, и Исполняющий Волю насторожился.

Они поднялись наверх, прошли по длинному светлому коридору, и оба Исполняющих Волю вмиг оказались в кольце стражников Великого Ангана. Их собственных солдат стражники отеснили назад. Унар инстинктивно схватился за меч, но тут же убрал руку: сопротивляться было бы смешно. Впереди раскрылись золоченые двери, и Сихон подтолкнул Исполняющих Волю внутрь. Те, не артачась, вошли в зал... и увидели Маску. И испытали новое потрясение: Маска сменила хозяина!

Пока Исполняющие Волю переваривали случившееся, Нассини приблизилась к ним и внимательно оглядела обоих соправителей. Оба, высокие, осанистые, чем-то походили друг на друга, хотя Луасай был лет на пятнадцать старше, и волосы его тронула седина.

– Сихон! – приказала Нассини. – Этого, – указав на Луасая, – под стражу, а второго – ко мне! – И опередив собравшихся протестовать триумвиров: – Откроют рот – убей!

– Великий Анган ¹⁸, – произнес Сихон, когда наемники увели Исполняющих Волю. – Шестеро гонцов от Властителей! Ждут твоего ответа!

– Что в письмах?

– Несколько Владений захвачено и разгромлено урнгурцами! Они требуют, чтобы ты очистил их земли от разбойников и возместил убытки из собственных средств! Если же твоим рабам не под силу изгнать злодеев, ты обязан созвать старших Ветвей для совета и обеспечить каждому безопасность!

Подписано и опечатано шестью старшими Ветвей запада!

– Отошли всех без ответа! – недолго думая сказала Нассини. – Несколько сотен урнгурцев не причинят особого вреда. Ничтожные вызвали войска из низовья. Они придут,

¹⁸ Титул «Великий Анган» не имеет женского рода, и к носителю Маски традиционно обращаются как к мужчине.

если уже не пришли. Так пусть черви убивают червей во славу Истинного! Что еще?

– Третий Исполняющий Волю, Великий Анган! Он не явился!

– Явится. Поставь у врат собственную стражу: никого не выпускать без твоего ведома.

Ты знаешь, что требуется?

– Да, Великий Анган!

– Через час пришлешь ко мне того, что помладше! Иди!

– Да, Великий Анган!

Сихон знал, насколько приятно для Нассини, когда ее называют Великим Анганом, хотя она ничем не выказывала этого. Тот, кто любит, угадывает без слов.

Сихон вышел, и Нассини опустилась в глубокое кресло, размышляя о причудливости Иллюзии. Вот, произволом Истинного, она поставлена надо всеми Его детьми. И не их собственным желанием, как прежние носители Маски, а лишь справедливостью Создателя. Не желая и не мечтая стать Великим Анганом, она, дочь, стала сыном Истинного и получила Маску как дар. Вот подлинное понимание искусства! Теперь она примет под свою руку всех детей Истинного! Она, Нассини, Великий Анган!

Соххогоя не испытывала никаких сомнений. Создатель благоволит ей!

Как только Керанраон узнал об аресте соправителей, он немедленно распорядился оседлать двенадцать пардов: для себя и своих телохранителей. А сам быстрым шагом отправился в большой четырехэтажный дом в четверти мили от Дворца. Он рассчитывал, что Великий Анган не рискнет арестовать Исполняющего Волю на виду у всех.

В четырехэтажном доме, разительно отличавшемся архитектурой от всего остального Далаанга, помещалась Канцелярия. Называясь Канцелярией Великого Ангана, она, по сути, жила собственной жизнью, во многом неподвластной не только Великому Ангану, но и Исполняющим Волю. И начальствовал здесь человек, избранный не триумвиратом, а прежним руководителем Канцелярии. Ибо это был столь сложный механизм, что управлять им мог лишь тот, кто досконально разбирался в тонкостях конгайской чиновничьей машины. Без Канцелярии ни одно из распоряжений Исполняющих Волю не могло быть исполнено как следует. У каждого триумвира здесь были свои люди, и, разумеется, соправители одобряли каждого нового Начальника, прежде чем тот принимал пост. Но за последнее столетие ни разу не случилось такого, чтобы Исполняющие Волю не одобрили предложенного кандидата. Впрочем, Керанраон отлично знал: Канцелярия может и обойтись без Исполняющих Волю. А вот обойдутся ли они без нее?

Встречаемый раболепными поклонами, Керанраон проследовал через зал Донесений в кабинет Носителя Серебряного Дракона, Начальника Канцелярии Великого Ангана, Пенета.

Пенет встретил Исполняющего Волю стоя. Знал: лишний раз оказать уважение триумвиру – не повредит.

– По приказу Великого Ангана... – сразу начал Керанраон.

– Знаю! – мягким голосом произнес Начальник Канцелярии. – Новый Великий Анган!

– О!

Для Керанраона то была новость!

– Но почему? – воскликнул он, уяснив сказанное. – Великие Анганы уже бездну лет не смещают и не назначают Исполняющих Волю! Что за выходки?

– А знает ли доблестный и многомудрый Керанраон, кто стал новым Великим Анганом?

– Разумеется – нет!

– Может быть, когда он узнает, ему будет легче понять некоторые вещи?

– Не тьяни! – попросил Исполняющий Волю.

– Как угодно доблестному Керанраону! Великий Анган – женщина!

– О! – второй раз произнес триумвир.

– Соххогоя Нассини!

– О! – в третий раз воскликнул Керанраон.

– Да, Нассини! Разве все мы не следили за этим маленьким гвоздиком в башмаке

Властителей?

– Да, я знаю это дело! – сказал Керанраон. – Прошу тебя, продолжай!

– Великому Ангану, прежнему Великому Ангану, донесли кое-что о маленькой коллекции, что собирает наша соххогоя. Нечто особенное, верно?

– Кое-что я слышал...

– Весьма вероятно. Но мне самому сообщили об этом сравнительно недавно. А также о том, что ради пополнения своей коллекции наша соххогоя не постеснялась умертвить и оскопить собственного сына и наследника! Впрочем, для соххогоя это вполне достойное деяние. Да. И Великому Ангану, бывшему Великому Ангану, такое показалось пикантным. Он даже вознамерился посетить Нассини, чтобы поглядеть на коллекцию, а при случае и поразвлечься с ней. На свой лад!

Пенет захихикал.

– Он по этой части был очень проворен, наш Великий Анган! Но, полагаю, Нассини оказалась проворнее. И, по закону Властителей, она сама стала Великим Анганом и хозяином Маски. Вернее, хозяином Маски и вследствие этого – Великим Анганом. Правда, учитывая то, как получила она сей знак власти, уместно предположить, что другие соххогоя возжелают отнять его. – Начальник Канцелярии сдержанно улыбнулся. – Аналогичным способом. Большая удача Нассини – то, что появились урнгурцы. Пока Владения под угрозой, Властителям – не до распрей.

Повезло и урнгурцам: будь жив прежний Великий Анган – он после нападения на Дворец мигом бы заставил сородичей объединить собственных наемников – имея под знаменем тысячи отборных солдат, можно не только пресечь грабежи, но и пополнить сокровищницу за счет народа Конга.

– Так что повезло и нам! – заключил Начальник Канцелярии с улыбкой.

– Ты полагаешь, Великий Анган стал бы грабить собственную страну? – удивился Керанраон.

– Что? Разве это преступление для соххогоя – выпотрошить несколько городов? Наш прежний Великий Анган был весьма решительной особой!

– Новый тоже кажется мне довольно решительным! – мрачно сказал Керанраон.

– А мне – нет! – возразил Начальник Канцелярии. – Хотя я не предполагал, что она подвергнет аресту двух Исполняющих Волю! Кстати, почему только двух?

– Потому что я был предусмотрительней, – без всякого удовлетворения ответил Керанраон. – Как ты полагаешь, что она предпримет дальше?

– Говори – «он», – поправил Начальник Керанраона. – Не знаю точно, но полагаю: ничего не предпримет. Если даже он и пожелает объединить вокруг себя соххогоев для защиты Владений, вряд ли ему поверят.

– А что собираешься сделать ты?

– Я? – удивился Пенет. – То же, что и прежде, разумеется!

– Но Луасай и Унар арестованы!

– Когда-нибудь их выпустят. А пока налоги должны быть собраны, письма должны доставляться, побережье – патрулироваться, а законы Конга – исполняться! И все это – здесь! – Начальник Канцелярии обвел вокруг себя рукой. – Все это здесь, достойный Керанраон! И мой долг перед Конгом и Великим Анганом, кем бы он ни был, чтобы ни один гонец не уезжал без ответа, и все три наших гелиографа исправно отражали свет солнца.

Керанраон смотрел на Начальника Канцелярии со все возрастающим удивлением. Он понял, что у Носителя Дракона Пенета нет иного честолюбия, кроме честолюбия оси, на которой вращается колесо Порядка. Начальнику Канцелярии и впрямь было наплевать на то, кто сидит на троне Великого Ангана, потому что сам он был абсолютно уверен: истинный правитель Конга – он, Пенет!

– Ты прав, почтенный! – согласился Керанраон.

– Кстати, – продолжал Пенет, – достойному Керанраону небезынтересно было бы знать, что из двух армий, вызванных из Междуречья, армия, предводительствуемая тысяцким

Гангом («Человек Луасая!») – отметил Керанраон), расположилась лагерем в пяти милях от города Банема, а в самом Банеме из неизвестных мне мест появилась еще одна армия численностью в несколько тысяч воинов, возглавляемая неким Сантаном из Фаранга, именующим себя – «Освободитель».

– Вот как? – Керанраон покачал головой. – Сантан из Фаранга... Никогда о таком не слышал! Но назвать себя Освободителем – неглупо. Сыграть на суевериях... Его воины – урнгурцы?

– Вовсе нет! Конгаи! По крайней мере – большинство из них! И число их растет, достойный Керанраон, ибо у не известного нам с тобой Сантана такой дар убеждения, что из трех моих людей двое пошли за ним, а третий, который все это мне и сообщил, вернулся сюда лишь затем, чтобы убедить меня оставить свой пост! Представь, достойный, оставить свой пост и поддержать какого-то безвестного Сантана из Фаранга!

– И что же?

– Я велел его задержать! Не Сантана, разумеется, а моего человека! Хочешь с ним поговорить?

– Не откажусь! – задумчиво проговорил Керанраон. – А что если он и впрямь тот самый Освободитель? Из пророчества?

Начальник Канцелярии усмехнулся:

– Не разочаровывай меня, Исполняющий Волю! Неужели ты веришь в эти байки?

– Вообще-то нет, – качнул головой Керанраон. – Но допускаю, что все на так просто. Думаю, что здесь не обошлось без магии.

– Я не специалист в магии! – сухо ответил Пенет.

– Так же, как и я! А скажи: Банем – ведь это не такой уж большой город?

– Не большой, но и не маленький.

– А армию в несколько тысяч мечей, ее же надо кормить! Я не силен в магии, но в войсковом деле разбираюсь! Несколько тысяч у этого Сантана да еще три тысячи у Ганга! Кто же их кормит?

Пенет усмехнулся:

– Ты задал верный вопрос, мой господин! И я тебе отвечу! За два дня восемнадцать караванов пришло в Банем из Междуречья!

– Ого! – Керанраон потер ладонью лоб. – У него сильные покровители!

– Отнюдь! Просто он щедро платит!

– Даже так? Из каких же средств?

– Отвечу и на это: из средств Владений!

– Ты меня удивил! – произнес Керанраон.

– Еще бы! Я сам удивился, когда узнал, что за два дня они захватили три Владения!

– Вот теперь яснее! – воскликнул Исполняющий Волю. – На такие средства можно содержать хоть всю армию Конга!

– Это не все! – продолжал Начальник Канцелярии. – Сантан клянется, что через полгода в Конге не останется ни одного соххогоя! И меня это не удивляет. Назвался Освободителем, делай, что положено Освободителю.

Пенет с удовлетворением наблюдал, как краснеет лицо Исполняющего Волю.

– Ни одного Владения... – сквозь зубы процедил Керанраон. – И все золото, что за века накопили красноглазые, отправится в его сундуки.

– Сундуки! – Начальник Канцелярии фыркнул. – Подвалов Канцелярии не хватит, чтобы вместить все сокровища соххогоев. Даже если я велю выкинуть оттуда все архивы. Сундуки!

– Ты прав. – Голос Керанраона стал хриплым. – Этот Сантан из Фаранга знает, что делает. Если он перебьет и ограбит красноглазых, то никто в Конге не сможет ему противостоять. Никто...

– Вероятно, так и будет, – согласился Пенет. – Если...

– Если что?

Начальник Канцелярии пристально посмотрел на своего собеседника.

– Если этого Сантана никто не опередит! – заявил он.

– Пожалуй! – Тут новая и весьма интересная мысль пришла в голову Исполняющему Волю: – А скажи, нет ли свидетельств тому, что этот Освободитель и урнгурцы, вломившиеся к нам недавно, – в союзе? – поинтересовался Керанраон.

– У меня есть факты, которые неопровержимо доказывают этот союз! – Довольный собой Начальник Канцелярии победно посмотрел на Исполняющего Волю. – Неопровержимые факты!

– Вот это уже хорошо! – одобрил Керанраон. – Вряд ли тот, кто притащил в Конг армию чужеземцев, может считаться настоящим Освободителем. Одно мне непонятно, – проговорил он, размышляя. – Почему такой незаурядный человек, как этот Сантан, избежал нашего... внимания?

– Ты имеешь в виду: внимания наших блюстителей мысли?

– Вот именно!

– Мне это тоже пришло в голову. Представь: я даже отыскал среди материалов дело некоего Сантана из Фаранга! Только это явно другой!

– Подробнее! – велел Керанраон.

– Изволь! Начальник Гавани Фаранга Шинон – он был твоим человеком, верно?

Керанраон кивнул:

– Шинон посылал запрос по поводу некоего зодчего, Тилода, пропавшего вместе с сыном по имени Сантан.

– Вот как?

– Это не тот, к сожалению. Мальчишка. Уличный певец. Ничего, кроме ситры не держал в руках! Сам зодчий Тилод – лицо любопытное, но сын его – проигрышная кость!

– Да-а... – разочарованно произнес Керанраон. – И все же?

– Оба пропали. Я запросил фарангского блюстителя Дага. Ты знаешь его?

– Знаю. Мерзавец.

– Именно! Подходящий для своего дела человек. Даг доложил, что его ведомство – ни при чем. Пытался при этом навести тень на Наместника Алана, ловкач!

– Они друг друга стоят! Ладно, довольно об этом. Что со второй армией, той, что с юга?

– Они идут. Сейчас – милях в тридцати от Миона.

– Вот это хорошо! – отметил Исполняющий Волю. – Пенет! Мне нужны деньги. Немного: два-три десятка золотых.

Ни слова не говоря, Начальник Канцелярии открыл ящик стола и вынул оттуда тяжелый мешочек.

– Здесь – пятьдесят, – сказал он, протягивая его Керанраону. – Имей в виду: стража у ворот усилена. Выпускают только по личному разрешению Великого Ангана.

– И ты посылаешь за пропуском для каждого из гонцов? – усомнился Керанраон.

– Разумеется, нет! Сады велики! Ты можешь воспользоваться любым из моих выходов, – не без иронии произнес Пенет.

Керанраон подумал немного и сказал:

– А ты не мог бы распорядиться, чтобы все денежные средства, которые должны в ближайшее время поступить сюда, в Далаанг, были бы переправлены в Сарбур? Там они будут нужнее!

– Как угодно Исполняющему Волю! – учтиво ответил Пенет.

– Еще я хочу взять с собой твоего человека из Банема. У меня нет времени, чтобы допрашивать его сейчас.

– Возьми. Мой помощник покажет тебе, где его найти. Это все?

– Да, благодарю! – с чувством произнес Керанраон. – Я не в силах поднять тебя выше, чем ты есть, но обещаю: твое место останется за тобой, если это будет зависеть от меня! Не благодари! Я должен благодарить тебя за твой труд! Да хранят тебя боги!

– И тебя, достойный Керанраон! – Начальник Канцелярии собственноручно отворил

дверь Исполняющему Волю.— Позволь спросить: куда ты направляешься?

— В Сарбур!

VII

«Все в Мире: радость и наслаждение, сила и власть — имеют свою цену.

Один берет, не ведая цены, или полагая, что ее нет, а затем платит назначенное, часто скорбя о том, что полученное не стоит требуемой платы.

Другой берет, заранее зная, что платить придется, но не ведая, когда и сколько.

Третий заранее знает цену и сам решает, стоит ли обретаемое требуемой платы.

И только мудрый сам решает, что из предложенного взять, сколько за это заплатить; также решает он и то, кто именно будет платить за то, что решит взять себе мудрый».

Фахри Праведный Эдзамский.

Наставления

— Мое приветствие, господа! — Маленький человек, облаченный с ног до головы в доспехи из вороненой стали, вошел в пиршественную залу на первом этаже дома Вига.

— Биорк! — воскликнул Санти, вскакивая и обнимая вагара.

— Ну, рассказывайте! — велел Биорк, когда все вновь заняли свои места, а сам он избавился от крылатого шлема и большей части железа.

— Сперва поешь! — сказал ему Санти.— Небось весь пропах пардовым потом, а в животе, как в пустом колодце,— только эхо?

— Красиво говоришь! — усмехнулся вагар.— Эу, достойный хозяин! Там есть кому присмотреть за пардом? Ему досталось сегодня!

— Есть,— кивнул Виг.

— Ты один? — спросил Эрд.

— Один. Я получил ваше послание. Кстати, я и впрямь не прочь помыться!

— Проводи достойного Биорка! — приказал Виг одному из слуг и, когда тот ушел, признался: — Впервые вижу настоящего вагара! Он производит впечатление! Хотел бы я крестить с ним меч!

Иллан и Эрд расхохотались.

Виг смутился:

— Я сказал что-то не то, достойные? Мне плохо известны северные обычаи.

— Обычаи ни при чем,— успокоил его Иллан.— Просто я видел Биорка в бою.

— А я не знаю никого, кто устоял бы против Биорка Эйриксона больше десяти ударов сердца. Разве что его брат Уве, мой учитель, или его сын Нил... — светлорожденный помрачнел.

— Ну же, Эрд! — подбодрил его Санти.— Теперь, когда Биорк с нами, Нила мы непременно найдем.

— Хотел бы разделить твою уверенность! — раздался сверху голос вагара.

Он спускался по лестнице, облаченный в синий шерстяной халат на шелковой подкладке, принадлежащий Вигу. Полы халата маленький воин заправил за пояс, а рукава подогнул — сотник был на локоть с четвертью выше вагара.

— А теперь я бы поел и послушал вас,— заявил он, устраиваясь в кресле и взяв серебряный кубок с вином.

— Услышишь не так уж много,— сказал Санти и выложил всю историю от начала до конца.

— Невесело,— резюмировал вагар с набитым ртом.— Но радует сказанное Генани! Если Саркофаг им не вскрыть, то все не так уж плохо! Клянусь бивнем моего первого хармшарка — отыщу этого поганого мага и примерно накажу его, будь он хоть сам Владыка Теней! Кстати, слышал я, вы тут славно повоевали?

– Откуда ты знаешь? – изумился Иллан.

– О! Это далеко не все, что мне известно! – Биорк отодвинул опустевшее блюдо и потянулся за следующим.– Позавчера дозор моих урнгрия схватился с дюжиной воинов. К несчастью, половине удалось уйти. Жаль. Среди них был Исполняющий Волю. Керанраон.

– Я знаю его! – воскликнул Виг.– Два года назад командовал синими латниками Сарбура! Тысяцкий Керанраон! О, это доблестный военачальник!

– Тем хуже для нас! – хладнокровно заметил вагар.– Впрочем, кое-кого мы все же захватили. И кое-что узнали.

– Например? – спросил Санти.

– Например, Маска Великого Ангана сменила хозяина!

– Что?! – воскликнули Виг и Иллан.

– Какая маска? – спросил Эрд.

– Золотая,– вежливо пояснил Биорк.– Эта Маска вроде скипетра нашего императора. Ты лучше спроси, кто теперь Великий Анган.

– И кто же?

– Соххоггоя Нассини!

– Женщина? – изумился Виг.

– Я полагаю – да. Не так ли, светлейший?

Эрд нахмурился.

– Извини! – огорчился Биорк.– Неудачная шутка! – И, наполнив вином кубок, протянул светлорожденному: – Выпей и забудь!

Санти в голову пришла занятная мысль.

– Виг,– вкрадчиво сказал он.– Когда воины Конга присягают Великому Ангану, они клянутся в верности личности или трону?

– Личности. Тому, кто на троне.

– Значит, пока армия не присягнула новому Великому Ангану...

– Сантан! – Биорк встал со своего места и поклонился: – Мое уважение!

– А как эта Нассини оказалась наверху? – спросил Иллан.– Нового Великого Ангана, насколько мне известно, должны одобрить сородичи. Неужели они избрали женщину?

– Сомневаюсь, что кому-то из красноглазых известно о перемене! – ответил Биорк.– Думаю, что она просто захватила Маску, и дело с концом!

– Но как?

– Сняла с трупа прежнего владельца, я полагаю? – предположил Эрд.

– Да! – подтвердил Биорк.– Это ее стиль. Да, собственно, это стиль любого красноглазого. Не могу поклясться, что прежний Великий Анган был уже трупом, когда наша Нассини оголила его бледную физиономию. Но уверен, что нынче он уже в Нижнем Море. Если, конечно, туда пускают красноглазых.

– Это дает нам союзника – Ганга,– сообщил Санти.

– Ганга? Кто это? – спросил вагар.

– Начальник фарангского гарнизона. Стоит лагерем неподалеку отсюда, и с ним – три тысячи всадников!

– А! Я слышал о них, только не знал имени военачальника! Думаю, он будет первым из многих!

– Почти уверен. Теперь все военачальники свободны от присяги. Так же, как и ты, Виг, и любой солдат в Конге!

– Три тысячи...– проговорил Биорк.– Вместе с моими урнгрия и твоими ополченцами это составит больше десяти тысяч!

– Урнгрия? – произнес Санти с сомнением.– Не знаю, стоит ли? В Конге неважно относятся к вооруженным чужеземцам.

– Ерунда! – возразил Биорк.– В общей массе они только увеличат твой авторитет. Так же, как и присутствие светлейшего Эрда. Зато ты всегда можешь на них положиться, если за ковер власти ухватятся несколько рук.

– Он прав, Санти! – поддержал Эрд. – Это политика! Когда в стране гражданская война, ни один солдат не знает, на чьей стороне будет сражаться завтра!

– Все демоны Мира! – вздохнул вагар. – Как жаль, что я упустил этого Керанраона! Боюсь, мы еще хлебнем с ним горя! Ты говоришь, Виг, он был тысяцким в Сарбуре? Много ли у него там сторонников?

– Больше, чем листьев на дереве.

– Проклятье! Он направлялся именно в Сарбур! Ладно! – Биорк махнул рукой и перевел разговор на другое. – Как чувствует себя Генани, Санти?

– Неважно. Ей досталось от того мага. И еще она корит себя за Нила...

– Вздор! Она спасла ему жизнь! Она здесь, в этом доме?

– Нет. Но недалеко. Кстати, я тоже живу там и буду рад, если и ты поселишься с нами.

– Я не оскорблю твоего гостеприимства, Виг, если приму предложение нашего вождя?

– Нисколько! Тем более что дом, который одарили своим присутствием вождь и его подруга, – Виг улыбнулся, – тоже принадлежит мне. И всем вам, разумеется! – добавил он с поклоном.

– Я покину вас, достойные! – сказал Иллан, поднимаясь. – Благодарю за угощение, Виг!

– Надеюсь, она красива? – спросил сотник, подмигнув.

– Другой такой в Банеме не сыщешь! – улыбнулся аркин, пристегивая меч. – До утра, господа!

– Трудно поверить! – произнес Биорк задумчиво. – Это ведь отборные бойцы, а их перебили, как щенков!

– Ну не совсем как щенков! – возразил Эрд. – Двоих-то они прикончили!

– Двоих? Смешно! Двоих...

– У них какое-то особенное оружие?

– Да нет! Если не считать того, что двое убиты из духовых трубок!

– Тайдуан? Впрочем, трубки-то могут быть у кого угодно. Покажи, что еще?

Эрд протянул вагару меч средней длины, в ножнах, обитых черной шероховатой кожей и оправленных в красную медь.

Биорк извлек меч из ножен, осмотрел клинок: обоюдоострый, в три пальца шириной. Ни на клинке, ни на рукояти не было оружейного клейма, но, учитывая посредственное качество стали иковки, это неудивительно. Вагар еще раз внимательно оглядел ножны и вдруг быстрым движением вставил плоскую шестигранную головку эфеса внутрь ножен. Раздался щелчок, и рукоять меча жестко вошла в ножны по самую гарду, сделанную в виде загнутых к жалу клинка бычьих рогов. В руках у вагара оказалась алебарда локтей в пять длиной.

Санти удивился, а Эрд лишь одобрительно кивнул.

– Охотничий, на хуруга! – сказал он. – Только немного широковат у жала.

– Нет, – возразил вагар. – Это сторожевой меч. На Севере уже три столетия куют именно такие. Они неплохи против нечисти, выползающей из Проклятых Земель. Хотя лично я предпочел бы арбалет или лук.

– А ведь верно! – воскликнул Эрд. – Я не подумал, уж очень далеко наш север.

– Генани! – обратился вагар к Женщине Гнона. – Ты не могла бы описать мне этого мага?

– Пожалуй, нет... – Ронзангтондамени огорченно посмотрела на вагара. – Он был в длинном плаще. Сером, кажется, или коричневом! Волосы длинные, тоже серые... Или седые... А лица совсем не помню!

– Я могу помочь! – вдруг произнес Санти. – Ангнани! Дай мне бумагу и стил.

И принялся рисовать. Через пару минут с листа на присутствующих уже глядело длинное костлявое лицо с темными впадинами вокруг глаз.

– Смахивает на демона! – поджав губы, сказал светлорожденный.

Никто не спросил, откуда Санти известно, как выглядит маг.

– Да! Лихо! – процедил Биорк. – Накликали беду!

– Ты его знаешь? – спросил Санти.

– Я знаю, кто он. Видел рисунок. Примерно такой же, как твой, плохонький. Но это лицо не скоро забудешь! Мощный-как-Пламя! Маг из Тайдуана. Мои сородичи схлестнулись с ним в Антских горах полтора столетия назад, когда отрыли Каменоломню Трех Древних Сокровищ. Мощный-как-Пламя был среди тех, кто пожелал завладеть артефактами Махд-Шагош. Уже тогда он был очень силен! Могучий враг. В доме Вига я сказал, что накажу его. Я поспешил. Готов признать свою слабость! Санти, брат, прости, ты не мог бы дать знать Этайе?

– Нет.

– Жаль! Здесь в Конге нет Братьев Света, насколько мне известно?

– В Конге не жалуют магов, если они – не жрецы, – сказал Санти. – Лучшие всегда уплывают в Империю!

– Трижды жаль! Тогда зови своего дракона и лети в Руну. Нам понадобится помощь.

– Дракона?.. – повторил Санти.

Он медлил. Что-то странное творилось в его сознании. Какая-то неясная мысль...

– Брат! – настойчиво проговорил вагар. – Это очень серьезно, брат! Один такой маг сильнее целой армии!

– Руна... – Мысль в голове Санти наконец оформилась, и он отрицательно покачал головой. – Я не полечу в Руну, Биорк! – заявил он уверенно.

– Почему?

– Потому, что справлюсь с ним сам.

– Уверен?

– Да. Тебе надо только выследить его.

– Выследить – это проще! – проговорил Биорк, скрывая беспокойство. – Даже маги... – он подмигнул, – оставляют следы на камнях. Не говоря уже о его спутниках! Только вот как быть с нашим делом, господа? Два Владения – за четыре дня – это слишком медленно. Так мы и за год не управимся! Эрд! Как наши воины? Смогут они завтра сделать бросок миль на тридцать?

* * *

– Как она, Хакам? – Иллан остановился перед дверью.

– Молчит, мой господин! Но пищу приняла! Тихая такая, господин! Должно, о семье печалится!

– Она? – Иллан засмеялся. – Нет, брат! Ты не гляди, что ручки у нее как тростинки! Силенки в них – дай боги всякому! Крепкому мужу шею свернет – не вспотеет!

– Да я помню, господин. Я ж видел, как она мечом машет. А прости за любопытство: что ты, господин, с ней сделаешь?

– Еще не решил, Хакам! Ты как думаешь: красива она?

– Помилуй, господин! Страшна, как магхар!

– А мне – нравится.

– Ты – господин. – Воин пошевелил в воздухе толстыми пальцами. – Тебе нежное требуется, особенное. А мне – чтоб в руке подержать! У этой личико, прости, господин, покойница – и та краше!

Иллан улыбнулся:

– Ничего, Хакам! Придем в Фаранг или Сарбур – купишь себе, какую пожелаешь. Хоть десятерых!

– Да десятеро-то мне на что? А так – я и здесь как бы... – Воин повел плечами. – Да какая-никакая баба всегда под рукой, то есть не под рукой, а... – воин замолчал.

– Да уж! – Иллан хлопнул воина по покрытой кольчугой спине. – Ты мужчина заметный. Добро! Я войду сейчас, а ты уж будь настороже! Позову – не медли! Входи без

церемоний, а там... Сам сообразишь!

– Неужто ты боишься ее, господин? – удивился воин.

– Верно, Хакам, – боюсь.

– Так зачем идешь?

– Потому и иду, что боюсь. Это у нас, Хакам, в роду так, у Харингеров. Боишься – иди!

– Чудно у вас, у благородных! – сказал воин. – Я, ежели боюсь, так бегу. А как не убежать так – р-раз! – стремительно рубанул ладонью. – И все тут!

– Ну ты сегодня прямо глашатай, Хакам, – усмехнулся добродушно светлорожденный.

– Да я... – Воин смутился. – Прости уж, что глупости болтаю, господин!

– Да отчего же? В общем, прислушивайся, не спи!

– Разорви меня магхар, господин! Как можно?

Иллан еще раз хлопнул воина по спине и вложил ключ в щель замка.

Дверь беззвучно открылась и так же беззвучно закрылась за спиной Иллана.

Соххогоя лежала навзничь на шелковых пуховиках просторного ложа. На ней была короткая красная туника без рукавов. Белые, как бумага, волосы рассыпались по вышитому цветами шелку подушки. Она медленно повернула голову и безучастно взглянула на Иллана. От ее выпуклого лба к макушке тянулся узкий розовый шрам. Волосы вдоль него были выстрижены. Рана под действием смолы полностью зарубцевалась.

Запястье левой руки соххоггой и тонкую лодыжку левой ноги обнимали широкие стальные браслеты. От них тянулись легкие, но достаточно прочные цепи. Соххогоя была прикована к своему ложу, но могла садиться и даже вставать.

В трех шагах от края ложа стояла накрытая крышкой «ночная ваза» и серебряный таз с ковшом – для омовения.

– Как спалось, Властительница? – насмешливо спросил Иллан.

Соххогоя отвернулась.

Иллан опустил руку на край ложа и положил руку на ее грудь.

– Когда я спрашиваю, мышка, – надо отвечать! – сказал он ласково. И вдруг, схватив женщину за подбородок, жадно поцеловал.

Соххогоя молниеносно набросила ему на горло собственную цепь, схватила воина за руки и откинулась назад, затянув.

Иллан захрипел, попытался вырваться, но тонкие руки соххоггой крепостью не уступали его собственным.

Глаза аркина налились кровью. Он изо всех сил ударил соххоггой головой в лоб.

Цепь, обвившая горло, сразу ослабла, тонкие руки разжались: пленница потеряла сознание. Все-таки она еще не оправилась от раны.

Иллан сбросил с себя цепь и принялся с остервенением растирать шею. Горло болело, и он с уважением посмотрел на маленькое бледное личико с прозрачной до синевы кожей. В груди соххоггой билось сердце настоящего воина. Тем привлекательней была она для Иллана.

Отсоединив цепь от ложа, он перекинул ее через стойки изголовья и, обмотав несколько раз, защелкнул второй браслет на правой руке женщины. При этом он каждое мгновение был настороже. Соххогоя могла прийти в себя в любой момент, опасная, как голодный кугурр.

Покончив с руками, Иллан подтянул цепь на ногу женщины и, зачерпнув горстью воды из кувшина, плеснул ей в лицо.

Соххогоя открыла глаза. Она глядела на акрина, как на кусок дерева. Женщина не боялась его. И не испытывала к нему ненависти. У нее был сосредоточенный и одновременно ничего не выражающий взгляд. Такой взгляд Иллан видел в юности у охотника на куруггов. Соххогоя знала, что он опасен, но была уверена в своем превосходстве. Для нее северянин – всего лишь животное. Соххогоя вдыхала запах его пота, запах страха и знала, что ничтожный рано или поздно ошибется. И умрет.

Иллан встал, посмотрел на распростертую женщину сверху. Руки ее вытянуты над

головой, груди приподняты. Маленький рот плотно сжат. Тело, напротив, расслаблено настолько, насколько позволяли оковы. Край алой туники закрывал бедра на две ладони ниже лона.

Иллан расстегнул перевязь меча, снял панцирь, подкольчужник. Затем – белую рубаху с кружевами из тонкого тайского шелка. Он не торопился, давая пленнице возможность вдосталь полюбоваться мощными мускулами, перекатывающимися под кожей. Сравнив свои предплечья с тоненькими руками соххоггой, он еще раз удивился: как ей удалось удерживать его?

Соххоггоя глядела на северянина все тем же, ничего не выражающим взглядом. Она не испытывала ни желания, ни отвращения. Да, она знала, что многие из детей Истинного совокупляются с ничтожными. Но сама она, по меркам соххоггоев, была простушкой. Равнодушная к искусству выцеживать жизнь каплю за каплей, соххоггоя огорчала этим даже собственного мужа.

Соххоггоя знала, что хочет сделать с ней ничтожный. С самого начала знала и радовалась этому. Боли она не боялась. Стыда не испытывала. Он удовлетворит желание и расслабится. Может, даже уснет. Нет, теперь – вряд ли. Она сама виновата – поспешила. Забыла, что голова еще слаба. Ого, как он хочет ее!

Иллан опустил на край, погладил ладонью прикованную к ложу ногу женщины. Кожа бедра была очень холодной и очень гладкой. Рука Иллана нырнула под край туники – к паху, осторожно обследовала женщину изнутри.

«Он осторожен, – подумала соххоггоя. – Очень осторожен, хотя и дрожит от вожделения». А все-таки жаль, что у нее нет того, чего опасается ничтожный. Вот было бы весело!

Иллан убедился: слухи врут. Пальцы его ощущали только нежную плоть, мягкую, теплую, сухую. Что же, по крайней мере, там ему ничего не угрожает!

Боковым зрением наблюдая за свободной ногой пленницы, он рывком разорвал тунику. Женщина не шевельнулась.

«Она не смирилась! – предупредил себя Иллан. – Она выжидает, когда я откроюсь! – Дрожь прошла по спине. – Но я – сильнее! И я – воин! Она скована и ничего не сможет мне сделать!»

А все-таки чувство опасности засело в нем глубоко. Иллан не знал, что может сделать ему соххоггоя, но был совершенно уверен: может! И от этого желание становилось еще острее.

Иллан медленно опустился на скованное тело женщины. Ощутил животом ее прохладный живот, твердый выступ лобка. Воин был насторожен, как на турнирной арене. Соххоггоя не шевелилась. Она не вздрогнула и тогда, когда его клинок поразил ее. Она осталась такой же холодной и неподвижной снаружи, но внутри была – горяча!

Ей больно, Иллан чувствовал это; но, вглядываясь в бледное маленькое лицо, не видел в нем боли. Даже зрачки пленницы сужены до размера точек, оставленных черной тушью. Она охотится!

Иллан знал и это. И он не торопился. Он никогда не был так возбужден, но не торопился. Восхитительно! Как она жаждет его смерти!

Нечто, схожее со страстью, отразилось на бледном лице женщины. Бескровные губы разошлись, открыв ровные полоски мелких острых зубов. Синеватые веки с розовой сетью жилок прикрыли игольчатые зрачки. Меж зубов жалом порскнул кончик розового языка.

Иллан, продолжая сотрясать быстрыми ударами маленькое тело пленницы, медленно приблизил свои губы к ее приоткрытому рту...

– Эрд, а что вы сделали с красноглазыми? – спросил Биорк.

– По-разному! – Светлорожденный задумался, припоминая. – Первое Владение... Там жил старик. Совсем спятивший. Санти оставил его умирать – он был совсем безвреден. В третьем, том, что мы взяли последним, их было трое. Они сами перерезали друг друга!

Развлеклись напоследок по-своему. А вот во втором... Во втором все погибли. Кажется. Схватка была – великолепная. И дрались эти соххоггой как демоны. Даже женщина! Она не выпускала меча, пока ей не разрубили голову!

– А тела? – спросил осторожный Биорк. – Ты сам видел тела? Все?

– Не думаю, что кто-то из них уцелел! – сказал Эрд. – Да и стража сражалась только до тех пор, пока не пал последний из хозяев. Когда защищать стало некого, наемники сложили оружие.

– Ты сам видел тела? – повторил Биорк.

– Нет... – Эрд покачал головой.

Вагар поднялся.

– Возьми пару солдат и идем! – решительно сказал он, пристегивая меч.

Эрду не понравилось, что с ним говорят таким тоном, но он стерпел. Биорк прав: следовало убедиться, что все соххоггой мертвы.

Воины сбежали вниз.

Прохладная ночь лежала над стихшим Банемом, но топот ног, треск факелов и рыканье пардов разрушили тишину.

– Симер! Бонг! – приказал Эрд. – Поедете с нами.

Ему подвели оседланного парда.

– К лазарету! – крикнул Биорк, прыгая в седло.

Четверо всадников вихрем понеслись по узким уголкам. Топот скачущих пардов эхом отражался от стен домов.

Когда, осаживая хрипящих зверей, всадники вынеслись на площадь перед казармами, навстречу им выбежал Ратсай.

– Сотник! – спрыгнув наземь, слегка задыхаясь после скачки, крикнул Эрд. – Среди твоих раненых нет соххоггоев?

– Что? – воскликнул воин. – Разве их не...

– Не знаю!

Ратсай, который был стражем, мгновенно осознал, насколько серьезна ситуация.

– Я велю созвать лекарей! – сказал он, несколько понизив голос. – Они должны знать.

Спустя десять минут в общем зале лазарета, ярко освещенном шаровыми светильниками, собрались лекари. Некоторые из них были очень недовольны тем, что их подняли с постели.

Ратсай не стал тратить время на извинения.

– Уважаемые! – сразу же сказал он. – Мы хотим знать, есть ли среди ваших раненых соххоггой?

Ответом было молчание.

– Если кто-то скрывает правду из корысти или страха, лучше бы ему не таиться! – вкрадчивым голосом произнес Биорк. – Тот, кто поможет нам, – получит награду. Немалую награду! Тот же, кто попытается мешать, будет... мертв! – рявкнул он во всю мочь.

Лекари переглядывались, но сказать им, похоже, было нечего. Биорк почти успокоился, но все же решил довести дело до конца.

– Хорошо, – произнес он. – Вы – люди честные, и я вам верю. А теперь скажите вот что: не было ли среди ваших подопечных кого-нибудь необычного? Или что-то необычное случилось с кем-то из раненых? Может, кто-то хотел забрать кого-то из них?

– Некоторые раненые ушли еще вчера, – вмешался Ратсай. – Сами ушли!

– погоди, воин! – отмахнулся Биорк. – Я задал вопрос. Кому-то есть что сказать?

– Я, господин! – Толстый лекарь в белой головной повязке протиснулся вперед. – Прости, господин, если говорю то, что тебе известно. Я... У меня в комнате была женщина.

– Как она выглядела?

– Маленькая, тощенькая, бледная, ясное дело. Много крови потеряла. Верно, из служанок, вот ее и ударили по голове в суматохе.

– Чем ударили? – отрывисто спросил Эрд.

– Да похоже, мечом, – не слишком уверенно ответил лекарь. – Но...
– Демоны Проклятой! Биорк, это она!
– Веди к ней! – отрывисто приказал вагар.
– Не могу, господин! – Пухлое лицо целителя выразило испуг. – Ее забрали!
– Кто?!
– Ваш военачальник. Важный такой! В золоченом шлеме. На нем еще спереди два дерущихся кугурра вычеканены. Красивый такой шлем! И сам воин...
– Иллан! – выдохнул Эрд.
– Достойный! – Стражник Бонг тронул светлорожденного за рукав. – Лекарь правду говорит. Я сам забрал эту женщину по приказу начальника Иллана. Оставь лекаря, я покажу, куда ее отвезли.
– Ратсай! – бросил Биорк уже на бегу. – Лекарю – два золотых! – И все четверо стремглав выскочили наружу.

Четыре парда вновь помчались по улочкам Банема, озаренным взошедшими лунами. Бонг скакал впереди, но Биорк лишь на прыжок отставал от него. Всадники не жалели зверей. Через шесть минут они были уже на окраине города, а еще через минуту пард Бонга перемахнул через невысокую ограду. Внутри был сад, а между стволами деревьев просвечивали желтые огни окон.

Пригнувшись к холкам животных, всадники помчались напрямик, и через мгновение рычащие парды были уже у крыльца.

Четверо спрыгнули наземь, предоставив пардов самим себе.

Из дома выскочил воин с мечом в руке, но, узнав Эрда, опустил оружие.

– Где он? – рявкнул светлорожденный. И, не дожидаясь ответа, оттолкнув воина, вбежал внутрь.

...Краем уха Иллан услышал топот пардов.

«Кто-то приехал!» – мелькнула мысль. Больше тянуть не стоило, и воин, перестав сдерживать себя, дал желанию свободу и с глухим рычанием приник губами ко рту пленницы...

Воины бегом взлетели наверх. Страж у двери бросился им навстречу. Биорк сбил его с ног, перепрыгнул через тело и....

Ужасный вой сотряс стены дома!

Биорк распахнул дверь и увидел на широком ложе бьющееся в агонии тело Иллана, из-под которого торчали в стороны белые худые ноги. От щиколотки одной из этих дергающихся ног уходила вниз тонкая стальная цепь.

Иллан содрогнулся с неистовой силой, скатился с ложа на ковер, перевернувшись на спину, изогнулся, точно древко лука. Из рта воина обильно, как вода из скважины, толчками выливалась кровь. Звериный вопль оборвался, превратившись в хрип и бульканье. Глаза Иллана закатились, руки терзали ковер, клочьями вырывая шерсть.

Грудь и лицо соххоггои были сплошь залиты блестящей кровью. Только бесцветные глаза выделялись на алой маске и спокойно глядели на вошедших. Челюсти ее шевелились, а шея дергалась, будто она спешила что-то проглотить.

Эрд рванулся к аркину, но Биорк удержал его.

– Не успеешь, – спокойно сказал он, вынул меч и, подойдя к ложу, одним ударом отсек голову соххоггои. Так быстро, что, отрубленная, голова даже не шелохнулась. На глянцево-блестящем красном лице застыла счастливая улыбка.

– Моя вина! – хрипло проговорил Эрд.

– Его глупость! – холодно произнес вагар. – А ты, светлейший... ты больше не ошибешься.

– Позаботься о телах, – приказал Биорк Хакаму, скорбно трящему головой.

– Как она его убила? – спросил стоящий за спиной Эрда стражник Бонг.

– Сам догадайся! – отрезал Биорк и вышел из комнаты.

VIII

«Искусство стратега в том, чтобы удерживать противника рядом, прилепить его к себе, как прилипает к языку лягушки детеныш серой ящерицы. Иначе враг юркнет в щель твоей крепости, ускользнет, вырастет, вернется и пожрет тебя, как серая ящерица – лягушку».

Мангхэл-Сёрк.

Правило шестьдесят седьмое

Маленький отряд из восьми всадников спускался по петляющей в зарослях тропе.

Потеряв несколько человек в схватке с дозором урнгрия, Керанраон решил сойти с Пути Великого Ангана и двигаться к дороге на Мион напрямик. Так было безопаснее и, по словам проводника, – быстрее. Керанраон считал за лучшее довериться тому, кто знает. Проводник, один из воинов бывшего Исполняющего Волю, утверждал, будто родился в одной из лесных деревень и ему ведома здесь каждая звериная тропка. Похоже, он не солгал. Тропы, по которым шли воины, были узкими, часто – заросшими молодью, из-за чего одному из них приходилось спешиваться и прорубать путь; но, судя по положению звезд, направление было выбрано верно. Мелкий лиственный лес сменялся голыми глинистыми склонами или обширными пустошами, заросшими колючим кустарником. Отряд перебирался через овраги, пересекал маленькие речушки, лапы пардов ломали хрупкие сочные стебли синей травы, пышные метелки которой поднимались до холков животных.

На третий день пути склоны холмов стали более пологими, а стволы деревьев, росших теперь куда дальше друг от друга, – более толстыми. Парды пошли быстрее. Незадолго до полудня впереди мелькнул просвет.

– Дорога на Мион! – уверенно заявил проводник.

– Привал! – приказал Керанраон и вместе с воином и десятником Наконом проехал оставшиеся до тракта полмили.

Проводник не обманул.

Оставив у дороги наблюдателя, Керанраон велел разбить лагерь в четверти мили от тракта, на поляне рядом с крохотным ручейком. Он рассчитывал перехватить войско, вызванное им из Сарбура в Далаанг.

– Если они еще не прошли, – сказал он десятнику, – то вряд ли появятся раньше, чем завтра.

– Они заночуют в Мионе, – согласился Након. Он девять лет подряд был телохранителем Керанраона и приобрел право на более вольное обращение. – Там старая крепость и храм Тура с монастырем. Так что до утра обойдемся без наблюдателя.

– Может проехать дозор! – возразил Исполняющий Волю. – Стыдно будет, если нас возьмут, как щенков!

– Шатер ставить? – спросил десятник.

– Нет. Смотри, как летают медовницы. Ночь наверняка будет теплой!

Войско подошло через три часа после восхода. Керанраон напрасно тревожился из-за дозоров – предводитель спешил и, уверенный, что никакая засада не страшна пяти тысячам воинов, выслал лишь передовой отряд в сотню всадников. Керанраон дал сторожевой сотне возможность проехать мимо, а затем двинулся в противоположном направлении.

Гул от движущейся по тракту армии был слышен за милю.

Первыми ехали сарбурские синие латники, тяжеловооруженные всадники с длинными прямыми мечами и копьями длиной в восемь локтей. На их круглых щитах – серебром по сини – герб Сарбура: Спящий Дракон Конга в обрамлении восьми священных мечей остриями наружу. Круглые шлемы воинов венчали вертикальные гребни с волнистым краем,

выкрашенным в белый цвет. Мощные парды в стальных наголовниках, спереди и с боков защищенные толстой паутиной тканью, прошитой стальной проволокой, тяжело ударили землю широкими лапами. Всадники ехали неторопливо, шеренгами по двенадцать, во всю ширину дороги. Любой встречный удар разбился бы о них, как волна о скалу.

Керанраон поставил парда посреди тракта. Золотой Дракон на его кирасе сделал то, что не под силу было бы и десяти тысячам воинов: колонна остановилась. Начальник первой сотни вскинул руки в приветствии.

Керанраон снял с головы шлем.

– Сарбур!!! – дружно рявкнули первые шеренги.

Никто из них не забыл своего прежнего командира.

Пятитысячное войско остановилось со слаженностью опытной корабельной команды: никакого замешательства в рядах.

В шеренгах немедленно образовался проход, по которому навстречу Керанраону выехал сам командующий, Носитель Бронзового Дракона тысяцкий Кэнау. Он поспешно расстегивал ремешки шлема, чтобы предстать перед Исполняющим Волю с непокрытой головой.

– Господин мой! – воскликнул он еще издали, сверкая улыбкой (Кэнау почитал Исполняющего Волю, как старшего брата).– Мы счастливы встретить...– и осекся, сообразив, что соправителю Конга не подобает стоять посреди тракта всего лишь с семьёю спутниками.

– Я тоже рад, тысяцкий Кэнау! – Мужественное лицо Керанраона осветила ответная улыбка.– Не напрягай зря ум – ты все узнаешь в положенное время. А пока вели повернуть войско: мы возвращаемся в Сарбур!

– Мы? Ты осчастливишь нас своим присутствием, достойнейший?

– Осчастливлю! – И, подъехав вплотную к тысяцкому, прошептал так тихо, чтобы услышал лишь он один: – Рад видеть тебя, Кэнау! Все ли спокойно у нас в Сарбуре?

– Все замечательно, достойнейший! Весь Сарбур выйдет приветствовать тебя... что бы ты ни сделал!

– Посмотрим,– Керанраон улыбнулся, чтобы снять со своего слова нотку сомнения.– Поворачивай войско.

Через несколько часов они въехали в Мион, большой город, выстроенный во времена владычества Империи на берегу священного озера Мио. Говорили, что некогда из него пил сам бог Тур и потому в лесах вокруг Мио до сих пор еще обитают дикие быки, вдвое превышающие домашних размером. На быков этих любили охотиться соххоггой, натаскивая молодых кугурров, прежде чем травить ими более опасную дичь.

Исполняющий Волю и Кэнау остановились в доме Наместника Миона. Сам Наместник, не желая беспокоить своим присутствием столь высоких гостей, переселился в летнюю резиденцию и лишь время от времени присылал гонца: осведомиться, не нужно ли что-нибудь достойным гостям?

Керанраон и Кэнау расположились в небольшом, лишенном окон зале, с единственным выходом и стенами, украшенными тяжелыми тайскими гобеленами. Дверь была открыта, и из комнаты целиком просматривалась пустынная галерея в пятьдесят шагов длиной. Опыт Исполняющего Волю научил Керанраона осторожности.

– На западе – бунт! – сказал он тысяцкому, пробуя языком густое, как мед, черное вино (два золотых «дракона» за кувшинчик).– Ты уже знаешь из моего приказа, что в страну вторглись урнгурцы.

Кэнау кивнул.

– Они – неплохие вояки! – продолжал Керанраон.– Чуть не захватили Дворец!

– О! – воскликнул пораженный тысяцкий.

– Пустое! Я сумел принять меры! Урнгурцы выпотрошили несколько Владений! Ты знаешь, их не взять только ленивому! Думаю, иноземцы и на Далаанг бросились, ошалев от собственных удач. И знаешь, Кэнау, у них был шанс! – Керанраон пригубил, просмаковал

вино и продолжил с усмешкой: – Старый Луасай перетрусил и отправил наших солдат выручать норы красноглазых! А урнгурцы, не будь дураки, взяли их врасплох на дороге и раздавили, как недозрелый орех! Чего еще ожидать от старого Кадана, которому Луасай и Унар доверили войско? Урнгурцы ударили на них сверху, вздрючили как надо и на хвостах их пардов примчались в Далаанг, голый, как лобок сарбурской потаскухи!

– А стража Великого Ангана?

– Вторая часть истории! – хмыкнул Керанраон. – Наш мудрый Владыка отправился с визитом к одной из своих красноглазых родственниц. Полагаю, хотел, по обыкновению, покопаться в ее потрохах! Но та оказалась проворнее и... Золотая Маска перекечевала к ней!

Тысяцкий был поражен.

– Теперь, – продолжал Керанраон, – поскольку Великий Анган стал Великим Анганом без одобрения сородичей, он будет сидеть тихо. А лихие урнгурцы примутся потрошить Владения в свое удовольствие! Кстати, нашего одобрения проворная соххогоя тоже не получила. Но получит! Два моих сопровителя отправились, как овцы, прямо ей в пасть! Они – добрые солдаты! Но в нежных ручках красноглазой палачки станут податливой влажной килангской глины!

– Великий Анган – и женщина? – проговорил, покачав головой, тысяцкий.

– Именно! Тем забавнее, что для слов «Великий Анган» нет женского рода ни в конгаэне, ни, насколько мне известно, в речи красноглазых! Но это еще не все новости, мой славный Кэнау! Вместе с урнгурцами в Конг прибыл некий Сантан из Фаранга!

– Никогда не слышал! – произнес тысяцкий с оттенком пренебрежения. Как всякий истинный сарбурец он ревниво относился ко всему, что связано со Стражем Севера ¹⁹.

– Я тоже. Так вот: этот Сантан объявил себя Освободителем. Тем самым, из пророчества. И пообещал очистить Конг от соххогоев за полгода!

– Неплохая идея! – Кэнау причмокнул губами. – Если правильно к ней подойти...

– Он подошел правильно, мой друг! И стал очень популярен!

– Завидую! Золото соххогоев и обещание свободы! Он на верном пути! Только урнгурцы – неподходящая компания для такого дела! Вряд ли народ захочет сменить одних стервятников на других! Красноглазых-то мы знаем, они почти наши. Опять-таки – Великий Анган! А урнгурцы, если верить слухам, хоть потемнее кожей, но не меньшие кровососы!

– Точно так, тысяцкий! – одобрительно отозвался Керанраон. – Поэтому наш Сантан отправил своих урнгурцев грабить для него Владения, а сам сколотил армию из истинных конгаев. Сам-то он – конгай и, говорят, обладает таким даром убеждения, что впору ему стать скаддом ²⁰! Думаю, это – маг! – добавил Керанраон, посерьезнев.

– Ну, против мага у нас кое-что найдется! – заметил тысяцкий. – Наш Турарбур – тоже маг!

– Посмотрим! Как только станет известно, что прежний Великий Анган оставил нас, половина солдат Междуречья сочтет себя свободной от присяги. Да и вторую половину будет не сложно убедить, позвенеет соххогойским золотом! А уж пошарить по Владениям не откажется никто!

– Постой! – воскликнул Кэнау, начиная соображать. – Но ведь и мы свободны от присяги! Значит, и нам...

– Именно! – Керанраон засмеялся. Старинное вино улучшило его и без того отличное настроение. – Именно! Поэтому оставим-ка себе тысячи три «синих», – и пусть север делает свои дела, а мы с тобой займемся югом! Наши Владения ничуть не беднее! А когда закончим, соберем войско и освободим север Междуречья от «урнгурских приспешников»! Ну скажи мне, Кэнау, кто из конгаев станет возражать, если Великим Анганом станет

¹⁹ Страж Севера – Фаранг.

²⁰ Скадд – сказитель, актер и певец, нередко обладающий даром создания иллюзий.

конгай! – И оба расхохотались. Это была отличная шутка.

– Чувствую, мы с тобой неплохо повеселимся в этот сезон! – сказал Кэнау.

– Именно, друг мой! А пока давай воздадим должное яствам и вину нашего славного хозяина! Завтра у нас будет трудный денек!

– Трудный, но прибыльный! – Кэнау хлопнул ладонью по столу. – Здесь неподалеку есть одно небольшое Владение...

– Успеем! – сказал Керанраон. – Большие и небольшие – все станут нашими! А пока я хочу потолковать со жрецами Покровителя!

– Тура?

– Именно, друг мой! Именно!

– Мудро! – согласился тысяцкий. – Тур – Сила! А не хочешь ли ты послать пяток сотен на Юг?

– Зачем?

– На южных болотах пять сотен отборных воинов и три тысячи ребят, ненавидящих Великого Ангана! Они объявят тебя богом, если ты вернешь их в Междуречье! – с воодушевлением произнес Кэнау. – А те, кто выжил на болотах Юга...

– Могут оказаться никудышными солдатами! – закончил за него Керанраон. – Оставь! Все они – бунтовщики! И, скажи, кто будет осваивать Гибельный Лес, если я привезу их в Междуречье? Нет уж! Сторонников у нас хватит и без того!

Тут он с опозданием заметил огорчение на лице соратника и, сообразив, в чем дело, мягко спросил:

– У тебя сослан кто-то из родственников?

– Младший брат! – Подбородок Кэнау дрогнул. – Он там уже три года!

– Жив?

– Месяц назад был жив!

– Тогда не горюй! Я ведь пока еще Исполняющий Волю! – Он засмеялся. – Кстати, и Печать Великого Ангана – у меня! Та копия, что принадлежит Исполняющим Волю. Завтра подбери надежных людей! Я составлю приказ – и пусть отправляются!

– А у тебя не будет неприятностей? – обеспокоился тысяцкий.

– О чем ты?

– Ах да! – вспомнил Кэнау и с облегчением засмеялся.

– Достойнейший! – Исполняющий Волю положил руку на плечо соратника. – Объясни-ка мне, почему ты, тысяцкий Сарбура, до сих пор не вызволил собственного брата? Разве у тебя не было для этого возможностей? Выскачка Аган, что командует на Юге, не отказал бы тебе!

– Я верен присяге! – просто сказал Кэнау.

– Понимаю!

«Мог бы и догадаться! – укорил себя Керанраон. – Зря, что ли, я сделал этого парня своим преемником?»

* * *

Четверо магов укрылись в маленькой хижине на окраине Тунга, прибрежного города на полпути между Сарбуром и руинами бывшей конгайской столицы, Ангтьяна.

Их предводитель, вытянув вперед длинные руки, шевелил в воздухе пальцами так, будто сплетал невидимую сеть. Свет от плавающих в комнате синих, размером в кулак, шаров полосами струился по стенам. Но загляни в окно случайный прохожий – не увидел бы ничего, кроме тьмы.

Руки Мощного-как-Пламя упали и повисли вдоль тела, словно сломанные ветви.

– Он не знает! – прошептал маг, медленно поворачиваясь к остальным. – И – дурные вести с юга! Сатас-Искатель оставил нас! Ург-Хиал нашел его кости, лишенные плоти, у корней Сосущего Дерева.

– Но – как? – воскликнул Уанх, Дыхание Мощи.– Что для мага какое-то дерево?
– Не знаю! – В голосе Мощного-как-Пламя прозвучал гнев.– Кто-то лишил его силы! Ург-Хиал потерял с ним связь и сразу полетел на поиски! И нашел его там, где ожидал... Но не таким, каким ожидал...
– Четверо! – прошептал Уанх.– Уже четверо!
– Я лечу на Юг! – сказал Корабль Грома.– Тот, кто убивает Алчущего, не уйдет от кары!
– Нет! – властно произнес Мощный-как-Пламя.– Он не уйдет! Но ты останешься! Мы отомстим, когда завершим начатое! Или раньше! – Рот Алчущего Силы злобно искривился.– Колесо покатилося, и мы направим его, куда нужно! А потом – затянем сеть! И он – наш!
– Наш! – откликнулись трое, силой сказанного укрепляя будущее.

* * *

Нассини огорченно смотрела на мертвое тело Исполняющего Волю Луасая. Никогда еще ничтожный не обманывал ее так.

«Ну ничего! – успокоила она себя.– Для власти довольно и одного. Уд этого старика не достоин бессмертия! Теперь лишь истинные дети Создателя обретут его! Я – Великий Анган!»

* * *

– Поаккуратней, крысиные дети! – покрикивал Баразан, пока шестеро его людей, пыхтя, поднимали по ступеням сияющий Саркофаг.– Попортите вещь, узнаете, что значит гнев Алчущего!

Баразан зря беспокоился. Даже падение с десятиметровой высоты не принесло бы вреда ни Саркофагу, ни тому, кого он хранил. Впрочем, только телу, не душе. Такова была цель того, кто создал Хранителя Жизни. Хранить тело, пока душа странствует по Мирам. Хранить до тех пор, пока душа-странник не вернется обратно. Если вернется...

* * *

Сантан, Биорк, Виг, Ганг и Ратсай стояли у свежей могилы Иллана и смотрели, как шестеро каменщиков водружаютobelisk. Когда рабочие закончили, Эрд поднял руку, и воины караула, по древнему обычаю Севера, ударили в щиты рукоятями мечей.

– Прими его, Кала! – произнес Эрд.– Будь милосердна к нему, ушедшему в Нижний Мир! Он был достойным воином!

Воины снова ударили в щиты.

– Нам надо кое-что обсудить! – сказал Гангу Биорк.

– И не откладывая! – подтвердил тысяцкий.– Разные вести доходят до меня!

– О да! Он просыпается!

– Кто? – не понял тысяцкий.

– Спящий Дракон Конга!

**ГЛАВА ВНЕ СЧИСЛЕНИЯ, КОТОРУЮ, НА УСМОТРЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ, МОЖНО
СЧИТАТЬ ТАКЖЕ ПОСЛЕСЛОВИЕМ К ПЯТОЙ КНИГЕ, ПРЕДИСЛОВИЕМ К
ШЕСТОЙ ИЛИ ПРОЛОГОМ КО ВСЕЙ ИСТОРИИ ПРИХОДА ОСВОБОДИТЕЛЯ И
ПРОБУЖДЕНИЯ ДРАКОНА**

Черная твердь. Юг. За два века до прихода Освободителя

«То был тысяча двенадцатый год по летоисчислению Империи и Конга ²¹. Год, символом которого в летописях стал Разбуженный Дракон. Большинство полагало и поныне полагает, что знак этот воплощает в себе проснувшийся дух благословенного Конга, повергший в прах вековое иго соххоггоев. Но ведомо мне, что мудрые полагают иначе. И разбужен был дух много более древний и много более страшный, повергнутый в эпоху Перемен. Повергнутый, но не уничтоженный. Не смею назвать его имя. Скажу только, что был он накрепко связан с одним из потомков славного Асхенны. И еще знаю, что мудрые провидели сие задолго до наступления года Разбуженного Дракона. И пеклись о том, чтобы разбуженное древнее зло не сокрушило Мир, объединив в себе пути Света и Тьмы. А место, где будет зачат и рожден тот, кто некогда устрасил богов, было избрано и подготовлено ими за два века до Пробуждения, во время царствования Ферроса, первого из императоров после Времени Смуты. Поведал же мне о том сам Трой-Странник, бывший участником тех событий и уже тогда собственной силой творивший будущее. А было так...»

Готар Глорианский. История рода Асенаров. Глава «Разбуженный дракон», тайная, не вошедшая в опубликованные летописи

...Шел двадцать первый год после восшествия на трон императора Ферроса. Двадцать один год назад закончилось Время Смуты, когда от Империи, раздираемой усобицами, отпали Тайдуан, Конг и Хурида, а Гурам перестал отправлять на север корабли с данью. Империя потеряла две трети своих земель, а по оставшимся бродили озверевшие от голода солдаты. Все, в ком текла хотя бы капля доблестной крови Вэрда Смелого, были вырезаны подчистую. Кроме одного. Этим единственным был Феррос, тихий шестнадцатилетний мальчик из обедневшего рода, недоучившийся воспитанник Рунской школы магии, уцелевший только потому, что даже самый отъявленный разбойник не решался поискать добычи в Руне. А если решался... В общем, Руна уцелела. И скромный ученик Феррос – тоже. И когда отошавшие от взаимной грызни представители лучших родов Империи собрались в Руне (маги обещали всем неприкосновенность), имя Ферроса всплыло само собой. Двадцатитрехлетний Асхенна, сын Торда, сильный поддержкой вагаров, и шестидесятилетний Лад, старший из рода Русов, предложили отдать ему трон, и ни у кого из собравшихся не нашлось возражений. Должно быть, каждый подумал: уж такой-то император не утеснит моих свобод!

Феррос стал императором. И Время Смуты закончилось в восьмьсот шестом году от воцарения Вэрда Смелого. В восьмьсот одиннадцатом в Аркисе и Хольде восстановился порядок, в восьмьсот пятнадцатом Асхенна вернул Империи Тайдуан, а в восьмьсот семнадцатом корабли Империи подошли к берегам благословенного Конга. Их встретила фарангская эскадра. Сражение длилось два дня, причем конгаи в основном обороняли фарангский залив. Но на третий день подошел флот Хуриды и двадцать боевых кораблей из Сарбура. Имперцы были разбиты. Одиннадцать кораблей прорвались и ушли на север. Конгаи их преследовать не захотели, а пятнадцать уцелевших хуридских кораблей – не рискнули.

В году восьмьсот двадцать седьмом, спустя десять лет после разгрома имперского флота у фарангского залива, военный двухмачтовик «Охотник», принадлежавший к Южной эскадре имперского флота, в одиночку шел по пенному морю Зур. Разразившийся прошлой ночью шторм разметал двенадцать кораблей Южной эскадры. «Охотнику» тоже досталось изрядно, но он вполне сносно держался на плаву. В это ясное утро подгоняемый слабым ветром двухмачтовик шел на север, к проливу, соединяющему море Зур с Межземным

²¹ Летоисчисление в Империи и в Конге ведется от воцарения Вэрда Смелого, объединившего под своим правлением не только народы северного материка, но также Конг и Хуриду. Первая Империя просуществовала почти семь веков и распалась во время Смуты. Однако ж традиция летоисчисления осталась.

морем. После восхода прошло два часа.

Именно в это время наблюдатель на мачте криком дал знать: прямо по курсу – красные паруса. Пираты-омбамту. Четыре малые шекки ²²

– Попробуем уйти? – проформы ради спросил капитан «Охотника».

Командир воинского отряда пожал плечами:

– Уйти от шекк? При таком ветре и с нашим покалеченным рангоутом?

– Я спросил, – заметил капитан, подразумевая, что его просто интересовало мнение начальника моряков-воинов.

– Не меняй курса, – сказал командир. – Вот мой совет. Может, они и не решатся напасть на нас!

– Омбамту? – Пришло время удивиться капитану.

Командиру моряков-воинов шел двадцать второй год. Нынешний рейд – второй в его жизни. Впрочем, в воинском искусстве светлорожденный был достаточно искушен.

– Жаль, что у нас только тридцать шесть воинов! – сказал капитан.

– А твои моряки?

– Мои моряки неважно сражаются. Это не их работа. Но я дам оружие всем.

– Четыре шекки, – задумчиво проговорил светлорожденный. – Думаю, парочку мы подожжем прежде, чем они полезут на палубу. Когда сойдемся?

– Через час. Или меньше!

– Десятник! – крикнул командир. – Баллистерам – готовность! Арбалетчикам – на рей!

– Пожарная команда? – спросил капитан.

– Нет! Они не будут стрелять. Наши паруса и снасти не загорятся, верно?

– Новая пропитка – два месяца назад, – кивнул капитан. – На год хватит.

– Отлично!

Четыре шекки перестраивались полукругом, чтобы одновременно подойти к «Охотнику». Ряды длинных весел пенили воду. Боевой корабль Империи – серьезный противник и не слишком богатая добыча. Но безумная отвага пиратов-омбамту всем известна. Порой одиночные шекки набрасывались на большие корабли с военным отрядом в три сотни мечей. Это, впрочем, было равносильно самоубийству.

Все четыре пирата почти одновременно подошли на расстояние выстрела. Грохнули баллисты «Охотника», и начиненные огненным зельем снаряды, прочертив дымные полосы, упали на палубы двух ближних шекк. Одна запылала сразу, вторая успела сманеврировать, и только три снаряда упали на приподнятую корму. Команда вступила в отчаянную борьбу с огнем. А первый пират уже полыхал, как облитый маслом факел. Два судна вышли из боя, но два других, почти не снижая хода, с хрустом и треском ударили в борта «Охотника». Длинные весла уже втянули внутрь, а голые, размалеванные краской пираты плясали, размахивая боевыми топорами. Арбалетные стрелы косили их, но, опьяненные наркотиком, свирепые и бесстрашные, омбамту упорно лезли на корабль северян по тросам и цепям наброшенных abordажных крючьев, по штурмовым мосткам и попросту прыгая с рей на палубу «Охотника».

Атака началась сразу, с двух сторон, и, хотя почти треть нападавших была уничтожена стрелками, те, что остались, вчетверо превосходили численностью военный отряд «Охотника». Правда, к воинам присоединилась команда корабля, но против свирепых, презирающих смерть омбамту они немногого стоили.

Капитан погиб одним из первых – метко брошенный топор прорубил ему грудную клетку. Остальные моряки были перебиты в считанные минуты. Но солдаты, сомкнувшись, умело отражали атаки запрудивших палубу пиратов. Засевшие наверху арбалетчики тоже собирали смертную дань, но недолго. Их было слишком мало, и лучники-пираты быстро расправились с ними.

²² Шекка – небольшое парусно-гребное судно.

Стрелки-северяне были более меткими, но какое это имеет значение на расстоянии в двадцать шагов?

Окруженные врагами воины Империи медленно отступали к корме. За каждый шаг Омбам платил двумя жизнями против одной, но настал миг, когда в живых осталось только шестеро северян. Пятеро – израненные, с покореженными доспехами, покрытые своей и чужой кровью. Они были старыми солдатами и понимали, что умрут, но хотели захватить с собой в Нижний Мир побольше врагов. Кроме того, в плен к омбамту попадать не стоило. Шестой – молодой светлорожденный. На нем не было ни царапины. Он ухитрялся даже уклоняться от стрел, посылаемых в не защищенную доспехами часть лица, руки и ноги. Будь все шестеро уцелевших такими же, как светлорожденный, еще неизвестно, чем бы закончился бой. Но через минуту двое из пяти – пали. Один – с разрубленной головой, другой – со стрелой в горле. Командир взглянул на оставшихся: долго им не протянуть. Тогда молодой воин отпрянул назад и распахнул люк, ведущий на огневую палубу. Три ветерана поняли его намерение и, когда он прыгнул вниз, встали над люком, готовые умереть.

И они умерли раньше, чем разгорелся запальный шнур в руках их командира. Но несколько мгновений спустя вспыхнувшее в недрах корабля пламя вышибло доски палубы, уничтожив большую часть пиратской абордажной команды. Остальных, обожженных, изувеченных, смело в залитое пылающей пленкой море.

Невероятно, но сам поджигатель успел спастись. Сдвинув баллисту, он выпрыгнул в открытый порт. Погрузившись глубоко в воду, светлорожденный несколько минут плыл под горящим морем, на которое сыпались обломки взорванных кораблей.

До побережья Конга – около двадцати миль. Не так уж много для такого пловца, каким был юный воин. Но море Зур – не озеро Лейр. В нем слишком много акул.

Светлорожденному повезло. Или – не повезло. Это уж – с какой стороны смотреть. Спустя час его подобрал единственный уцелевший пиратский парусник, которому в конце концов удалось сбить пламя и без особого ущерба выйти из боя. Пират тоже шел к побережью Конга.

С шекки спустили шлюпку. Светлорожденного догнали, оглушили веслом и бросили в соленую лужу на дне лодки.

Гребцов-невольников на кораблях Омбама нет. Успех пиратского набега – быстрота. И редкое судно может в этом потягаться с шеккой. Никакие побои не заставят раба грести так, как гребут могучие омбамту. Раб просто умрет на скамье.

Невольников на кораблях Омбама нет, но, возвращаясь домой, пираты охотно берут пленных. Их можно продать, можно заставить делать грязную работу или услаждать хозяев. Наконец, их можно просто замучить, что тоже представляет из себя отличное развлечение. Но это – когда шекка возвращается к собственным берегам. В набеге же любой лишний человек – помеха.

К счастью для светлорожденного, несколько омбамту, побывавших на палубе «Охотника», уцелели и были подобраны шеккой. Тех, чьи раны были тяжелы, умертвили, остальные присоединились к команде. Они-то и опознали в молодом воине искусного бойца, отправившего в Нижний Мир не один десяток их соплеменников. Поэтому, когда северянина привели к капитану шекки, капитан этот уже знал, что ему нужно.

Огромного роста, густо заросший черным волосом, коротконогий и тяжелоплечий, как и все омбамту, капитан свирепо глянул на светлорожденного и напрямик предложил ему присоединиться к ним. Маленькие глазки капитана сверлили пленника из-под тяжелых надбровных дуг. Руки юноши были скручены над головой по пиратскому обычаю – локтями вместе.

– Куда идет шекка? – спросил светлорожденный.

– В Конг! – Пират хитро сощурился.

Со времен баталии у фарангского залива отношения Конга и Империи не изменились. И капитан это знал. Чтобы стать во главе пиратского корабля, мало звериной силы, ярости и

умения работать топором. Нужны еще ум и хитрость.

Выбор у светлорожденного был невелик: или согласиться, или умереть медленной смертью. Конечно, он мог бы умереть, откусив язык, но был молод и полагал, что найдет что-нибудь получше смерти. Омбамту не были ему ровней и не могли нанести оскорбления. А Конг – Конг действительно был врагом.

– Да,– произнес молодой воин. И капитан собственноручно перерезал веревку, стягивающую локти юноши. И когда северянин опустил затекшие руки, капитан не обнаружил на его лице признаков страдания.

«Крепок!» – одобрительно подумал пират. Несмотря на внешность, капитан был лишь наполовину омбамту. Мать его, рабыня из Гурама, передала ему по наследству осторожность и расчетливость крысы, а отец, истинный омбамту,– силу парда, свирепость хуруга и ловкость кошки. Так что под толстыми костями приплюснутого черепа омбамту таился изворотливый ум гурамиди.

Береговая линия Конга издавна была излюбленным местом набегов. Ни береговые патрули, ни сторожевой флот, находившийся в постоянной готовности, ни воинские отряды, приданные чуть ли не каждой деревушке, не могли отвадить жадных и бесстрашных разбойников Омбама. Опытнейшие из них постоянно искали лазейки в обороне. И находили их, неся смерть и опустошение благословенному Конгу.

Капитан уцелевшей шекки был – из удачливых. Четырежды паруса его возникали у конгских берегов. И четырежды наполнялись его трюмы добычей, а палубы – рабами.

Четыре шекки, повстречавшие «Охотника», естественно, не занимались охотой на имперские суда. Не ожидай капитан обвинения в трусости (после чего капитаном ему не быть), он предпочел бы оставить военный корабль в покое. Его целью была деревушка на западном берегу моря Зур, к северу от Сарбура.

Задача не представлялась сложной. Воинский отряд в деревушке состоял всего лишь из дюжины солдат, а залив никак не охранялся, зато изобиловал жемчужницами трех видов. Жемчуг и был естественным и доходным промыслом жителей прибрежной деревни. Перлы и рабы – разве не достойная приманка?

Три месяца назад парусник-разведчик под фальшивым флагом Конга подошел к самому берегу и не обнаружил ни сторожевых башен, ни иных укреплений – только чистую голубую воду и крутые скалы вокруг. Впрочем, в глубине залива берег песчаный и достаточно пологий для высадки.

Из четырех шекк уцелела только одна. Но разве это остановит пиратов, чья граничащая с безумием храбрость вошла в поговорку?

Так что спустя три дня после гибели «Охотника» пиратский корабль пристал к одному из крошечных скалистых островков в девяти милях от побережья Конга.

Скалистый остров, девяносто шагов в поперечнике, восемьдесят локтей в высоту. Ни воды, ни растительности. Только на то и годится, чтоб укрыть в тихую погоду пиратский парусник от наблюдателей с конгских сторожевиков.

Ночью, вернее, за час до наступления темноты пират снялся с якорей и на парусах двинулся к побережью. Когда до береговой линии осталось три мили, шекка убрала часть парусов и бесшумно подошла к скалистому берегу, черной громаде в триста локтей высотой. От южного края бухты его отделяло не больше четверти мили.

Последние отблески угасли на горизонте, и все вокруг погрузилось в непроглядную темень.

С палубы корабля, ощупью, потому что даже собственной руки не увидишь в таком мраке, спустили плоский кожаный каик ²³.

На дне его лежал, продев руки в специальные отверстия, натертый черной краской разведчик.

²³ Каик (кайк) – маленькая кожаная лодка.

Молясь богам, чтобы поблизости не оказалось хищников, разведчик, гребя ладонями, бесшумно обогнул скалу и, определяясь по звездам, заскользил в глубину залива.

Ему повезло. В этот сезон косяки рыб, а значит и акулы, – далеко от берега. Через каждые двадцать гребков разведчик опускал в воду грузило лота. Множество раз выполнял он подобное и научился безошибочно определять расстояние в полном мраке. Когда глубина стала недостаточной для шекки, разведчик все равно продолжал плыть, до самой песчаной отмели, до тех пор, пока кожаное днище кайка не легло на дно, а впереди не замаячили темные туши вытасненных на берег рыбачьих плоскодонок. Только после этого разведчик повернул назад и двадцать минут спустя тихим стуком в борт сообщил о своем возвращении. Сверху тотчас спустили два троса, поднявшие лодочку и человека на палубу.

Спустя еще десять минут закутавшийся в теплый халат разведчик, прихлебывая подогретое вино, докладывал капитану.

Да, шекка может подойти к берегу на восьмую часть мили, то есть на две трети глубины залива. Шлюпки пройдут еще локтей двести пятьдесят-триста. Дальше дно неровное, но глубина – два с половиной – три локтя, меньше, чем по грудь, пустяки.

Для капитана этот рейд был не первым, даже – не десятым. И ему не понадобилось много времени, чтобы составить план нападения.

Основа успеха морского набега – внезапность. Помедли – и жители успеют изготавиться к бою. Хуже того – отослать женщин и припрятать все ценное. Десяток-другой израненных мужчин – не добыча.

Рассвет на юге столь же стремителен, как и наступление темноты. Но еще до того, как огненный край светила показался над горизонтом, парусник выбрал якоря и, подгоняемый ударами весел, пошел вперед. Шесть узких лодок с вооруженными пиратами двигались за ним. Несколько минут спустя шекка обогнула утес, похожий на выпрыгнувшую из воды рыбину, и вошла в залив.

Первым его увидел чинивший сеть рыбак (будь сейчас другой сезон – рыбак этот был бы давно в море).

Оскаленная фигура на носу – голова хуруга – ясно говорила о принадлежности корабля.

Истошный вопль заставил весь поселок съежиться от ужаса:

– Омбам!

Длинные весла вспенили воду, шекка рванулась вперед, обогнав лодки, и под истошные вопли пиратов понеслась к берегу.

В четырех сотнях локтей от него корабль сбросил ход, четко развернулся и выплюнул из баллист два огневых снаряда.

Оба попали в цель. Из вспыхнувших хижин, вопя, выбежали люди. Следующий залп – и бросившиеся к воде солдаты маленького воинского отряда отпрянули назад. Еще две огненные стрелы упали на поселок.

Переполненные лодки неслись к берегу. Пять дюжин омбамту, распаленных предчувствием боя и жадой убийства. С раскрашенными лицами, красными выкаченными глазами, потрясая тяжелыми боевыми топорами, передовые готовились перемахнуть через борта, а их собратья на веслах, надрывая глотки ревом, со сверхчеловеческой силой гнали лодки вперед.

Молодой светлорожденный был единственным нормальным человеком в этой команде безумцев. Со спокойным вниманием он изучал берег. Пара минут потребовалась малым судам, чтоб заскрести деревянными киями по каменистому дну. Кое-что, замеченное северянином, заставило его насторожиться.

На берегу царила паника: пылали хижины, беспорядочно метались женщины и дети. Солдаты стражи, жалкая горстка, не смели подступить к воде из-за непрестанно падающих огненных снарядов.

Но группки мужчин, налегке, без женщин, без детей, без всякого груза, бежали наверх, к окружавшим бухту скалам.

Омбамту в наркотическом опьянении могло показаться, что конгаи ошалели от ужаса.

Но как же должен испугаться мужчина, чтобы бросить собственную семью? Да, один-двое могли обезуметь от страха, но не все же!

Лодки остановились, и разгоряченные пираты посыпались в воду.

Светлорожденный было помедлил, но, получив по спине рукоятью топора, счел за лучшее перепрыгнуть через борт. Ноги его коснулись дна и заскользили по сплошному слою мохоподобных водорослей, которыми обросли камни. Потеряв равновесие, воин с головой окунулся в соленую воду и обнаружил, что скользит по ровной поверхности в сторону берега.

Призвав на помощь всю свою ловкость, молодой человек ухитрился встать, но продолжал съезжать вниз. Он был не одинок. Все покинувшие шлюпки пираты скатывались по наклонной плоскости до тех пор, пока спуск не закончился грудой камней. Омбамту вдоволь наглотались воды, и яростный их рев сменился удивленными воплями. Было довольно мелко, не глубже двух с половиной локтей. И, хотя беспорядочно нагроможденные камни тоже обросли скользким слоем зелени, через них можно было перебраться. Пираты воспряли духом.

Светлорожденный не рвался в первые ряды. Он предпочел остаться среди камней и наблюдать, как более яростные преодолели еще три десятка локтей.

Нагромождение валунов кончились. Но тут под ногами омбамту вместо песчаного берега оказались обросшие водорослями, идеально подогнанные каменные плиты. Ловушка тем более совершенная, что обнаружить ее с моря практически невозможно.

Две дюжины пиратов ожесточенно рвались вперед, помогая себе топорами, пытаясь ухватиться за коротенькие слабые пучки водорослей. Лежа на животе, они могли проползти пять-шесть локтей, но потом неизменно скатывались вниз. До вожаемого берега – рукой подать, но он – недостижим.

Уже и на шекке поняли: что-то не так. Баллисты прекратили стрельбу. Дым от горящего огненного зелья черной шевелящейся стеной висел над берегом. И из этого дыма выскочили солдаты и принялись почти в упор расстреливать застрявших на мелководе пиратов.

С шекки возобновили огонь, и солдаты отступили. Но прозрачная вода уже окрасилась кровью. Кровью Омбама. Взгляды уцелевших устремились в сторону лодок. Лишь наиболее свирепые продолжали штурмовать скользкую поверхность, раз за разом беспомощно скатываясь вниз.

Шесть опустевших шлюпок чуть покачивались на короткой волне.

Из дыма вновь вынырнули арбалетчики, и снова полетели стрелы.

Часть пиратов в панике полезла назад, но для вооруженного воина отступление было так же невозможно, как недостижим берег.

Светлорожденный и кое-кто из пиратов посообразительней попрятались за выступающими из воды камнями.

Молодой воин напряженно искал выход. Со стороны моря верхние края плит были примерно в полуклоке от поверхности. Этого хватало, чтобы задержать нагруженную людьми лодку. Но плывцу ничего не стоило добраться до любой из шлюпок.

«И превратиться в мишень для арбалетчиков», – подумал светлорожденный.

Теперь, когда стрельба с шекки стала из-за дыма менее точной, арбалетчики попросту стояли на берегу и посылали стрелы во всякого, кто осмеливался выйти из укрытия. Их было всего человек восемь, но для такой работы многих и не требовалось. Все же десятка полтора пиратов избавились от вооружения и одновременно бросились к лодкам. Кое-кого подстрелили, но большинству удалось укрыться за бортами. На шекке их уже ждали. Корабль подошел к берегу настолько близко, насколько позволяла осадка.

И в этот момент мужчины, ушедшие наверх, начали действовать.

Первый огненный снаряд прочертил полосу в утреннем воздухе и, перелетев через мачты пиратского корабля, с шипением погрузился в воду.

На вершинах скал, обступивших залив, был укрыт целый арсенал. Огненный ливень

обрушился на шекку.

Конгаи оказались неважными стрелками, но зато они были надежно укрыты от ответного огня.

На шекке мгновенно оценили положение. Бросив на произвол судьбы штурмовой отряд, военный корабль, круто заваливаясь на борт, развернулся и устремился к выходу из залива. Маневр был проделан с необычайным искусством, но оказался напрасным. Рангоут парусника уже охватило пламя. Пожар распространялся с такой быстротой, что даже те пираты, что были на палубе, не все успели спрыгнуть в море. Длинные весла еще раз-другой вспенили воду и повисли. На нижней палубе дико закричали гребцы. Вопли их оборвались только тогда, когда огонь достиг запасов огненного зелья и судно полностью исчезло в клубах бушующего пламени.

Орудия шекки больше не угрожали конгаям, и от берега отошли несколько плоскодонок. Две пиратские шлюпки, в каждой – человек по шесть, бросились наутек. Но у них не хватало рук для гребли, а поставить парус не было времени. От плоскодонок еще можно было уйти, но вдобавок к ним конгаи спустили на воду три лодки с выдвижными киями.

Одну пиратскую шлюпку поджег удачно пущенный снаряд, вторую настигли. Оружие пиратов покоилось на дне ловушки, но все отчаянно сопротивлялись. В ход пошли багры, весла. Эти люди предпочитали смерть плену. И все же почти треть попала в руки подданных Великого Ангана.

Светлорожденному повезло. Пока внимание сражавшихся было отвлечено гибнущим кораблем, он нырнул и, проплыв под водой сотню локтей, укрылся в заросшей космами бурых водорослей трещине у самого основания каменной кручи. Это была северная сторона бухты, и тень обрыва зазубренной каймой вгрызалась в сверкающую на солнце воду.

Светлорожденный видел, как конгаи выволакивают из воды оглушенных пиратов. Точно так же, как недавно пираты обошлись с ним самим.

Три часа пришлось молодому воину просидеть не шевелясь, прикрыв лицо водорослями, пока победители искали уцелевших пиратов.

Трижды проходили лодки вдоль обрыва, но разглядеть светлорожденного не смогли.

Наконец поиски закончились, лодки пристали к берегу, и северянин, покинув укрытие, поплыл вдоль обрыва к выходу из залива. Добраться до берега намного проще, но, даже если его не заметили во время штурма, любой из пленных омбамту с удовольствием обличил бы чужака, чтобы избавиться от пыток.

Светлорожденный поплыл на север. Он не знал береговой линии, но знал, что должен действовать. Иначе – гибель. Одно хорошо: вдоль берега довольно камней, чтобы скрыть хоть дюжину пловцов.

Прошло несколько часов. Солнце достигло зенита. Его лучи жгли голову, несмотря на мокрые волосы. Очень хотелось пить. И есть. Но скалы уходили вверх бесконечной отвесной стеной.

В конце концов северянину опять повезло. В одной из крохотных бухточек он обнаружил в стене нишу, достаточную, чтобы, скорчившись, лечь на сухое.

Солнце уже сдвинулась с высшей точки, и стена клифа укрыла светлорожденного от прямых лучей. Так, свернувшись калачиком, молодой воин погрузился в тяжелый сон и проспал несколько часов.

Проснувшись, он почувствовал себя довольно скверно. Тело ныло от неудобной позы. Жажда мучила еще сильнее. И совершенно неясно, что делать дальше. Собственно, единственный выход – плыть вдоль берега, пока остались силы. Так воин и поступил. И снова везение: милей севернее под отвесными скалами обнаружился плоский каменистый пляж. Приливы в море Зур незначительны, море в этот день было спокойно. Полоска пляжа в пару шагов шириной позволила светлорожденному пройти посуху почти милю. Плыть было намного приятней, чем брести под палящими лучами по раскаленным камням. Но идти все же быстрее. Через милю пляж кончился. Дальше – только море, облизывающее

вертикальную кручу.

Молодой воин опустился на камни, позволив прибою гладить его горящие подошвы. Рядом пробежал краб размером чуть больше ладони. Скорее рефлекторно, чем сознательно, северянин схватил его и тут же подумал о белом нежном мясе под коричневым панцирем. Подступивший голод ненадолго пересилил жажду... Молодой воин убил краба, раздробил камнем панцирь и высосал содержимое, оказавшееся не намного более пресным, чем морская вода.

Жажда усилилась. Крупного моллюска, которого светлорожденный оторвал от подводного камня и расколол галькой, съесть он так и не смог. Черную жемчужину размером с фалангу большого пальца, оказавшуюся внутри раковины, северянин зашвырнул в море.

Вот тогда он и принял решение, достойное омбамту. Молодой воин решил взобраться наверх.

Он медленно двинулся обратно, изучая склон.

Светлорожденный был превосходным скалолазом, любящим и чувствующим камень. Но у него не было даже простейших приспособлений, а скала над ним изобиловала нависающими карнизами настолько, что невозможно было даже определить высоту обрыва. К тому же молодой воин был измотан. Впрочем, разбиться, сорвавшись с кручи, ничем не хуже, чем утонуть или умереть от жажды.

Наметив глазами нужное место, молодой воин подпрыгнул, ухватился за край косо уходящей вверх трещины, подтянулся, зацепился пальцами ног и начал восхождение.

Сколько продолжался подъем, он не знал. Долго, должно быть, потому что солнце давно скрылось за западными горами и воздух наполнился влажным теплом, предшествующим наступлению ночи.

Молодой воин давно утратил ощущение тела, а ум его впал в странное оцепенение. Но пальцы рук и ног продолжали находить опору. Он огибал нависающие участки, отдыхал там, где можно было немного передохнуть, и лез, лез...

На пальцах, локтях, коленях почти не осталось живой кожи, соленая пыль, покрывающая камни, прилипала к ранам, но светлорожденный не чувствовал боли. Он ослеп и оглох, перестал ощущать запах нагретого камня. Перестал осознавать течение времени. Потерял прошлое и будущее. Остался только кусок стены, по которому ползло лишенное разума, обгоревшее под свирепыми лучами южного солнца, белое от пыли человеческое тело. И красные пятна крови, которые тут же темнели и высыхали на горячем камне.

Невероятно – он все-таки взобрался!

Когда вокруг уже начали расползаться быстро густеющие сумерки, светлорожденный перевалился через край обрыва на ровную, поросшую короткой травой верховую тропу.

Мгновение спустя он уже лежал на этой самой тропе, а руки и ноги его продолжали шевелиться в воздухе, ища опору, как лапы перевернутого на спину краба.

Если сознание через какое-то время и возвратилось к молодому воину, то лишь потому, что тело его, иссушенное, измученное, превратилось в один нескончаемый вопль. И вопль этот был: «Пить!»

Только поэтому он сумел подняться на ноги и, ничего не соображая, побрел в абсолютной темноте в неизвестность. «Пить!»

Он запросто мог упасть с того самого обрыва, который так тяжело ему дался. Но не упал. И нашел воду. В темноте. По запаху. Крохотный родничок, почти беззвучно сочащийся из камня и тут же теряющийся в рыхлой земле под густой мягкой травой. Но из него можно было пить, пить, пока вода не забулькала у самого горла. У нее был необычный запах и сильный известковый привкус, но светлорожденный не замечал ни привкуса, ни запаха. У нее был вкус и запах воды. Воды!

Напившись, северянин поискал вокруг и нашел несколько опавших переспелых банановых гроздьев. Некоторые из плодов еще можно было есть, и он съел их, запивая

водой. А съев, тут же уснул. И спал до самого рассвета, когда его разбудили воины Берегового Патруля.

Они выследили его по капелькам крови, оставленным израненными ногами.

Признай они в нем пирата, участника вчерашнего набега, и молодой воин, четвертованный и ослепленный, был бы брошен умирать на берегу этого славного родничка.

Но северянин меньше всего напоминал омбамту. У него были светлые волосы и синие глаза благородного хольдца. Потому его не предали смерти, а, связав, перебросили через круп парда. Это было актом милосердия. Обычно пленника привязывали за руки к седлу и заставляли бежать за всадником.

Пленник был подданным Империи, но почти никто из конгаев не испытывал ненависти к северянам. Победители склонны к великодушию. Тем более что многие, вкусив все прелести власти соххоггоев, не без грусти вспоминали о временах Империи.

Светлорожденного приняли за потерпевшего кораблекрушение. Он рассказал историю о бое «Охотника» с пиратскими шекками. Рассказал он ее без продолжения, умолчав о своей роли и своем положении, но, из соображений правдоподобия, поведал о недавнем подъеме наверх. И в это конгаям было поверить куда труднее. Но, поглядев на стертые до мяса пальцы молодого воина, начальник патруля послал одного из солдат поискать следы подъема. И солдат нашел их. А уж убедившись в правдивости такой неправдоподобной истории, как восхождение на Драконову Кручу, десятник был готов принять на веру что угодно. Он даже проникся уважением к молодому человеку: такое восхождение было подвигом, достойным песни! Это, впрочем, не помешало конгаю отдать приказ снова связать пленника.

Всадники поехали на север, и примерно через полмили тропа сошла вниз, в маленькую долину-ущелье с речушкой, впадающей в море, и выстроившимися вдоль нее легкими конгайскими домиками. Стоило светлорожденному проплыть эти полмили – и не пришлось бы карабкаться вверх по обрыву (кстати сказать, в месте его наибольшей высоты).

Несмотря на жару, сотник был облачен в доспехи и легкий шлем.

Светлорожденного поставили перед ним. Со связанными руками, но не на коленях.

– Кто ты? – спросил сотник на прекрасном хольдском.

– Нор, сын Грота из Гиба! – не моргнув глазом, солгал светлорожденный.

– Гиб? Где это? – спросил конгай.

– У озера Лёйр, достойный. Охотничий поселок на севере, в предгорьях.

– Допустим. А чем ты докажешь, что не лжешь?

Пленник пожал плечами:

– Ничем. Убей, если не веришь.

Сотник впился в него взглядом:

– А если я тебя немного поджарю?

– Давай, – сказал пленник. – Говорят, теперь и у вас не брезгают человечиною!

– Ты! Ублюдок! – Жилистая рука сотника схватила пленника за горло. – Сравнил мою страну с Омбамом!

– Отпусти его, командир! – вмешался начальник дозора, десятник, приведший пленника. – Он говорил не о нас с тобой!

– А о ком же? – зарычал сотник, но вдруг осекся и, выпустив горло северянина, тяжело опустился в кресло.

– Я отрежу тебе язык! – через некоторое время произнес он, уже более миролюбиво.

Светлорожденный промолчал.

– Не пугай его, командир! – посоветовал начальник дозора. – Он взобрался на Драконову Кручу. Так он сказал, и он не лжет! – Конгай указал на покрытые коркой засохшей крови руки и ноги пленника.

– А не ободрал ли он их, ползая на четвереньках вокруг наших укреплений? – предположил сотник.

Светлорожденный негромко засмеялся.

– Нет! – сказал десятник. – Я послал человека проверить. Парень изрядно «наследил», пока поднимался.

– А с чего это ты решил проверить?

– Равахш ²⁴! Начальник! Разве ты слышал о человеке, что взобрался на Драконову Кручу?

– Дураков много! – хмыкнул сотник. – Хотя лазать по скалам умеют не все. Зачем ты, Нор, полез на нее? Ты же запросто мог убиться. Или ты не знаешь, что наш флот ежедневно осматривает берега? – добавил он, подпустив в голос суровости.

– Эй, ты! Поддай парню табурет! – велел он солдату в дверях. – Еще свалится тут, не ровен час!

– Я не упаду, – сказал молодой воин.

– Молчать! – И – заколебавшемуся солдату: – Выполнять, собачий сын!

Солдат поспешно пододвинул табурет.

– Ты слышал, что я спросил? – свирепо, чтобы никто не подумал, что он пожалел пленника, сказал сотник.

– Я умею плавать. Достаточно, чтобы проплыть несколько миль! – Светлорожденный снова засмеялся.

Сотник грозно насупил брови.

– О вашем флоте я не знаю. Я хотел пить. И я – горец. Скалы мне ближе, чем море.

Сотник снял с головы шлем и положил его на колено.

– Развяжи ему руки! – приказал он десятнику. – И пошли кого-нибудь за лекарем! Как ты сказал, назывался твой корабль?

– Я не говорил. «Охотник». Из Южной Эскадры. Трехпалубный. Восемнадцать баллист.

– Что произошло?

– На нас напали! – светлорожденный очень осторожно стал растирать израненные руки.

– Не трогай! – сказал десятник. – Сейчас придет лекарь! Кто напал?

– Четыре омбамские шекки. Мы приняли бой. Но ветер был слабый, трудно было маневрировать... Они взяли нас, и командир воинов поджег судно.

– Герой! А что же шекки?

– Одна уцелела. Три сгорели. Две – когда взорвался наш корабль. Третья была подожжена еще до начала абордажа. Четвертая тоже, но они погасили пожар. Я видел это, когда оказался в воде.

– А как уцелел ты?

– Прыгнул с палубы в воду, когда понял, что командир поджег корабль.

– Как ты узнал?

– Я сражался около люка. Командир спрыгнул на огневую палубу. Когда запахло дымом, я оставил люк и нырнул за борт.

– Выходит, ты один спасся?

– Не знаю.

– Что ж, с уцелевшей шекки тебя не заметили?

– Они гасили пожар. Потом ушли в сторону Конга.

– Должно быть, тот самый пират, которого потопили вчера утром! – вмешался десятник. – У него была опалена корма.

Сотник кивнул. Испытующе посмотрел на светлорожденного:

– Ты, конечно, моряк, Нор?

– Воин-моряк!

– Верно! – Сотник откинулся на спинку кресла и постучал перстнем с печатью по

²⁴ Равахш – злой бог Гибельного Леса. Здесь – ругательство.

металлу шлема.— А почему ты, воин, был без доспехов, когда омбамту взяли твой корабль?

— Я был в доспехах. Сбросил их в воде. Они у нас не такие, как у тебя! А подлатная куртка неплохо держит на поверхности, пока не наберет влагу.

— Похоже, что так. Подлатная куртка из паутиной ткани?

— Да.

— Хочешь есть?

— Хочу,— признался молодой воин.— И я бы выпил вина.

— Тебе дадут! — пообещал сотник.— Кто знает, что будет с тобой завтра? А сегодня — ты заслужил!

— Завтра?

— Завтра я передам тебя страже Великого Ангана.

— Разве я нарушил закон?

— Да. У нас теперь новый закон: взятый на берегу считается лазутчиком, пока не докажет обратное!

— Как же я докажу?

— Не знаю, парень. Законы придумываю не я.

— Но я же все рассказал! — огорченно проговорил молодой воин.— Ты же видишь!

— Слова в кошель не положишь! — сказал сотник.

— У меня нет денег! — проговорил светлорожденный.

— Это пословица! — Сотник улыбнулся.— Думаешь, я стал бы требовать денег от голого пленника?

— Моя родня на севере... — начал светлорожденный.

— Довольно! — перебил его сотник.— Будь ты хоть турский ²⁵ купец с тремя кошельками! Я служу Великому Ангану, а не вашему императору! Меня ты не подкупишь!

— Я безоружен.— Светлорожденный нахмурился.— Не оскорбляй меня!

— Не слишком ли ты спесив для простого солдата?

— Я не простой солдат! — с подчеркнутой гордостью произнес «Нор».— Я — начальник десяти!

— Ты не говорил. Почему?

— Ты не спрашивал. Это имеет значение?

— Нет. Я понял, что ты не простой воин, когда услышал о паутиной куртке. Это дорогая вещь.

Пришел лекарь и принялся накладывать мазь на раны.

— Я говорил тебе: из этого парня пыткой ничего не вытянуть! — тихо сказал начальник дозора на ухо сотнику, указывая на северянина, спокойно переносящего боль.

— Да,— сказал тот.

Лекарь забинтовал раны и ушел.

— Будь ты конгаем или будь у нас другие порядки,— сказал сотник,— я охотно взял бы тебя в свою сотню.

— Благодарю, достойный,— ответил светлорожденный, разглядывая свои пальцы, толсто обмотанные бинтами.— Но служить Конгу не могу. Конг и моя родина — теперь враги!

— То-то и оно! Десятник! Распорядись, чтобы парня снабдили всем необходимым,— велел сотник на конгаэне.— А ты,— приказал он солдату в дверях,— дай ему свои сандалии. Потом получишь новые. Ты слышал, десятник? Всем необходимым! Этот воин мне по душе!

— Ха! — отозвался десятник.— Давно ли? Ты едва не задушил его! — И светлорожденному, на языке Империи: — Пойдем! Еще день ты поживешь, и я постараюсь, чтобы он был неплохим! А там — как распорядятся боги и Великий Анган!

* * *

²⁵ Тур — город на северном континенте.

Третьему сыну Асхенны повезло. Еще за год до того, как он оказался на земле Черной Тверди, для подданных Северной Империи, а равно – для сторонников ее из числа конгаев существовал только один путь – в Нижний Мир. Но в году восемьсот двадцать седьмом по летоисчислению Империи и тринадцатом – по счету самого Конга, где года насчитывались от воцарения правящего Великого Ангана, – порядок сей изменился. Светлорожденному, принявшему имя Нор, не пришлось умереть, не достигнув настоящей зрелости. Повелением Великого Ангана всем преступникам, чьи мускулы были достаточно крепкими, надлежало применить их для освоения Юга.

Огромный дикий край, используемый соххогоями лишь для благородной охоты, был объявлен территорией Конга, подлежащей освоению.

Пусть пыл недовольных остынет в болотах Юга! Пусть сражаются с джунглями, прокладывают дороги, добывают для Владыки Конга шкуры, меха, пряности, древесину! Там, на Юге, пленников даже не нужно охранять – достаточно закрыть им путь к Побережью. Сотня солдат и три-четыре дюжины обученных боевых псов отлично справятся с этим. А об остальном позаботится Гибельный Лес. Ссылные или умрут, или будут добывать богатства Юга, чтобы обменять их на металл, ткани, лекарства, без которых тоже умрут. Конг даст необходимый минимум тем, кто выживет и сможет заплатить. А тем, кто не выживет, всегда найдется замена.

Вот почему с северянином, переданным страже Великого Ангана, не стали даже разговаривать: лазутчик, потерпевший, беглец – какая разница: Юг переварит всех!

Спустя девять дней прикованный к общей цепи светлорожденный поднялся по сходням на борт торгового корабля в Сарбурском порту.

А еще через шесть дней его вместе с четырьмя десятками других ссылных привели в лагерь, расположенный на недавно освобожденной от смертоносных зарослей территории.

Строительство лагеря и прокладка ведущей к нему дороги с Побережья обошлась, несмотря на помощь сарбурских магов, в три сотни жизней. Но вне защищенного места жизнь ссылных в Гибельном Лесу была невозможна. А значит, невозможна и их работа для Великого Ангана.

Светлорожденный не был единственным северянином среди ссылных. Было еще двое: похожий на танцора Дал, рожденный в Конге и не пожелавший после переворота покинуть родину, и рыжеволосый рослый Джером, назвавшийся купцом из Дансая²⁶, но, на взгляд сына Асхенны, больше похожий на воина-разведчика.

Остальные ссылные были конгаями, так или иначе выразившими свое недоверие власти Великого Ангана. Еще на корабле они образовали что-то вроде отряда, в котором заправлял бывший фарангский кормчий Торс. На объединение «преступников» охрана смотрела сквозь пальцы: все равно ссылным придется объединиться, чтобы выжить в Гибельном Лесу.

Светлорожденный держался особняком. Дал охотно присоединился к сторонникам Торса. Во всем, кроме происхождения, он был жителем Конга. Джером же, подобно сыну Асхенны, сохранял независимость.

В огороженном сплошным частоколом лагере было шесть бараков. Ссылные, все вместе, разместились в одном из них. Здесь же, в бараке, им показали кое-какой инструмент, кучку ножей и скверных луков.

– Ваше! – сказал сотник стражи. – Пользуйтесь! И все вокруг – ваше! Идите в любую сторону! Кроме востока!

Единственная дорога вела именно на восток. К Побережью.

Два раза в месяц ссылным будут привозить товары, за которые придется платить добытым в джунглях. Это все.

²⁶ Дансай – крупный тайдуанский город-порт на побережье Межземного моря.

Сотник вскочил на парда, и весь отряд стражников вскачь умчался по дороге.

Еще не успела осесть поднятая пардами пыль, как один из ссыльных с воплем покатился по траве.

Бросившиеся к нему увидели исчезающий в загорелой спине человека розовый хвост. Из разорванных мышц обильно текла кровь.

Ссыльные, не зная что делать, столпились вокруг несчастного, который корчился на земле. К счастью, мучился он недолго.

Когда стало ясно, что человек мертв, Джером перевернул труп на спину.

– Принесите мне нож! – распорядился он.

Ему протянули ржавый тесак. Джером недовольно посмотрел на клинок, затем одним взмахом вскрыл брюшную полость убитого. Те, кто не отвернулся, увидели копошащуюся во внутренностях кошмарную плоскую тварь. Она подняла сплюснутую голову, засвистела и защелкала крючкообразными жвалами. Многие подались назад, опасаясь, что тварь прыгнет. Но та только пугала.

Светлорожденный увидел, как приподнялась ее задняя часть и снизу, одно за другим, выпали два белых яичка.

Лезвие мотыги упало на голову твари, смешав ее кровь с кровью и внутренностями убитого.

– Сжечь! – распорядился Торс, втыкая мотыгу в землю, чтобы очистить ее.

Три человека тотчас побежали к воротам.

– Стойте! – раздался властный голос Джерома.

Конгаи остановились. Нижняя губа бывшего фарангского кормчего недовольно оттопырилась.

– Это все же – Гибельный Лес! – примирительно сказал Джером.

Торс продолжал сверлить его взглядом. Потом сказал:

– Вернитесь! Он прав!

Купец из Дансая, отвернувшись, разглядывал нож.

– Ты, ты и ты! – Торс указал на тех, о ком было известно: умеют обращаться с оружием. – Возьмите луки и выберите что-нибудь из этого ржавого хлама. Будете охранять. Еще нужны те, кто станет заготавливать дрова. Кто?

– Я! – сразу отозвался Джером. – И я предпочел бы лук. С ним я управляюсь лучше, чем с топором!

– Луков – шесть! – заметил Торс. – Кто еще готов стать стрелком?

Откликнулись четверо.

Сын Асхенны счел за лучшее промолчать.

Не вызвался он и в лесорубы. Как и большинство ссыльных, он не рвался в Гибельный Лес.

Когда отряд из десяти человек покинул лагерь, светлорожденный решил осмотреть частокол.

Те, кто строили ограду, отнеслись к делу всерьез. Столбы толщиной не меньше полулоктя были подогнаны один к одному. Щели между ними строители залили вонючей смолой, а поверху, на высоте в два человеческих роста, прибили высохшие лианы с длинными острыми колючками. Колючки покрывал розовый налет, – надо полагать, яд. И все же изнутри стена выглядела не так внушительно, как снаружи. Когда их вели к лагерю, сын Асхенны обратил внимание, что от больших деревьев частокол отделен двадцатью шагами выжженной земли, из которой кое-где торчали обгорелые культы пней. Хотя сама полоса уже была покрыта молодой порослью, а толстые лианы, как огромные змеи, выползли из леса к человеческому укрытию, ни один росток не коснулся самой стены, сплошь залитой черной смолой.

Черные полосы такого же состава тянулись вдоль проложенной дороги. Нетрудно было догадаться, что эта смола ядовита как для растений, так и для животных. И, очевидно, для человека. Но светлорожденный не собирался трогать частокол руками. Неплохая защита. Но

не абсолютная, если та розовая тварь ухитрилась пробраться через нее. Неплохо бы, кстати, исследовать лагерь на предмет ее сородичей... Но светлорожденный опять-таки решил воздержаться от проявления инициативы. Хотя сам оставался начеку.

Шесть барачков, приземистых строений, прочных и безобразных, были совсем не похожи на изящные конгайские жилища. Земля внутри частокола поросла короткой травой. Кое-где поднимались ростки деревьев, покачивались на тонких ножках синие и красные летучие грибы.

«Вряд ли здесь есть что-то съедобное, – подумал молодой воин. – Кроме, может быть, грибов...»

Но пробовать незнакомые грибы – не самая легкая разновидность самоубийства.

Разноцветная стена Гибельного Леса поднималась намного выше края частокола.

«Надеюсь, – подумал сын Асхенны, – я не задержусь здесь надолго!»

Он ошибался....

Услышав громкие возгласы, светлорожденный быстро обернулся. В открытые ворота поспешно входили ушедшие за дровами.

Без дров. Шестеро уцелевших несли троих раненых. Десятого Лес забрал. Десятым был Джером.

«Жаль!» – подумал светлорожденный.

Для вторичного похода в джунгли желающих не нашлось.

Трое раненых умерли ночью. Еще один ссыльный – прямо в бараке, укушенный ядовитым пауком. Утром второго дня еще один человек был погублен плоской тварью, вроде той, какую прикончил Торс.

Утреннюю экспедицию в Лес Торс возглавил лично. Она закончилась еще плачевней первой. Погибла половина смельчаков. Причем четверых убил Пурпурный Стрелок ²⁷. Буквально за одно мгновение. Несколько шагов по Лесу обходились в человеческую жизнь. Обратно группа возвращалась по дороге, но и там был потерян человек. Бесследно исчез шедший последним.

К вечеру второго дня в живых осталось двадцать два ссыльных. Внутри частокола их тоже подстерегала Смерть, но здесь она была не такой жадной, как в джунглях.

В лагере был колодец. Была выгребная яма с наглухо запирающейся будочкой. Был небольшой запас сушеных плодов и вяленых бананов. Все. Слишком мало для того, чтобы накормить почти две дюжины мужчин. За два дня удалось подстрелить одиннадцать медовниц, но их мяса не хватило бы и на троих.

Ночью умер еще один ссыльный. Что с ним произошло, было непонятно, но лицо его посинело, а язык вывалился наружу, как от удушья.

Утром Торс с тремя добровольцами снова сделали вылазку. Они отошли не более чем на тридцать шагов, быстро собрали в мешки слизней и два десятка крабов и через пять минут возвратились. Без потерь.

Разобрав на дрова дверь одного из барачков, ссыльные запекли слизней, совершенно несъедобных в сыром виде, и впервые за три дня поели досыта. Воодушевленный успехом, Торс предложил повторить вылазку. Но на сей раз боги не благоволили им. А может быть, охотники ушли слишком далеко от лагеря.

Оставшиеся слышали громоподобный рев и истошные крики.

Никто не рискнул броситься на помощь. Лишь один из конгаев подошел к воротам, чтобы открыть их, если понадобится. Не понадобилось.

Ночь прошла без происшествий, но трижды совсем рядом с частоколом раздавался рев. Такой же, какой слышали они днем, когда погибли ушедшие в Лес.

– Хорахш! – перешептывались конгаи.

²⁷ Пурпурный Стрелок – растение, выстреливающее ядовитые стрелки-семена на расстояние до двадцати метров. Саженец прорастает и укореняется в трупе.

Сына Асхенны раздражали их приглушенные голоса, боязливость, испуганные лица. Он удивлялся, как за несколько дней Гибельный Лес превратил сильных, отважных мужчин в кучку трусов. Конечно, не все вели себя так: кое-кто отделился от общей группы. Но таких было меньшинство.

Светлорожденный устраивался на ночлег отдельно от других. Он отодвинул свою лежанку от стены, окопал канавкой, а вокруг набросал сухой травы. Рядом положил кинжал. Он был уверен: если паук, крыса или еще какая-нибудь тварь захочет подобраться к нему – он услышит и прикончит гадину.

Ночью он спал. Хотя часто просыпался: какофония звуков за частоколом – вопли, безумный смех, рев, хныканье – могли бы разбудить и мертвеца.

На северянина обращали мало внимания. После гибели Торса каждый занимался лишь собственной участью, и ни у кого не возникало желания взять на себя ответственность за других.

Нор обратил внимание на двух ссыльных. Один из них явно помешался. Он отказывался даже от той крохотной доли пищи, что полагалась ему, и все время бормотал про Равахша, его гнев и необходимость жертвы.

Второй, маленький жилистый конгай, сам то и дело бросал на светлорожденного внимательные взгляды. Он был лет на пять старше северянина и показался тому достаточно дружелюбным. Но светлорожденный еще не решил, как будет действовать. Потому выжидал и не спешил знакомиться.

Днем ссыльные бесцельно разбрелись по лагерю. Выйти за частокол никто не отваживался.

Маленький конгай сам подошел к сыну Асхенны.

– Хочешь попробовать? – Он показал пригоршню грибов, синих, с пурпурными пятнами.

Светлорожденный покачал головой:

– Нет, спасибо! Они могут быть ядовиты!

– Верно! – сказал конгай. – Они и впрямь ядовиты. Но если подержать с полчаса над огнем – яд уйдет. А если денек на солнце – можно получить сладостное забвение на целую ночь. Но нам ведь это ни к чему?

Он улыбнулся, откусил кусочек гриба, прожевал и проглотил.

– Ты сказал, они ядовиты? – заметил Нор.

– Мне не повредит.

– Ты – маг?

– Нет! – Конгай тихо рассмеялся. – Я всего лишь деревенский лекарь. Немного понимаю в колдовстве, ровно столько, чтобы сделать из яда лекарство!

– Ты умрешь последним из нас, – предположил светлорожденный.

– Надеюсь, что нет!

– Надеешься?

– Мне было бы скучно одному. А потом, я хочу пожить подольше. И думаю, что выживу. Даже здесь...

– Почему? – поинтересовался светлорожденный, тешивший себя сходной надеждой.

– Кто-то же построил этот лагерь! Пойдем, поедим! Меня зовут Набон.

– Нор, – сказал светлорожденный.

Грибы нельзя было назвать деликатесом, но, посыпанные солоноватым пеплом, взятым из костра, они стали вполне съедобными.

Кое-кто из конгаев остановился неподалеку, следя за их трапезой. Некоторые покачивали головами, но никто не пытался отговорить. Умрут – двумя ртами меньше. Выживут – значит, грибы съедобны. Набон и северянин не отравились. Тогда четверо конгаев, ни слова им не сказав, набрали грибов и разведя огонь из остатков барачных дверей, стали их жарить.

– Они не отравятся? – спросил светлорожденный.

– Не знаю,– беспечно отозвался маленький конгай.– Ты хочешь, чтобы я их предупредил?

– Да, знаешь ли...

– Хорошо,– Набон поднялся и подошел к костру. Вокруг, с жадностью глядя на нанизанные грибы, сидели четверо мужчин.

Набон что-то сказал им, но те закричали возмущенно и сердито.

Маленький конгай покачал головой и вернулся к светлорожденному.

– Они говорят: я хочу сохранить грибы для себя,– сказал он.– Признаться, я такого и ожидал. Пусть едят.

– Они умрут,– равнодушно сказал светлорожденный.

– Да. Но даже если они выживут сейчас – то умрут чуть позже. Не думаю, чтоб такие выжили в Гибельном Лесу! Им даже в наших горах не протянуть долго!

– Кстати, откуда ты? – спросил сын Асхенны.

– Мое селение – у подножия Закатного хребта, около города Сиул. Знаешь, где это?

– Нет. Но я тоже родился у подошвы горы! У нас, в Хольде.

– Ага! – Конгай протянул ему сухую ладонь, которую Нор с чувством пожал. С каждой минутой Набон ему нравился все больше.

Четверо конгаев, съевших неизвестные грибы, не умерли.

Но были очень близки к тому, чтобы умереть. Только к вечеру кровавый понос и рвота у них прекратились, и бедняги смогли забыться. Им повезло: яд начал действовать после первого же проглоченного куска.

Следующая ночь также прошла без потерь. Но всех, кроме Набона с светлорожденным и четверых отравившихся, мучил жестокий голод. И это было похуже, чем рев хорахша за частоколом.

Два товарища поставили лежанки рядом и спали спокойно.

Утро ничего хорошего не принесло.

Спявший конгай, тот, что поминал Равахша, нашел себе товарищей – тех, что поели ядовитых грибов. Они шептались, поглядывая на Набона и светлорожденного, а потом один из конгаев удалился в барак и долго лязгал там железом.

Двое друзей устроились в тени стены.

– Парни что-то затевают! – проговорил маленький конгай.– И это мне не нравится: я не слишком хорошо обращаюсь с оружием.

– Зато я обращаюсь с ним хорошо! – заверил его Нор.– Не тревожься.

А к затевающей что-то компании тем временем присоединились еще четверо. Затем еще трое. Ссылным совершенно нечем было заняться. Они подсаживались к образовавшейся группе, слушали, что бормочет помешанный.

«А может, не такой уж он и помешанный?» – подумалось светлорожденному.

Незадолго до полудня время разговоров истекло.

Пятеро здоровенных конгаев двинулись к двум товарищам.

– Равахшу нужна жертва! – заявил один из них, выставив мощный подбородок.

Нор подумал: имеют в виду его. Но здоровяк ткнул пальцем в маленького Набона. Он говорил на конгаэне, который светлорожденный знал не так уж хорошо, но фраза была понятна, и жест достаточно красноречив.

– Что же вы собираетесь со мной сделать? – дрогнувшим голосом спросил лекарь.

– Душа твоя уйдет к Равахшу! – разъяснил второй конгай.– Душа – Равахшу, а тело – нам, его слугам! Так сказал этот! – Повернувшись, он показал на помешанного, сидящего на земле в двадцати шагах.– Хусон – слуга Равахша. Потому он здесь, в его царстве!

– Вы тоже здесь как слуги Равахша? – осведомился Набон, стараясь не выказать страха.

– Не твое дело, коротышка! – отрезал первый.– Ты – жертва!

– Чего же вы ждете от меня? – спросил маленький конгай.

– Мы должны связать тебя, чтобы умертвить по ритуалу! Встань!

«Ого!» – подумал светлорожденный, сидевший на корточках в трех шагах от

маленького конгая.

– Ублюдки пятнистой крысы! – четко сказал он. – Прочь от моего друга, пока я не свернул чью-то толстую шею!

Лицо здоровяка покраснело, жилы набухли. Он сверху вниз злобно уставился на светлорожденного.

– Мы не трогаем тебя, северянин! И не тронем! – поспешил вмешаться третий конгай. – Мы уважаем Империю! Только ты не вмешивайся, ладно?

– Уважающие Империю не поклоняются Равахшу! – сказал воин.

– Здесь – царство Равахша! – настойчиво произнес конгай.

– Ты же воин. Как и мы! – вмешался второй. – Не думай, что мы тронем тебя! Ты даже не будешь бросать жребий, если откажешься от своей доли жертвы! А этот...

– В общем, мы здесь потому, что любим Империю! – заключил третий. – Ты нас не бойся!

Набон переводил тревожный взгляд со светлорожденного на конгаев.

– Я боюсь? – Светлорожденный продемонстрировал удивление.

Тут первый конгай, которому сын Асхенны пообещал свернуть шею, вышел из ступора.

– Это ты здесь потому, что любишь Империю! – заорал он. – Я здесь потому, что ненавижу этих бледных тварей, соххоггоев! А тебя, червяк... – Он занес ногу, чтобы пнуть сидевшего на корточках светлорожденного.

Нор встал. Вернее, распрямился, выбросив кулак, с хрустом врезавшийся в челюсть конгая.

Тот отлетел назад и рухнул на спину. Голова его была неестественно вывернута.

– Я же сказал: кое-кому свернут шею! – лениво проговорил северянин.

Четверо других отпрянули, но отступить, похоже, не собирались. Набон стал рядом с Норм, сжимая нож.

– Договоримся так, почтенные! – спокойно сказал светлорожденный. – Хотите кого-нибудь сожрать – выбирайте между собой!

Их противники задумались.

– Может, он прав? – сказал один из них. – Мы говорили о жребии...

– И жертва у нас есть! – другой кивнул на мертвеца. Вид у светлорожденного был такой, что связываться с ним не хотелось.

– Но ритуал... – возразил было третий.

– Да Равахш с ним, с ритуалом! – дружно закричали остальные.

Они поладили бы, если бы к ним, размахивая мечами, не подбежали шестеро остальных...

– Ого! – насмешливо сказал светлорожденный. – Не ушибите друг друга этими железками!

У самого Нора имелся кинжал. Такой же, впрочем, скверный, как и мечи.

Один из шестерых, не раздумывая, бросился на северянина.

Он занес меч, но светлорожденный нырнул под клинок, перехватил руку противника и всадил кинжал в левое подреберье конгая. Прикрывшись им, как щитом, воин избежал еще одного удара, перехватил меч и проломил им голову второго нападающего. Тогда, отбросив кинжал, он вырвал из руки поверженного меч и бешено завертел обоими клинками.

– Ну, слизняки! – зарычал он. – Вашему Равахшу нужно мясо? У него будет много мяса! – И сделал шаг вперед. К его удивлению, противники отступили. Они не привыкли сражаться вместе, и каждый почувствовал себя один на один с бешеным северным воином.

– Кто не хочет к Равахшу, меч наземь! – крикнул Набон из-за спины северянина. (Он тоже предусмотрительно отступил подальше от вертящихся мечей.)

«Лекарь! – пренебрежительно подумал сын Асхенны. – Разве воины откажутся от оружия?»

Ему пришлось удивиться еще раз: конгаи поспешно побросали мечи на траву.

– Возьмите мертвых и выбросьте их за ворота! – приказал Набон.

Конгаи заколебались.

– Делать что сказано! – заревел Нор. – Выпотрошу всех!

Убитых тут же подхватили и поволокли к воротам.

За эти несколько минут все ссыльные собрались вокруг Набона и светлорожденного. Все, кроме «слуги Равахша», в одиночестве сидевшего на траве.

– Ты и ты! – приказал Набон двоим конгаям. – Идемте со мной! – И двинулся к «слуге». Светлорожденный пошел с ним. Остальные ссыльные – тоже.

– Ты любишь Равахша? – спросил он невозмутимо сидящего конгая.

– Люблю! – Прищурившись от яркого света, «слуга» взглянул на маленького конгая.

– Любишь! Да! – Набон наклонился и точным ударом ножа пронзил сердце жреца.

– Выбросьте и его! – приказал он двоим конгаям. И светлорожденному, виновато: – Его нельзя было оставлять в живых! Это заразная болезнь!

– Если ты все болезни лечишь так, лекарь, – усмехнулся северянин, – я предпочту не болеть!

Все трупы были выброшены наружу, а ворота заперты.

Шестнадцать конгаев окружили северянина и Набона.

– Командуй! – шепнул другу маленький лекарь.

– Может быть, ты? – возразил светлорожденный. – У тебя неплохо получается, и они – твои соплеменники!

– Насчет соплеменников ты не прав! А командиром я предпочитаю видеть тебя! Уверен, и они – тоже! Достойные! – воскликнул он на языке Империи. – Готовы ли вы, как и я, вручить свою судьбу этому воину? – Он указал на светлорожденного.

– Нечестный ход! – проворчал Нор. Но его слова утонули в дружном одобрении ссыльных:

– Да! Да!

– Хорошо! – крикнул сын Асхенны, и его привычный к командам голос перекрыл восклицания конгаев. – Я буду вашим вождем! А теперь – тихо!

Голоса смолкли. Светлорожденный выдержал паузу, а потом негромко произнес:

– Я хочу выжить! – Снова пауза. – И хочу, чтобы выжили вы!

Полминуты он молча смотрел в глаза каждому из ссыльных.

Большинство смущенно опускали взгляд.

– Но половина из вас наверняка умрет!

Снова поочередно заглянул каждому в глаза.

– Ты, приятель, подойди! – вдруг приказал он широкоплечему рослому конгаю, бедра которого обертывала ярко-синяя ткань.

Конгай шагнул вперед. Свирепый взгляд северянина его совершенно не смутил.

– Мое имя Иром, достойный! – заявил он.

– Я видел тебя среди тех, кто пошел за дровами, а принес трех покойников!

– Да! – Тон конгая был уважителен, но лишен подобострастия. Удлиненные карие глаза с любопытством разглядывали северянина.

– Хорошо, – сказал Нор, еще раз оглядев ссыльных. – Я позабочусь о вас! – Его маска простого десятника дала трещину, из которой выглянуло лицо светлорожденного Империи и военачальника. – Иром и ты, Набон, оставайтесь! Я буду говорить с вами наедине. Остальных не задерживаю!

Ссыльные неохотно разошлись. Они с удовольствием послушали бы разговор.

– Ты был с теми, первыми, и ты вызвался добровольцем, да? – спросил светлорожденный, когда они остались втроем.

– Да, достойный!

– Но больше ты в Лес не пошел?

– Я не трус! – сказал конгай. – И люблю иногда рискнуть. От скуки. Но я не из тех, кто станет босой ногой давить ядовитую змею!

– Неплохой ответ, солдат! Ты ведь воин, не так ли?

– Нет, достойный! Я комедиант!

Светлорожденный скептически оглядел мускулистую фигуру:

– Дай-ка мне руку!

Конгай протянул ему ладонь, а когда Нор ощупал ее, улыбнулся.

– Ты не похож на комедианта, – светлорожденный отпустил его руку.

– От шеста, достойный, остаются такие же мозоли, как и от меча!

– А ты – на простого моряка-воина! – парировал Иром.

– Я был десятником! – сказал светлорожденный.

– Прости, достойный, но и на десятника ты не похож.

– А на кого я похож? – спросил молодой воин. Конгай ему нравился.

– Ты похож, достойный, на светлорожденного Империи. Кстати, следы перстней на твоих пальцах еще заметны.

– Ты с кем-нибудь поделился своими... наблюдениями?

– У меня, светлейший, такой короткий язык, что я сам иногда удивляюсь. Если тебя устраивает обращение «достойный», я сохраню его.

– Буду признателен! – кивнул Нор. – У тебя есть друзья среди ссыльных?

– Двое. Если ты готов положиться на меня, можешь на них рассчитывать! Они – комедианты. Такие же, как и я! – Конгай подмигнул.

– Я рад, что ты с нами, Иром! – честно сказал светлорожденный. – А теперь слушай. Я собираюсь выйти из лагеря!

– Валяй! – ответил конгай, не скрывая своего огорчения. – Ты мог бы стать для нас хорошим вождем.

– Пожалуй, – светлорожденный не обратил внимания на его тон. – И я пойду один. Любой из вас только помешает мне.

– Зря! – Конгай ухмыльнулся. – Даже у хорахша должен быть выбор!

– Помолчи! Я пойду один, и я вернусь. Но прежде ты расскажешь мне все, что видел в джунглях.

– Не желаю тратить слов зря! – нахмурился Иром. – Первый твой шаг в зарослях станет последним.

– Первый? Ты уверен?

– Не первый, так второй или третий! Если ты не сойдешь с дороги, то, может быть, и вернешься. Но в джунглях ядовит каждый шип, а под каждой травинкой тебя ждет чье-нибудь жало. Я пошутил насчет хорахша, хорахшу ты не достанешься. Твои ноги босы, и потому ты умрешь от первой же колючки.

– Вот то, что я хотел от тебя услышать, – удовлетворенно сказал светлорожденный. – Если бы ты еще раз должен был пойти в Лес, что бы ты взял с собой?

– Здесь этого нет.

– А ты пофантазируй.

– Как скажешь, – Иром несколько успокоился, поняв, что северянином движет не одна лишь храбрость.

– Я надел бы высокие сапоги из акульей кожи. Куртку из многослойной паутинной ткани, вроде той, что надевают под кирасу. На голову – шлем, закрытый, хотя... нет, это уменьшит обзор...

– Нор! – подал голос Набон. – Кажется, я знаю, что тебе нужно! Хотя вряд ли здесь такое найдешь. Впрочем, как и шлем...

Светлорожденный быстро обернулся к маленькому конгаю:

– А ты все же расскажи!

– Костюм для охоты на летающих змеек! Маленьких зеленых змеек, что водятся в наших горах. Их яд убивает за пару мгновений, а с десяти шагов они запросто попадают в глаза!

– Никогда не видел этих уродцев! – заявил Иром.

– Если ты не станешь их ловить – никогда и не увидишь. Кстати, они не уродцы, а

почти так же красивы, как медовницы. Но намного осторожней. И не трогают человека первыми.

– Зачем же тогда их ловить?

– Их яд помогает от всех, верней, почти всех желудочных болезней!

– Так я и думал, что ты лекарь! – удовлетворенно сказал Иром.

– Костюм! – напомнил Нор.

– Да, костюм. Он из трехслойной паутиной ткани. С шелковой поддежкой. Куртка и брюки. Сапоги из акульей кожи, о которых говорил тебе Иром. Хорошей выделки – чтобы нога чувствовала грунт и камень. Капюшон с клапаном, закрывающим рот и нос. А глаза защищены пленкой из крыльев медовницы.

– А дышать? – спросил светлорожденный.

– Капюшон сшит так, чтобы на шее и плечах оставались складки-карманы. Паутинная ткань пропускает воздух, ты знаешь. А когда двигаешься – костюм тоже «дышит»! Будь у меня необходимое, я сшил бы такой!

– Я видел в бараке старую собачью шкуру! – сказал светлорожденный.

Иром засмеялся.

– Сшей мне из нее сапоги! – Северянин не обратил внимания на смех конгая.

– Без иглы и паутиных нитей? – Набон задумался, потом предложил: – Я могу сделать их на шнуровке! Правда, в дождь...

– На одном из парней я видел крепкую куртку! – сказал светлорожденный.

– Это мой парень! – заявил Иром. – И куртку эту он очень любит!

– Еще бы! – усмехнулся Набон. – Раз ходит в ней в такую жару.

– Не больше жизни? – предположил северянин.

– Он отдаст ее тебе! – заверил Иром. – А штаны?

– Обмотаю ноги шелком. И голову тоже. Жаль, что у нас нет приличного оружия!

– Жаль, что у нас ничего нет! – заметил высокий конгай. – Тот парень, у которого ты хочешь отобрать («Взять!» – поправил светлорожденный) куртку, он – кузнец. Дай ему то, что нужно, – и он даже из ржавого лома выкует пристойные мечи!

– Будет видно! – Светлорожденный взглянул на сгрудившихся в стороне ссыльных. – Займись сапогами, Набон! Пойдем, Иром, поговорим с людьми!

Ворота затворились за спиной Нора. Перед ним лежала расчищенная полоса, а дальше пестрой стеной поднимался Гибельный Лес. Дорога к побережью – узкая щель, сдавленная пышными кронами деревьев. Светлорожденный покачал в руке меч. Оружие оказалось столь же неудобным, как и те сапоги, что смастерил Набон.

Три зеленых ящера – каждый по плечо человеку, выпрыгнули из чащи. Их маленькие головы на тонких шеях повернулись в сторону светлорожденного. Тот сделал шаг, и ящеры мгновенно нырнули в стену растительности.

Нор поправил повязку на голове и двинулся по дороге.

Она была шириной шагов в десять, и широкие черные полосы с обеих сторон защищали ее от атаки растений. Лишь в одном месте ее пересекала толстая лиана. Ствол ее арками выгибался над обочинами, избегая соприкосновения с черным составом.

Зато животные то и дело выпрыгивали на открытое пространство. Но ни одно из них не было крупнее гурамского следопыта ²⁸.

Светлорожденный вспомнил о ящерах и ощутил за спиной тяжесть лука. Последнего лука в лагере: остальные пропали вместе с группой Торса.

«Можно набрать слизней, – подумал Нор. Но тогда надо сойти с дороги!»

Он удалился от лагеря шагов на сто, когда увидел между зарослями просвет. Звериная тропа.

²⁸ Гурамский следопыт – порода собак с очень хорошим чутьем. Размером следопыт чуть меньше лисы.

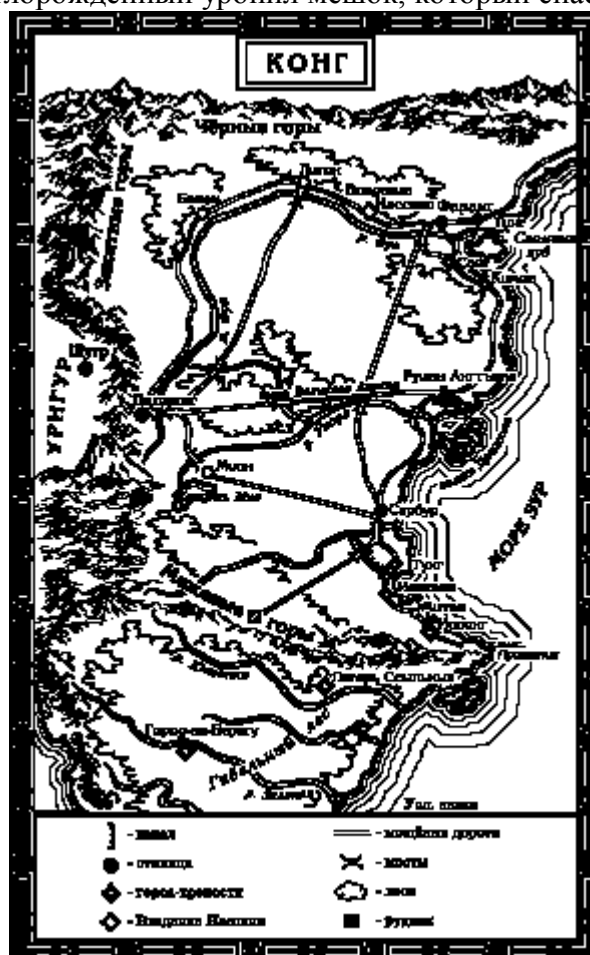
Слова Ирома оказались истиной. Он сделал только один шаг – и хищная лиана обвилась вокруг ноги, пытаясь вонзить в заскорузлую кожу сапога ядовитые шипы.

Сбоку раздався хруст.

Пока человек смотрел на пушистое существо, наверху снова раздался треск, мелькнуло стального цвета тело. Короткий визг – и один из зверьков стал мертвым комочком меха, неторопливо втягиваемым в расходящуюся пасть змеи.

Светлорожденный снял со спины лук, наложил стрелу. Лук скверный, но промахнуться с нескольких шагов – невозможно.

Спустя десять минут он доверху набил мешок белыми тушками. Вскинув его на спину, северянин успел сделать лишь три шага. Позади раздался свист, и сильный толчок в спину едва не сбил его с ног. Светлорожденный уронил мешок, который спас ему жизнь.

Отвратительная тварь, помесь змеи и ящерицы, в руку длинной, хрипя и чавкая, вгрызлась в мешок. Ее голова уже исчезла внутри, а передние лапы когтями расширяли дыру. Задние конечности бестии, длинные, как бы сложенные пополам в суставе, скребли землю, толкая мешок вперед.

Удар меча перерубил ей хребет. Но живучая тварь, хрипя и свистя, выдралась из мешка и, щелкая челюстями с выдающимися вперед острыми зубами, поползла к человеку. Задняя ее часть, парализованная, волочилась следом. Светлорожденный вновь опустил меч, разможив голову бестии.

Кое-как стянув окровавленные края прогрызенной тварью дыры, Нор снова взвалил мешок на спину. К этому моменту тело хищника уже скрылось под шевелящейся грудой крыс и крабов.

Когда, добравшись до лагеря, Нор ударил в ворота рукоятью меча, тяжелая створка тут же отошла назад. Иром с явным облегчением приветствовал Нора. Один из конгаев подхватил мешок, набитый тушками.

– Шкурки надо сохранить! – сказал светлорожденный. – Хотя не знаю как.

– Здесь есть все необходимое для выделки! – успокоил его Набон. Он тоже не скрывал радости по случаю благополучного возвращения северянина. Да и все слыльные воспряли духом, когда их новый вождь не только вернулся, но и принес пищу. Светлорожденный не стал их разочаровывать рассказом о том, что остался жив благодаря случайности. Зато Ирому он выложил все. Наедине.

– Если ты не против, – предложил конгай, – в следующий раз я отправлюсь с тобой!

– Ты изменил свое отношение к джунглям? – лукаво осведомился светлорожденный.

– Там еще довольно шкуры на три пары сапог! – Иром широко улыбнулся. – Я пойду с тобой и прихвачу еще одного парня. Он плавал стрелком на моей галере, глаз у него отменный!

Светлорожденный сделал вид, что не заметил обмолвки «комедианта».

Спустя десять дней жизнь в лагере более или менее наладилась. Правда, в первые дни погибли еще пятеро. Но лишь один – во время вылазки. Бедняга даже не успел закричать. Нор и Сунг-стрелок, обернувшись на шум, успели увидеть только ноги несчастного, исчезающие в густой листве. Товарищи ничего не сумели разглядеть в разноцветной кроне. Теперь они всегда ходили втроем, и Нор шел последним. Иром и Сунг пытались протестовать, но светлорожденный воспользовался своим правом вождя. В нем проснулось чувство, воспитанное годами тренировок: он загодя улавливал угрозу. Прежде такое бывало с ним лишь в бою, но, видно, что-то внутри сына Асхенны решило: прогулка по Гибельному Лесу стоит сражения.

Один погиб в джунглях, и еще четверо – от неизвестной болезни. К счастью, только четверо. Благодаря Набону.

Внутри лагеря не осталось ни одной ядовитой твари. По распоряжению Нора каждый клочок земли был осмотрен, и специальный наблюдатель следил, чтобы никто и ничто не проскочило в лагерь, когда открывали ворота.

С каждой экспедицией Нор, Иром и Сунг становились опытней. Они уже знали большинство мелких хищников, как правило, безмозглых кровожадных бестий, нападавших всегда одинаково. Мечи и луки охотников постоянно были наготове, и клинки рубили атакующих так же бесстрастно, как загораживающую путь молодую поросль.

Наконец светлорожденный рискнул взять с собой и Набона. Он не пожалел об этом. Маленький конгай буквально в пяти шагах от частокола нашел заросли кустарника нуг. Отвар из его ягод, укрепляющий мужскую силу, стоил в Конге, и не только в Конге, бешеных денег.

Отвар стоил дорого, но ягодки были совсем крохотными, а кустарник – колючим. Потому со сбором возиться не стали. Тем более Набон уверил, что подрезанный кустарник растет еще лучше. Выгнав из-под кустов семейство разъяренных змей, охотники срубили дюжины две веток и приволокли их за частокол. В лагере довольно рук, чтобы собрать «урожай».

Через пятнадцать дней с побережья приехал воинский отряд. С ним прибыл и купец из Сарбура. Добытые шкурки ему понравились. А когда Иром показал ему горсть высушенных ягод нуг, руки купца задрожали. О шкурках он просто забыл. Пока воины лениво прохаживались по лагерю, а сотник пересчитывал выживших, Иром с купцом удалились в барак и торговались почти час. Потом Иром позвал светлорожденного и Набона, чтобы окончательно договориться. За три мешочка ягод купец был готов дать все что угодно, кроме хорошего оружия. На оружие наложен запрет Великого Ангана.

Солдаты угощали ссыльных вином. Купец оставил как аванс соль, пряности, несколько рулонов ткани. Он увозил с собой мешок отличных шкурок и пригоршню бесценных ягод.

– Рад за вас! – сказал на прощание сотник. – Вижу, вы уже обжились! Правда, кое-кого не хватает! – Он хохотнул. – Но – ничего! Через месяц привезут еще!

* * *

Нор, Иром и Лаонг, армейский сотник, сосланный на Юг за отказ повиноваться соххогю, заседали втроем в одном из пустующих бараков. Огонек копилки освещал лица людей и поверхность грубо сколоченного стола.

Немного в стороне от трех воинов сидел Набон, пересыпая из руки в руку пригоршню небрежно выточенных гадальных костей.

– Нас здесь тридцать шесть человек, умеющих работать мечом! – воскликнул Иром. – И перекованные клинки вполне годятся для боя! Если мы нападём внезапно, то через три минуты прикончим всех!

– Мне такое не по душе! – заявил Лаонг. – Да, нам ничего не стоит искрошить двенадцать человек! Но парни не сделали нам ничего плохого! Они выполняют свой долг! И

мы пили их вино! Я против, Иром! Что скажешь ты, вождь?

Светлорожденный покачал головой:

– Они будут драться! А нам нужны парды! Я не взялся бы уговорить солдат отдать животных добровольно! Их долг – стеречь нас!

– Думаешь, мне по душе убивать этих парней? – сердито сказал Иром. – Будь у нас запас сетей или снотворное, которое можно подмешать в вино...

– Нор! – вдруг сказал Набон. – Я видел тут паука с тремя коричневыми пятнами на спине. Вот такими! – Он коснулся палочкой фитиля и нарисовал копытю на столе.

– Я тоже его видел! – отозвался светлорожденный. – И что дальше?

– Поймай мне этого паука – и я сделаю тебе такую смесь, что, попав в крохотную ранку, погрузит человека в сон на четыре-пять часов!

– Шутишь! – удивился Нор. – Этот паук, он ведь даже не ядовит!

– Проверишь на себе, если хочешь. Только вот оцарапать сотнику кожу и смазать ранку составом – твое дело!

– Задача! – воскликнул обрадованный Лаонг. – Мы смажем им наконечники стрел!

– Не пойдет! – отрезал светлорожденный. – Так они и дадут нам приблизиться к ним с оружием! Ну-ка, что ты сам сделаешь, если к тебе подойдет парень с луком и прицелится?

– Постараюсь его опередить!

Все четверо засмеялись.

– Кажется, я знаю то, что нужно! – через пару минут сказал северянин. – Мой отец привез из Тайдуана трубку тайских охотников. Она сделана из стебля озерного тростника и посылает отравленный шип на двадцать пять шагов!

– У нас нет озерного тростника! – сказал Иром. – И стрелять из нее, думаю, не просто.

– И не сложно! Кстати, годится любой прямой стебель, если высверлить перегородки. Что же до шипов, то их у нас хватит!

Все снова засмеялись.

– Отлично! – Лаонг хлопнул ладонью по столу. – Мы захватим пардов и повозки, пробьемся через сторожевые посты – и останется только попасть на борт подходящего корабля!

– Свобода! – Иром проглотил слюну.

– Пожалуй, – задумчиво проговорил светлорожденный. – Можно использовать купцов...

– Не желают ли достойные, чтобы я бросил кости? – вкрадчиво предложил Набон.

Трое воинов уставились на него.

– Ну... – Набон смутился. – Мне нравится ваш план, но иногда не худо спросить у Судьбы, что она об этом думает!

– Да, конечно! – воскликнул суеверный Иром. – А ты сумеешь истолковать волю бога?

– Попытаюсь. – Набон ссыпал кости в мешочек из черной кожи. – Тянуть будете вы: я знаю свои кости на ощупь. Тянете по очереди. Каждый вынимает три...

– Знаем! – перебил Иром и потянулся к мешочку.

Но маленький конгай решительно отстранил его руку:

– Вознеси-ка, брат, мысленную молитву богам. И давайте определим, что мы хотим узнать.

– А разве нельзя узнать сразу все? – удивился Лаонг.

– Чем больше событий, тем труднее толковать! – пояснил Набон.

– Я гадаю на успех захвата пардов! – заявил Иром и запустил руку в мешочек.

В бараке воцарилась тишина. Если не принимать во внимание воплей и стонов, доносившихся из джунглей.

Иром поворошил пальцами кости в мешочке, закрыл глаза и вытащил три знака Судьбы, зажатые в кулак.

Он выложил их на стол символами вниз.

– Переворачивай! – велел Набон.

Воин перевернул первую кость:

«Правый поднимает меч!»

Все облегченно вздохнули. Знак не требовал толкования.

Второй знак, «Дорога с горы», – тоже толкования не требовал. Он предвещал легкий успех.

А вот третий знак, «Чаша Звезд», вызвал недоумение.

– Это еще к чему? – удивился Иром.

– Вопрос! – Набон почесал голову, взъерошив и без того всклокоченные волосы. – Сам по себе знак очевиден. Он говорит о давних помыслах богов. Или магов. Но какое дело богам или магам до нас?

– Дело-то, может, и есть, но – давние помыслы?.. – Иром был обескуражен.

Трое мужчин не отрывали глаз от кости и потому не заметили, как изменилось лицо светлорожденного. «Чаша Звезд» – родовой герб его отца, а значит – и его собственный.

– Следующий! – сказал Набон, ссыпав кости обратно в мешочек.

– Можно мне? – Лаонг оглянулся на северянина. Тот кивнул, и конгай потянул жребий.

Выпало: «Молния порождает гром»,

«Открытое Сердце»,

«Золотой Дракон уносит к вершине».

– Ох-хо! – пробормотал Набон. – И того не легче! Если бы мы отправлялись за сокровищами, я сказал бы: нас ждет успех, если в бою и в пути мы будем стоять друг за друга. Но мы идем не за сокровищами!

– Свобода, – сказал Иром. – Высшее из сокровищ!

– Но не в том случае, если выпадает «Золотой Дракон»! – возразил маленький конгай. – Здесь: или конкретное богатство, или магическая сила, или высшее покровительство!

– Я не толкователь, – проговорил светлорожденный. – Но... Знакома ли тебе, Набон, поэма Баянлу «Сокровище фьельнов»?

– Нет, вождь! – В голосе конгая прозвучало почтение.

– Мне она знакома, – сказал Иром. – Ну и что?

– Три эти знака – жребий, выпавший ее героям! – спокойно сказал светлорожденный. – Именно в такой последовательности.

– Ого! – только и произнес Иром.

– Но что же нас ждет? – поинтересовался Лаонг.

Светлорожденный пожал плечами:

– Помоги мне, бог Судьбы, и ты, могучий Тур! Хочу узнать Путь во Тьме! – быстро сказал он и потянулся к мешочку, в котором Набон уже успел перемешать кости.

Ему досталось: «Новый Очаг», «Мертвый Бык» и опять «Чаша Звезд».

– Я не могу это истолковать! – уверенно произнес Набон.

– Тысяча демонов! – пробормотал Иром. – Хотел бы я видеть того, кто смог бы такое истолковать! В нашем деле!

– Я спросил о Пути во Тьме, – спокойно сказал светлорожденный. – К тому, что мы сделаем через три дня, вопрос не имеет отношения!

* * *

– Попробуй-ка, достойный, этого винца! – Сотник протянул Нору тяжелую кожаную флягу.

– Оно лучше, чем то разбавленное сарбурское, что привозят вам торгаши.

– Пожалуй! – согласился светлорожденный, сделав большой глоток и передав флягу обратно.

Ладонью он стер с губ красные капельки.

В последнее время сотник стал относиться к северянину с подчеркнутым уважением. И объяснялось это не тем, что светлорожденный был признанным вождем ссыльных, а тем, что в прошлый раз Нор укрادкой опустил в седельную суму сотника тугой мешочек,

наполненный ягодами нуг.

Никто, кроме нескольких купцов, не имел права торговать с поселком ссыльных или принимать от них подарки. Купцы недешево заплатили за это, и трое слуг не спускали глаз с сотника и с солдат. Закон на их стороне, и стражники олицетворяли этот закон, но кто из конгаев отказался бы заработать? Так что, несмотря на зоркость купеческих слуг, кое-что перепадало и стражникам – благодаря ловкости ссыльных и приказу светлорожденного. Так солдаты становились чем-то вроде союзников своих подопечных.

В этот раз в лагерь прибыли пятеро купцов. Все были вооружены и неплохо владели своими мечами.

Итак, двадцать солдат, пятеро купцов и пятеро слуг.

– Вождь! – К северянину подошел Набон. – Ты нужен!

Сын Асхенны удивленно взглянул на маленького конгая. Его появление не входило в план.

– Прости, достойный! – сказал он сотнику. И отойдя: – Ну? Что?

– Взгляни на того купца, с повязкой на лбу! – прошептал Набон.

Светлорожденный оглянулся.

Купец сидел у стены барака. Человек как человек. Сидит на корточках в стороне от товарищей. Неприметное лицо неопределенного возраста. По сторонам не смотрит.

– Вижу! – сказал светлорожденный, подавляя раздражение. – Что дальше?

– Он здесь впервые!

– И что? Месяц назад прибыли тридцать шесть человек. Все – впервые!

– Он не торгует! – возбужденно проговорил Набон. – Он ровным счетом ничего не делает. Даже по сторонам не смотрит! И... Нор! Я не сводил с него глаз: он сидит так уже час и даже не шелохнется!

– Ладно! – сказал светлорожденный. – Я разберусь!

Решительным шагом он приблизился к купцу:

– Почтенный!

Купец поднял голову. Глубоко запавшие темные глаза глядели на светлорожденного. Сын Асхенны смутился. Он не знал, что сказать. Купец тоже хранил молчание.

«Не конгай, – подумал светлорожденный. – И не гурамец. И не северянин. А кто?»

Лицо, если не считать мрачноватых глаз, было невыразительным. Серая с красной строчкой одежда. Синяя головная повязка закрывает лоб до самых бровей. Ничего особенного. Нор мог бы поклясться, что, отвернувшись, вряд ли узнает его, встретив через день, таким неприметным был облик этого человека. Вот только глаза...

– Прости! – сказал светлорожденный и отошел, а купец снова застыл в неподвижности.

– Ты прав, Набон! – сказал он конгаю. – С этим купцом что-то не так! Не своди с него глаз!

– Ты не отменишь? – спросил Набон.

– Нет! Ты ничего не говорил другим?

– Ничего!

Светлорожденный кивнул:

– Хорошо! Все, как договорились! – Он похлопал маленького конгая по плечу и вернулся к сотнику.

– Торговля, достойный! – бросил он с оттенком пренебрежения. – Знаешь, воину никогда не стать торгашом!

– Угу! – согласился сотник. – Хотя среди торгашей я знавал добрых драчунов!

– Верно! Кстати, я вижу одного, новенького! Того, что сидит у дальнего барака! Кто он?

– К которому ты подходил? – сказал наблюдательный сотник.

– Да! Станный какой-то... Откуда взялся?

– Оттуда же! – Сотник расхохотался, а потом протянул светлорожденному флягу: – На-ка, хлебни еще!

Нор глотнул вина и посмотрел на тень ветрового шеста. Когда тень достигнет пучка красной травы, он выхватит из головной повязки шип и уколёт им сотника. И тридцать его товарищей: кто – рукой, кто – с помощью духовой трубки, сделают то же с воинами, купцами, слугами...

«Хорошо, – подумал светлорожденный о сотнике, – что не придется его убивать!»

– Все готово! – доложил светлорожденному Лаонг. – Люди – в повозках. Пленники в бараке!

Конгай был одет в доспехи сотника стражи. Кольчуга оказалась ему тесновата, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза.

– Барак хорошо заперт? – спросил светлорожденный. – Я не хочу, чтобы кто-то из них умер, пока они беспомощны!

– Да, Нор! Я сам проверил! Там все, кроме двух купцов, владельцев кораблей. Сейчас они без сознания, но...

– Это еще что? – перебил конгай светлорожденный.

Все люди укрылись в повозках и фургонах. Те, что изображали стражников, сидели в седлах у ворот. И тем не менее из-за барака только что вышел человек. И двинулся прямо к светлорожденному.

Лаонг оглянулся и схватился за лук.

– Успеешь! – остановил его северянин. – Все пленники получили свою порцию? – Он не сводил глаз с подходившего к ним. И через миг узнал этого человека.

– Все! – твердо сказал Лаонг, который тоже его узнал. – Все! И этот – тоже! Набон дважды уколол его! Я еще удивился...

– Что ж! – констатировал светлорожденный. – Будем считать, что яд на него не подействовал!

– Я бы всадил в него стрелу! – не слишком уверенно предложил бывший сотник.

– Нет! Он один и вряд ли опасен! А если опасен... – Нор не закончил.

Человек приблизился к ним и остановился на расстоянии трех шагов:

– Хорошо сделано, вождь!

– Будет лучше, если ты, почтенный, вернешься в барак! – с нажимом проговорил светлорожденный. – Чтобы тебя не вернули силой! За жизнь свою не тревожься! Через день-другой...

Купец качнул крупной головой:

– Я не тревожусь. И поеду с вами, вождь. – В тоне его – ни тени сомнения. Но и светлорожденный тоже привык, чтобы ему повиновались.

– Ты останешься здесь!

– Воин! – Теперь в голосе незнакомца появилась ирония. – Не трать времени на спор. Ты поступишь, как я скажу!

– Ты так думаешь! – заявил светлорожденный. – Дай ему свой меч, Лаонг! Я не палач, чтобы убивать безоружного!

– Чаша! – сказал незнакомец. – Звездная Чаша, светлейший! – И, с удовольствием пронаблюдав за эффектом собственных слов, спросил: – Все еще надеешься меня убить?

– Ты – маг? – спросил сын Асхенны.

Человек с достоинством наклонил голову.

– Хорошо. Лаонг! Он едет с нами! Выбирай любую из повозок, в которой осталось место, маг! И поспеши: мы отправляемся немедленно!

Фургоны с грохотом мчались по дороге. Сзади и спереди ехали «стражники» на боевых пардах. Только скорость и немалая численность отряда давали ему хорошие шансы на безопасный проезд через Гибельный Лес. Двадцать миль, отделявшие лагерь ссыльных от сторожевых постов на краю джунглей, они преодолели за час. Крепкие ворота перегораживали дорогу. Всадники и крытые повозки, запряженные тяжело дышащими

упряжными псами, сгрудились перед воротами. Псы, вскидывая лобастые головы, рычали на пардов. Те свирепо огрызались, роняя на пыльную дорогу густую слюну. На посту издали слышали грохот фургонов. Начальник караула вышел навстречу отряду. Лаонг поднял руку в приветствии. Забрало опущено, но кого это удивит в Гибельном Лесу?

Десятник, начальник поста, приветливо помахал ему рукой и дал знак солдатам: открыть ворота. Но те, не дожидаясь его приказа, уже тянули изнутри тяжелые створки. Повозки въехали на территорию поста. Огромные пятнистые боевые псы окружили их и тяжело скакали рядом, пока последний фургон не выехал через противоположные, никем не охраняемые ворота. Эти ворота стеречь незачем. Кто захочет бежать в Гибельный Лес?

Земля Юга не менее плодородна, чем север Конга. Нужно только обратить ее силу, питающую Гибельный Лес, на пользу человеку. Здесь, на берегу широкого залива, образованного одной из многочисленных рек, впадающих в море Зур, расположился самый южный оплот Конга. Небольшой порт, охраняемый четырьмя сторожевыми фортами, и маленький городок, в котором жили солдаты и поселенцы, возделывающие окрестные поля и сады. В большинстве своем земледельцы тоже солдаты. Бывшие солдаты, которым не к кому и незачем возвращаться на север. Жизнь на окраине джунглей опасней, чем в Междуречье. Но зато южане пользуются куда большей свободой и налоги платят совсем незначительные.

Возглавляемый сотником отряд двинулся прямо к гавани. Это никого не удивило. Почему бы солдатам не проводить фургоны с товарами к ждущим их кораблям? Защищать купцов – обязанность стражи. Одарить защитников – привилегия благодарных. Ни один купец не забывает об этом. Нельзя отнять у человека с мечом естественное право на вознаграждение!

Оба купца, которых ссыльные взяли с собой, получили противоядие еще по дороге. Им растолковали, что от них требуется. Поняв, что их жизни и собственности ничто не угрожает, если они согласятся доставить ссыльных в один из портов Империи, купцы успокоились. Конечно, им было немного не по себе: из фургонов за ними следили изготовившиеся арбалетчики. Но погрузка – привычное и приятное дело. Особенно если предвкушаешь барыш.

Сотник, оставшийся лежать на нарах в дощатом бараке лагеря ссыльных, был в городе третьим по значению лицом и единолично отвечал за своих солдат. Поэтому если кто-то и увидел бы, как стражники садятся на корабли, то вряд ли стал бы вмешиваться. В сгущающихся сумерках парусники вышли из залива. Никакого разрешения для этого не требовалось: здесь не Фаранг!

Суда вышли из залива, и вот тут случилось необычайное.

Легкий ветерок со стороны моря вдруг сменился мощным, почти штормовой силы ветром, погнавшим суда на юго-запад, вдоль береговой линии. Нечего было и думать о перемене курса. Лавировать так близко от скалистого берега смертельно опасно. Кроме того, даже с убранными парусами рангоуты трещали от напряжения. Северо-запад оказался так же недостижим, как сияющее звездами южное небо. Удивительно, что море вокруг оставалось спокойным.

Люди столпились на палубах, словно надеясь увидеть в сгущающейся позади темноте саму Морскую богиню, поднявшую этот странный ветер.

– Ты? – вполголоса спросил мнимый Нор у мнимого купца.

– Я, – ответил маг. – Ты не поплывешь на север, светлейший. У тебя другая судьба!

– Я приму ее, – сказал молодой воин и вздохнул. – Я помню, что сказали кости!

– Утешься! – промолвил маг, и Нор услышал его сухой смех. – Те, кто наследует тебе, Ролф, сын Асхенны, сочтут тебя величайшим из героев, а твой народ, народ, который создашь ты... О! Таким народом можно гордиться! Но знай: выбор у тебя есть!

– Я сказал, что приму свою судьбу! – надменно проговорил светлорожденный.

– Не сердись, светлейший! – сочувственно сказал маг. – Важно, чтобы ты принял ее добровольно, а не потому, что некий маг вздумал побаловаться с воздушной стихией! Ты – сын своего отца!

– Хорошее начало для легенды! – заметил сын Асхенны.
 – Так и есть. Ты плывешь на Юг. Как и подобает герою.
 – Я должен сказать своим людям! – вдруг вспомнил северянин. – Как я понял, им тоже придется стать героями?
 – Придется! Но сказать им об этом ты еще успеешь: вы теперь не расстанетесь!
 – И что нас ждет?
 – Я покажу тебе место, которое станет вашим домом!
 – Купцы! – сказал светлорожденный. – Я поклялся: если они помогут, то вернутся домой!
 – Они вернутся! – пообещал маг. – То, что сказал я, касается только тебя и твоих людей. И еще тех, кто придет к вам позже.
 – Но объясни...
 – Успею, – Нор, нет, Ролф Асенар, опять услышал сухой смешок. – Когда корабли уйдут, я останусь с вами. Иначе не будет никакого народа – вы погибнете прежде, чем научитесь выживать.
 – Приятно слышать! – усмехнулся светлорожденный. – Только ты ошибся, маг! Не будет никакого народа. И вряд ли кто-то наследует мне!
 – Почему, светлейший?
 – Ты мог заметить: среди нас нет женщин! Или вы, маги...
 – Нет! Я сказал тебе: корабли уйдут. Но это – не все!
 – Что же еще?
 – Они вернутся!

Юг. Гибельный лес. Тысяча одиннадцатый год по исчислению Империи. За год до прихода Освободителя

«...Вот история, поведанная мне Троем-Странником. Что было далее со светлейшим Тордом, сыном Асхенны и теми, кто последовал за ним, мне неизвестно. Но ведомо, что свершилось задуманное мудрыми и полтора века спустя в самом сердце Гибельного Леса был зачат и рожден тот, о ком было сказано. И текла в его жилах чуждая злу благородная кровь доблестного Асхенны».

Готар Глорианский. История рода Асенаров. Глава Разбуженный дракон, тайная, не вошедшая в опубликованные летописи

Рассвет, серый и влажный, тяжело пробивался сквозь бледно-розовые жгуты лиан над Окраинной Топью. Зодчий Тилод... Нет, тот, кого полгода назад называли зодчим Тилодом, а здесь имя его было – Несмех, не вставая, потянулся рукой, зачерпнул теплую, пахнущую тиной воду, ополоснул липкое от пота лицо. Плавающий островок под ним качнулся, скверно запахло болотным газом. Несмех сел. Движение его спугнуло крупную лягуву на соседнем островке. Сильно оттолкнувшись задними лапами, лягува плюхнулась в воду. Несмех извлек из ножен меч. За ночь лезвие тронула ржавчина, и Несмех провел по клинку пучком мха. В животе было пусто. Он с сожалением вспомнил о только что сбежавшей лягуве.

«Нужно трогаться», – решил Несмех и встал на колени.

Островок заплескал на гладкой воде.

Кожа ладоней разбухла от сырости.

«Ничего, – подумал Несмех. – Попадется прогалина – погреюсь на солнышке!»

Он взял шест, легкий тростниковый ствол, и погнал островок в сторону восхода. Голод, напоминая о себе, снова куснул желудок. Севернее, там, где Окраинная Топь переходила в липкую грязь между корнями деревьев, Несмеху не пришлось бы страдать от голода. Зато здесь безопасней. Эх, жаль, что у него нет лука! И жаль, что здешняя древесина не годится даже для дротика!

Островок медленно скользил между мшистыми корявыми стволами, голыми и изломанными, как паучьи ноги. Наверху они прочно вцеплялись один в другой, срастались,

свешивали вниз белые липкие корни. Гиблое место. Но, волей богов, здесь нет ни хищных южных растений, ни смертельно опасных тварей Гибельного Леса. Никого, крупней огненных слизней, а от них не так уж сложно держаться подальше. Еще день-два – и он доберется до истоков Зеленой Реки. А там Город-на-Берегу. Черные Охотники Вечного Лона.

«Должно быть, я первый из ссыльных, который сумел удрасть!» – с удовольствием подумал Несмех. – Солдаты боятся Леса, как прачка – кугурра. И у них есть все основания для страха. Да что там, Несмех и сам боится. Одиночке не пережить ночь в Гибельном Лесу. Иное дело – Крайняя Топь.

Несмех оттолкнулся шестом. Прямо перед островком высунулась из воды белесая голова лягвы. Присоски на растопыренных лапах прилипли к перекрученному стволу Хмельного Дерева. Несмеха лягва не видела, и человек застыл, только рука шарил меч. Тоже ведь дар богов! Найти меч в Южных Болотах!

Земноводное быстро дергало головой с широко расставленными выпученными глазами. Островок подплывал все ближе и ближе...

Несмех напрягся... Но тут удача изменила ему: лягва оттолкнулась от ствола и рывками поплыла под самой поверхностью. Нечего было и думать о том, чтобы преследовать ее.

– Равахш! – тихо выругался Несмех.

И тут же пожалел об этом: нельзя здесь, на Юге, звать свирепого бога.

Здесь, на Юге, не взывают к богам и не просят у них милостей. Здесь ничего не просят – берут, кто что может. А кто не может – того Юг берет сам. Или дает. Ему вот дал. Год счастья дал и – сына. Правда, сына потом сам же и отнял. Или не Юг... Сын?.. Может, парня и не тронули. И его-то, Несмехову, вину не смогли толком назвать. Боги позаботятся о сыне, пока отца не будет с ним. Не скоро вернется Несмех. Южные пути – долгие пути. Вечные – для многих. Но не для него.

Там, наверху, за сросшимся листовным пологом, солнце уже палило во всю мочь. Стало жарче, а воздух стал еще более влажным. Хотя совсем недавно казалось: больше некуда.

Несмех взял выдолбленный орех с водой, отпил немного. Вкус у жидкости был неприятный из-за Жгучего Корня, который, если укусишь – подпрыгнешь выше головы. Зато настоящую на нем болотную воду можно пить, не рискуя через пару дней стать раздувшимся трупом в мокрых космах синего мха.

На сей раз лягва вынырнула в двух локтях от островка. Несмех еще в воде заметил белесое тело и рубанул мечом прежде, чем голова земноводного показалась на поверхности. Чуть было не упустил! Но успел-таки вцепиться левой рукой в скользкую заднюю лапу. Лягва издала трубный вопль, забилась... Несмех поспешно рубанул мечом и отсек схваченную ногу – кости у лягвы хрупкие, как сухой тростник. Истекая голубоватой жидкостью, лягва ушла под воду. Если рана на голове невелика, она отрастит себе новую конечность и снова будет мутить теплые болотные воды.

Несмех сдернул с отрубленной лапы кожу, соскользнувшую, будто чулок, и отпилил мечом кус белой волокнистой плоти. Рот его наполнился слюной.

«Предложили бы мне такое в Фаранге!» – усмехнувшись, подумал он и впился зубами в солончатое мясо.

Истока Зеленой Реки, той, что на Побережье называют Проклятой, Несмех достиг к вечеру двадцать восьмого дня. Топь кончилась. Сменив живой островок на связанный лианами плот, Несмех отдался на волю неспешного течения.

Вспомнилось, как двадцать лет назад он впервые увидел эту мутную теплую страшную воду... Несмех глядел на сверкающую на солнце речную гладь. Он не смотрел наверх. Но даже если бы и смотрел, все равно не смог бы разглядеть в пылающем горниле южного неба плывущий в вышине силуэт дракона. И тот, кто скользил там, в жарком воздушном мареве, тоже не обратил внимания на крохотный плот, скользящий по ленте реки. Пути Воды и Воздуха не пересеклись, и в Конг пришел Освободитель...

Конец пятой книги